

Иеромонах Михаил

Святой праведный отец
ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

Полная биография
с иллюстрациями

Іеромонахъ Михаилъ

Доцентъ С.-Петербургской Духовной Академіи.

О. ІОАННЪ КРОНШТАДТСКІЙ.

(Полная біографія съ иллюстраціями).

Издание «Общества распространенія религиозно-
нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной
Церкви».

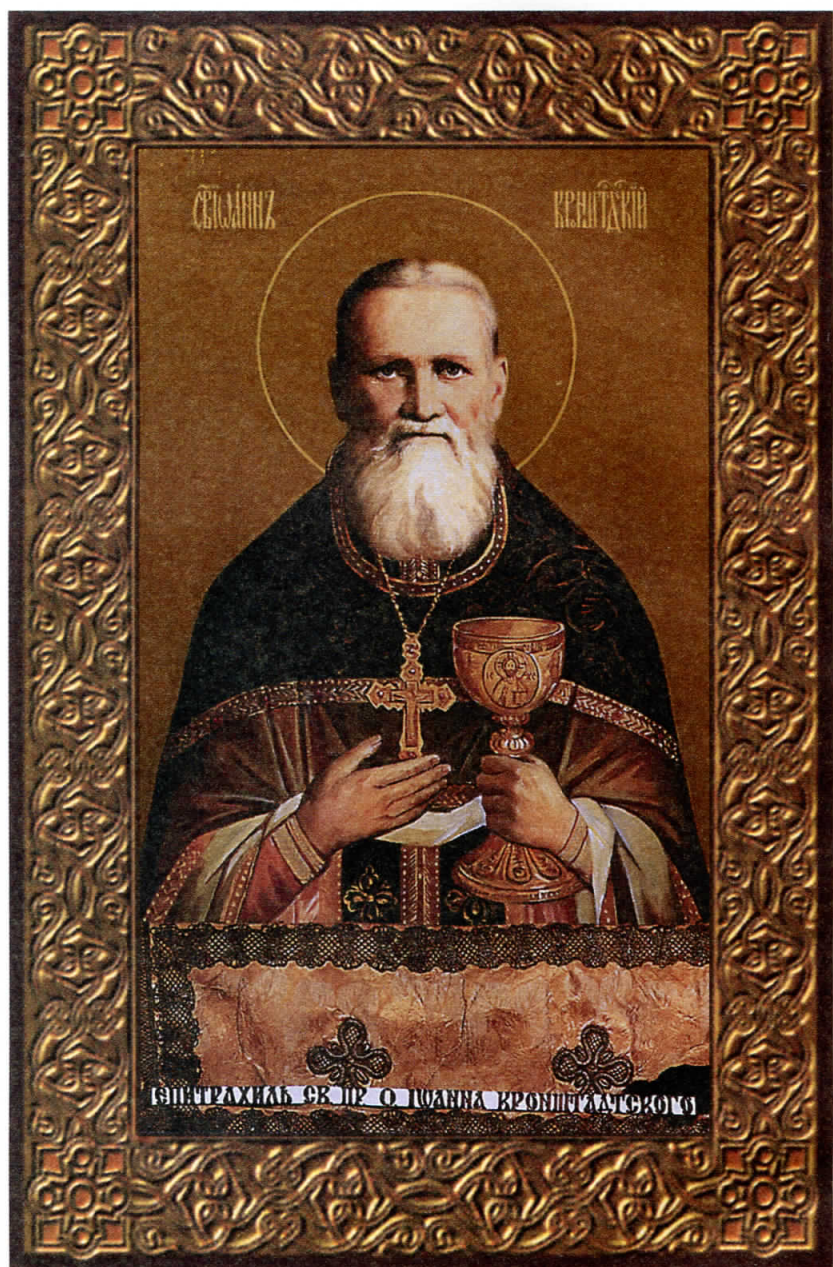
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Спб. акц. общ. печ. и писчеб. дѣла въ Россіи „Слово“. Ул. Жуковского, 21.
1903.

**КРОНШТАДТСКІЙ ПРОТОІЕРЕЙ
ІОАННЪ ИЛЬИЧЪ СЕРГІЕВЪ.**

Печатать разрѣшается. С.-Петербургъ, 6 мая 1904 г. Цензоръ протоіерей *Филосовъ Орнатскій*.

Дѣтскіе и юношескіе годы о. Іоанна Кронштадтскаго.

Въ 500 верстахъ отъ Бѣлаго моря, въ странѣ, «которую годами забываетъ солнце», на берегу Пинеги пристроилась Сура, родина кронштадтскаго свѣтильника.

Трудно даже на красивомъ сѣверѣ выбрать что нибудь болѣе красивое, такъ сказать нетронутое, чѣмъ берега Пинеги.

Это постоянная смѣна самыхъ разнообразныхъ пейзажей. Пустыя помѣстья, попеременно то высокіе, покрытые лѣсами, то низкіе берега, луга. Ни поселка, ни случайной человѣческой души. «Далеко вглубь—ровная луговая полоса. Немного дальше—громадныя горы желѣзной руды, совсѣмъ краснаго цвѣта, потомъ ослѣпительно бѣлыя громады алебаstra и гипса. Боже мой, что это за горы! То онѣ идутъ на цѣлую версту неприступными крѣпостями, и вдругъ обрываются глубокими ущельями, покрытыми густой зеленью, то возвышаются громадными утесами, которые, того и гляди, кажется, готовы рухнуть надъ нашими головами; то высятся прямо въ небо какъ колоссальныя замки самыхъ фантастическихъ формъ и очертаній; у подошвы ихъ понадѣланы природой причудливыя пещеры, а надо всѣмъ этимъ волшебнымъ міромъ высоко наверху стоитъ дремучій лѣсъ, а еще выше свѣт-

лое, синее небо. Никакой художникъ въ мірѣ не въ силахъ начертать этой дивной картины, которую Господь создалъ единымъ словомъ Своимъ. Да будутъ горы!» (Нарцизова).

Къ сожалѣнію, красота этой величавой картины не соответствуетъ жизни и быту тѣхъ, кому здѣсь приходится жить.

Здѣсь бѣдно и темно. Жители этого края съ трудомъ отстаиваютъ свое право на жизнь у суровой природы, голодаютъ и холодаютъ, хотя, несмотря на это, любятъ родину больше, чѣмъ любой южанинъ.

И вотъ среди этой красоты и бѣдности пришлось вырасти будущему Кронштадтскому свѣтильнику.

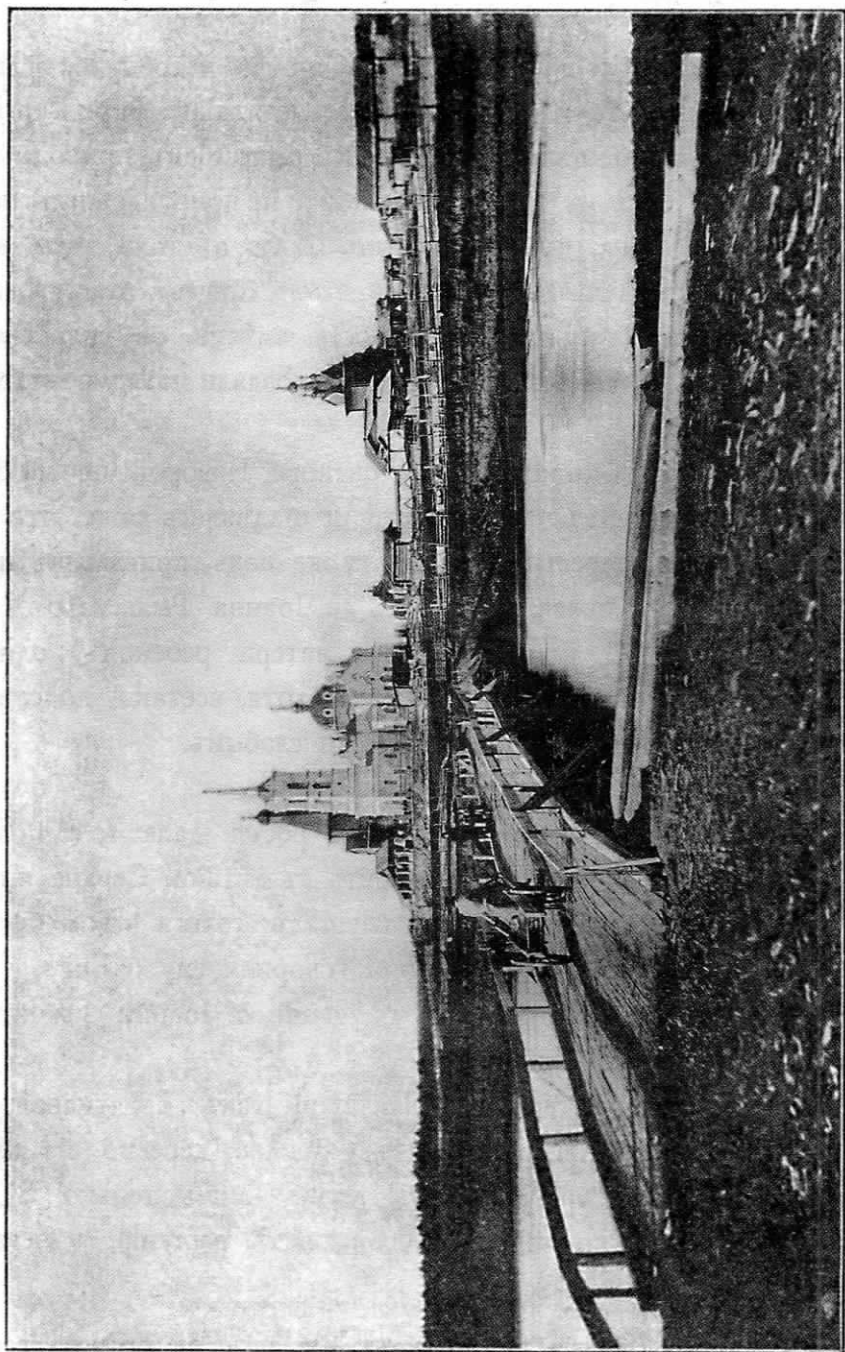
Сура раскинулась на одномъ изъ самыхъ красивыхъ поворотовъ красивой Пинеги, при впаденіи въ Пинегу Суры. Она высоко паритъ надъ всей окрестностью. Далеко, далеко на сѣверѣ виднѣется синева горъ.

«Вотъ они Лѣтовскіе холмы — бывшіе пять или шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ берегами великой рѣки Суры». (О. Іоаннъ. Дневникъ за 1902 г.).

«Съ юго-западной стороны, гдѣ протекаетъ рѣка Сура, тянется длинная полоса земли, замыкающаяся возвышеніемъ, на которомъ раскинутъ лѣсъ. Съ южной, на самой окраинѣ горизонта, покрытый дымкою тумана, тянется другой лѣсъ, теряющійся въ отдаленіи. На далекомъ разстояніи по этому пространству змѣится рѣчка Сура, сверкая своими струями на ярко-сіяющемъ солнцѣ. Тамъ и сямъ работаютъ крестьяне, плетется телѣга, бѣгаютъ дѣти». (Животовъ).

Красивый уголь, но въ то же время это и одинъ изъ самыхъ захудалыхъ уголковъ, какъ мы уже сказали, всюду темнаго и бѣднаго Пинежскаго края. И ужъ, конечно, далеко небогата была въ убогомъ селѣ хижина псаломщика Ильи Сергіева.

Мы и теперь имѣемъ возможность видѣть этотъ убогій нищен-

Село Сура со стороны рѣки Суры.

скій домикъ въ сурской общинѣ¹⁾. Это неприкрытая, явная нищета, крайняя бѣдность.

Итакъ, съ одной стороны—красота—суровое нетронутое величіе, съ другой—нужда, вотъ «фонъ» первыхъ впечатлѣній Вани Сергіева.

Мы не ради красоты слова занялись описаніемъ природы Пинежскаго края. Нѣтъ. И самое описаніе это не принадлежитъ намъ. Мы взяли его потому, что оно нужно. Дѣло въ томъ, что какъ увидите ниже, при благодати Божіей, этотъ «фонъ», эта суровая и красивая природа, да нужда и бѣдность, вмѣстѣ съ сильнымъ и благотѣльнымъ влияніемъ отца и матери, создали намъ кронштадтскаго молитвенника.

Родился о. Іоаннъ въ ночь на 19 октября. Новорожденный былъ чрезвычайно слабъ, такъ что родители не надѣялись даже, что онъ доживетъ до утра, окрестили его въ ту же ночь, пригласивъ мѣстнаго священника, и назвали именемъ св. Іоанна Рыльского.

По волѣ Божіей и по молитвѣ матери ребенокъ, однако, сталъ быстро поправляться и крѣпнуть, хотя, всетаки, до самыхъ школьных лѣтъ онъ остался физически слабымъ.

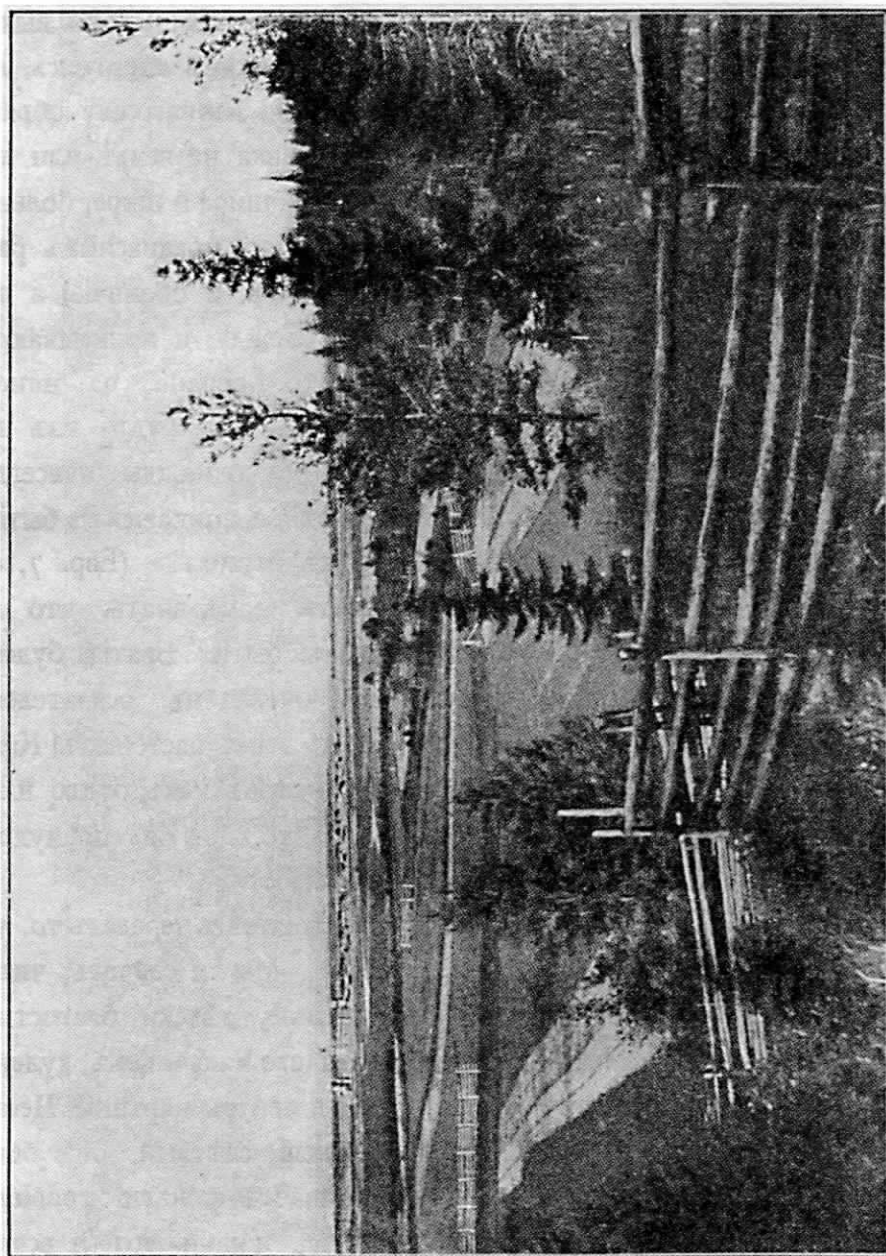
За то быстро онъ росъ духовно.

Какъ мы сказали, многое въ этомъ ростѣ дала и сама природа, которая особенно умѣетъ говорить съ дѣтьми. Сердце чистое видитъ Бога. Ваня любилъ цвѣты, слушалъ голоса лѣса, бесѣдовалъ съ ласковой Пинегой и всѣ они говорили ему о Богѣ.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ поученій о. Іоанна мы читали такія проникновенныя строки:

„Дивно всемогущество Твое, Господи! Какъ Ты сказалъ въ началѣ, такъ донинѣ каждый злакъ, каждое деревцо и дерево слушаются Тебя! Съ наступленіемъ весны, лишь только будетъ достаточное количество теплоты для развитія растеній, у бездуш-

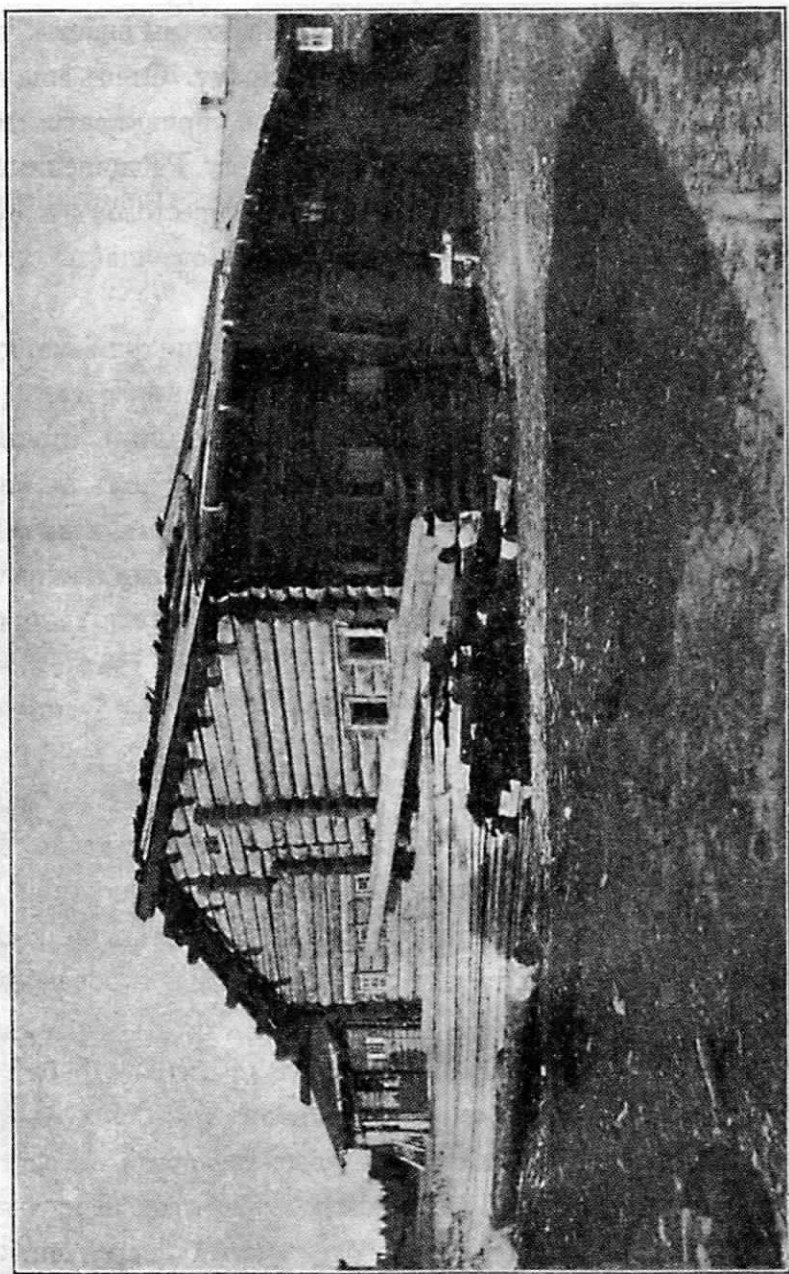
¹⁾ Мы получили свѣденія, что это домикъ—не тотъ, въ которомъ родился о. Іоаннъ—тотъ былъ и меньше и еще болѣе убогъ.

Видъ с. Суры съ Поклоной горы.

ной Твоей твари начинается дивная работа въ скромной неизвѣстности нѣдра земнаго, также—на стебляхъ и сучьяхъ деревьевъ, безъ шуму, безъ стуку, правильно, постепенно. Вотъ они выходятъ на свѣтъ Божій: ни одна травинка, ни одинъ листочекъ, ни одно деревцо не собьется съ пути, не забудетъ даннаго ему образа (формы) и смотрите, откуда что берется: травка на землѣ или листочекъ на деревѣ развертывается, становится шире и шире, больше и больше, и, наконецъ, голая земля покрывается прекраснымъ разноцвѣтнымъ ковромъ, который манить и глазъ, и обоняніе; а деревья наряжаются въ лиственную густую одежду и прикрываютъ свои члены. Такъ все дѣлается живописно, нарядно, на нашей землѣ отъ этихъ растеній! И все это берется какъ будто изъ никуда по одному слову Господню, сказанному однажды навсегда! Да и мы, братія, не изъ того же ли небытія возникаемъ къ бытію. Чѣмъ мы бываемъ въ началѣ «въ чреслѣхъ отчійхъ?» (Евр. 7, 10). Не очевидно ли черезъ это Творецъ даетъ намъ знать, что въ началѣ Онъ привелъ все изъ небытія въ бытіе? Братія, будемъ смотрѣть на растенія и поучаться. Какъ очевиденъ, осязателенъ Господь нашъ, нашъ Отецъ всемогущій, въ этихъ растеніяхъ! Каждая травка, каждый листочекъ, каждый цвѣтокъ какъ будто шепчетъ намъ: «тутъ Господь». Разсматривайте, братія, премудрое устройство растеній и познавайте въ нихъ Бога»...

Здѣсь о. Іоаннъ только на языкѣ богословскомъ передалъ то, что переживалъ и чувствовалъ еще ребенкомъ. Мы и сейчасъ, читая эти строки и всматриваясь въ вдохновенное, дѣтски благостное лицо о. Іоанна, можемъ живо представить его мальчикомъ, худенькимъ, блѣднымъ съ лицомъ отрока Варфоломея съ картины Нестерова въ цвѣтахъ, на берегу Суры. Радостный, свѣтлый, онъ бесѣдуетъ съ каждымъ лепесткомъ, допрашиваетъ каждую травку о тайнѣ его жизни, о Томъ, кто вызвалъ къ жизни его и всякое быліе травное, и каждый цвѣтокъ какъ будто шепчетъ ему: «тутъ Господь—молись».

Старый дьяческій домъ въ о. Сурѣ, гдѣ о. Іованнъ провель свои дѣтскіе годы.

И голосъ природы говорилъ для него тѣмъ слышнѣе, что повторялъ то же самое, что говорило все его окружающее.

Отецъ—о немъ у насъ мало свѣдѣній, но мы знаемъ, что это былъ человѣкъ съ большой любовью къ храму. Отецъ еще маленькаго Ваню беретъ въ храмъ—и онъ здѣсь привыкаетъ, всецѣло переноситься въ міръ потусторонній—къ Богу. Расширенными глазами слѣдилъ онъ за священникомъ передъ престоломъ и чуткимъ сердцемъ чувствовалъ, какая огромная тайна совершается здѣсь по молитвамъ вѣрныхъ.

Священникъ въ фелони, окруженный волнами фиміама, кажется ему ангеломъ, предстоящимъ предъ престоломъ Бога. Таинственный алтарь, въ который религиозно настроенный отецъ Вани даже «входилъ» какъ то иначе, чѣмъ въ обычный домъ, въ горницу, благоговѣнно, торжественно, для Вани былъ мѣстомъ, куда человѣкъ можетъ войти только со святой мыслью, святымъ настроеніемъ. «Иззуй прежде сапоги отъ ногъ твоихъ, здѣсь земля святая».

Мало-по-малу храмъ становился для Вани тѣмъ, чѣмъ для дѣтей міръ сказокъ, мѣстомъ отдыха для души отъ будничныхъ и не святыхъ впечатлѣній дня.

И уже здѣсь въ эти годы будущій о. Іоаннъ сталъ понимать и чувствовать то, что онъ называетъ «душой» богослуженія. И отецъ подстерегалъ каждое проявленіе дѣтской религиозности и давалъ ему настоящее доброе направленіе. Самъ о. Іоаннъ вспоминаетъ объ этой духовной помощи ему со стороны отца, необразованнаго, но сильнаго вѣрой въ Бога.

Эта помощь подавалась, конечно, больше всего въ формѣ книги, разказа...

О чемъ читали Ванѣ: о святомъ, божественномъ, о Христѣ, Его дѣлѣ и жизни, о Богородицѣ, угодникахъ, о томъ, какъ жили святые въ пустыняхъ, какъ спасались, терпѣли голодъ, нужду, царей не боялись, Христа исповѣдали, какъ имъ птицы небесныя кормъ носили и звѣри ихъ слушались, какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ кровь ихъ падала, цвѣты вы-

СУРА.

ИЗБА, ВЪ КОТОРОЙ РОДИЛСЯ
С. ИОАННЪ ИЛЬИЧЪ
СЕРГІЕВЪ

ЖЕРНОВЫ
ВЪ ИЗБѢ С. ИОАННА

ВНУТРЕННОСТЬ ИЗБЫ

ростали. И образъ Христа всевѣдующаго, вседѣсущаго Бога съ сладкою силой втѣснялся въ его душу, наполняя ее чистымъ, благоговѣйнымъ страхомъ, и Христосъ становится чѣмъ то близкимъ, роднымъ...

Что такое была его мать—мы знаемъ достаточно изъ рассказовъ о ней. Мы не будемъ повторять этихъ рассказовъ, которые теперь мудрено провѣрить, но изъ всѣхъ ихъ несомнѣнно одно; это была женщина простая и сильная съ вѣрующей простотой своей.

Религіозность безъ уступокъ и колебаній, вѣра въ Бога безъ сомнѣній, властность матери—вогъ черты огромнаго величаваго образа, передъ которымъ нельзя не остановиться съ благоговѣйнымъ уваженіемъ. Эта мать могла направлять сына. А она хотѣла не только быть суровой, но и любить. Болѣзненный Ваня часто могъ видѣть, особенно во время оспы, которая едва не свела его въ могилу, свою мать въ слезахъ передъ иконою Богоматери. Онъ видѣлъ, какъ она молилась за него, и научался сливаться съ ней въ глубокой проникновенной молитвѣ.

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ Ваня все время жилъ въ атмосферѣ молитвы.

Его мысли—уже въ это время, всегда были, горѣ—около Бога и Силъ Небесныхъ. Еще 6-ти лѣтъ Ваня видитъ на яву ангеловъ. «Однажды ночью—разсказываетъ близкая къ о. Іоанну игуменья Таисія—6-лѣтній Ваня увидѣлъ въ комнатѣ необычный свѣтъ... Взглянувъ, онъ увидѣлъ среди свѣта Ангела въ его небесной славѣ. Младенецъ Іоаннъ, конечно, смутился отъ такого видѣнія. Ангелъ успокоилъ его, назвавшись его Ангеломъ Хранителемъ, всегда стоящимъ окрестъ его въ соблюденіе, охраненіе и спасеніе отъ всякой опасности.

Съ шести лѣтъ Ваню стали учить грамотѣ. Она не давалась ему.

«Отецъ купилъ—пишетъ онъ въ дневникѣ—для меня букварь, но туго давалась ему грамота, и много скорбѣлъ я по поводу своей неразвитости и непонятливости. Я не могъ никакъ усвоить тождество между нашею рѣчью и письмомъ или книгою, между звукомъ и буквою. Да это въ то время и не преподавалось съ такою

Часть 1. Суржская прихода оранжированная 1829 г. сод.

№	№	у кого. Кто родился	Кто крестил. И кто пору- чил
36	14	умершего дворянина порохина Петра Евгеньевича пору- ченного дотом расклевана	Заслабодей Здоровья Крестил дотом священник Кома ссривовит восприимца Карма Дороф Ева дотом Емкрия
-	19	дворянина сривов свята Иван	Заслабодей Здоровья Крестил дотом священник Кома ссривовит восприимца Карма Дороф Ева дотом Емкрия
-	20	дворянина сривов Ховейки сривов та умершего дотом парикмах	Заслабодей Здоровья Крестил дотом священник Кома ссривовит восприимца Карма Дороф Ева дотом Емкрия
Всего 11. Записки та же. Страница 11. Итого 11.			
25	1	дворянина сривов поручи сривов поручи дотом парикмах	Заслабодей Здоровья Крестил дотом священник Кома ссривовит восприимца Карма Дороф Ева дотом Емкрия
26	1	дворянина сривов поручи сривов поручи дотом парикмах	Заслабодей Здоровья Крестил дотом священник Кома ссривовит восприимца Карма Дороф Ева дотом Емкрия

Страница метрической книги с. Сурж 1829 г., в которой записано
о рождении о. Иоанна.

ясностью, какъ теперь; насъ всѣхъ учили: «Азъ, Буки, Вѣди», какъ будто «А» само по себѣ, «Азъ» само по себѣ; мудрости этой понять я долго не могъ, и когда меня, на десятомъ году, повезли въ Архангельское приходское училище, я съ трудомъ разбиралъ по складамъ и то только по печатному. Содержаніе отецъ получалъ, конечно, самое ничтожное, жить было страшно трудно. Я понималъ уже тягостное положеніе своихъ родителей, и поэтому темнота моя въ ученіи явилась для меня особенно тяжкимъ бременемъ. О значеніи ученія для моего будущаго я мало думалъ и скорбѣлъ только о томъ, что отецъ напрасно платилъ свои послѣднія крохи.

И съ тревогой боязни за сына, Сергіевы отослали своего Ваню въ училище, они боялись, что онъ не справится съ *учебой*.

И на первое время ихъ боязнь оправдалась.

Не весело жилось Ванѣ въ чужомъ городѣ, при крайней бѣдности. Онъ росъ и учился одинъ, безъ друзей, безъ поддержки, погруженный въ себя, въ свои дѣтскія думы и планы.

Жизнь была не сладкая. Кормили, конечно, скудно, но къ этому Ваня привыкъ. Плохо было то, что не было ни книгъ, ни бумаги...

«Вмѣстѣ съ другими, такими же бѣдняками, ходилъ я, — рассказываетъ о. Іоаннъ, — «собирать» бумагой по присутственнымъ мѣстамъ.

Помню, какимъ богачемъ я чувствовалъ себя, когда экзекуторъ консисторіи далъ мнѣ, кажется, чуть не двѣ дести...

Больно мучила его мысль о родномъ домѣ, о нищетѣ тамъ, и, кажется, въ это время онъ научился съ особенной болью чувствовать чужую нужду, болѣть о чужой бѣдности, нищетѣ, въ это время онъ больше всего грезить о томъ, что, когда вырастетъ, выведетъ и отца и мать изъ нужды и поможетъ всѣмъ. Въ Ванѣ развилась болѣзненная чуткость къ страданію.

Въ частности, въ его жизни эта бѣдность родителей мучила его особенно потому, что грамота ему не давалась.

Школьная мудрость оказалась для него еще труднѣе начальной учебы. Ласковой помощи матери рядомъ не было, учителя мало

Введенскій деревянный храмъ въ Сурѣ (построенъ около 400 л. тому назадъ).

языкъ; любилъ я читать эту чудную книгу, когда прїѣзжалъ *домой на вакаціонное время*, и слогъ ея и простота рѣчи были доступны моему дѣтскому разумѣнію; я читалъ и услаждался ею и находилъ въ этомъ чтеніи высокое и незамѣнимое утѣшеніе. *Это евангеліе было со мною и въ духовномъ училищѣ*. Могу сказать, что Евангеліе было спутникомъ моего дѣтства, моимъ наставникомъ, руководителемъ, утѣшителемъ, съ которымъ я сроднился съ раннихъ лѣтъ».

Одиночество въ школѣ наоборотъ подняло и усилило религиозно-молитвенную настроенность Вани: Богъ былъ его единственнымъ утѣшителемъ.

Какъ шла его дальнѣйшая ученическая жизнь, мы знаемъ мало. Есть только нѣсколько характерныхъ, но случайныхъ указаній. Школа не убила въ немъ любви къ природѣ. Природа попрежнему говорила съ нимъ, «какъ другъ и какъ учитель, о Богѣ, вѣчности и правдѣ».

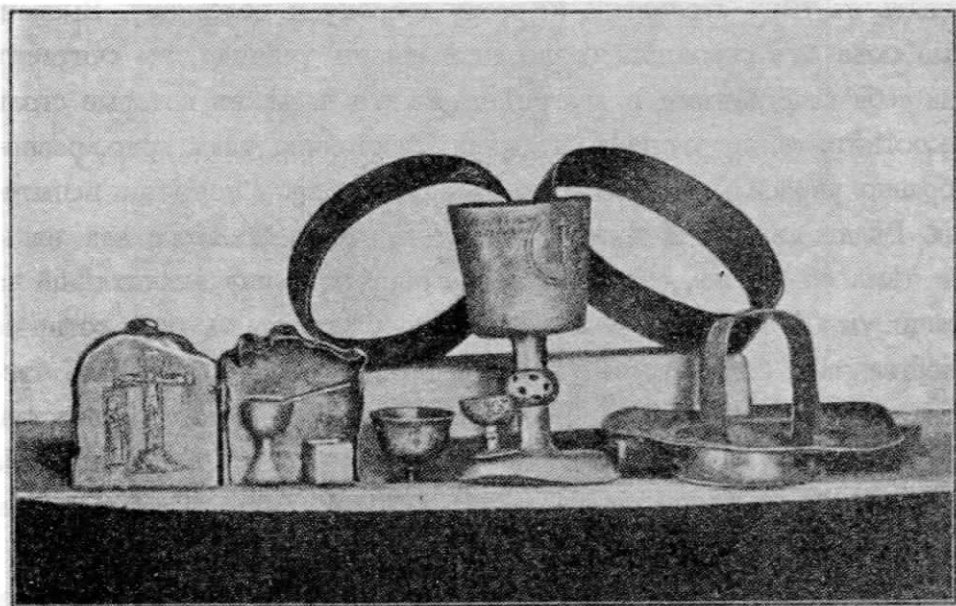
Поэтично описывается въ его воспоминаніяхъ путешествіе на каникулы домой. Идешь сотни верстъ пѣшкомъ, сапоги на рукахъ тащишь: потому вещь дорогая. Приходилось идти горами, лѣсами; суровыя сосны высоко поднимаютъ стройныя вершины. Жутко;—Богъ чувствуется въ природѣ. Сосны кажутся длинной колоннадой огромнаго храма. Небо чуть синѣетъ, какъ огромный куполь.

Теряется сознаніе дѣйствительности. Хочется молиться. «И чужды всѣ земныя впечатлѣнія—и такъ свѣтло во глубинѣ души и, кажется, съ тобой въ уединеніи весь міръ бесѣдуетъ въ тиши и на своемъ языкѣ непонятномъ и годы и вѣки вторитъ свободно торжественный гимнъ вездѣсущему Богу». «Идешь и сны видишь». Т. е. идешь, а мысль далеко-далеко съ Богомъ—у Бога...

Въ семинаріи о. Іоаннъ былъ старшимъ надъ архіерейскими пѣвчими. Эта должность—надъ самой не культурной, пьяной и распущенной въ прежнее время частью бурсы—едва не сгубила даже Ивана Ильича. Его спасла огромная любовь къ матери и помощь Божія. На самомъ поворотѣ къ жизни «по образу и

подобію» пѣвчихъ онъ вдругъ повернулъ въ обратную сторону—окончательно лицомъ къ лицу къ Богу и Волѣ Его.

Послѣдніе годы Сергіевъ съ горячей любовью занялся Богословіемъ: онъ торопится запастись знаніями, хотя еще не знаетъ, куда придется ему приложить ихъ. Особенно часто останавливается его мысль на тайнѣ искупленія, домостроительства спасенія. Въ немъ растетъ сознательное религіозное чувство.

Остатки старинны въ храмахъ с. Суры. (Вѣнцы—простые деревянные обручи. Потиръ, дискосъ, дарохранительница—оловянные).

Къ этимъ годамъ, кажется, относится одно видѣніе, о которомъ любитъ разсказывать отецъ Іоаннъ. Онъ видѣлъ внутренность богатаго, недавно построеннаго обновленнаго храма — съ блестящимъ иконостасомъ. Видѣніе очень заняло его мысль, но конечно онъ не могъ уяснить себѣ значеніе его. Оно объяснилось послѣ.

Съ средней школой о. Іоаннъ (окончилъ онъ семинарію первымъ) простился слѣдующей рѣчью, заранѣе изготовленной и слѣдо-

вательно не такой характерной и живой, какъ его позднѣйшія проповѣди, но дорогой для насъ, какъ первое его «слово».

«Преосвященнѣйшій владыко и вы, достопочтеннѣйшіе посѣтители! такъ началъ свою рѣчь о. Іоаннъ.

«Немного бываетъ для насъ такихъ дней, каковъ нынѣшній, когда для поощренія образующагося здѣсь духовнаго юношества сдѣлано все, что только можетъ дѣйствовать особеннымъ и пріятнымъ образомъ на молодой умъ и сердце юноши, возбуждать, поддерживать и усиливать въ немъ стремленія ко всему доброму и полезному. Вызванные сюда отъ скромной, безмолвной жизни ученика, мы считаемъ для себя счастливыми и драгоценными эти часы, въ которые столь несоотвѣтственно нашему прежнему состоянію такъ ярко, разнообразно украсили вы нынѣ это важное для насъ поприще испытанія. Рѣдки въ нашей жизни дни, столь торжественные для насъ; но чѣмъ они рѣже, тѣмъ болѣе увеличиваютъ силу впечатлѣній на наши умы и сердца; тѣмъ сильнѣе пробуждаютъ въ насъ сознаніе собственнаго благополучія; тѣмъ болѣе возбуждаютъ въ насъ чувства живѣйшей признательности къ виновникамъ этого торжества. Нѣтъ нужды говорить, что ваше присутствіе здѣсь, ваше вниманіе къ намъ составляютъ теперь нашу радость, наше удовольствіе и наше торжество.

«Но при этихъ, столько отрадныхъ для сердца, чувствованіяхъ насъ тревожитъ одна мысль, что плоды образованія, нами полученнаго, можетъ быть, далеко не соотвѣтствуютъ вашимъ ожиданіямъ; даже, можетъ быть, кажутся очень скудными, мало вознаграждающими труды и заботы попечительнаго начальства. Вполнѣ представляя вашему суду наши успѣхи на поприщѣ образованія, мы утѣшаемся, съ одной стороны, тою мыслью, что ваша глубокая опытность не будетъ судить объ насъ по сравненію съ собою. Нужно было только намъ самимъ дѣйствовать въ вашихъ трудахъ для полного успѣха въ дѣлѣ. Ваши заботы, ваши старанія о доставленіи намъ полезныхъ свѣдѣній были очевидны для всякаго изъ насъ. Сколько

сокровищъ учености раскрыто было предъ нами, чтобы каждый бралъ изъ нихъ, что хотѣлъ, для обогащенія своего ума! Какъ при наставленіи вы старались доставить рѣчи своей разнообразіе и пріятность, чтобы истины, вами сообщаемыя, легче и удобнѣе были вос-

Мать о. Іоанна.

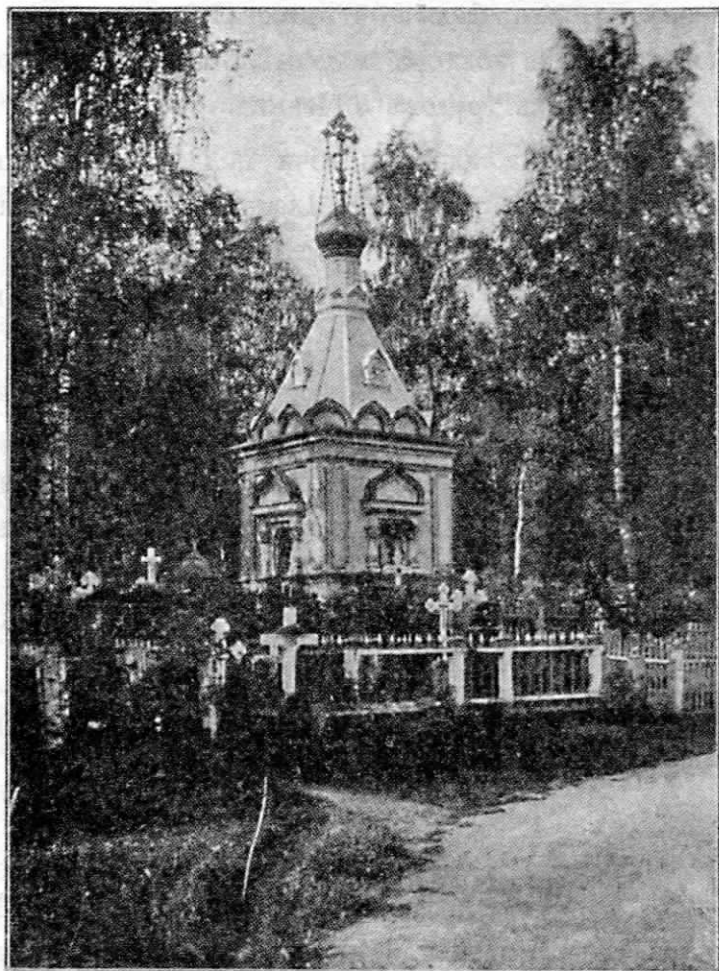
принимаемы умомъ и сердцемъ! Мы ощущали въ сердцѣ сладость вашихъ наставленій и старались запечатлѣть ихъ въ памяти, чтобы потомъ въ свое время употребить ихъ съ пользою для себя и для другихъ. Но всего болѣе вы заботились, какъ добрые отцы, о сохраненіи

между нами доброй нравственности, для чего, съ одной стороны, отнимаема была возможность для совершенія пороковъ, могущихъ закрасться въ душу извнѣ; съ другой—постоянно внушаема была необходимость чистоты жизни, какъ самаго вѣрнаго и надежнаго средства—быть счастливыми во всякомъ состояніи и возрастѣ. И мы убѣдились, какъ всегда опасенъ порокъ и какъ надежна и драгоценна добродѣтель. Послѣ такихъ дѣятельныхъ заботъ о насъ попечительнаго начальства, остается только, при умѣнны пользоваться полученнымъ образованіемъ, быть довольными и счастливыми въ жизни, тѣмъ изъ насъ, которые уже совершили теперь трудное поприще просвѣщенія и оканчиваютъ курсъ семинарскихъ наукъ. Сколько разъ мы будемъ обязаны вамъ нѣкогда самыми драгоценными минутами счастья и восторговъ при познаніи тѣхъ благъ, какія доставило и будетъ доставлять намъ просвѣщеніе! Науки, говоритъ Цицеронъ, составляютъ утѣшеніе и счастье наше во всѣхъ состояніяхъ и возрастахъ. Да, многократные опыты подтверждаютъ эту истину! Но что всего пріятнѣе и драгоценнѣе для насъ въ наукахъ, это—мысль, что онѣ всегда составятъ нашу неотъемлемую собственность, что онѣ достались намъ вслѣдствіе долговременныхъ, усиленныхъ трудовъ: а что добыто трудами, то всегда пріятно и сладко. Для исполненія съ нашей стороны долга справедливости въ отношеніи къ вамъ, для засвидѣтельствованія вамъ глубочайшей благодарности за ваши благодѣянія, у насъ есть только сердце и языкъ. Примите же хотя этотъ плодъ сердечной къ вамъ признательности; вы сами знаете, что воспитанники не могутъ воздать другой благодарности; какъ любящіе отцы, вы считаете себя довольными, если ваши труды воспитанія не остались напрасными, но принесли хоть сколько нибудь плода.

«Благослови, преосвященнѣйшій владыко, питомца, который по силамъ старался выполнить священный долгъ справедливости въ отношеніи къ благодѣтелямъ, и архипастырскимъ благословеніемъ запечатлѣй и освяти конецъ образованія двадцати двухъ человѣкъ».

II.

Съ 1849 г. Иванъ Сергіевъ въ Академіи. Новая среда, новыя условія жизни.

Памятникъ-часовня надъ могилой матери о. Іоанна.

Ивану Сергіеву сразу удалось встать въ условія особенно благоприятныя для его развитія. Въ академіи было свободное мѣсто

письмоводителя и Ивану Ильичу, лучшему каллиграфу курса, было предложено это мѣсто. Постоянно думая о семьѣ, о матери и ея нуждахъ, Иванъ Сергіевъ съ готовностью занялъ завидное мѣсто съ десятью рублями жалованья. Мѣсто дало ему, кромѣ жалованья, еще уединеніе. Письмоводитель пользовался особой «своей» комнатою, благомъ, котораго были лишены остальные студенты. И вотъ эта письменоводительская контора была мѣстомъ первыхъ молитвенныхъ подвижническихъ трудовъ о. Іоанна.

Уединенная комната, длинныя ночи поддерживали и воспитали тотъ духъ молитвеннаго дѣятеля, задатки котораго даны были всѣми предшествующими годами семейной и школьной жизни. Здѣсь одинъ на одинъ, Иванъ Сергіевъ переживалъ первые восторги общенія съ Богомъ и надмірными обителями.

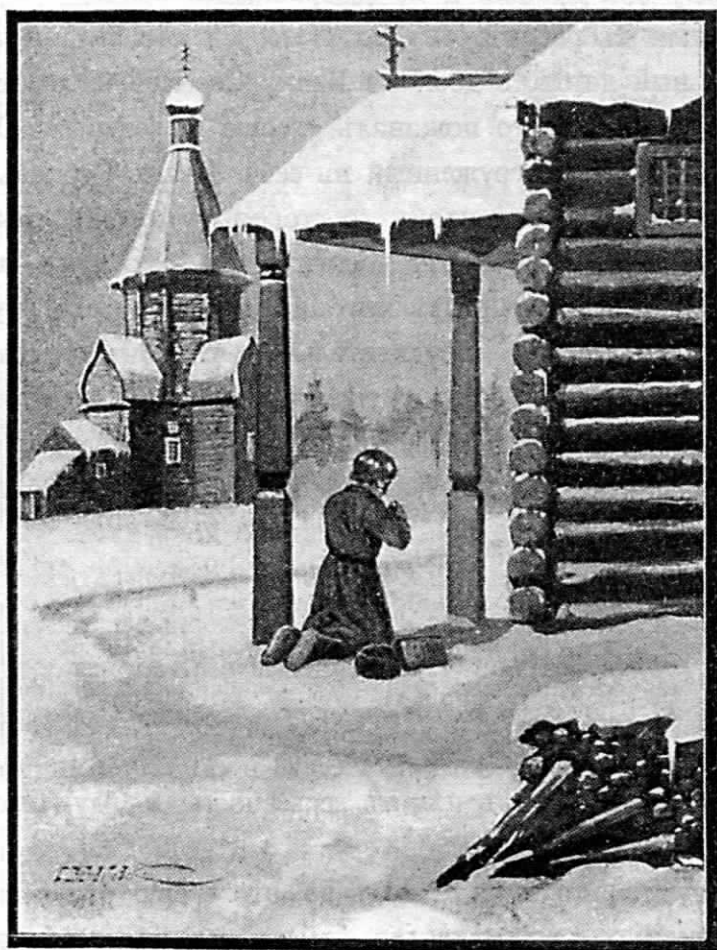
Четыре года студенчества онъ провелъ въ молитвѣ и чтеніи. Еще ранѣ поступленія въ письменоводители онъ на первый заработокъ отъ переписки чьего то профессорскаго сочиненія купилъ толкованіе Златоуста на Маттея и радовался покупкѣ, какъ «сокровищу изъ сокровищъ».

— Особенно любилъ я,—разсказываетъ самъ о. Іоаннъ—читать Библию и толкованіе Златоуста на Евангеліе.

За этимъ чтеніемъ Иванъ Ильичъ проводилъ длинныя зимніе часы. Иногда глубокая мысль Іоанна Златоуста до такой степени охватывала его своей возвышенной красотой, что Иванъ Ильичъ плакалъ въ порывѣ духовнаго восторга, и рукоплескалъ златоустому витію, какъ рукоплескали ему когда-то его Антіохійскіе и Царьградскіе слушатели. Цѣлые дни, недѣли и мѣсяцы проходили въ этомъ чтеніи, и на Златоустѣ и Библии воспитывалась душа будущаго пастыря.

Съ четвертаго курса настроеніе Ивана Ильича, очень благодушное, свѣтлое и радостное, начинаетъ временами омрачаться. Ивана Ильича охватываютъ приступы тяжелаго отчаянія.

Ему иногда казалось, что Богъ покинулъ его, что люди желаютъ ему зла, что небо все покрыто тучами и нѣтъ просвѣта... Тоска, тяжелая, мучительная и безпричинная охватывала душу,

Маленькій Ваня Сергіевъ молится передъ отправленіемъ въ школу.

онъ не зналъ куда спастись отъ приступовъ темной и злой безпросвѣтной тоски и молился... И вотъ, по благодати Божіей, разрывались тучи безпросвѣтнаго отчаянія, небо ясніло, и минуты

духовной радости, которыя слѣдовали за этимъ проясненіемъ, были такъ радостны, что, казалось, можно пережить муки въ трое больше за нѣсколько часовъ этого утѣшенія...

При этомъ и приступы такого искушенія были временными, мало по-малу они прошли и не возвращались болѣе.

Дни шли въ работѣ.

Школьный дипломъ достался Ивану Сергіеву не даромъ... Онъ много работалъ и часто пожиналъ «терніе и волчцы». Отрѣшенный отъ міра, весь погруженный въ себя, Иванъ Сергіевъ не могъ быть безупречнымъ студентомъ со стороны успѣховъ. Вызовы отвѣчать отрывали Сергіева отъ дорогихъ для него думъ, вызывали его изъ міра его постоянныхъ мечтаній, изъ которыхъ ему трудно и больно было выйти. Неудивительно, что онъ не сразу могъ войти въ положеніе ученика, смущался и путался. Особенно трудно было ему отвѣчать профессору Лучицкому. Его отточенные, тщательно отдѣланныя чтенія по логикѣ и эстетикѣ требовали буквальной и точной передачи. Сергіевъ не могъ дать такой, а его стиль отрывистый и сильный совсѣмъ не подходилъ къ расплывчатой и длительной манерѣ профессора-гегельянца. Неблагополучно обстояло дѣло съ лекціями преосвященнаго Макарія по догматикѣ. Макарій любилъ, чтобы его «уроки» сказывали безъ запинокъ, а Сергіевъ часто отъ смущенія останавливался. Все это, впрочемъ, не мѣшало профессорамъ цѣнить серьезность и вдумчивость студента, и Сергіевъ шелъ.

О чемъ думалъ, чѣмъ жилъ въ это время будущій Іоаннъ Кронштадтскій. У насъ нѣтъ его дневниковъ, но воспоминанія товарищей позволяютъ составить довольно полное представленіе о данномъ вопросѣ. Нерѣдко можно было видѣть Ивана Ильича у камелька второго этажа. Наверху, недалеко отъ теперешней церкви, именно рядомъ съ «пономарской» былъ одинъ изъ студенческихъ №. И вотъ здѣсь, около горящей печки, любилъ грѣться Сергіевъ. Часто къ нему присаживался кто нибудь изъ обитателей № и на-

чиналась бесѣда... О чемъ велась эта бесѣда? Конечно обо всемъ... Но нѣкоторыя темы, повидимому, преобладали. «Чаще всего Сергіевъ бесѣдовалъ со мной о смиреніи»,—пишетъ протоіерей Л. П-овъ. *Вотъ тема характерная для Сергіева.* Такимъ образомъ, и въ это время больше всего занимаетъ его заповѣдь о всепрощеніи, любви побѣждающей. Онъ много думаетъ объ этой первой христіанской добродѣтели и мало по малу приходитъ къ убѣжденію, что здѣсь

Архангельская семинарія, гдѣ учился о. Іоаннъ.

сила и центръ христіанства, что все побѣждаетъ смиренная любовь, что къ Богу и торжеству Его правды ведетъ одинъ путь этой же любви смиренной. «Смиреніе, что можетъ ему противиться, какая злоба его побѣдитъ, какая сила пойдетъ противъ него?.. Когда остано-
вишься передъ преградой легкой и задашь себѣ вопросъ, какъ сломить ее,—силой или смиренной любовью, всегда отвѣчай себѣ: возьму смиренной любовью, и побѣдишь».

Еще чаще, чѣмъ у огня, можно было видѣть Ивана Сергіева въ саду. Любилъ онъ ходить по аллеямъ академическаго сада и думать. Садъ напоминалъ ему его любимые Архангельскіе лѣса. Онъ не скрываетъ отъ насъ, въ области какихъ вопросовъ двигалась его дума. Больше всего онъ думалъ о темнотѣ—паутинѣ зла, которая окутала міръ, о жертвѣ, принесенной на Голгофѣ, о тѣхъ темныхъ и несчастныхъ народахъ, которые и доселѣ еще сидятъ во тьмѣ и сѣни смертной. И ему было до слезъ жалко этихъ людей, не коснувшихся ризы Христовой, и онъ рвался туда къ нимъ проповѣдовать о Христѣ; звать темныхъ людей въ свѣтлое Христово царство. Одно время твердо сложилось у Сергіева рѣшеніе идти въ глубь сѣверной Сибири и Америки къ невѣдущимъ Христа, постричься въ монашество и поступить въ миссіонеры. Но мало по малу съ этимъ рѣшеніемъ вступили въ борьбу новыя мысли. Сергіевъ не могъ не замѣтить, что рядомъ съ нимъ не менѣе язычества, чѣмъ въ Африкѣ; онъ видѣлъ, что «дикари» Петербурга знаютъ Христа не больше, чѣмъ дикари какой нибудь Патагоніи.

Онъ видѣлъ и начинающееся среди культурныхъ классовъ исканіе Бога. Видѣлъ, какъ потерявшій Бога культурный человѣкъ съ ужасомъ бѣгалъ по улицамъ города и искалъ Бога, крича въ смятеніи и ужасѣ.

«Бога я ищу, Бога. Мы убили Его. Не блуждаемъ ли мы въ безконечномъ ничто. Не стало ли холоднѣе. Не наступаетъ ли ночь».

«Гдѣ нашъ Богъ? Мы убили Бога—Бога живого человѣка. И вотъ руки наши въ крови Бога и нечего поставить на мѣсто Его».

И вотъ ему стало казаться, что лучше остаться здѣсь среди этихъ городскихъ язычниковъ изъ христіанъ. Иванъ Сергіевъ искалъ успокоенія въ молитвѣ, и нашель. Если вѣрить авторитетному біографу—въ это время повторилось его дѣтское видѣніе, но въ болѣе ясной формѣ.

«Однажды—разсказываетъ его біографъ—отецъ Іоаннъ послѣ

одной из своих прогулок, увидѣлъ себя во снѣ священникомъ, служащимъ въ какомъ то неизвѣстномъ ему соборѣ въ Кронштадтѣ. Сергіевъ увидѣлъ въ этомъ снѣ указаніе Божіе на то, что ему нужно быть священникомъ»¹⁾.

Черезъ нѣсколько недѣль кончился четвертый годъ его студенче-

Епископъ Христофоръ, рукополагавшій о. Іоанна въ священники.

ства—и на одной вечеринкѣ (о. Сергіевъ почти никогда на нихъ не бывалъ) Иванъ Ильичъ встрѣтился съ дочерью протоіерея Несвицкаго изъ Кронштадта (Елизавета Константиновна). Тотчасъ же онъ

¹⁾ У о. Іоанна говорится о видѣніи, имѣвшемъ мѣсто за 15 приблизительно лѣтъ до окончанія академіи, т. е. еще въ училищѣ.

сдѣлалъ ей предложеніе и, по окончаніи курса, обвинчался. Студенческіе годы окончились. Наступила жизнь... Самъ Иванъ Ильичъ вышелъ изъ академіи благодарный ей за то, что она дала, и—съ большой жаждой знаній.

«Обильно открылъ Ты мнѣ, Господи, истину Твою и правду Твою. Черезъ образованіе меня науками открылъ Ты мнѣ все богатство вѣры, и природы, и разума человѣческаго. Увѣдалъ я слово Твое—слово любви, проходящее до раздѣленія души же и духа нашего; я изучилъ законы ума человѣческаго и его любомудріе, строеніе и красоту рѣчи; проникъ отчасти въ тайны природы, въ законы ея, въ бездны мірозданія и законы мірообращенія; знаю населенность земного шара, свѣдалъ о народахъ отдѣльныхъ, о лицахъ знаменитыхъ, о дѣлахъ ихъ, прошедшихъ своею чередою въ мірѣ; отчасти позналъ великую науку самопознанія и приближенія къ Тебѣ, словомъ—многое, многое узналъ я, такъ что вѣщающая разума человѣческаго показана ми суть».

«Слава тебѣ, Господи! Но я хочу знать больше. Духъ мой жаждетъ знанія. Сердце мое не удовлетворяется, не сыто. Учусь и буду учиться».

* * *

12 декабря 1855 года, о, Іоаннъ былъ рукоположенъ преосвященнымъ Христофоромъ, епископомъ Винницкимъ во священники. Когда послѣ этого онъ вступилъ впервые въ Кронштадтскій соборъ—онъ остановился на порогѣ почти въ ужасѣ; это былъ соборъ его дѣтскихъ видѣній,—о которыхъ онъ вдругъ вспомнилъ теперь съ поразительной ясностью.

Первые шаги пастырства о. Иоанна.

Во второй половинѣ декабря молодой священникъ Иванъ Ильичъ Сергіевъ, съ восторгомъ и дрожью радостнаго благоговѣнія, впервые вступалъ въ тотъ храмъ, гдѣ было суждено ему священствовать полвѣка.

Храмъ, только что обновленный къ лѣту 1855 года, сверкалъ золотомъ и живописью. О. Иоаннъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по храму, торопясь поклониться Святому Престолу, и остановился пораженный.

«Я», рассказывалъ онъ послѣ, «увидѣлъ обстановку, давно мнѣ знакомую. Это была внутренность того самаго храма, какой я видѣлъ во снѣ 15 лѣтъ назадъ съ этимъ вновь сдѣланнымъ иконостасомъ, этотъ сонъ запечатлѣлся въ душѣ моей навсегда, оставивъ во мнѣ радость неземную. Это было мнѣ знаменіемъ отъ Бога, что я буду священствовать въ этомъ храмѣ, ибо тогда уже я видѣлъ себя входящимъ и исходящимъ изъ сѣверныхъ и южныхъ вратъ его,— такъ, какъ-бы я былъ тутъ свой человѣкъ».

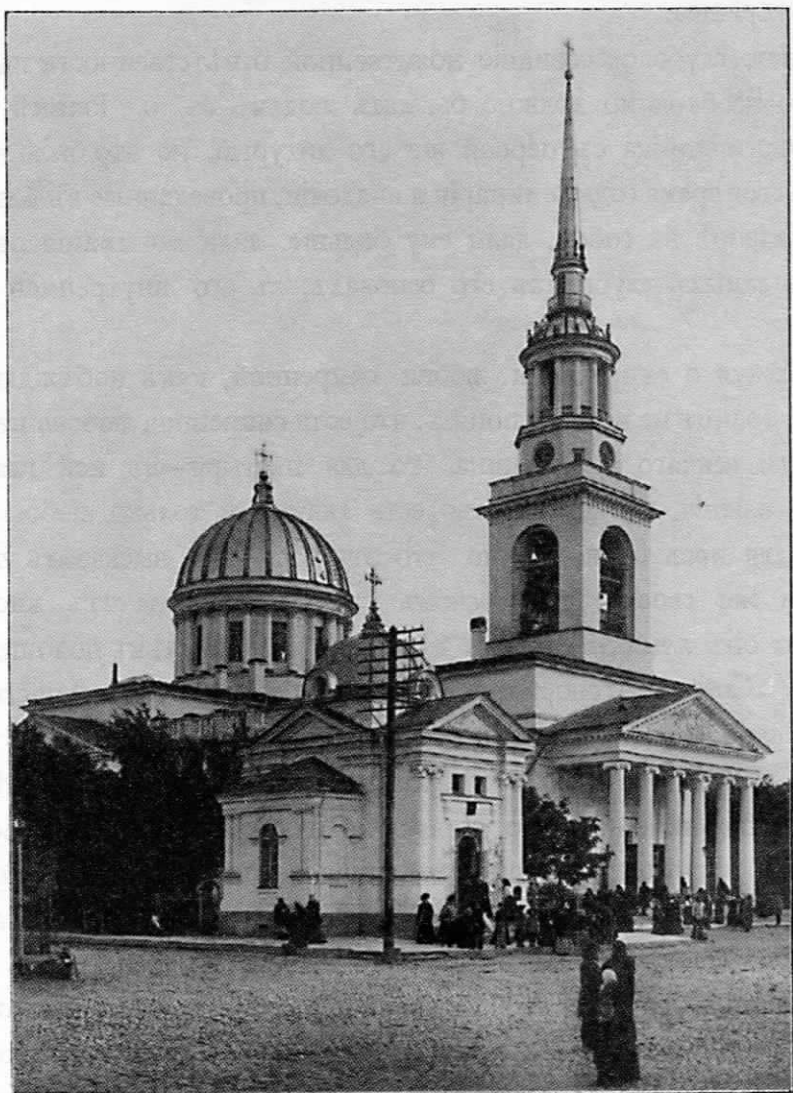
Съ какимъ чувствомъ и мыслями приступалъ впервые къ Престолу своего храма Кронштадтскій пастыръ, угадать не трудно.

Онъ принесъ къ престолу глубочайшее благоговѣніе къ пастырскому подвигу, чувство огромной отвѣтственности.

Перелистуйте хотя бѣгло дневникъ и вы на каждой страницѣ найдете слѣды этого благоговѣнія.

«Для того, чтобы властвовать, пишетъ онъ, нужно научиться управлять собой». «Что за лицо священникъ? Постоянно у него рѣчь съ Господомъ и постоянно отвѣчаетъ на его рѣчь Господь, что ни треба, что ни молитва, то рѣчь съ Господомъ; что ни треба, что ни молитва, то отвѣтъ на нее Господа. Священникъ—ангелъ, не человѣкъ; все житейское онъ долженъ далеко оставить за собою. Ему, какъ ангелу апокалипсическому, даны фиміамы мнози, да кадитъ предъ Престоломъ Божиимъ и передъ ликами Господа и Святыхъ и приносить Богу молитвы о всѣхъ людяхъ. Его одежды, во время богослуженія, изображаютъ его, какъ ангела: ибо фелонь изображаетъ нетлѣнное одѣяніе и крылья ангела Божія. И дѣйствительно священникъ долженъ быть, какъ ангелъ». «Священникъ предстоитъ Престолу Бога Вседержителя, Который ввѣрилъ его молитвѣ и предстательству царей и царства вселенной, всю вселенную, въ особенности царство Русское и Царя Россіи съ Его Домомъ, Его палату и воинство, всю Церковь, всю іерархію, епископство, пресвитеровъ, во Христѣ діаконовъ, весь причтъ и людей, всякій городъ и страну, и вѣрою живущихъ въ нихъ; Онъ предстоитъ Престолу Вседержителя, во власти Коего небо и земля, всѣ стихіи, свѣтъ, воздухъ, огонь, вода, земля и всѣ плоды земные, суша и море, всѣ животныя земныя и водяныя, и Который далъ священнику право ходатайствовать предъ Нимъ о благораствореніи воздуха и объ избавленіи отъ землетрясенія, огня, меча, нашествія иноплеменниковъ и междоусобныя брани, отъ всякихъ бѣдствій, постигающихъ людей за грѣхи». «Священникъ у Самаго Источника жизни всѣхъ тварей, у Самаго Источника благодати, очищенія и спасенія. Онъ предстоитъ предъ самою неприступною, всеблагою, всепремудрою и всемогущею Державою, предъ Которой преклоняется все живущее—на небѣ и землѣ. Каковъ же долженъ быть Онъ, поставленный на такой высотѣ, у такой святыни, у такого величія, у такой безприкладной Державы, у такой Лѣпоты?»

«Священникъ—уста всѣхъ, умъ и сердце всѣхъ людей, предстоящихъ и молящихся въ храмѣ; онъ выражаетъ ихъ славословіе, бла-

Наружный видъ Андреевскаго собора.

годареніе, прошенія. Каковы же должны быть эти уста, это сердце, этотъ умъ?..»

«Какое требуется безстрастіе отъ священника!»—пишетъ о. Іоаннъ въ другомъ мѣстѣ.

Тотъ, кто могъ такъ писать, конечно имѣлъ уста чистые и сердце горящее.

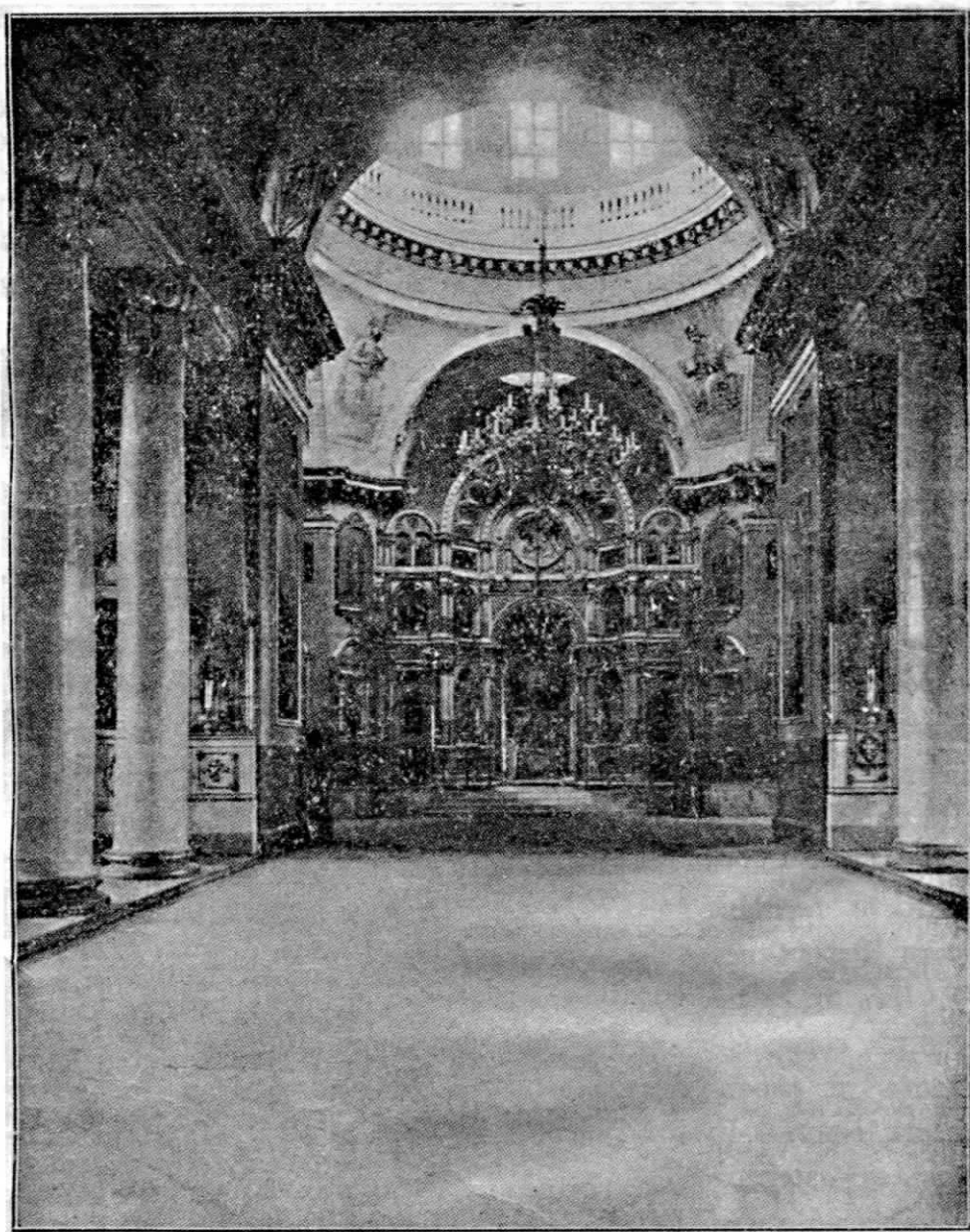
Такое глубокое сознание молитвенной отвѣтственности пастыря конечно необходимо должно бы дать людямъ въ о. Іоаннѣ сильнаго молитвенника съ первой же его литургіи, но это было не все.

Въ свое время годы семинаріи и академіи, проведенные въ блительномъ надзорѣ за собой, дали ему больше, дали пониманіе пастырства въ самыхъ глубокихъ его основахъ, въ его внутренней сущности.

Бесѣдуя о смиреніи и любви смиренной, какъ побѣждающей силѣ, о. Іоаннъ не могъ не понять, что если смиренная любовь необходима для всякаго христіанина, то для пастыря—въ ней главный секретъ вліянія, что пастырство есть любовь и только любовь.

И для насъ очень важно, что эту вѣру онъ высказалъ уже въ первомъ же своемъ пастырскомъ словѣ; такъ значитъ много и серьезно онъ думалъ о своемъ дѣлѣ еще раньше, чѣмъ подошелъ къ алтарю. «Сознаю—говорилъ онъ впервые бесѣдуя съ своей паствой—высоту сана и соединенныхъ съ нимъ обязанностей; чувствую свою немощь и недостойнство къ прохожденію высочайшаго на землѣ служенія священническаго, но уповаю на благодать и милость Божію, немощная врачующую и оскудѣвающая восполняющую. Знаю, что можетъ сдѣлать меня болѣе или менѣе достойнымъ этого сана и способнымъ проходить это званіе. Это любовь ко Христу и къ вамъ, возлюбленные братія мои. Потому то и Господь, возстановляя отрешагося ученика въ званіи апостола, троекратно спросилъ его: любишь ли Мя, и послѣ cadaго отвѣта его: люблю Тя, повторялъ ему: паси овцы Моя, паси агнцы Моя.

«Любовь—великая сила: она и немощнаго дѣлаетъ сильнымъ, и незначительнаго достопочтеннымъ, и прежде незнакомаго и чужого дѣлаетъ скоро близкимъ, и знаемымъ, и любезнымъ. Таково свойство

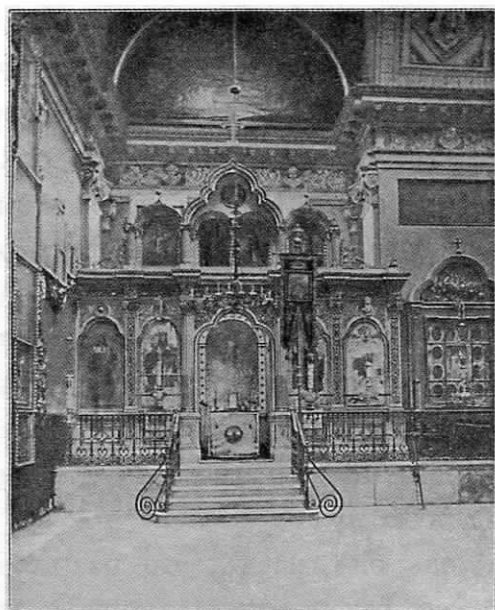
Главный приделъ Андреевскаго собора.

любви чистой, евангельской. Да дать и мнѣ любвеобильный ко всѣмъ Господь искру этой любви; да воспламенитъ ее во мнѣ Духомъ Своимъ Святымъ».

То же самое онъ записывалъ и въ своемъ дневникѣ, вскорѣ послѣ начала пастырскаго подвига. «Священнику прежде всего и болѣе всего нужно стяжать *любовь евангельскую*. Она нужна ему каждую минуту, каждое мгновенье: нужна, когда онъ молится за торжественной службой въ храмѣ, когда молится дома или въ домахъ прихожанъ, когда совершаетъ таинства вѣры, когда находится въ обычныхъ ежедневныхъ сношеніяхъ—житейскихъ, семейныхъ, товарищескихъ, или въ сношеніяхъ съ прихожанами, съ начальниками или подчиненными, съ воспитанниками и кончившими время воспитанія, съ дѣтьми и взрослыми, со старыми и молодыми. Но особенно нужна ему любовь при совершеніи Божественной литургіи, которая есть вся таинство безконечной любви Божественной къ роду человѣческому». «Священникъ долженъ имѣть непрестанно въ себѣ Духъ Христовъ и любить своихъ пасомыхъ и вообще всѣхъ людей *утробой Христовою* (Филип. I, 8)... Вглядъ священника на людей долженъ быть всегда взглядомъ Христовымъ, святымъ, любящимъ, кроткимъ, незлобивымъ, терпѣливымъ, всеобъемлющимъ, глубокимъ». «Пастырь долженъ быть *печальникомъ* о всемъ мірѣ». «Онъ—*всѣмъ все*». «Священникъ — *носитель духа любви вселенской*, духа святыни, кротости, терпѣнія, представитель истины и непоколебимости, твердости Церкви, неизмѣняемости ея».

Изъ этихъ проникновенныхъ строкъ читатель видитъ, что о. Іоаннъ подошелъ къ Престолу, вступилъ на проповѣдническій амвонъ и кафедру готовымъ, созрѣвшимъ духовно, сильнымъ «пасти овцы».—И какъ увидимъ, въ первые же годы онъ обнаружилъ эту силу.

Однако, самъ о. Іоаннъ, конечно, не могъ быть доволенъ собой. Наоборотъ—эта-то духовная зрѣлость и нравственная подготовленность только яснѣе указывали ему, какъ тяжелъ еще и длиненъ

Покровский придѣлъ
Андреевскаго собора.

— “Пастырь должѣнъ
быть печальникомъ о
всемъ мірѣ”.

скорбноблаженный путь къ пастырству въ духѣ и силѣ Христа пастыреначальника. Онъ рѣшилъ, что онъ не окончилъ учиться, а только начинаетъ. Всѣ пятьдесятъ лѣтъ его пастырства были для него школой. «Я все еще учусь», повторяетъ о. Іоаннъ. По собственнымъ его словамъ, онъ въ это время похожъ былъ на ребенка, который собирается ходить. Онъ тяготѣлъ къ Богу «желая, желалъ» воплотить, схватить всей душой свѣтлый идеалъ пастырства, какой былъ передъ нимъ, но боялся за свои силы, не зналъ, что дѣлать. Нерѣшительно дѣлалъ онъ первые шаги, иногда готовъ былъ упасть и въ эти минуты въ испугѣ протягивалъ свои руки, какъ ребенокъ къ матери, къ Христу и милостивая десница Божія поддерживала его... поднимала и вела туда, куда нужно было идти.

Съ чего же могъ онъ начать это пастырское воспитаніе? Съ того, съ чего онъ рекомендуетъ начинать воспитаніе души всѣмъ...

Нужно почаще быть у себя дома, говоритъ онъ, безъ этого нѣтъ движенія. Нужно глубже всматриваться въ совѣсть, слѣдить за каждымъ движеніемъ души. Не даромъ завѣтъ «познай себя» считается первой буквой въ азбукѣ самосовершенствованія. «Слѣди за своимъ сердцемъ всю жизнь и присматривайся и прислушивайся къ нему, что препятствуетъ къ соединенію его со всеблаженным Богомъ? Это да будетъ наука наукъ, и ты при помощи Божіей легко можешь замѣчать, что тебя отдаляетъ отъ Бога и что приближаетъ къ Нему, соединяетъ съ Нимъ. Объ этомъ говоритъ самое сердце, то соединяющееся съ Богомъ, то отторгаемое отъ Него». «Испытывай себя чаще: куда зрятъ очи твоего сердца—къ Богу-ли и къ жизни будущаго вѣка, къ премірнымъ блаженнымъ и свѣтоноснымъ силамъ небеснымъ и святымъ, водвореннымъ на небесахъ, или же къ міру, къ земнымъ благамъ: пищѣ, питью, одеждѣ, жилищу, къ людямъ грѣшнымъ и суетнымъ ихъ занятіямъ? О, если бы очи наши были устремлены выну къ Богу! А то мы только въ нуждѣ и бѣдѣ обращаемъ очи свои ко Господу, во время

же благоденствія очи наши обращены къ міру и суетнымъ его дѣламъ».

О. Іоаннъ въ первые годы своего служенія.

«Пристальнѣе всматривайся въ лице души и внимай себѣ непрестанно, чтобы не изсякла въ тебѣ духовная жизнь, духовное

мудрованіе. Размышляй чаще о всемъ томъ, что читаешь и поешь, или слушаешь въ церкви или иногда на дому. Да будутъ чресла твои препоясаны и свѣтильникъ горящій, и ты подобенъ человѣку, чающему господина своего, когда возвратится отъ брака».

И самъ отецъ Іоаннъ помнилъ эту «науку наукъ».

И въ первые годы пастырства о. Іоаннъ всѣ часы и минуты живетъ «дома», *во внутреннихъ тайникахъ совѣсти*, онъ не видитъ и не замѣчаетъ міра, когда этотъ міръ не обращается прямо къ нему, какъ человѣку или пастырю.

Жители Кронштадта съ удивленіемъ и сначала даже смущеніемъ видѣли на уликахъ священника, съ скрещенными на груди руками, съ устремленнымъ вдаль, блестящимъ, вдохновеннымъ, но далекимъ отъ міра, взглядомъ.

Конечно, многіе смѣялись и издѣвались надъ пастыремъ. Нѣкоторые даже считали его за человѣка ненормальнаго, называли юродивымъ. Слухи объ этомъ, конечно, не могли не достигнуть до о. Іоанна. Часто вслѣдъ ему слышались глумливые возгласы: блаженный, юродивый. О. Іоаннъ не смущался. «Что же, говорилъ онъ, пусть юродивый: юродивые Христа ради своимъ страннымъ поведеніемъ и отношеніемъ къ ближнимъ становились посмѣшищемъ всему міру, но дѣла ихъ были таковы, что ихъ недостойнъ міръ; къ сожалѣнію, только я далекъ отъ этого юродства святыхъ».

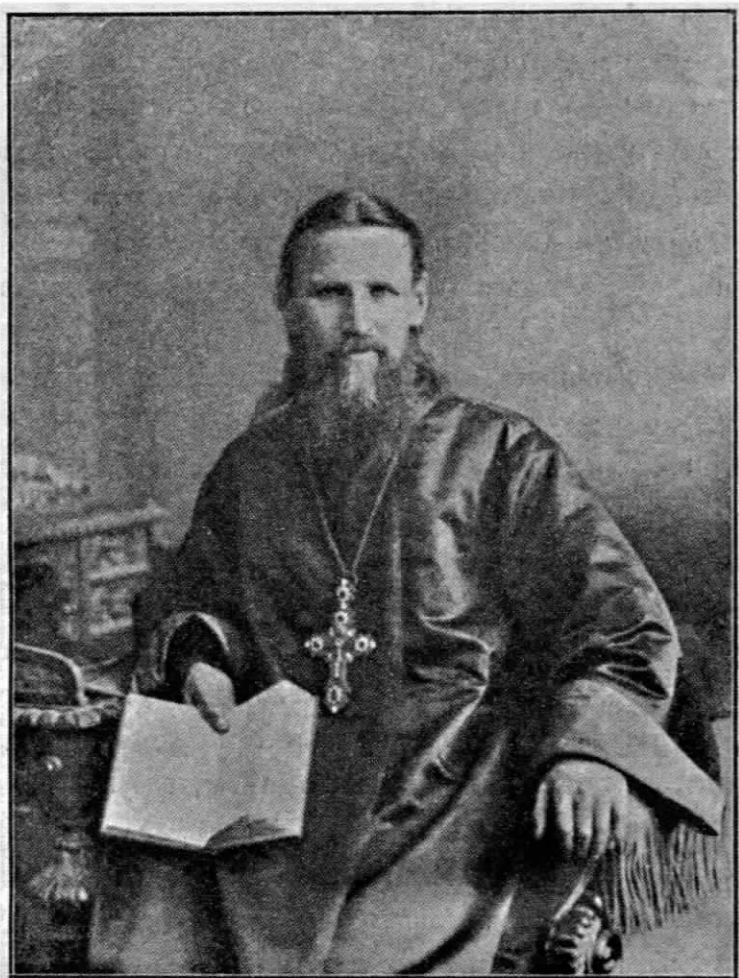
И онъ продолжалъ жить этой внутренней молитвой, погруженный въ глубь духа, ищущаго богопознанія.

Въ эти минуты творилось великое дѣло: зрѣла душа, подходила къ Богу. Въ это время о. Іоаннъ разъ навсегда намѣтилъ себѣ путь къ Христу Богу и достойному пастырству въ мірѣ, среди людей.

Въ чемъ этотъ путь?

Священникъ—проповѣдникъ, священнослужитель, духовникъ.

Къ каждой изъ этихъ обязанностей нужно себя подготовить. Какъ же? чѣмъ? Отвѣтъ на это данъ о. Іоанномъ въ автобіографіи его души, т. е. въ его дневникѣ. Кромѣ бесѣды съ совѣстью, пребыва-

О. Іоаннъ съ евангѣлемъ въ рукахъ.

нія у себя «дома»,—пастырь воспитываетъ себя въ двоякомъ направленіи: дома и въ мірѣ. У себя онъ долженъ воспитываться чтеніемъ писанія, углубленіемъ въ Богослуженіе святой церкви и молитвой.

Какъ мы видимъ, о. Іоаннъ началъ и совѣтуетъ начинать съ уединенія, съ «нѣкоего душевнаго затвора». Однако, какъ легко видѣть, это уединеніе не совсѣмъ полное, здѣсь «затворникъ» на единѣ съ Богомъ. Пребываніе въ «храминѣ души», въ затворѣ сердца—одна изъ формъ общенія съ Богомъ.

Рядомъ съ ней должно идти единеніе съ Богомъ въ духѣ его инымъ «дѣятельнымъ путемъ» или вѣрнѣе «путями».

Эти пути: чтеніе Св. Писанія, внимательное изученіе Богослуженія, этого великаго созданія церкви, молитва и работа на меньшихъ братьевъ Христовыхъ—дѣятельная любовь.

Первый путь создаетъ христіанина и проповѣдника и пастыря;

второй—христіанина, священнослужителя и пастыря;

третій—христіанина и пастыря;

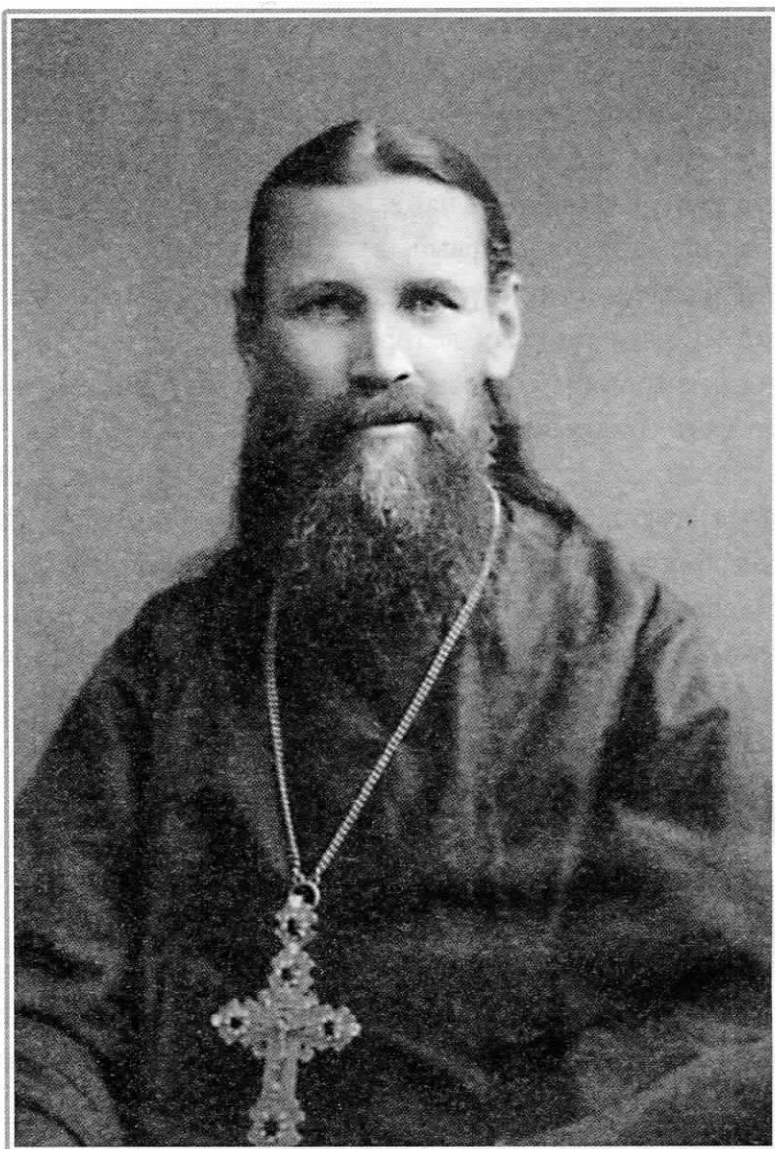
четвертый—христіанина, духовника и пастыря.

И всѣ четыре создаютъ человѣка.

Итакъ, прежде всего чтеніе Св. Писанія.

Съ первыхъ дней своего высокаго служенія церкви,—пишетъ о. Іоаннъ, я поставилъ себѣ за правило: сколь возможно искреннѣе относиться къ своему дѣлу, къ пастырству и священнослуженію, строго слѣдить за собою, за своею внутреннею жизнью. Съ этой цѣлью, я прежде всего принялся за чтеніе Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, извлекая изъ него назидательное для себя какъ для человѣка, священника и члена общества. Потомъ я сталъ вести дневникъ, въ которомъ записывалъ свою борьбу съ помыслами и страстями, свои покаянныя чувства, свои тайныя молитвы ко Господу, свои благодарныя чувства за избавленіе отъ искушеній, скорбей, напастей и постоянную помощь».

Онъ сталъ читать Писаніе и какъ читать: не всякій читаетъ эту книгу книгъ одинаково и о. Іоаннъ читалъ не такъ, какъ мы. Св. Писаніе книга не обычная: его нужно читать, проникая въ глубины его до конца, до дна. И о. Іоаннъ, по собственнымъ словамъ, годами

О. Іоаннъ Сергіевъ.

«учился» читать Священное Писаніе, перечитывалъ страницу за страницей, стараясь вникнуть во всѣ отгѣнки смысла. «Въ рудникахъ ищутъ золото—перемоютъ песокъ, возьмутъ, что найдутъ, и песокъ бросаютъ. Но хорошо извѣстно, что, при нашемъ способѣ промывки, изъ песку берутъ не все. Если перемыть снова песокъ, найдешь еще. А мы какъ читаемъ евангеліе, библию? Если возьмемъ одну сотую святого золота, то слава Богу. Потому читайте десять, сто разъ и всякій разъ найдете «новое» золото и во второй его будетъ больше, чѣмъ въ первый, въ третій—больше чѣмъ во второй, глаза больше привыкнуть видѣть нужные свѣтлыя блестки».

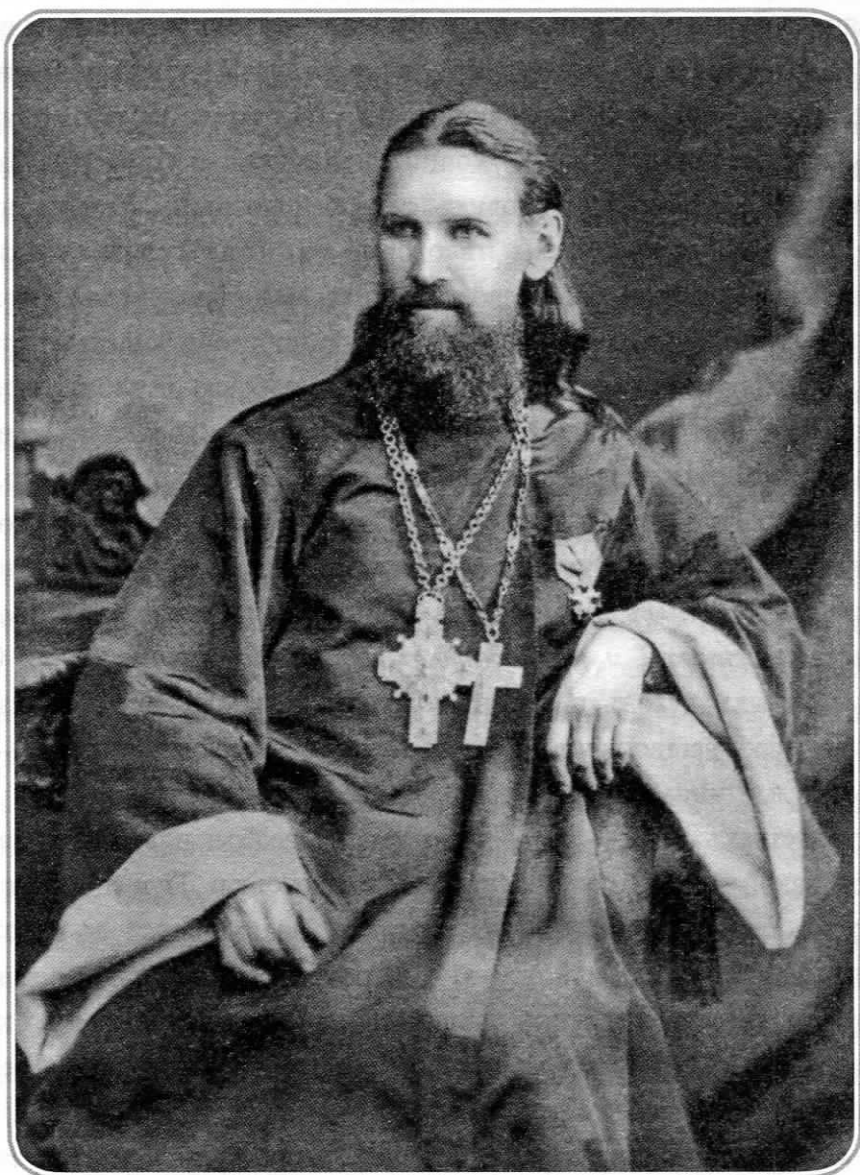
Этого мудраго правила, которое въ такихъ же приблизительно словахъ указалъ намъ о. Іоаннъ 10 лѣтъ тому назадъ, всегда и держался самъ батюшка. О. Іоаннъ считаетъ постоянное чтеніе Писанія первой своею обязанностью,—онъ десятки разъ перечитывалъ святыя страницы и, конечно, каждый разъ находилъ дѣйствительно новое золото въ богатыхъ рудникахъ евангелія, хотя оно ему уже давно и знакомо до слова наизусть.

И, нѣтъ сомнѣнія, именно такимъ отношеніемъ къ Писанію объясняется глубокая проникновенность его дневниковъ, которая, конечно, только отражаетъ озаренность души, просвѣтленной словомъ Божиимъ.

Огромное значеніе чтенія Св. Писанія для души, о. Іоаннъ засвидѣтельствовалъ въ глубоко поэтическихъ словахъ еще въ 1856 г., черезъ мѣсяць послѣ посвященія.

«Читая слово Божіе,—гляди на него, пишетъ онъ, всегда не сквозь тусклый покровъ твоихъ страстей, но окомъ очищеннаго отъ всякой нечистоты сердца и тогда ты опытно узнаешь, что оно свѣтъ для твоего ума, съ которымъ не только безъ боязни, но и съ радостію ты можешь идти путемъ самой сѣни смертной.

«Опытно также узнаешь, что слово Божіе доставляетъ сладчайшую жизнь для твоего сердца, радуя, согрѣвая, умягчая, очищая, просвѣщая, оживотворяя его своими свѣтло-животворными лу-

О. Іоаннъ Сергіевъ.

чами. Ты увидишь, какъ самыя кости твои и все тѣло твое ощущать священный, животворный трепеть радости, и весь міръ, вся тварь Божія представится тебѣ ликовствующею отъ радости и словоящею своего Создателя, дающаго всему животъ и дыханіе и вся».

«Сердечныя очи твои узрятъ, какъ радуясь вкупѣ и трепеща предстоятъ престолу Вседержавнаго Творца тысячи тысячъ и тьмы темъ чистыхъ, свѣтлѣйшихъ, мощныхъ блаженныхъ духовъ, Херувимовъ и Серафимовъ и прочихъ силъ безплотныхъ. Узримъ, какъ отъ престола Господа славы нѣкоторые изъ этихъ святыхъ и свѣтлыхъ силъ безплотныхъ, превосходящихъ человѣка умомъ, волею и могуществомъ, нисходятъ, по волѣ Творца любвеобильнаго, на грѣшную, мрачную землю нашу—съ братскою любовію и заботливостію охранять не только стихіи земли, наши царства, города и веси, но и въ отдѣльности каждаго человѣка; какъ они руководятъ его, поверженнаго во мракъ и нечистоту, слабого, беззаботнаго о своемъ блаженствѣ вѣчномъ, *къ тмамъ Ангеловъ, Іерусалиму небесному и церкви первородныхъ, на небесахъ написанныхъ, и духомъ праведникъ совершенныхъ, и къ Ходатаю Завета Новаго Іисусу* ¹⁾. Отъ міра свѣтлыхъ духовъ и духовъ мрака и гибели обращая взоръ свой въ міръ вещественный, ты съ веселіемъ сердца увидишь—*горы*—свѣтлыя міры, стройно вращающіеся въ необъятныхъ для ума пространствахъ неба,—*долу*—твою землю, необъятную для человѣка ни съ какой земной возвышенности, на которую Творецъ зритъ съ престола славы Своей, какъ на пылинку, вращающуюся въ безграничномъ пространствѣ; которую и Ангелы съ высотъ небесныхъ обозрѣваютъ разомъ, какъ малый шаръ, вращающійся то около себя, то около большаго свѣтила небеснаго, называемаго на землѣ солнцемъ.

«Небеса съ своими мірами безчисленными будутъ внятно говорить твоему сердцу и твоему уму о безконечной красотѣ, благодати и всемогуществѣ твоего Творца, *повѣдаютъ*, по словамъ псалмо-

¹⁾ Евр. 12, 22—24.

пѣвца,—*славу Божию*; ¹⁾ всѣ эти свѣтящіяся тѣла въ недовѣдомой высотѣ, тысячи лѣтъ видимыя съ земли, суть дѣло рукъ Его. Сердце твое, просвѣщенное свѣтомъ слова Божія скажетъ тебѣ, что *Господень день есть день и Господня есть ночь* ²⁾, что всѣ эти перемѣны свѣта и мрака на нашей землѣ постоянныя, безмолвные свидѣтели Промысла Божія о насъ грѣшныхъ; что вся вселенная, какъ она необъятна для нашего ума, есть единый домъ Божій, устроенный рукою Всемогущаго, Вездѣсущаго, Премудраго и Всеблагаго Художника; солнце для насъ—большая лампада, которая является въ разныхъ мѣстахъ неба смотря потому, въ какое положеніе ставится къ ней земля; луна—меньшая, которая сама обходитъ землю для освѣщенія ея; звѣзды—свѣчи, горящія въ глубинѣ дома; Творецъ—Хозяинъ этого дома, Коего Духъ исполняетъ его (*Духъ Господень исполни вселенную*), о постоянномъ присутствіи Коего въ этомъ домѣ свидѣтельствуетъ повсюдная жизнь, изумительная стройность и порядокъ, какъ въ цѣломъ, такъ и во всѣхъ частяхъ. — Когда будешь надлежащимъ образомъ смотрѣть на слово Божіе и читать его, то увидишь, какъ закипитъ въ душѣ твоей святое стремленіе ко всему истинному, прекрасному и доброму, или, говоря языкомъ богословскимъ,—къ богоподражанію, такъ какъ Богъ есть высочайшая истина, красота и добро. *Блаженъ мужъ, коего воля въ законъ Господа, о которомъ онъ размышляетъ день и ночь. Онъ будетъ какъ древо, насажденное при потокахъ водъ, которое приноситъ плодъ свой во время свое, и во всемъ, что онъ ни дѣлаетъ успѣетъ* ³⁾». (Января 1856 года).

Священное Писаніе нужно для христіанъ, необходимо для пастыря, но передъ пастыремъ, кромѣ библіи, еще служебникъ, треб-

¹⁾ Псал. 18, 1.

²⁾ Псал. 73, 16.

³⁾ Конечно это „размышленіе о пользѣ чтенія Св. Писанія“ есть свидѣтельство о личномъ опытѣ о. Іоанна.

никъ, акаѳисты и каноны. Конечно, они не могутъ дополнять книги книгъ? О. Іоаннъ думаетъ, что могутъ.

Отношеніе о. Іоанна къ богослуженію, къ страницамъ требника и служебника тоже, что и къ библіи.

Онъ чувствовалъ съ большой глубокой болью паденіе вниманія къ службѣ церковной, усиливающееся равнодушіе ко Христу и не склоненъ былъ обвинять въ этомъ однихъ слушателей. Нѣтъ, тутъ были виновны и совершители. Они не давали слушателямъ всего, что было дано въ богослуженіи, потому что сами не могли войти полными хозяевами во владѣніе сокровищницей богослуженія.

Для того, чтобы ввести слушателей въ духъ богослуженія думалъ о. Іоаннъ, нужно войти самому въ его духъ, понять его душу. Богослуженіе написано слезами, любовью, слѣдовательно, только слезами и можно войти въ него. Нужно съ душой, раскрытой для любви, пытаться понять богослужебный «чинъ» святой церкви, воскресить въ своей душѣ тѣ чувства, какія создали литургію. И вотъ онъ читаетъ служебникъ и требникъ, какъ Писаніе, вдумываясь въ каждую мысль, мысленно переносясь въ длинные галереи катакомбъ, въ тѣ горницы, гдѣ святыя «агапы» совершались съ дѣйствительно Христовой любовью.

Созданное вдохновеніемъ любви, оно и въ немъ будить тоже вдохновеніе и дѣлаетъ его службу пророческой, воскрешаетъ въ ней служеніе первыхъ вѣковъ.

Мы ниже увидимъ, какъ научился служить о. Іоаннъ, путемъ этого внимательнаго углубленія души въ содержаніе и мысль богослужебныхъ книгъ.

А третій путь—молитва, гдѣ ему мѣсто? Этотъ путь все: безъ него нѣтъ ни пониманія писанія, ни пониманія литургіи, ни какого духовнаго дѣянія. Молитва освѣщаетъ и страницы Писанія, и букву служебника. Она приближаетъ къ человѣку Бога и уясняетъ и слово, и Волю Его.

Но молитвѣ опять таки нужно учиться, молитву нужно завоевать. И о. Іоаннъ учится и молиться... Мы видѣли, что молиться о. Іоаннъ умѣлъ и юношей: теперь онъ дѣлаетъ новые шаги въ пріобрѣтеніи дара молитвеннаго. Его *методъ*, если позволено такъ выразиться, — усвоенія дара молитвы прекрасно описанъ въ той же автобіографіи его души, т. е. въ дневникѣ.

«Даръ молитвы, говоритъ онъ, пріобрѣтается усиліемъ. Средство для этого, — настойчивость въ молитвѣ, а главное въ способности сосредоточить свои мысли на образахъ Неба.

«Зажигательное стекло тогда зажигаетъ дерево или бумагу, или другое что удобосгораемое, когда мы наведемъ его на предметъ такъ, что лучи солнечные, сосредоточенные въ фокусѣ стекла всѣ сосредоточиваются на одной точкѣ зажигаемаго предмета, всю свою совокупностью дѣйствуютъ на него, и, такимъ образомъ, какъ бы все солнце въ уменьшительномъ видѣ помѣщается на предметѣ. Такъ и въ молитвѣ, тогда душа наша согрѣвается, оживляется и воспламеняется умнымъ Солнцемъ-Богомъ, когда умомъ своимъ, какъ зажигательнымъ стекломъ, мы наведемъ на сердце, какъ на духовную точку въ нашемъ существѣ, это мысленное Солнце, и когда Оно будетъ дѣйствовать на сердце всею Своею простотою и Своею силою. То же о Богоматери, объ Ангелахъ и святыхъ. Наведи на свое сердце ихъ образы такъ, какъ они есть, со всею силою и святынею пусть сердце приметъ озареніе ихъ на себя съ возможною полнотою и силою, и оно воспламенится ихъ любвеобильнымъ, какъ-бы огненнымъ дѣйствіемъ: ихъ чистота, святость, благость, сила сообщится твоему сердцу, и оно будетъ само очищаться, само укрѣпляться въ вѣрѣ и любви, и чѣмъ далѣе, чѣмъ рѣшительнѣе и постояннѣе ты будешь имѣть сердце свое обращеннымъ къ Нему и Его Святымъ, тѣмъ больше сердце твое будетъ просвѣщаться, очищаться и оживляться».

«Когда молишься Богу, вообрази живо, кому ты молишься. Ты молишься безначальному и безконечному Царю всякой твари, все-

святому, всеблагому, всемогущему, премудрому, вездѣсущему, всеправедному, предъ Которымъ благоговѣютъ миллионы миллионѣвъ Ангеловъ различныхъ порядковъ, Коего воспѣваютъ воинства мучениковъ, сословіе пророковъ и апостоловъ, соборы святителей, преподобныхъ и праведныхъ».

Развить способность молиться—это значитъ развить въ себѣ способность представлять себѣ живо Бога—Его святой ликъ... Лично о. Іоаннъ, живя и днемъ и ночью около Бога и съ мыслью о Немъ, конечно безъ труда могъ приобрѣсти эту способность переноситься въ иныя сферы и, поэтому, если у кого, то у него трудъ созиданія въ себѣ духа молитвы и не могъ быть и не остался безплоднымъ. О. Іоаннъ сосредоточиваетъ въ себѣ огромную силу молитвы. Онъ достигаетъ того, что молитва его становится дѣйствительною внутренней бесѣдой съ Богомъ. *Онъ спрашиваетъ и Господь даетъ ответы.*

При этомъ необходимо отмѣтить, что о. Іоаннъ, какъ сынъ православной восточной церкви, на первыхъ же порахъ созналъ, что молитва не должна быть просто экстатическимъ погруженіемъ въ святыя образы, нѣкоторой потерей сознанія. Нѣтъ, она, по его мнѣнію, должна быть трезвой бесѣдой съ Богомъ, исходнымъ пунктомъ которой должно быть настоящее духовное состояніе. Человѣкъ долженъ нести Богу свои думы и чувства, что бы онѣ тамъ очистились и просвѣтились, а не просто искать молитвеннаго самозабвенія.

Эта черта очень серьезна для характеристики духовнаго облика о. Іоанна: отсюда его молитва такъ ярко отражаетъ его личность. Слова его молитвы всегда продиктованы *его душою*, а не взяты готовыми со словъ другихъ. *И слова чужихъ молитвъ у него всегда слиты въ нераздѣльное едино съ его настроеніями.* Такъ какъ при такихъ условіяхъ молитва есть всегда созданіе души, выраженіе ея жизни, отраженіе не вообще молитвеннаго состоянія, но данной молитвенной минуты, данной жизненной обстановки, то и понятна ея

огненная сила и ея постоянная искренность и, что особенно важно для насъ сейчасъ, ея заразительность, властное вліяніе на чужія присутствующія души. Былъ-ли совершенно спокойнымъ и тихимъ этотъ подвижническій путь? Нѣтъ, далеко нѣтъ.

О. Іоаннъ много говоритъ о своихъ духовныхъ бореніяхъ и искушеніяхъ. Были минуты, когда, по его словамъ, волна страстей—гордости, самомнѣнія и т. д. готова была захватить его.—Демоны обступали отовсюду. Душа обуревалась отчаяніемъ—небо темнѣло, какъ иногда и въ юношескіе годы на душѣ становилось тяжело отъ прикосновенія темныхъ крыльевъ зла, молиться не хотѣлось, вѣра падала.

Такія минуты были даже не рѣдки, но онѣ не были продолжительными: благодать и молитва всегда отгоняли искушенія и прогоняли тьму. Искушенія и страсти отступили передъ силой Христовой.

«Даю себѣ и вамъ отчетъ: что я дѣлалъ, ставши священникомъ, и что дѣлалъ въ этомъ санѣ?» говорилъ о. Іоаннъ по случаю 40 и 45 лѣтъ священства.

«Рукоположенный во священника и пастыря, я вскорѣ на опытъ позналъ, съ кѣмъ я вступаю въ борьбу на моемъ духовномъ поприщѣ, именно съ сильнымъ, хитрымъ, недремлющимъ и дышущимъ злобою и погibelью и адскимъ огнемъ геенны княземъ міра сего и съ духами злобы поднебесными, какъ говоритъ Апостоль: «наша брань не противъ плоти и крови, но противъ начальствъ, противъ властей, противъ міроправителей тьмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ»; начались искушенія, обнаружились пакости вражіи, немощныя уязвленія, преткновенія; враги, какъ разбойники, стали преслѣдовать меня въ духовномъ шествіи моемъ и въ служеніи Богу моему. Это значило, что Господь, Пастырь добрый, ввелъ меня въ искусь и опытное духовное обученіе, чтобы я позналъ, съ какими врагами имѣю дѣло, принявъ на себя иго Христова священства, съ кѣмъ долженъ бороться, отъ кого хранить словесныхъ овецъ, какъ

ограждать ихъ отъ змія всей бездны, отъ льва рыкающаго и ищущаго всякій день кого бы поглотить. Какъ духовный воинъ, я долженъ былъ зорко слѣдить за злохитрыми дѣйствіями неусыпающихъ, лукавыхъ, злыхъ, невидимыхъ враговъ, нападавшихъ на меня чрезъ различныя страсти и страхованія, и часто терпѣть наносимыя мнѣ отъ нихъ раны въ душѣ, язвы, смущенія, тѣсноты, пораженія, хотя, въ свою очередь, и я поражалъ ихъ оружіемъ вѣры, молитвы, покаянія, причащенія св. Таинъ Христовыхъ. И въ этой невидимой, но упорной, полной уязвленій душевныхъ, брани, отъ которой страдала плоть, Господь научилъ постоянно руцѣ мои духовныя на ополченіе и персты моя на брань; въ этой невидимой, жестокой войнѣ я учился искренней вѣрѣ, упованію, терпѣнію, молитвѣ, правотѣ духа, чистотѣ сердца, непрестанному призыванію имени незримаго, державнаго Побѣдителя ада и Пастыреначальника Іисуса Христа, и Его именемъ и силою побѣждалъ враговъ и свои душевныя страсти, рыкавшія на меня, подобно лвамъ, или завывавшія, подобно волкамъ. Эта борьба съ сильнымъ и хитрымъ невидимымъ врагомъ воочію показала мнѣ, какъ много во мнѣ немощей, слабостей и грѣховныхъ страстей, какъ много имѣть во мнѣ князь вѣка сего, и какъ я долженъ много бороться съ собою, съ своими грѣховными наклонностями и привычками и побѣдить ихъ, чтобы быть, по возможности, неуязвимымъ отъ стрѣлъ вражнихъ. Началась духовная брань; самоблюденіе; изощреніе духовнаго зрѣнія; обученіе себя непрестанной, тайной молитвѣ и призыванію всеспасительнаго имени Христова; какъ Псалмопѣвецъ царь—пророкъ Давидъ, я постоянно сталъ возводить сердечныя очи въ горы, на небо, откуда приходила ко мнѣ явная, скорая, державная помощь, и враги мои сильные обращались въ бѣгство, а я получалъ свободу и миръ душевный».

«Стократъ блаженны, думалъ я, пустынники, удалявшіеся ради неразвлекаемаго служенія и для спасенія души въ пустыни чуждыя соблазновъ міра. Но надо опять думалъ я—подвизаться и въ

мірѣ живя среди людей и сохранять себя несквернымъ отъ міра». (Слово 12 Дек. 1895 г.).

Писаніе, изученіе богослуженія, молитва—вся эта работа въ уединеніи священнической кельи и въ уединеніи совѣсти подготовили пастыря. Довершилъ созиданіе его души мірѣ, дѣятельность среди паствы—практическое пастырство. Съ первыхъ дней пастырства о. Іоаннѣ весь погружается въ сутолку жизни, близко входитъ въ соприкосновеніе съ жизнью своей паствы и растетъ въ борьбѣ за чужія души, за чужое спасеніе.

Кронштадтъ, того времени, когда вошелъ въ него о. Іоаннѣ, былъ особенный городъ. Въ 60-хъ годахъ Кронштадтъ служилъ мѣстомъ высылки административнымъ порядкомъ порочныхъ, неспособныхъ въ силу своей порочности гражданъ, преимущественно мѣщанъ и разнаго сброда.

Эти люди носятъ наименованіе «посадскихъ», и въ описываемое нами время городскіе жители много терпѣли отъ нихъ. Ночью не всегда безопасно было пройти по улицамъ города, рискуя подвергнуться нападенію и грабежу. Для о. Іоанна значить было поле дѣятельности своеобразное, требовавшее *особаго* человѣка. Конечно, можно просто и игнорировать всѣхъ этихъ посадскихъ, какъ своего рода «отбросы», но этого не могъ сдѣлать о. Іоаннѣ. На отбросы-то онъ прежде всего и обратилъ свое вниманіе.

Жили посадскіе, большей частью, въ самыхъ глухихъ улицахъ, въ землянкахъ. Страшные это были уголки. Здѣсь темнота, грязь, грѣхъ. Здѣсь семилѣтній развратень и воръ.

На чердаки никогда не поднимался даже праздничный крестъ. Сюда ни одинъ священникъ не приходилъ съ молебнами въ Свѣтлое воскресеніе.

И, вотъ, въ это «темное царство» врывается лучъ какого то другого, новаго міра, *священникъ Бога живаго*. О. Іоаннѣ «открылъ» чердаки: именно открылъ какъ какую-то «новую» землю. Онъ не брезгуетъ грѣхомъ, не боится запачкаться о чужую грязь. Нѣтъ,

онъ любить. Нужно, думаетъ онъ, любить всякаго человѣка и въ грѣхѣхъ его и позорѣхъ его...

«Люби всякаго человѣка, несмотря на его грѣхопаденія. Грѣхи грѣхами, а основа то въ человѣкѣ одна—образъ Божій. Другіе со слабостями, бросающимися въ глаза, злобны, горды, завистливы, скупы, сребролюбивы, жадны, да и ты не безъ зла, можетъ быть, даже въ тебѣ его больше, чѣмъ въ другихъ. По крайней мѣрѣ, въ отношеніи грѣховъ люди равны: вси, сказано, согрѣшиша и лишени суть славы Божіей, всѣ повинны передъ Богомъ и всѣ равно нуждаемся въ Божіемъ къ намъ милосердіи. Потому, любя другъ друга, надо терпѣть другъ друга и оставлять, прощать другимъ ихъ погрѣшности противъ насъ, чтобы и Отецъ нашъ небесный простилъ намъ согрѣшенія наши».

«Нужно чтить и любить въ каждомъ человѣкѣ образъ Божій, не обращая вниманія на его грѣхи, Богъ единъ святъ и безгрѣшенъ; а, какъ Онъ насъ любитъ, что Онъ для насъ сотворилъ и творить, наказуя милостиво и милуя щедро и благостно!»

«Не нужно смѣшивать человѣка, этотъ образъ Божій, со зломъ, которое въ немъ, потому что зло есть только случайное его несчастье, болѣзнь, мечта бѣсовская, но существо его—образъ Божій, всетаки въ немъ остается».

Злые люди больные люди, а больныхъ нужно жалѣть больше, чѣмъ здоровыхъ. И вотъ о. Іоаннъ приходитъ въ лачуги и землянки не съ требой на десять минутъ, а къ душѣ христіанской—къ брату погибающему; онъ остается здѣсь часами, бесѣдуетъ, вмѣстѣ плачетъ.

Первое впечатлѣніе, какое онъ производитъ, это, пожалуй, чувство стѣсненности, помѣхи, хочется отдѣлаться.

Встрѣчаютъ его первые дни и мѣсяцы грубостями. Но у батюшки есть давно испытанное средство. Это дѣти. Помните, какъ дѣйствовалъ Св. Леонтій Ростовскій. Когда его выгнали взрослые, онъ обратился къ дѣтямъ, дѣйствовалъ на ихъ сердце и разумъ и

потомъ черезъ дѣтей приводилъ къ Богу отцовъ и матерей; приблизительно также дѣйствовалъ часто о. Іоаннъ.

Онъ не хотѣлъ дѣйствовать черезъ дѣтей, *длящая ихъ средствомъ*. Нѣтъ, дѣти просто сблизили душу родителей, грубую, но любящую по отношенію къ нимъ дѣтямъ и душу пастыря, полного любви и къ дѣтямъ и родителямъ. О. Іоаннъ ласкаетъ дѣтей и они довѣрчиво жмутся къ батюшкѣ, а за дѣтьми потянулись и родители.

Въ сущности эти дикари трущобъ часто тоже дѣти, на ласки они рады откликнуться—только не сразу.

«Мнѣ было тогда только еще годовъ двадцать два, двадцать три—разсказываетъ въ письмѣ одинъ ремесленникъ.—Теперь я старикъ, а помню хорошо, какъ видѣлъ въ первый разъ батюшку. У меня была семья, двое дѣтишекъ, старшему года три. Рано я женился. Работалъ и пьянствовалъ. Семья голодала. Жена потихоньку по міру собирала. Жили въ дрянной конуркѣ—на концѣ города.

«Прихожу разъ не очень пьяный... Вижу, какой-то молодой батюшка сидитъ и на рукахъ сынишку держитъ и что то ему говорить—ласково. И ребенокъ серьезно слушаетъ. Можетъ быть грѣхъ, но мнѣ все кажется, батюшка былъ *какъ Христосъ на картинкѣ «благословеніе дѣтей»*. Я было ругаться хотѣлъ: вотъ, молъ, шляется, да глаза батюшки и ласковые, и сурьезные въ одно время меня остановили. Стыдно стало... Опустилъ я глаза, а онъ смотритъ, прямо въ душу смотреть. Началъ говорить. Не смѣю я передать все, что онъ говорилъ. Говорилъ про то, что у меня въ коморкѣ рай, потому что гдѣ дѣти, тамъ всегда и тепло, и хорошо, и о томъ, что не нужно этотъ рай мѣнять на чадъ кабацкій. Не винилъ онъ меня, нѣтъ, все оправдывалъ, только мнѣ было не до оправданія.

«Ушелъ онъ, я сижу и молчу... Не плачу...—хотя на душѣ такъ, какъ передъ слезами. Жена смотреть... И, вотъ, съ тѣхъ поръ я человекомъ сталъ».

Не сразу, конечно, поддались о. Іоанну босяки. Сначала они могли видѣть въ бесѣдахъ батюшки капризъ, что-то въ родѣ раз-

влеченія отъ нечего дѣлать. Но, вотъ, скоро эти подозрѣнія разбились. Безкорыстіе о. Іоанна показало, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло.

Очевидцы рассказываютъ о такого рода фактахъ, которые даже неудобно рассказывать въ наше время.

Времена мѣняются и для насъ, далеко отошедшихъ отъ евангелія; святое и евангельское, Христово, можетъ показаться страннымъ и блаженнымъ.

Кронштадтскіе жители часто видѣли своего пастыря, возвращающагося босымъ. Не одинъ разъ прихожане Андреевскаго собора приносили матушкѣ сапоги, говоря: возьми, вотъ, а то твой-то отдашь ихъ, босой придетъ, мы купили... —не ходитъ же ему такъ.

Я не сразу было даже рѣшился привести этотъ рассказъ, переданный мнѣ о. Дмитріемъ Соколовымъ; отъ него вѣтъ настолько не нашимъ духомъ, что я почти увѣренъ, о. Іоанна осудятъ за то, что онъ осмѣлился идти босой (какъ ходили Христосъ и Апостолы), это—юродство. Подумавши—не рѣшился и утаить, ибо кто знаетъ, можетъ быть, рассказъ затеряется, а я думаю, что есть люди, которые отнесутся къ нему и не съ глумленіемъ ¹⁾).

Во всякомъ случаѣ это безкорыстіе «Божьяго человѣка» и привлекло къ о. Іоанну первыхъ его учениковъ.

Босяки стали его искать. Каждый день рано поутру, послѣ обѣдни, о. Іоаннъ, выходя изъ церкви, былъ окружаемъ кучкой бѣдняковъ, обращающихъ съ просьбами о помощи въ различныхъ нуждахъ, и преимущественно матеріальныхъ: одному нужно было платье, другому—нѣсколько копѣекъ на пропитаніе, у третьяго—сапоги отказывались служить. Отецъ Іоаннъ терпѣливо выслушивалъ, каждого спрашивалъ самъ о семьѣ, дѣтяхъ.

«Невольно—пишетъ одинъ біографъ—представляется глазамъ:

¹⁾ О. Іоаннъ совсѣмъ не умѣлъ отказывать. Благодаря этому, нуждался не только онъ, но и его жена: ей не на что было вести хозяйство. Понимая, что онъ не имѣетъ права заставлять нищенствовать жену, о. Іоаннъ распорядился, чтобы жалованье по законоучительству выдавали ей...

добрая, одухотворенная фигура его съ яснымъ, насквозь пронизывающимъ взоромъ, устремленнымъ на просителя.

— Не обманываешь ли ты меня о Христѣ братъ?—съ теплою любовью, но строгимъ тономъ спрашиваетъ о. Іоаннъ.—Денегъ у меня немного, а видишь сколькимъ помочь нужно.

Проситель начинаетъ увѣрять въ правдивости своихъ словъ, и кончается тѣмъ, что отецъ Іоаннъ, по силѣ возможности, надѣляетъ его деньгами, или же самъ отправляется на мѣстный рынокъ и тамъ покупаетъ платье, сапоги, наконецъ пищу, словомъ смотря по тому, что всего болѣе необходимо для просителя въ данный моментъ.

Бывали, конечно, и случаи обмана.

Раздавалъ о. Іоаннъ до тѣхъ поръ, пока отъ его жалованья и доходовъ не оставалось ни копѣйки даже на обѣдъ дома. Другой на мѣстѣ о. Іоанна, конечно, удовлетворился бы и матеріальной и духовной помощью, какую могъ оказать безъ ущерба для себя. О. Іоаннъ не могъ. Онъ зналъ, что многіе голодные и не хотятъ просить, а къ духовно-гибнущимъ нужно подойти. И въ то время, какъ «нищіе и духомъ и тѣломъ»—стали искать его, онъ и самъ по прежнему продолжалъ поиски «нуждающихся и обремененныхъ горемъ и грѣхами».

Трогательнъ его обычай заходить на «огонекъ». О. Іоаннъ и теперь имѣетъ обычай вечеромъ отъ 11 до 12 иногда ходить по улицамъ Кронштадта. Онъ проситъ себя не беспокоить въ это время: *онъ молится*. Тоже, конечно, было и въ первые годы пастырства. Но вотъ послѣ этой молитвы на пути домой онъ видитъ «огонекъ» въ какой-нибудь избѣ. «Огонекъ»—не спятъ, можетъ быть, какое горе и о. Іоаннъ заходитъ, бесѣдуетъ, плачетъ съ плачущими и радуется съ радующимися.

И много разъ въ душѣ многихъ впервые затеплился огонекъ послѣ этого посѣщенія «по огоньку».

«Приходить о. Іоаннъ въ бѣдную семью, рассказываетъ Зы-

бинъ, видить, что некому сходить даже за съѣстными припасами, потому что изъ одного угла доносятся болѣзненные стоны хвораго матери семейства, изъ другаго несмолкаемый плачь полуголодныхъ, иззябшихъ, больныхъ ребятишекъ.

Отецъ Іоаннъ самъ отправляется въ лавочку, чтобы купить провизію, въ аптеку за лекарствомъ или приводить доктора, словомъ, окружаетъ несчастную семью чисто родственными попеченіями, никогда, разумѣется, не забывая и о матеріальной помощи, оставляя тамъ послѣднія свои копѣйки, которыхъ слишкомъ мало въ то время имѣлъ еще и самъ.

Уходилъ онъ оттуда постоянно радостный, умиленный, съ твердой вѣрой въ милосердіе Божіе и надѣясь, что Господь пошлетъ ему средства для дальнѣйшихъ благодѣяній, помня слова Св. Писанія: «рука дающаго не оскудѣваетъ».

Больше всего о. Іоаннъ помогалъ своимъ дѣтямъ своими хлопотами. Онъ не давалъ, бывало, покою властямъ, пока они не принимали на службу какого нибудь изъ его «несчастныхъ» и конечно добивался своего.

Чисто библейскую сцену отношеній о. Іоанна къ его первой паствѣ рисуетъ одинъ нашъ кронштадтскій собесѣдникъ.

Лѣтомъ о. Іоаннъ любилъ бесѣдовать за городомъ. Придетъ туда на лужайку съ «своими дѣтьми», сядетъ на зеленую траву и начнетъ свою рѣчь о Богѣ, о Сынѣ Его, о любви и милости. Около ногъ его дѣти. Онъ обнимаетъ, цѣлуетъ. Одинъ поднялся къ нему на колѣни. Взрослые кто стоитъ, кто сидитъ...

Такъ шли дни и вотъ посадскіе рѣшили сразу, что это святой, а святому на Руси всегда открыты всѣ души, всѣ тайныя помышленія.

И о. Іоаннъ сталъ своимъ въ домахъ этихъ бѣдняковъ, уже по зову, по просьбѣ.

Бѣдняки стали приглашать его наперерывъ, ища уже не одной только денежной помощи. О. Іоаннъ никогда не отказывалъ на

эти просьбы о посѣщеніи, удовлетворялъ нуждающагося въ немъ, приходилъ, просиживалъ довольно продолжительное время, наставляя его христіанскому ученію и, въ концѣ концовъ, не гнушался вкусить скудной трапезы бѣдняка, памятуя слова Апостола: «предлагаемое да ядять».

Нечего и говорить, что, спускаясь въ землянки посадскихъ, о. Іоаннъ не проходилъ и мимо страдающихъ душъ изъ другихъ слоевъ.

Вотъ разсказъ одного кронштадтскаго торговца.

«Будучи еще молодымъ человѣкомъ, я лишился жены, оставившей на моихъ рукахъ малолѣтняго сына. Я сильно скорбѣлъ. Порою доходилъ даже до унынія. Не только потеря горячо любимой подруги мучила меня, едва ли не больше я мучился мыслью о дальнѣйшей моей судьбѣ. Я чувствовалъ и сознавалъ, что неспособенъ воспитать своего шестилѣтняго сына, который, какъ и надо ожидать, безъ присмотра материнскаго, предоставленный самому себѣ,—сталъ шалить и баловаться. По торговлѣ пошли убытки и упущенія. Я сталъ считать ея безцѣльною. Для кого и для чего, думалъ я, торговать? Сынишка такъ еще малъ, да и что еще изъ него выйдетъ? Полное разочарованіе жизни стало одолевать меня. Чтобы избавиться отъ гнетущей тоски, я сталъ искать утѣшенія внѣ дома въ винѣ и незамѣтно для самого себя сталъ пьяницею. Время шло. Сынишка росъ на своей волюшкѣ, торговлею я почти совсѣмъ не занимался, оставивъ лавку на приказчиковъ, и только выжидалъ случая совершенно покончить съ нею. Однажды иду я утромъ по улицѣ и вижу, на встрѣчу идетъ о. Іоаннъ, должно быть прямо изъ собора отъ обѣдни. Повстрѣчался со мною, благословилъ меня, да и говорить:

— Я къ тебѣ, братъ, иду: надо бы съ тобою побесѣдовать немножко.

Пришли мы въ квартиру мою. Батюшка сѣлъ, да и говорить:

— Жаль мнѣ тебя, рабъ Божій! я давно наблюдаю за тобою.

Думаль, не образумишься ли ты, и рѣшилъ наконецъ придти къ тебѣ на помощь. Послушай меня, сбрось съ себя хандру. Это врагъ силится уловить тебя. Если не исправишься, смотри, худо будетъ. Перестань пить, не отлучайся изъ дому безъ особенной надобности. Торговлю бросать не думай, а займись сю самъ. Помни, что ты не одинъ. У тебя — сынишка, не губи его и себя. Учить его пора. Учи грамотѣ, бери съ собою въ лавку, приучай понемногу къ дѣлу; и тебѣ повеселѣе будетъ, да и онъ съ помощію Божіей приучится къ дѣлу, человѣкомъ будетъ, тебѣ помощникомъ, а подъ старость кормильцемъ твоимъ, утѣшеніемъ твоимъ. Слышишь же, съ сегодняшняго дня начинай. Довольно по улицамъ то бродить безъ дѣла. Человѣкомъ ты былъ, человѣкомъ и оставайся!

Съ этими словами батюшка всталъ, надѣлъ эпитрахиль и говоритъ:

— Ну, вотъ на починъ дѣла помолиться надо. Помолимся поусерднѣе Господу Богу, чтобы Онъ Самъ помогъ намъ раскаяться, да въ разумъ истины придти.

И сталъ онъ на молитву. Со слезами онъ молился за меня грѣшнаго. Потомъ благословилъ насъ съ сыномъ, обѣщалъ навѣщать и молиться за насъ, и ушелъ.

Словно проснулся я отъ долгаго тяжелаго сна; и квартирка то наша стала милѣй для меня. Со слезами раскаянія я обнялъ своего сына. Только тутъ я почувствовалъ, какъ виновать предъ нимъ. Вѣдь чуть было совсѣмъ не сгубилъ его. Съ благословенія батюшки принялся и за дѣло. Батюшка дѣйствительно навѣщалъ меня, иногда подолгу бесѣдовалъ со мною, утѣшалъ, подкрѣплялъ меня, ласкалъ и наставлялъ сыночка. Дѣло по торговлѣ за годъ поправилось и я сталъ снова «человѣкомъ» за молитвы дорогого батюшки. (И. Таисія. О. Іоаннъ, какъ пастырь).

«Я, говорилъ о. Іоаннъ этому торговцу, давно наблюдаю за тобою».

Но отцу Іоанну не нужно и долго наблюдать. Эта чуткая,

полная любовной отзывчивости душа сразу замѣчала, кому нужна поддержка и помощь и онъ не смущаясь шелъ къ больной душѣ, неся исцѣленіе, хотя эта душа была ему не знакома.

«Судьба рано заставила меня страдать... и томиться жизнію—

О. Іованнъ въ концѣ семидесятихъ годовъ.

разсказываетъ одна дѣвушка.—Съ малаго дѣтства я не была любима въ родной семьѣ. Отъ природы болѣзненная, неразвитая, ни къ чему неспособная, но изнѣженная, нервная, я была въ тягость и другимъ, и самой себѣ. Отдали меня въ институтъ. Но и оттуда

черезъ три года исключили по неспособности къ учению. Въ то время, когда меня исключили изъ института, отца моего уже не было въ живыхъ. Мать моя, болѣзненная женщина, не имѣла средствъ меня содержать такъ, какъ мы жили при отцѣ. Въ лишешійхъ, скорбяхъ проводили мы съ нею дни свои. Но, вотъ, наконецъ, умираетъ и мать моя, оставляя меня одну, совершенно безъ всякихъ средствъ къ жизни. Куда мнѣ было преклонить свою голову? Я гостила то у однихъ родственниковъ, то у другихъ, то у знакомыхъ. Не имѣя возможности нигдѣ прочно пріютиться, я перекочевывала съ мѣста на мѣсто.

«Одно время я гостила въ Кронштадтѣ. Здѣсь мнѣ было скучно. Однажды мнѣ ужъ очень стало тяжело, и я во время одной прогулки начала обдумывать планъ, какъ бы мнѣ прекратить свое безполезное и мучительное состояніе. Сидя въ такомъ грустномъ настроеніи, я не замѣтила, какъ подошелъ ко мнѣ священникъ и, привѣтливо поклонившись, сѣлъ на другой конецъ лавочки. Не зная его, какъ и никого въ Кронштадтѣ, и не желая ни съ кѣмъ, раздѣлять своего тяжелаго настроенія, я встала и хотѣла удалиться. Но незнакомый мнѣ батюшка остановилъ меня и сказалъ: «я обезпокоилъ васъ, кажется. Извините, но, проходя мимо, я не могъ не подмѣтить тяжелаго настроенія вашей души, свидѣтельствующаго о глубокой вашей скорби, и, какъ пастырь, хотя и незнакомый вамъ, но по сану пастырства не чуждый, рѣшилъ подойти къ вамъ и съ чувствомъ искренняго участія побесѣдовать съ вами. Не стѣсняйтесь, откройте мнѣ вашу скорбь. Можетъ быть, чрезъ меня грѣшнаго Господь и успокоитъ васъ и утѣшитъ васъ».

«Тронутая такимъ участіемъ человѣка, мнѣ совершенно незнакомаго, я горько заплакала, но ничего не могла сказать, кромѣ одного: «я несчастная, лишняя на свѣтѣ!»

— Великій умъ Творца не могъ сотворить ничего лишняго,— отвѣчалъ батюшка.

«Указывая на ползущую по песку букашку, онъ продолжалъ:

О. Іоаннъ Сергіевъ.

— Посмотри, что безпомощнѣе, ничтожнѣе этого насѣкомаго? Но и оно не лишнее, и оно приноситъ долю пользы, и оно не забыто и не оставлено Творцомъ! А ты, будучи человѣкомъ, этимъ любимымъ созданіемъ Божиимъ, отчаяваешься въ Его милосердіи! Повѣдай мнѣ скорбь свою, скажи, что случилось съ тобою.

«Тутъ я излила всю душу свою предъ добрымъ батюшкой. Мнѣ казалось, что еще никто не говорилъ со мною съ такимъ участіемъ, никто такъ не утѣшалъ меня. Онъ казался мнѣ Ангеломъ, посланнымъ Богомъ на спасеніе мое отъ гибели, до которой было уже мнѣ такъ недалеко. Съ искреннею отеческою любовію онъ бесѣдовалъ со мною. Ободрялъ, утѣшалъ, указывалъ мнѣ путь жизни, которымъ я и иду до настоящаго времени, не переставая благодарить его. Имени своего онъ мнѣ не открылъ, назвавшись однимъ изъ соборныхъ священниковъ. Когда же, вернувшись домой, я рассказала о своей замѣчательной встрѣчѣ и бесѣдѣ съ какимъ то священникомъ, мнѣ сказали, что это былъ несомнѣнно о. Іоаннъ. При этомъ они добавили: это дивный, святой человѣкъ».

Главный источникъ, изъ котораго о. Іоаннъ черпалъ силу, возрождающую чужія души, была, конечно, молитва. Всѣ его часы отдавались молитвѣ. У него не было еще въ то время такой популярности, какая теперь; слѣдовательно, было больше досуга.

Ночи его были свободны, но онъ отдавалъ ихъ молитвѣ *за другихъ*.

О. Іоаннъ, при проѣздѣ черезъ Петергофъ, часто останавливался у меня, рассказывалъ намъ о. Д. С—овъ.

Утромъ спросишь: какъ спалъ?

— Слава Богу, добрая ночь. Здоровъ. Голова свѣжа.

«А я зналъ, что онъ и не ложился въ постель до самаго утра».

Какъ молился онъ за другихъ, можно читать въ его же дневникѣ.

«Младенцы Павелъ и Ольга, по безпредѣльному милосердію Владыки и по молитвѣ моего непотребства, исцѣлились отъ одержимаго ими духа немощи. У Павла-малютки немощь разрѣшилась сномъ, малютка Ольга получила спокойствіе духа и личико изъ

темнаго сдѣлалось яснымъ. Девять разъ ходилъ я молиться съ дерзновеннымъ упованіемъ, надѣясь, что упованіе не посрамитъ, что толкующему отвержется, что хоть за неотступность дастъ мнѣ Владыка просимое; что если неправедный судія удовлетворилъ наконецъ утруждавшую его женщину, то тѣмъ болѣе Судія всѣхъ, праведнѣйшій, удовлетворитъ мою грѣшную молитву о невинныхъ дѣтяхъ, что Онъ призритъ на трудъ мой, на ходьбу мою, на молитвенныя слова и колѣнопреклоненія мои, на дерзновеніе мое, на упованіе мое. Такъ и сдѣлалъ Владыка, не посрамилъ меня грѣшника. Прихожу въ десятый разъ,—младенцы здоровы. Поблагодарилъ Владыку и пребыструю Заступницу».

И вотъ естественно, что эта молитва съ перваго же года дала пастырю ту вѣру, которая двигаетъ горы и творитъ исцѣленія, вѣру, которую о. Іоаннъ считаетъ обязательной для пастыря.

«Рабъ Божій—говоритъ онъ, при совершеніи Богослуженія и таинствъ долженъ быть твердо убѣжденъ, что только онъ *что либо помыслить и скажетъ, это и сдѣлается*. Такъ удобно и легко для Владыки исполнять наши прошенія, творить или претворять что-либо по нашему слову. Это убѣжденіе пусть такъ въ тебѣ будетъ крѣпко и естественно, какъ твое дыханіе воздухомъ, какъ видѣніе зрѣніемъ, какъ слушаніе слухомъ». И у него была эта вѣра и удивительно ли, что онъ «испыталь тысячекратно на себѣ, что это точно такъ; испыталь, что между словами: «рече и быша, повелѣ и создашася», нѣтъ промежутка, что они истинны во всей силѣ».

Одинъ изъ близкихъ знакомыхъ ¹⁾ о. Іоанна, присутствуя за его службой въ день святителя Николая, замѣтилъ, что служеніе было какимъ-то особенно радостнымъ и сильнымъ, настойчивымъ: «Святителю Отче Николае, моли Бога о насъ».

Настойчиво, *какъ будто вспоминая о чемъ-то бывшемъ*: «Моли, какъ тогда то молился».

¹⁾ Передаемъ по разказу ген. О—ова.—Не напечатано.

Онъ сказалъ «батюшкѣ» о своемъ впечатлѣніи. «Да, ты правъ—отвѣчалъ о. Іоаннъ,—и есть причины, почему я особенно молюсь въ эти дни. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ первый годъ моей службы пріѣзжаетъ ко мнѣ одинъ товарищъ мой съ 4-го курса академіи. Говоритъ мнѣ, что экзамены онъ не можетъ держать, оглохъ: ничего почти не слышитъ, лѣчиться нужно.

— Но ты долженъ держать!

— Не могу.

— Долженъ. Давай молиться. И мы молились цѣлую ночь вдвоемъ. И мой товарищъ выздоровѣлъ и держалъ экзамены. Для меня это святой день и я помню его».

И шли первые годы пастырства—радостные, святые, свѣтлые. Это были годы жизни всецѣло для другихъ. «Я священникъ—говоривалъ о. Іоаннъ,—чего же тутъ: значить, говорить нечего: не свой, другимъ принадлежу».

Молодая жена его какъ бы по обѣту превратилась, въ первое время, правда, не безъ ропота, въ сестру милосердія, своему «глаголемому» супругу въ его высокому служеніи Богу и ближнимъ.

Во всѣ эти годы они видѣлись только, говорятъ, на нѣсколько чуть ли не минутъ въ день, когда о. Іоаннъ появлялся дома поздно вечеромъ или рано утромъ.

— Счастливыхъ семей, Лиза, и безъ насъ довольно,—говорилъ обыкновенно онъ.—А мы съ тобой посвятимъ себя на служеніе Богу.

И вотъ къ 60 годамъ мы уже видимъ въ о. Іоаннѣ почти нынѣшняго о. Іоанна.

Уже въ 60 годахъ его день проходитъ такъ: «Отецъ Іоаннъ только что вернулся домой послѣ литургіи и безчисленныхъ визитовъ къ больнымъ и страждущимъ; передъ домомъ по обыкновенію стояла толпа нищихъ, ожидавшихъ подаенія.

Отецъ Іоаннъ роздалъ все до послѣдняго двугривеннаго и оставилъ только 20 коп. на пароходъ, чтобы, отдохнувъ, ѣхать въ

О. Іоаннъ Сергіевъ.

Ораніенбаумъ къ трудно-больному: о. Іоаннъ зналъ, что дома у него этой суммы не найдется. Едва онъ вошелъ въ свою скромную комнату, какъ услышалъ въ прихожей шумъ и громкій разговоръ. Не снимая верхней одежды, о. Іоаннъ вернулся въ прихожую; оказалось, что какая-то женщина съ рыданіями проситъ пустить ее къ батюшкѣ.

— Пусть подождетъ,—говоритъ о. Іоанну жена:—вѣдь ты съ 5 час. утра ходилъ, голодный, измученный; пообѣдай, отдохни...

— Погоди, я спрошу, что она хочетъ.

Увидавъ батюшку, женщина бросилась ему въ ноги.

— Спаси насъ, отецъ—молила она:—у меня мужъ умираетъ, пятеро дѣтей второй день не ѣли, я сама едва хожу... Одна надежда на тебя...

— Пойдемъ къ тебѣ,—ласково отвѣчалъ о. Іоаннъ, подымая женщину,—Господь тебѣ поможетъ...

И о. Іоаннъ, совершенно забывъ объ обѣдѣ и усталости, вышелъ изъ дому вмѣстѣ съ женщиной.

— На, вотъ тебѣ 20 коп. Зайди въ лавку, купи хлѣба и яицъ, больше у меня нѣтъ...

Придя къ женщинѣ, о. Іоаннъ дѣйствительно засталъ картину страшной нищеты: умирающій смотрѣлъ безжизненно остановившимися глазами и не шевелился; дѣти стонали отъ голода.

Когда хлѣбъ и яйца были съѣдены, о. Іоаннъ самъ помогъ женщинѣ убрать ея темную подвальную каморку, привелъ нѣсколько въ порядокъ дѣтей и затѣмъ, опустившись на колѣни передъ крошечнымъ образомъ, висѣвшимъ въ углу, началъ громко молиться...

Женщина повторяла слова и молитвы и все ждала, когда же отецъ Іоаннъ будетъ просить у Господа исцѣленія больного, улучшения ихъ бѣдственнаго положенія, нужды... Но отецъ Іоаннъ просилъ совсѣмъ о другомъ... Онъ молил Бога о прощеніи грѣховъ, спасеніи души, о вѣрѣ и любви къ Спасителю...

Когда голосъ его стихъ, онъ стоялъ еще долго, опустивъ голову,

Копія съ адреса, поднесеннаго о. Іоанну въ день двадцатилѣтняго юбилея.

и затѣмъ, вставъ съ колѣнъ, подошелъ къ кровати и благословилъ больного.

— Приди ко мнѣ завтра въ церковь,—сказалъ о. Іоаннъ уходя.

Не успѣлъ онъ выйти изъ дома, какъ увидѣлъ уже нѣсколько человѣкъ, ожидавшихъ его съ приглашеніями въ Петербургъ и Ораніенбаумъ; выслушавъ просителей о. Іоаннъ отправился съ ними на пароходъ и только въ первомъ часу ночи вернулся домой «обѣдать»... Нечего и говорить, что на утро онъ сдѣлалъ для семьи все, что могъ, а онъ могъ уже многое.

А далѣе 70—80 г.г. извѣстность растеть и растеть: нисколько не удивительно, если такого пастыря скоро всѣ узнали. Вѣсть о молодомъ необыкновенномъ священникѣ стала быстро распространяться и внѣ Кронштадта. Разказы о подвигахъ милосердія, любви и о плодахъ его молитвы ходили изъ устъ въ уста.

Въ 1883 году 20 декабря въ газетѣ «Новое Время» появилось знаменитое «благодарственное заявленіе», которое было началомъ уже всероссійской извѣстности Кронштадтскаго священника. Составленное неизвѣстно кѣмъ, сопровождаемое десятками подписей, это заявленіе гласило буквально слѣдующее:

«Мы, нижеподписавшіеся, считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ засвидѣтельствовать искреннюю, душевную благодарность протоіерею Андреевскаго собора, что въ городѣ Кронштадтѣ, отцу Іоанну Ильичу Сергіеву, за оказанное намъ исцѣленіе отъ многообразныхъ и тяжкихъ болѣзней, которыми мы страдали и отъ которыхъ ранѣе не могла насъ исцѣлить медицинская помощь, хотя нѣкоторые изъ насъ по-долгу лежали въ больницахъ и лѣчились у докторовъ. Но тамъ, гдѣ слабыя человѣческія усилія являлись тщетными, оказалась спасительною теплая вѣра во Всемогущаго Цѣлителя всѣхъ золь и болѣзней, ниспославшаго намъ грѣшнымъ помощь и исцѣленіе чрезъ посредство достойнаго предъ Господомъ благочестиваго отца протоіерея. Святыми и благотворными молитвами сего, такъ много заслужившаго предъ Верховнымъ Зижди-

телемъ всѣхъ благъ, подвижника, всѣ мы не только получили полное избавленіе отъ угнетавшихъ насъ недуговъ тѣлесныхъ, но нѣкоторые изъ насъ чудесно исцѣлились и отъ немощей нравственныхъ, безповоротно увлекавшихъ ихъ на путь порока и гибели, и теперь, укрѣпленные столь явнымъ знакомъ Божьяго къ нимъ милосердія, почувствовали силы оставить прежнюю грѣховную жизнь и пребывать болѣе твердыми на стези честнаго труда и богобоязненнаго поведенія. Считаая особенно полезнымъ для назиданія многихъ въ наше маловѣрное время заявить во всеобщее свѣдѣніе о такомъ видимомъ проявленіи неустанно пекущагося о грѣховномъ челоѣчествѣ всеблагаго Промысла Божія, признаемъ неуклоннымъ долгомъ предъ лицомъ всѣхъ заявить свою глубокую благодарность столь много помогшему преподобному о. протоіерею, прося его и на будущее время не забывать насъ грѣшныхъ въ своихъ молитвахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, стараясь твердо памятовать сами, сообщаемъ и для другихъ единственный, преподанный намъ многодостойнымъ пастыремъ-исцѣлителемъ, при нашихъ къ нему обращеніяхъ, высоко-врачующій спасительный совѣтъ жить по Божьей правдѣ и какъ можно чаще приступать ко Св. Причастію». (№ 2807).

Послѣэтого заявленія о. Іоаннъ сталъ вѣдомъ всей Россіи... Онъ получаетъ сотни телеграммъ и писемъ.

Дворъ маленькаго домика, занимаемаго и по нынѣ о. Іоанномъ, сталъ наполняться всякимъ пришлымъ народомъ. Приходили недугующіе, страждущіе, обременные, приходили съ семейными невзгодами, пьющіе запоемъ, покинутыя жены... Всѣмъ была нужда до батюшки. Его звали, приглашали всюду. Предъ нимъ открывали свою душу. И онъ никому не отказывалъ, принимая всѣхъ приходившихъ къ нему; молился съ ними, утѣшалъ ихъ. Шелъ по первому зову къ трудно больному, ѣхалъ за десятки верстъ. Вездѣ, гдѣ только ни появлялся онъ, вносилъ миръ, отраду, надежду, вѣру. Каждый уходилъ отъ него съ облегченнымъ сердцемъ и смягченными тѣлесными страданіями.

И чѣмъ болѣе вездѣ и всюду распространялась о немъ добрая слава, тѣмъ все менѣе и менѣе находилъ онъ за собою заслугъ. Все онъ смиренно приписывалъ Богу. «Благодать и милость Спасителя нашего не оскудѣваютъ и нынѣ, не оскудѣютъ до вѣка... Слава Спасителю нашему Богу! Онъ видитъ, что не ложно я возсылаю Ему эту славу. Только Имъ и о имени Его я славенъ, а безъ Него—безчестенъ; только Имъ силенъ, а безъ Него—немощенъ; съ Нимъ святъ, а безъ Него—исполненъ грѣховъ; съ Нимъ дерзаю, безъ Него малодушествую; съ Нимъ кротокъ и смиренъ безъ Него—раздражителенъ и неблагъ. Возвеличите же Господа со мною и вознесемъ Имя Его вкупѣ (Псал. 33, 4)».

Такая популярность внесла въ жизнь о. Іоанна только новыя тернія. Прежде всего непріязненно отнесся къ о. Іоанну его ближайшая власть—настоятель собора.¹⁾ О. Іоанна обвиняли въ небрежномъ отношеніи къ его обязанностямъ, въ неблагочинномъ поведеніи, какъ священника, въ самовольныхъ отлучкахъ. Надъ о. Іоанномъ было даже слѣдствіе, которое, конечно, не могло найти въ его дѣятельности ничего предосудительнаго, но тѣмъ не менѣе не проявило особенной чуткости къ огромному, святому, просвѣтительному дѣлу о. Іоанна.

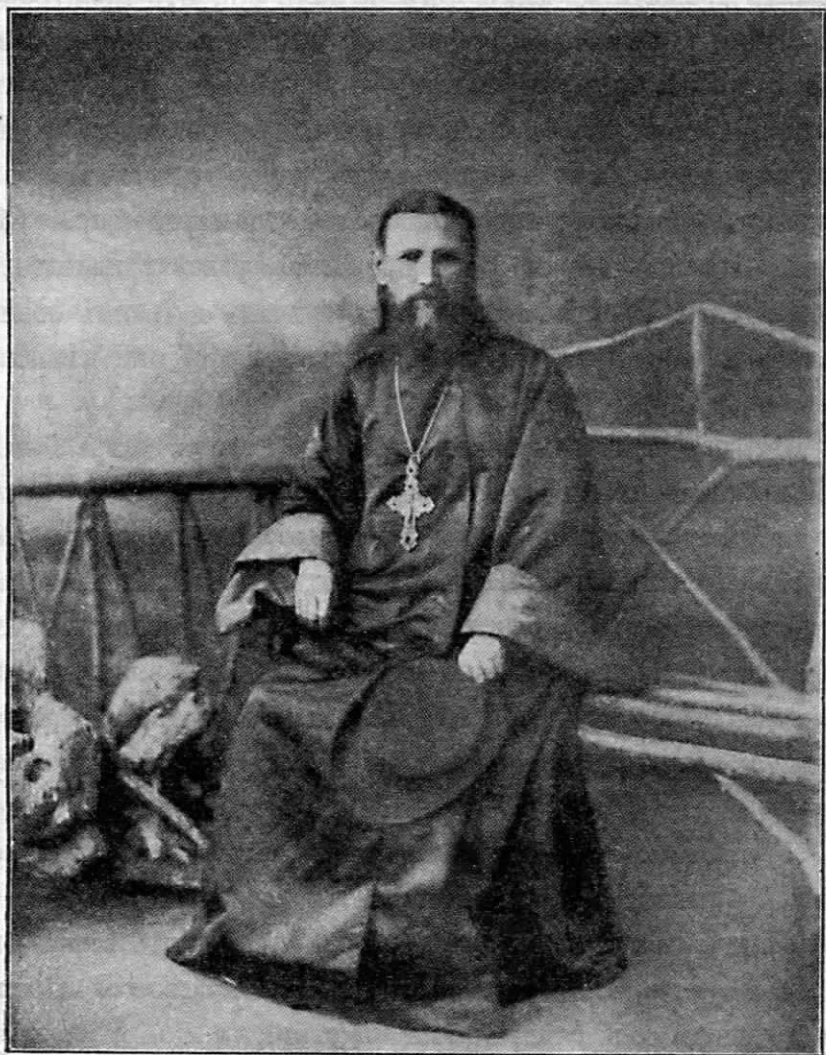
Непріязненно относились къ о. Іоанну и гражданскія власти, напр. кронштадтскій полиціймейстеръ Г. который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ преданъ суду за лихоимство и взяточничество.

О. Іоаннъ прощалъ, и любилъ, и молился за враговъ.

Судъ надъ Г. былъ торжествомъ этой прощающей любви! Прокурорская власть, зная отношеніи полиціймейстера къ о. Іоанну, вызвала о. Іоанна въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу Г. Зданіе суда ломилось отъ публики въ день допроса о. Іоанна

¹⁾ Не о. Нектаріевскій, о которомъ о. Іоаннъ вспоминаетъ съ благодарнымъ чувствомъ. а другой, имя котораго не считаемъ обязательнымъ приводить здѣсь.

Г. и его защитники сильно волновались. Но вотъ начался допросъ. Къ общему удивленію и разочарованію многихъ, о. Іоаннъ говорилъ

О. Іоаннъ въ восьмидесятихъ годахъ.

только о хорошихъ поступкахъ Г. и въ каждомъ обвинительномъ пунктѣ находилъ что-либо гуманное, полезное...

— Свидѣтель,—обратился къ о. Іоанну прокуроръ,—вы должны на судѣ говорить всю правду, ничего не скрывая.

Глаза о. Іоанна засвѣтились тѣмъ огнемъ, который не разъ заставлялъ дрожать многихъ. Онъ не далъ кончить прокурору начатой фразы и произнесъ твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ:

— Я говорю по священству.

Всѣ присутствующіе затаили дыханіе. Прокуроръ отказался отъ допроса; защитники также, а когда о. Іоаннъ оставилъ зало суда, часа полтора держала его въ корридорахъ толпа народа, прося благословенія. Слова: «я говорю по священству» у всѣхъ надолго остались въ памяти. Съ большой болью встрѣчалъ о. Іоаннъ обвиненіе въ печати и общественномъ мнѣніи, потому что они мѣшали его дѣлу.

Въ чемъ только его не обвиняли?!

Обвиняли о. Іоанна и въ основаніи какой то небывалой секты, упрекали въ небрежномъ будто бы отношеніи къ своимъ обязанностямъ, въ извращеніи Св. Писанія. Мало того, стремились доказать, что почтенный пастырь разрушаетъ семейныя узы и кичится своими благодѣяніями. Призывали даже къ общественному вниманію и принятію какихъ-либо мѣръ противъ о. Іоанна. Нѣкоторые распространяли даже какую-то бессмысленную молитву, приписывая ее о. Іоанну.

О. Іоанна лично не смущала эта клевета; онъ считалъ ее неизбѣжной на пути ученика Христова. Въ минуты гоненій, воздвигаемыхъ на него, онъ приводилъ себѣ на память слова Спасителя: «рабъ не можетъ быть больше господина своего» (Іоан. 15, 20), и утѣшалъ себя слѣдующими мыслями:

— Какъ гнали Господина жатвы, такъ будутъ гнать во всѣ времена истинныхъ послѣдователей Его. Но Господь заранѣе утѣшилъ всѣхъ своихъ вѣрныхъ учениковъ ублаженіемъ и обѣтованіемъ имъ величайшей награды на небесахъ—вѣчнаго царства небеснаго; и напередъ претерпѣлъ Самъ жесточайшія мученія и смерть,

оставивъ всѣмъ намъ примѣръ мужества и терпѣнія при гоненіи за правду. «Блаженни изгнани правды ради: яко тѣхъ есть царство небесное... Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесѣхъ». Онъ какъ бы такъ сказалъ: не унывайте и не отчаявайтесь, вѣрные Мои послѣдователи, возвѣщающіе людямъ правду словомъ и дѣломъ, и съ твердостью непоборимою до изгнанія и смерти стоящіе за истину Мою, за заповѣди Мои. Я буду вашею подпорою, вашею силою, вашимъ утѣшеніемъ, вашимъ внутреннимъ блаженствомъ при всѣхъ вашихъ злостраданіяхъ, напастяхъ и скорбяхъ, при всѣхъ истязаніяхъ и мученіяхъ за имя Мое. «Якоже страданія Мои будутъ избыточествовать въ васъ, тако будетъ вамъ избыточествовать Мое утѣшеніе» (2 Кор. 1, 5).

Если о. Іоаннъ и страдалъ иногда отъ этихъ обвиненій, то не за себя. Онъ иногда боялся только за свое дѣло. Когда въ 1892—93 году по поводу одной типографской обмолвки¹⁾ и одного неточно понятого богословскаго термина о. Іоанна стали упрекать даже въ неправославіи, онъ смутился. Не въ неправославіи своемъ конечно усумнился онъ, а боялся, что этотъ вызванный недоразумѣніемъ поводъ вызоветъ смуту, подорветъ довѣріе къ его паству.

Онъ тогда же счелъ нужнымъ даже защищаться и защищался съ достоинствомъ и твердостью.

«Уне—писалъ онъ—мнѣ умереть, нежели кто похвалу мою упразднить», подорветъ славу (репутацію) священника—слуги Христа. Хотятъ смутить народъ православный. Лишить меня довѣрія Россіи. Это не по Христову ученію. Это по прелести, а не по Христу.

«Вѣрой я дорожу больше всего на свѣтѣ, а на нее нападаютъ.

«Я худъ нравственно, но я православный. Троице пребожественная!.. Ты вѣдаешь мое точное не поврежденное православіе... Молю Тебя—разсѣй недоумѣніе и отврати поношеніе неправильное».

¹⁾ Напечатано о св. Троицѣ, вмѣсто „единство существа“, „единство существъ“.

Боюсь—говорить онъ—что соблазнять къ грѣху и осужденію пастыря души неопытныхъ и скорблю.

Впрочемъ, онъ твердо вѣрилъ въ торжество истины.

Онъ зналъ, что Христосъ побѣдитъ. И Христосъ побѣдилъ. Мало по малу въ молодомъ священникѣ перестали уже видѣть юродиваго; напротивъ, мало по малу, всѣмъ стало ясно, что именно таковъ и долженъ быть истинный служитель православной церкви.

Итакъ, путемъ народной молвы, путемъ затеплившейся любви бѣдняковъ, съ теченіемъ времени обрисовался образъ добраго пастыря, образъ полный захватывающаго обаянія. И тогда уже не стало разногласія въ разныхъ слояхъ общества, которое съ изумительнымъ единодушіемъ признало, наконецъ, нравственное превосходство гонимаго и осмѣиваемаго дотогѣ священника.

А главное — Христосъ окончательно побѣдилъ въ самомъ о. Иоаннѣ.

Внѣшнія искушенія, глумленія, практика пастырства создали того о. Иоанна, какого мы теперь имѣемъ.

Что такое теперь о. Иоаннъ?

Прежде, чѣмъ перейти къ нынѣшнему о. Иоанну, просмотримъ еще одинъ эпизодъ изъ первыхъ годовъ пастырства, его законоучительство.

Законоучительство о. Іоанна.

Въ 1857 году о. Іоанну было предложено законоучительство въ Кронштадтскомъ городскомъ училищѣ (съ 1862 года и въ гимназій).

Онъ принялъ предложеніе съ радостью и это понятно.

Гдѣ, какъ не въ школѣ, священникъ съ большимъ успѣхомъ можетъ совершить свое дѣло «претворенія душъ эгоистическихъ во всескорбящія».

Здѣсь, среди дѣтей, о. Іоаннъ долженъ былъ чувствовать себя въ мірѣ особенно желанномъ и близкомъ его дѣтски-чистой душѣ.

Мы видѣли, какъ о. Іоаннъ любитъ цвѣты.

Давно сдѣлано наблюденіе, что кто любитъ цвѣты, любитъ и дѣтей. Едва-ли это наблюденіе случайное. Любовь къ цвѣтамъ, настоящая любовь, заботливая, трогательная, нѣжная, почти молитвенная, говоритъ о сердцѣ съ сильно развитымъ тяготѣніемъ къ чистому, нетронутому, невинному. Дѣти въ семьѣ это то-же, что бѣлые ландыши въ природѣ. Это остатки первобытнаго рая, послѣдніе слѣды погибшей непорочности, чистое и красивое среди грязнаго и часто безобразнаго.

Но цвѣты—это только символъ красоты.

Дѣтская душа—живая Божья красота.

Какъ же послѣ этого могъ о. Іоаннъ не любить дѣтей?!

Въ школу о. Іоаннъ, по собственнымъ его словамъ, вступилъ какъ дѣлатель въ питомникъ душъ.

Мы не произвольно начали главу сравненіемъ любви къ дѣтямъ съ любовью къ цвѣтамъ.

Это собственное сравненіе о. Іоанна.

«Какъ пріятно садовнику или любителю комнатныхъ растеній видѣть, что ихъ растенія хорошо растутъ, зеленѣютъ и даютъ цвѣты или плоды и вознаграждаютъ ихъ труды. Какъ они удваиваютъ тогда свое усердіе въ ухаживаніи за ними. И землю ежегодно подъ ними перемѣняютъ, если это комнатныя растенія, и поливаютъ тщательно и во время, а сухія вѣточки или пожелтѣвшіе листочки обрываютъ, чтобы они и мѣста не занимали на стеблѣ растенія, и не безобразили его собою, да и соковъ его напрасно въ себя не тянули. За то и посмотрѣть мило на эти растенія! Цвѣточки то какіе, напр., у олеандры, у розы,—нашей русской и китайской,—глядишь не наглядишься и скажешь: дивенъ Ты, Создатель нашъ, не только въ человѣкѣ,—въ Твоемъ образѣ и подобіи, но и въ растеніяхъ бездушныхъ, и въ цвѣточкахъ древесныхъ. Впрочемъ, что намъ много говорить о растеніяхъ и цвѣтахъ? *Они все-таки дерево, стѣно,—какъ ни хороши. А вотъ вы, дѣтки, наши растенія или лучше—Божьи безцѣнные. Вы—наши цвѣты. То, что сказано объ нихъ, надо приложить и къ вамъ*».

И какъ любовно ухаживалъ за своими Христовыми цвѣтами воспитанный во Христѣ «вертоградарь».

Воспитывать души — такова была задача, которую поставилъ себѣ новый законоучитель. Его взгляды на преподаваніе въ это время были довольно опредѣленные. Онъ заявлялъ не разъ, что задача каждаго преподавателя дать ученикамъ опредѣленный, не-исчезающій прочный фондъ, на которомъ онъ самъ будетъ строить въ послѣдствіи прочное зданіе разумнаго жизнепониманія.

Не количество, а прочность усвоеннаго важна. О. Іоаннъ намѣчаетъ и то, гдѣ и какъ, какими средствами пріобрѣтается эта прочность. Средство это — ассимилировать знаніе съ душей, слить со всѣмъ ея прежнимъ духовнымъ содержаніемъ такъ, чтобы знаніе срастворилось, вошло какъ новый, постоянный элементъ духа, — преподавать только то, что можетъ быть усвоено, переработано душей, умомъ и сердцемъ, а не памятью.

«Душа человѣческая по природѣ проста — пишетъ онъ; и все простое легко усваиваетъ себѣ, обращаетъ въ свою жизнь и сущность, а все хитросплетенное отталкиваетъ отъ себя, какъ несвойственное ея природѣ, какъ бесполезный соръ. Мы всѣ учились. Что же осталось въ нашей душѣ изъ всѣхъ наукъ? Что врѣзалось неизгладимо въ сердцѣ и памяти? Не съ дѣтскою ли простотою преподаанныя истины? Не соромъ ли оказалось все, что было преподавано искусственно, безжизненно? Не напрасно ли потрачено время на слишкомъ мудрые уроки? Такъ, — это всякій изъ насъ испыталъ на себѣ. Значитъ, тѣмъ осязательнѣе всякій долженъ убѣдиться въ необходимости простого преподаванія, особенно малымъ дѣтямъ... Не въ томъ сила, чтобы преподавать много, а въ томъ, чтобы преподавать немного, но существенно нужное для ученика въ его положеніи».

Этотъ взглядъ уже ручается за то, что уроки новаго учителя будутъ педагогически разумны. Но о. Іоаннъ не былъ просто преподавателемъ, онъ хорошо сознавалъ отличіе законоучителя отъ преподавателя.

Все, что нужно отъ преподавателя, нужно законоучителю, но здѣсь нуженъ еще большой существенный придатокъ, нужно многое, безъ чего можетъ обойтись вообще учитель.

«Законъ Божій не есть предметъ преподаванія» — вотъ основное положеніе законоучительства о. Іоанна.

Я не знаю законоучителя, который бы въ такой мѣрѣ, какъ о. Іоаннъ, усвоилъ святое правило, данное въ прекрасной книгѣ «Ученье и учитель».

«Ты преподаешь дѣтямъ Законъ Божій!.. Больше всего берегись дѣлать изъ Евангелія учебную книгу; это грѣхъ. Это значитъ: въ ребенкѣ обезцѣнивать для человѣка книгу, которая должна быть для него сокровищемъ и руководствомъ цѣлой жизни. Страшно должно быть для совѣсти разбивать слово жизни на бездушные кусочки и дѣлать изъ нихъ мучительные вопросы для дѣтей. Приступать съ рѣчами о Евангельскихъ словахъ къ дѣтямъ и вызывать у нихъ отвѣты—для этого потребна душа, чуткая къ ощущеніямъ дѣтской души,—но когда приступаютъ къ дѣлу съ одной механикой программныхъ вопросовъ и ставятъ цифирныя отмѣтки за отвѣтъ на вопросы, иногда неловкіе и непонятые ребенкомъ,—вызывая волненіе и слезы, — грѣхъ принимаютъ себѣ на душу экзаменаторы, и можно сказать объ нихъ: не вѣдаютъ, что творятъ съ душою ребенка.

«Есть какое то лицемѣрное обольщеніе въ школьномъ дѣлѣ, когда Законъ Божій и соединенное съ нимъ внушеніе началъ нравственности составляетъ лишь одинъ изъ предметовъ учебной программы. Какъ будто нечего больше желать и требовать для нравственной цѣли,—какъ имѣть наличность той или другой цифровой отмѣтки за отвѣты въ предметѣ, называемомъ Закономъ Божиимъ. Есть въ школѣ законоучитель, есть программа, есть баллъ, показатель знанія—е *sempre bene*. Результаты такой постановки ученія поистинѣ чудовищные. Есть учебники, въ коихъ по пунктамъ означено, что требуется для спасенія души человѣка, и экзаменаторъ сбавляетъ цифру балла тому, кто не можетъ припомнить всѣхъ пунктовъ... Гдѣ тутъ разумъ? Гдѣ нравственность? Гдѣ наконецъ и прежде всего—вѣра, о коей мы лицемѣрно заботимся?».

И о. Іоаннъ учить Закону Божию, Евангельскому закону, а не текстамъ, хотя и больше всего цѣнить подлинный Евангельскій текстъ;—у него на урокахъ изучается исторія Царства Божія на землѣ, а не исторія царей Израильскихъ. Онъ призванъ просвѣ-

тить сердце и больше всего заботится о томъ, чтобы правда Евангелія была усвоена сердцемъ учениковъ.

«При образованіи юношества о чемъ надо больше всего стараться? О томъ, чтобы стяжать ему просвѣщенныя очеса сердца. Не замѣчаете ли, что сердце наше — первый дѣятель въ нашей жизни, и во всѣхъ почти познаніяхъ нашихъ зрѣніе сердцемъ извѣстныхъ истинъ (идея) предшествуетъ умственному познанію. Бываетъ такъ при познаніяхъ: сердце видитъ разомъ, нераздѣльно, мгновенно; потомъ этотъ единичный актъ зрѣнія сердечнаго передается уму и въ умѣ разлагается на части, являются отдѣлы: предыдущее, послѣдующее; зрѣніе сердца въ умѣ получаетъ анализъ свой. Идея принадлежитъ сердцу, а не уму, — внутреннему человѣку, а не внѣшнему. Поэтому весьма важное дѣло — просвѣщенна очеса сердца при всѣхъ познаніяхъ, но особенно при познаніи истинъ вѣры и правилъ нравственности».

Правда, батюшка задавалъ и уроки, но никогда не придавалъ значенія спрашиванію. Баллы и уроки отходятъ у него на задній планъ. Его урокъ проходитъ такъ. «О. Іоаннъ, читаемъ у одного бывшаго ученика о. Іоанна, на своихъ урокахъ спрашивалъ обыкновенно сначала тѣхъ, кто самъ заявлялъ свое желаніе отвѣчать урокъ, и надо было видѣть, съ какимъ усердіемъ и выразительностью старались отвѣчать ему эти «вызывающіеся». За такіе отвѣты батюшка ставилъ высшій баллъ: «пять съ плюсомъ», и, бывало, чувствуешь себя вполне удовлетвореннымъ и какъ бы духовно преобразившимся, заслуживъ эту отмѣтку, сопровождавшую милостивое слово батюшки:

«Спасибо тебѣ, доброе чадо!»

Потомъ спрашивалъ остальныхъ, но только 2—3—5 минутъ. Вторая половина посвящалась объясненію — пересказу Евангелія, чтенія Св. Писанія и житія святыхъ или объясненію катехизиса.

Онъ говорилъ о томъ, чѣмъ жилъ. Евангеліе — это живой завѣтъ Христа. — Дѣти не могутъ не слушать съ святымъ внима-

ніемъ словъ Христа. Ихъ душа еще слишкомъ близка, слишкомъ родственна «небеснымъ звукамъ», чтобы быть къ нимъ холодной.

Если дѣти могутъ не слушать «Закона Божія», то только потому, что онъ преподается такъ же, какъ и всякій предметъ, т. е. съ легкой сдержанной скукой или съ холодной добросовѣстностью. Такое преподаваніе убиваетъ «Евангеліе», заставляетъ учениковъ видѣть въ словахъ этой книги «слова, которыя нужно выучить», а при этихъ условіяхъ, конечно, дѣло погибло.

О. Іоаннъ не могъ такъ читать. Онъ передавалъ слова Христа именно какъ завѣщаніе учителя-Бога. Его голосъ, лице,—все говорило какъ дороги, какъ святы, какъ нужны для жизни эти завѣты, и дѣти слушали и «слагали слова въ сердцѣ своемъ».

У о. Іоанна не было неспособныхъ,—его бесѣды запоминались навсегда и *почти одинаково сильными и слабыми*. Были такіе, которые не сразу умѣли передать содержаніе бесѣдъ о. Іоанна, но не было такихъ, которые не принимали въ свою душу этого содержанія. Все вниманіе батюшки направлено было не столько на то, чтобы заставить запомнить, сколько чтобы плѣнить въ послушаніе христіанскимъ завѣтамъ души дѣтей, наполнить ихъ тѣми святыми образами, какими была полна его душа. Этого онъ и старался достигнуть чтеніемъ Писанія и Библии.

Эти чтенія, рассказываетъ одинъ ученикъ о. Іоанна, настолько насъ заинтересовали и занимали, что мы просили обыкновенно книги эти съ собой на домъ. И о. Іоаннъ всегда приносилъ съ собой на запасъ много отдѣльныхъ житій, которыя сейчасъ же расхватывались. Мальчикъ бережно пряталъ такую книжку въ ранецъ, а вечеромъ, выучивъ свои уроки, онъ собиралъ своихъ домашнихъ и читалъ имъ се вслухъ.

— Батюшка! я прочелъ житіе св. мученицы Параскевы, говорить черезъ день—два мальчикъ: дайте мнѣ теперь другую книжку!

И брали и читали не за страхъ—а по любви и къ батюшкѣ и къ тому, чему онъ училъ. А читая, передѣлывались и душа ихъ

“При образованіи юношества
о чемъ надо больше всего
стараться? О томъ, чтобы
стяжать ему просвѣщенныя
очеса сердца... Сердце наше
— первый дѣятель в нашей
жизни, и во вѣсѣхъ почти
познаніяхъ нашихъ зрѣніе
сердцемъ... предшествуетъ
умственному познанію...”

Кронштадтская гимназія, гдѣ о. Іоаннъ былъ законоучителемъ 25 лѣтъ.

дѣйствительно складывалась по образцу людей сильныхъ и духомъ и вѣрой.

«Я—пишетъ, тотъ-же свидѣтель—глубоко убѣжденъ, что многіе изъ учениковъ вносили свою добрую религіозность, воспитанную въ нихъ на урокахъ о. Іоанна, даже домой и несомнѣнно должны были вліять на своихъ меньшихъ, по крайней мѣрѣ, братьевъ или сестеръ. Я лично, напримѣръ, могъ бы засвидѣтельствовать, что моя тетка, лютеранка по происхожденію, совершенно независимо даже отъ меня, слушая только постоянно мои рассказы о батюшкѣ, его урокахъ и бесѣдахъ, замѣтно становилась все болѣе религіозной, и мои маленькія сестры и братъ воспитывались впослѣдствіи ея совершенно иначе, чѣмъ я, семь-восемь лѣтъ тому назадъ: ихъ она выучила молиться въ самомъ раннемъ возрастѣ, постоянно твердя имъ о Богѣ и о томъ, что нужно Его бояться.»

Тѣмъ болѣе, конечно, воздѣйствовали бесѣды о. Іоанна на самихъ учениковъ. Его проповѣди и назиданія, отмѣченныя именно душевностью тона, какой-то особенной сердечностью, непосредственнымъ духовнымъ единеніемъ его съ своими слушателями, «при его замѣчательно выразительномъ, отчетливомъ и чуждомъ всякой сухости чтеніи, глубоко западали въ душу дѣтей и умиляли такъ же, какъ и теперь онѣ умиляютъ толпы народа, привлекаемаго къ почтенному іерею желаніемъ получить отъ него благословеніе, назиданіе или поученіе».

Конечно ученики пользовались добротой о. Іоанна и иногда манкировали: не учили уроковъ, но отъ этого дѣло страдало мало. Все усвоялось во время самыхъ уроковъ; кромѣ того къ экзамену готовились всѣ, да и за годъ опущенія были не часты.

«Батюшка почти никогда—читаемъ все у того же В—на, не ставилъ намъ дурныхъ отмѣтокъ, и имѣть даже «три» по Закону Божію у насъ считалось большимъ стыдомъ и позоромъ; тѣмъ не менѣе, не знавшіе его урока боялись или, вѣрнѣе, какъ-то стыдились его, не смотря даже на то, что ни у одного учителя не было такъ легко «отдѣлаться», подъ предлогомъ вчерашней или сегодня-

пней болѣзни, да и вообще о какихъ-либо дисциплинарныхъ взысканіяхъ, произведенныхъ по его иниціативѣ, мы положительно никогда не слыхали.

Но, повторяю, его боялись въ этомъ случаѣ и старались лучше уйти какъ-нибудь съ урока, чѣмъ заявить ему прямо въ лицо о своихъ «уважительныхъ причинахъ» незнанія заданнаго урока. Одинъ изъ моихъ товарищей на выпускномъ уже экзаменѣ, благодаря разнымъ случайнымъ препятствіямъ для надлежащей подготовки, отвѣтилъ очень дурно по своимъ билетамъ; отъ Іоаннъ настоялъ все-таки на томъ, чтобы ему было поставлено «четыре», въ виду его прилежанія и успѣшности въ теченіе гимназическаго курса. Однако, тому прошло уже нѣсколько лѣтъ, а товарищъ мой и теперь бы съ трудомъ рѣшился показаться на глаза своему доброму защитнику; по крайней мѣрѣ, вплоть до отъѣзда своего изъ Кронштадта онъ избѣгалъ встрѣчи съ батюшкой, находя, что онъ «положительно обезславилъ послѣдняго передъ всѣми присутствующими своимъ дурнымъ отвѣтомъ и не оправдалъ его до-вѣрія».

Конечно, не все и всегда шло гладко. Были въ жизни дѣтей и грѣхи, и паденія. Отъ Іоаннъ слѣдилъ за этими паденіями и приходилъ на помощь, когда она была нужна.

«Я, пишетъ уже указанный ученикъ,—поступилъ въ первый классъ гимназіи въ 1887—г. Отъ Іоаннъ преподавалъ Законъ Божій во всѣхъ восьми классахъ. Такимъ образомъ, я сразу изъ дому очутился на школьной скамьѣ подъ его религіознымъ вліяніемъ. Нужно замѣтить, что дома, въ силу особо сложившихся условій моего воспитанія, я росъ до поступленія въ гимназію почти совсѣмъ безъ пониманія элементарныхъ основъ православной вѣры: въ церковь не ходилъ, молитвъ никогда не читалъ, хотя зналъ ихъ, готовясь къ пріемному экзамену въ гимназію, наконецъ не имѣлъ самаго простаго дѣтскаго страха къ имени Божьему.

И вотъ, одинъ случай на урокѣ у отъ Іоанна въ первомъ же

классъ сразу устремилъ мою дѣтскую голову къ познанію, хотя смутному еще, имени Бога и страха къ Нему.

Какъ сейчасъ помню, входитъ батюшка къ намъ въ классы; мы (до 50 мальчиковъ), по обыкновенію, подошли одинъ за другимъ къ его рукѣ и, получивъ отъ него благословеніе, встали затѣмъ на молитву, послѣ которой начался урокъ. Какъ всегда, батюшка спросилъ сначала урокъ у нѣкоторыхъ изъ тѣхъ учениковъ, которые сами вызывались отвѣчать; потомъ онъ началъ самъ вызывать не по классному журналу. Батюшка подходилъ прямо къ извѣстному ученику и спрашивалъ его урокъ. Подошелъ онъ, наконецъ, къ моему сосѣду. Когда послѣдній сталъ отвѣчать, то отъ Іоаннъ, вставъ рядомъ съ нимъ, у парты, очутился ко мнѣ почти совсѣмъ спиною. Воспользовавшись этимъ, я занялся со вторымъ своимъ сосѣдомъ болтовней и, затѣмъ увлекшись, допустилъ шалость грубо неприличную и безнравственную, хотя по правдѣ я плохо сознавалъ, что дѣлаю. Въ это время слышу голосъ батюшки:—Подика сюда, И... Понимая—очень смутно, правда, значеніе своей шалости, я ни живъ, ни мертвъ поднимаюсь съ мѣста и иду вслѣдъ за батюшкой мимо всѣхъ партъ къ каедрѣ. Здѣсь онъ тихимъ ласковымъ голосомъ сталъ спрашивать меня, что такое я дѣлаю и кто меня научилъ. Я сказалъ, что меня научили этому уличные мальчики.

Тогда батюшка, смотря на меня своимъ долгимъ, пытливымъ взоромъ, пока у меня, наконецъ, невольнo не выступили слезы на глазахъ, спросилъ у меня приблизительно такъ:

— А ты Бога не боишься?.. Тебѣ развѣ не страшно, что Онъ тебя накажетъ за твои шалости на урокахъ Его закона?.. Смотри-же; больше не шали, а то, вѣдь, Онъ все видитъ.

Я смотрѣлъ упорно внизъ, молчалъ и, наконецъ, сталъ всхлипывать, прося у батюшки прощенія. Въ это время раздался звонокъ, и урокъ долженъ былъ кончиться. Всѣ встали на молитву, и батюшка велѣлъ мнѣ прочесть сначала молитву Господню и «Пресвятая Троице», а затѣмъ «Благодаримъ Тебе, Создателю»—(читае-

мую обыкновенно дежурнымъ въ классѣ). Послѣ молитвы онъ погладилъ меня по головѣ и, наказывая еще разъ никогда больше не шалить, благословилъ меня и вышелъ изъ класса, окруженный всѣми моими товарищами, снова подошедшими къ нему подъ благословеніе». «Этотъ случай, заканчиваетъ свидѣтель, сразу сдѣлалъ изъ меня (да, можетъ быть, и не изъ меня одного) мальчика, начавшаго дѣтскимъ разумомъ и душою вѣровать въ Бога и бояться Его имени. Вообще, я не мало помню примѣровъ того, какъ путемъ краткаго, обыкновенно, часто рѣзкаго, отрывистаго, но всегда душевнаго назиданія о. Іоаннъ умѣлъ коснуться самой живой струны въ духовно-неразвитомъ и нерѣдко уже испорченномъ молодомъ организмѣ и исцѣлить послѣдній, ухаживавъ въ немъ ту или другую нравственную ранку».

Повидимому, батюшка сказалъ то, что сказалъ бы на его мѣстѣ всякій, но вотъ обыденный случай запомнился навсегда и болѣе, чѣмъ запомнился.

Что же тутъ вызываетъ нравственную перемену?

Такой переворотъ произвелъ голосъ о. Іоанна; та жалость, которая звенѣла въ его голосѣ, отразилась въ его глазахъ и передавалась дѣтямъ вмѣстѣ съ этимъ ласковымъ прикосновеніемъ руки «батюшки».

Были случаи, когда о. Іоаннъ былъ даже рѣзокъ: «Въ пятомъ классѣ у насъ былъ нѣкто М., юноша лѣтъ 16, крайне лѣнивый и испорченный. Мы учили катехизисъ. На одномъ изъ уроковъ, посвященномъ, по поводу перваго члена Символа вѣры, опредѣленію Бога, какъ Духа, вдругъ среди урока М. встаетъ съ своего мѣста и рѣзко заявляетъ батюшкѣ о томъ, что онъ отказывается признать это опредѣленіе. Въ классѣ воцарилась гробовая тишина.

— Безбожникъ! Изувѣръ! — отрѣзалъ вдругъ о. Іоаннъ, пронизывая М. своимъ рѣзкимъ и упорнымъ взглядомъ: — а ты не боишься, что Господь лишитъ тебя языка за твое юродство? Кто произвелъ тебя на свѣтъ?

- Отецъ съ матерью,—отвѣчалъ глухимъ голосомъ М.
— А кто произвелъ самый свѣтъ? Кто создалъ все видимое и

невидимое?

М. молчалъ.

— Молитесь, дѣти,—обратился тогда батюшка ко всему классу,—
молитесь со всѣмъ усердіемъ и вѣрою!

По окончаніи урока М. былъ позванъ къ батюшкѣ въ учительскую. О чемъ говорилъ онъ съ М. съ глазу глазъ, мы не знаемъ, но М. вышелъ взволнованнымъ и навсегда новымъ».

Кто рѣшится осуждать о. Іоанна за эти минуты? Онѣ были такъ рѣдки и, смѣемъ думать, такъ нужны. О. Іоаннъ, смотрѣвшій своими глазами вглубь души, видѣлъ что нужно по психологіи ребенка въ эту минуту. Протестъ рѣшительный и даже гнѣвный, въ одно время, говорилъ мальчику и о томъ, какъ дорога для о. Іоанна та истина, за которую онъ стоялъ, и то, какъ онъ увѣренъ въ истинности своей истины.

Этотъ порывъ долженъ былъ вызвать возрожденіе, подъемъ, вниманіе, хотя еще не предрѣшалъ его исхода. У другого, не у о. Іоанна онъ даже вызвалъ бы исходъ дурной, потому что, конечно, гнѣвъ не исцѣляетъ. У о. Іоанна онъ вызывалъ только благой кризисъ. Минуты, слѣдующія за порывомъ, когда о. Іоаннъ такъ любовно бесѣдуетъ душа къ душѣ съ виновнымъ, какъ духовникъ и отецъ,—показывали участнику, изъ какого источника былъ гнѣвъ, и двигали стронутую съ мѣста душу къ Богу и правдѣ Его.

Бывали случаи, конечно, когда трудно было сразу однимъ словомъ, «хирургіей», вылѣчить душу. Были больные болѣе серьезные. О. Іоаннъ умѣлъ излѣчить и ихъ.

Были случаи, когда совѣтъ гимназіи дѣлалъ постановленіе объ увольненіи какого нибудь нетерпимаго ученика. Тогда о. Іоаннъ упрашивалъ отдать «исключеннаго раба» на поруки ему. Отдавали, и нужно было видѣть, съ какимъ тревожнымъ вниманіемъ ухажи-

валъ о. Іоаннъ за вѣренной ему душой. Онъ слѣдилъ за нимъ, какъ за больнымъ растеніемъ, наблюдалъ за каждымъ нездоровымъ движеніемъ и выхаживалъ.

Большей частью, конечно, и болѣзнь оказывалась не достаточно серьезной. Это было или дѣтское упорство, которое не хотѣло сломиться передъ приказомъ, окрикомъ, угрозой и легко склонялось передъ просьбой, ласковымъ упрекомъ, молитвой.

Бывали, конечно, и случаи дѣйствительной порчи, отъ природы, отъ дурного воздѣйствія среды, родителей. Здѣсь было больше труда, но ласка, которая для этихъ дѣтей—то же, что солнце для растенія, всепрощеніе, — вразумляла душу, еще не сломившуюся со-всѣмъ, и спасала. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ бывшій «нетерпимый ученикъ», становился другимъ, новымъ.

Много помогала о. Іоанну исповѣдь.

Здѣсь онъ бесѣдовалъ съ дѣтской душой въ минуты, когда дѣтская душа была всего ближе къ Богу, въ минуты подъема, когда человѣкъ искренно желаетъ освободиться отъ всякой грязи; о. Іоаннъ въ это время могъ наблюдать, гдѣ опасность для самихъ корней души и лѣчилъ ихъ, пользуясь всей силой своего вліянія и молитвы.

Въ результатѣ онъ сталъ дѣйствительно духовнымъ отцемъ своихъ дѣтей.

А разъ установились связи въ гимназіи, онѣ перешли и за предѣлы ея: ученики о. Іоанна учились у него и внѣ уроковъ. Они любили его службу.

«Я помню,—пишетъ И—инъ—съ какой готовностью мы посѣщали особенно думскую церковь, и церковь въ «Домѣ трудолюбія», гдѣ онъ служилъ чаще, чѣмъ въ соборѣ; нерѣдко, впрочемъ, нѣкоторые изъ насъ, идя утромъ въ гимназію, заходили въ соборъ, гдѣ о. Іоаннъ послѣ утрени молился за тѣхъ, кто къ нему пріѣзжалъ за совѣтомъ или помощью, и мы сами бывали тогда свидѣтелями того,

какая глубокая вѣра въ спасительность батюшкиныхъ молитвъ передъ Господомъ не только духовно поднимала этихъ людей, но уврачевала и физическія ихъ страданія».

Еще болѣе, конечно, дѣйствовалъ на дѣтей примѣръ необычайной, святой жизни законоучителя.

«У насъ было немало казенныхъ пансіонеровъ иногороднихъ, которые, по недостатку средствъ, должны были оставаться вдали отъ родныхъ, въ стѣнахъ гимназіи, даже по большимъ праздникамъ. Этихъ то бѣдняковъ обыкновенно выручалъ тотъ же батюшка, снабжая ихъ на дорогу къ роднымъ и обратно.

А кому изъ насъ была неизвѣстна никогда не оскудѣвающая рука батюшки, которая утерла на своемъ вѣку не мало слезъ различными бѣднякамъ и сиротамъ!»

Еще не имѣя въ своемъ распоряженіи большихъ средствъ—въ первые годы моего пребыванія въ гимназіи,—онъ дѣлился со всѣми бѣдняками у себя, въ Кронштадтѣ, послѣднимъ; нерѣдко обманываясь въ людяхъ, онъ, повидимому, никогда еще не терялъ въ нихъ вѣры, а напротивъ, въ насъ, въ ученикахъ своихъ, возжегъ яркій свѣтильникъ этой самой вѣры, показывая намъ ежедневно своимъ собственнымъ примѣромъ обязанность и посильную возможность каждаго христіанина слѣдовать евангельской заповѣди о любви къ ближнему. Часто кто-нибудь изъ насъ во время урока просилъ батюшку рассказать намъ о томъ, у кого онъ бываетъ въ Петербургѣ, зачѣмъ его туда всегда зовутъ, и батюшкины рассказы, сопровождаемые простыми назиданіями о необходимости и могуществѣ молитвы, не только насъ живо интересовали, но глубоко умиляли, оставляя добрые слѣды на нашемъ міросозерпаніи. Мы ежедневно могли наблюдать толпу народа, нуждавшуюся въ благословеніи, поученіи, совѣтѣ или помощи отъ нашего батюшки; его призывали на нашихъ глазахъ и въ барскія хоромы, и въ убогую лачугу бѣдняка, и насъ живо всегда трогали эти взаимныя отношенія между добрымъ пастыремъ и его паствою, для которой онъ

остаётся по настоящее время все тѣмъ же наставникомъ и духовнымъ отцомъ, какимъ былъ всегда для насъ».

Какъ любили его дѣти,—показалъ день, когда о. Іоанну пришлось проститься со школой. Школа плакала; такъ плачутъ, прощаясь съ умирающимъ отцемъ. Плакалъ и о. Іоаннъ, но дѣло всероссійское уже не позволяло ему отдаваться «малому», хоть и великому дѣлу воспитанію будущихъ «людей».

Начальство простилося съ о. Іоанномъ слѣдующею рѣчью, которая была вѣрной оцѣнкой его трудовъ и значенія его для гимназіи.

— «Ваше слово,—говорилъ директоръ,—вашъ примѣръ были всегда для насъ живительнымъ свѣтомъ, который съ такою силою пробуждалъ нравственную жизнь, вызывалъ порывы къ духовному совершенствованію.

Между вами и гимназіей легли крѣпкія духовныя связи».

Рѣчь эта впрочемъ была только повтореніемъ адреса отцовъ и матерей воспитанныхъ о. Іоанномъ дѣтей, поднесеннаго въ день 25-лѣтія учительства. Мы думаемъ, что этотъ адресъ будетъ лучшимъ заключеніемъ главы о законоучительствѣ о. Іоанна, какъ краткая и искренняя характеристика этого законоучительства.

«Высокоцитимый и всѣми уважаемый пастырь и наставникъ Іоаннъ Ильичъ!—читалось въ адресѣ.

Исполнилось 25 лѣтъ еще новаго, особо важнаго твоего служенія государству и обществу, и въ частности намъ, отцамъ и матерямъ, въ нашихъ дѣтяхъ, которыхъ ты, какъ законоучитель Кронштадтской классической гимназіи, руководилъ на пути духовнаго просвѣщенія.

Не сухую схоластику ты дѣтямъ преподавалъ, не мертвую формулу—тексты и изреченія—ты имъ излагалъ, не заученныхъ только на память уроковъ ты требовалъ отъ нихъ; но на свѣтлыхъ, воспріимчивыхъ душахъ ты сѣялъ сѣмена вѣчнаго и животворящаго глагола Божія.

Множество дѣтей перешло чрезъ твою святую школу. Многіе твои ученики стоятъ на различныхъ степеняхъ и званіяхъ на службѣ Царю и Отечеству; многіе изъ нихъ еще подростаютъ и готовятся къ вступленію на общественное поприще,—и всѣ они, вдохновленные тобою и твоимъ святымъ общеніемъ съ ними, вспоминаютъ твою любовь, наставленія, твои уроки,—и всѣ, благословляя тебя, съ благоговѣніемъ вспоминаютъ тѣ незабвенные часы, которые они проводили съ тобою.

Ты самъ, не замѣчая того, своею пламенною любовію къ Богу и безконечнымъ милосердіемъ къ своимъ братьямъ—людямъ, зажигалъ своимъ живымъ словомъ въ своихъ ученикахъ свѣточъ истиннаго Богопознанія; а своимъ святымъ примѣромъ и милосердіемъ наполнялъ ихъ юныя сердца страхомъ Божіимъ, вѣрою, упованіемъ на Бога и любовію къ Нему и своимъ братьямъ.

Не мѣриломъ только таланта и увлекательности рѣчи, какъ профессора на кафедрѣ, не мѣриломъ постоянного успѣха сдачи экзаменовъ—мы говоримъ о твоей научной дѣятельности,—а тѣми наглядными плодами христіанской жизни, нравственности, гражданскихъ доблестей, семейныхъ отношеній, которые оказались въ твоихъ ученикахъ въ многочисленныхъ примѣрахъ.

Да будетъ наша, отцовъ и матерей, благодарность, какъ мирная молитва къ Богу за тебя, да изольетъ Онъ на тебя отъ все-святаго Своего престола столько же духовной радости, сколько ты подаль утѣшенія намъ въ нашихъ дѣтяхъ, въ ихъ благодѣяніи и успѣхахъ».

Мы и читатели наши прибавятъ къ этому адресу «аминь».

О. Іоаннъ теперь.

Что же такое теперешній о. Іоаннъ?

Съ перваго взгляда о. Іоаннъ не останавливаетъ вниманія, но это только одна, двѣ минуты, пока васъ не обольетъ свѣтъ его глазъ. Властную силу этихъ глазъ прекрасно охарактеризовалъ одинъ иностранецъ. Эти выразительные «сѣверно-русскіе» глаза—пишетъ онъ,—ясно говорятъ за то, что, при внѣшнемъ скромномъ обликѣ, въ лицѣ о. Іоанна мы имѣемъ дѣло съ незаурядною натурой. Его глаза, по выраженію Спинозы, «смотрятъ на людей и на вещи не для того, чтобы осмѣять, не для того, чтобы оплакивать, не съ тѣмъ, чтобы презирать, но затѣмъ, чтобы понять», и онъ дѣйствительно понимаетъ часто то, что для другихъ остается неразрѣшимой загадкой. Этого мало. Глаза его говорятъ еще о большемъ. Они обличаютъ необыкновенную энергію воли, благодаря которой распространяется свѣтъ Христовой любви черезъ моря и земли, и побѣдоносно отражается вліяніе всякой темной силы.

Глаза о. Іоанна жалѣютъ, любятъ и молятся.

Авторъ этихъ строкъ видѣлъ его впервые 15 лѣтъ тому назадъ и до сихъ поръ не можетъ забыть его взгляда.

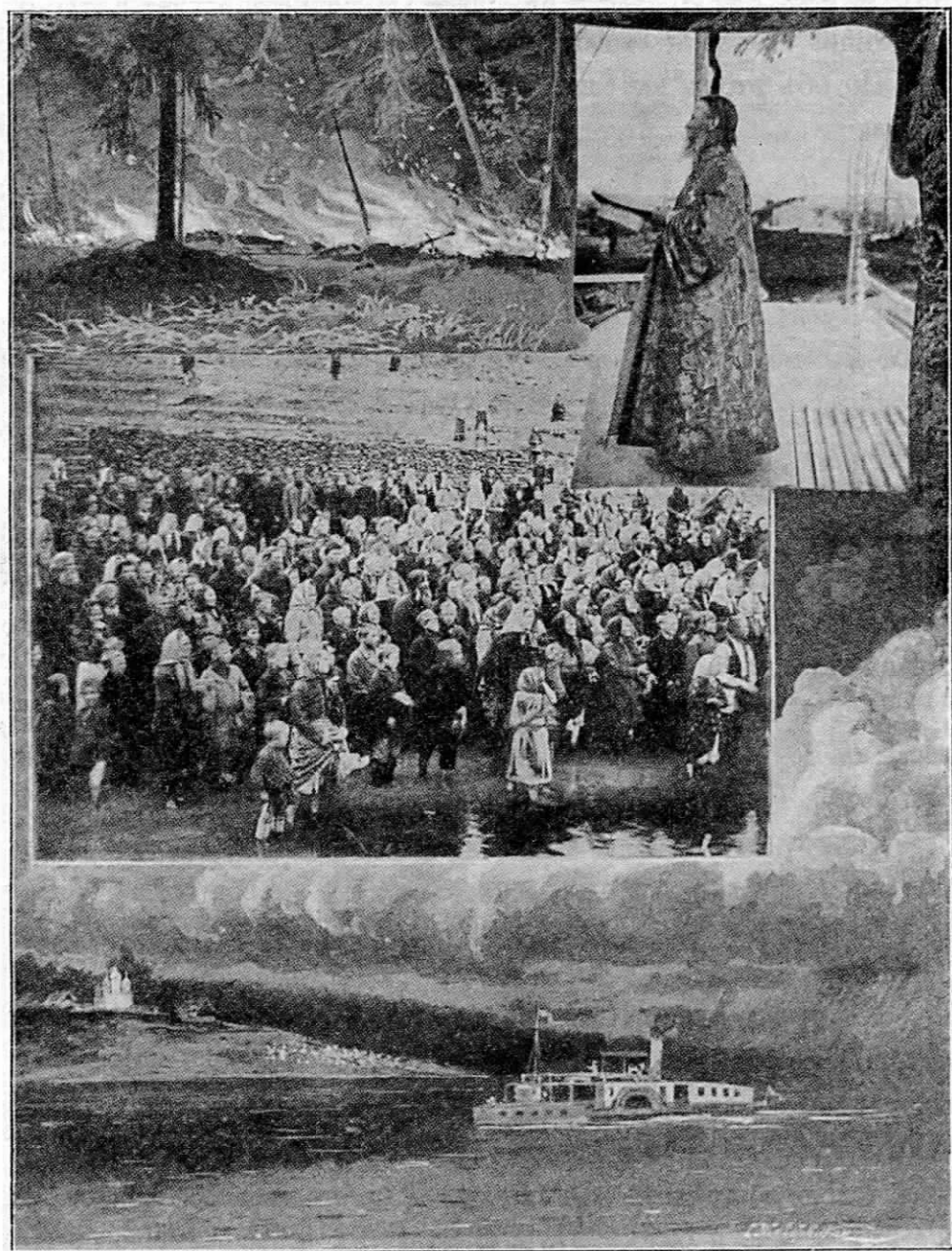
Съ верхней палубы парохода ласково смотрѣлъ онъ внизъ, на толпившіяся тысячи народа безконечно ласковымъ, безконечно властнымъ, радостнымъ взглядомъ.

Онъ смотрѣлъ прямо въ душу, подчинялъ ее себѣ, звалъ за собой.

«Глаза людей смотрѣли на него, и въ нихъ были видны радость, восторгъ, умиленіе. Слезы лились у многихъ. Что это было? Будто нашли они что-то знакомое, родное, но до сихъ поръ за-таенное на днѣ души каждаго; не въ себѣ нашли, въ другомъ, но это все равно; почувствовали они, что можетъ быть человѣкъ прекрасенъ, и есть такой человѣкъ, и вотъ онъ стоитъ передъ ними. И все, что было въ каждомъ прекраснаго, все это поднялось у нихъ, и они облили свой идеалъ слезами восторга и радости. О. Іоаннъ сталъ говорить. Утверждаютъ, будто не повторяются въ церкви нашей теперь евангельскія сцены. Нѣтъ, это несомнѣнно была евангельская сцена. Онъ говорилъ искренно и просто о томъ, что радъ видѣть насъ, что желаетъ намъ всего лучшаго и счастливѣ, видя, что мы вѣруемъ въ Бога и Христа Его. Народъ замеръ. Глаза блестѣли отъ слезъ, добрыхъ, блаженныхъ, счастливыхъ. Если бы напряженность вѣры и святой радости вѣсились на вѣсахъ Божіей правды, я думаю, этотъ моментъ былъ бы показателемъ великой вѣры нашего народа. Если бы въ ту минуту о. Іоаннъ сказалъ этимъ людямъ, чтобы они оставили все и пошли за нимъ, я убѣжденъ, многіе бы пошли за нимъ. Такихъ словъ не было сказано, но ясно, что прикоснувшись краемъ, только краемъ, къ святому и правдивому, эти люди стали оживать».

И вотъ тогда же, подъ ласковымъ прикосновеніемъ его руки, я, тогда тяжущійся и страдающій отъ сомнѣнія пробуждающагося сознанія, нашель свою душу. Этотъ взглядъ, эти рѣчи, этотъ народъ, слушающій его, былъ для меня именно неотразимымъ доводомъ, въ пользу Бога и христіанства, въ пользу жизни и жизни въ церкви. «Пришелъ служитель церкви, обвѣянный правдой Божіей и въ людяхъ заговорилъ прекрасный и благой духъ Христовъ» ¹⁾.

¹⁾ Мы здѣсь воспользовались отчасти чужими словами („Новый Путь“ 1903 г., июль), для характеристики того, что дѣйствительно пережили. Что здѣсь не плагиатъ, докажетъ наша рѣчь о. Іоанну 19 окт. 1902 г., напеч. въ „Мисс. Обзоръ“.

О. Іоаннъ бесѣдуєть съ народомъ.

Его настроеніе можно опредѣлить словами: онъ полонъ духа; онъ богоносецъ, Христосъ въ немъ. Отецъ Іоаннъ—человѣкъ, тяготящій «горѣ» и «желаніе его въ горѣ».

Но объ этомъ мы еще будемъ говорить послѣ. Въ качествѣ предварительной характеристики достаточно пока и того, что сказано.

Посмотримъ лучше о. Іоанна въ его вседневной жизни.

Я опишу сначала Кронштадтскій день.

О. Іоаннъ очень любитъ утро. Утренніе часы — лучшіе, часы дня». Въ это время, пишетъ въ дневникѣ о. Іоаннъ, внутренній человѣкъ свободнѣе выглядываетъ изъ подъ суеты свѣта, изъ подъ мрака плоти своей, несвязанный искушеніями лукаваго. Все остальное время онъ покрытъ почти непроницаемою тьмою; на его очахъ лежитъ болѣзненная повязка, скрывающая отъ него истинный порядокъ вещей духовныхъ и чувственныхъ. Утренніе для него часы, какъ бы часы новой, обновленной временнымъ сномъ жизни».

И о. Іоаннъ съ удовольствіемъ отдалъ бы утренніе часы отдыха въ Богѣ—мыслямъ о Богѣ, вдали этой обычной хотя и святой суеты. Къ сожалѣнію, это для него невозможно.

Полчаса молитвы—вотъ и все, что онъ можетъ оторвать утромъ отъ его работы для другихъ.

И онъ молится «своими словами» съ радостью человѣка, входящаго въ свѣтъ дня Господня.

«Творче и Владыко міра!—молится онъ. Призри милостиво на созданіе Твое, украшенное твоимъ божественнымъ образомъ въ сіи утренніи часы; да живить, да просвѣтитъ Твое око, тьмами темъ кратъ свѣтлѣйшее лучей солнечныхъ, мою душу темную и умерщвленную грѣхомъ. Отыми отъ меня уныніе и лѣность, даруй же мнѣ веселіе и бодрость душевную, да въ радованіи сердца моего славлю Твою благодать, святость, Твое безпредѣльное величіе, без-

конечныя Твои совершенства на всякій часъ и на всякомъ мѣстѣ.
Ты бо еси Творецъ мой и Владыко живота моего, Господи, и

Батюшка уединенно гуляющій въ саянѣ.

Тебѣ подобаетъ слава отъ разумныхъ созданий Твоихъ на всякій
часть, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь».

Молитва даетъ ему ту желѣзную энергію, какой онъ такъ

удивляетъ всѣхъ. Онъ выходитъ изъ своей комнаты сильный и радостный.

Конечно, онъ радъ бы былъ еще воспользоваться утромъ, подумать, пописать, побесѣдовать съ природой. Но это гдѣ ужъ? Это слишкомъ много.

Вотъ яркій фактъ: у о. Іоанна есть садикъ, который онъ любить... и вотъ ему цѣлыми годами почти не приходится видѣть его.

«Когда батюшка отдыхаетъ?» — спрашиваетъ довольно извѣстный писатель одну изъ кронштадтскихъ почитательницъ, которая живетъ почти рядомъ съ о. Іоанномъ.

— А Богъ знаетъ. Вотъ въ садикѣ ему за весь годъ всего на всего одинъ часочекъ погулять пришлось!

— Всего одинъ часъ?

— Ровнехонько часочекъ. Ыздилъ онъ это нонѣшнее лѣто къ себѣ на родину, въ Суру, а вернулся ночью и совсѣмъ даже неожиданно ни для кого... Всталъ это онъ, значить, ранешенько и прохаживается со своими мыслями по садику... такъ, почитай, съ часокъ прохаживался, пока его прохожая молочница не завидѣла... Ну, понятно ужъ, конецъ!..

— Чему же «конецъ»?

— Значить батюшкину покою. Потому сейчасъ всѣ узнали, что батюшка прїѣхалъ и къ крыльцу стало набираться съ цѣлаго Кронштадта. И опять, значить, началась батюшкина «страда».

Да, для о. Іоанна именно «страда».

Съ самаго утра о. Іоанна осаждаютъ почитатели, такъ что тотчасъ послѣ молитвы онъ иногда вынужденъ принимать, хотя и уклоняется отъ этого, чтобы «собрать душу» предъ литургіей. Впрочемъ, тутъ и промежутокъ между утренней молитвой и службой очень короткій.

Начинаютъ звонить къ заутрени.

Беремъ день большого праздника. У дверей о. Іоанна ждуть. Пестра и разнообразна эта ожидающая толпа богомольцевъ: здѣсь

О. Іоаннъ Сергіевъ.

важный баринъ, забывшій свою чопорную спѣсь, а рядомъ ютилась больная старушка, шепчущая молитву и вся проникнутая вѣрою въ благодатную силу молитвы о. Іоанна. Тутъ же тоскливо задумчиво стоитъ прижавшись къ стѣнѣ, блѣдная, худая женщина, въ рваномъ платишкѣ, плохо защищающемъ ее отъ порывовъ сильнаго вѣтра. Скорбное выраженіе горькой безвыходной нужды и горя отпечатлѣлось на ея посинѣвшемъ лицѣ и ясно отразилось въ глазахъ, съ надеждой устремленныхъ на домъ о. Іоанна. Она терпѣливо ожидаетъ появленія батюшки, чтобы взглянуть на лицо его, полное состраданія; одного его взгляда на него достаточно кажется ей, чтобы утѣшить ея скорбящую душу, успокоить, согрѣть, спасти.

И она, конечно, не ошибется.

Вотъ онъ показался въ дверяхъ. Его быстро проводятъ къ дверямъ и сажаютъ въ экипажъ. Иначе ему не добраться до церкви черезъ толпы «чающихъ движенія воды». Народъ бросается за экипажемъ, его хватаютъ за колеса... Слышатся привѣтствія.

Уѣхаль. Тутъ и тамъ раздались крики: «Батюшка, благослови!» «Батюшка, помолись», и вся толпа какъ одинъ человѣкъ, бросается бѣжать вслѣдъ за его экипажемъ, повторяя свои возгласы и лова на лету его благословляющую руку. Народъ бѣжитъ вплоть до калитки, устроенной позади собора, черезъ которую о. Іоаннъ входитъ прямо въ алтарь.

Здѣсь его встрѣчаетъ новая толпа.

«Умилительную картину увидѣли мы у калитки,—пишетъ въ своей прекрасной книгѣ Арх. Евдокимъ. Громадная толпа народа встрѣтила и окружила своего любимого пастыря, спѣша наперывъ другъ передъ другомъ получить его благословеніе, или хотя прикоснуться къ краю его одежды. Въ порывѣ духовнаго рвенія народъ совершенно забывалъ всякую осторожность въ обращеніи съ батюшкою и давилъ, толкалъ его во всѣ стороны, не давая свободного прохода.

Несмотря на толчки и давку, отовсюду стиснутый и стѣсняемый, о. Іоаннъ ни однимъ мускуломъ лица не выразилъ своего не-удовольствія неосторожному народу, а терпѣливо съ кроткою улыбкою смотрѣлъ на суетящуюся толпу и не дѣлалъ ни малѣйшей попытки вырваться изъ тѣсноты.

Къ началу утрени громадный храмъ, вмѣщающій въ себѣ болѣе семи тысячъ человѣкъ, полонъ народомъ. Пѣвчіе на клиросѣ, собрались и соборные священнослужители. Вотъ онъ, о. Іоаннъ, вошелъ въ храмъ чрезъ боковыя двери, сдѣланныя въ алтарѣ. Идти черезъ народъ рѣшительно немислимо.

Если бы о. Іоаннъ входилъ въ храмъ западными дверями черезъ народъ, то ему, кажется, никогда бы не добраться до алтаря. Для прохода о. Іоанна въ алтарь, вдоль стѣны въ длину всего храма, рѣшеткой отгораживали мѣсто. Но это помогало мало, такъ какъ его и здѣсь постоянно останавливали. Рассказывали, былъ однажды такой случай: о. Іоаннъ хотѣлъ кого-то благословить черезъ рѣшетку, когда проходилъ въ алтарь этимъ мѣстомъ. Тотчасъ схватили его руку и начали ее покрывать поцѣлуями, передавая другъ другу.

— Передай мнѣ, передай мнѣ—слышалось далеко въ народѣ.

Если-бы силой не отбили у народа о. Іоанна, то трудно сказать не только о томъ, когда бы онъ пришелъ въ алтарь, но и о томъ, въ какомъ бы видѣ онъ туда пришелъ. Рассказываютъ, что иногда отрывали даже части отъ его одеждъ.

Взойдя въ алтарь, онъ началъ радушно привѣтствовать сначала своихъ сослуживцевъ, а потомъ «счастливицевъ», имѣвшихъ возможность видѣть его такъ близко.

— А, здравствуйте, братцы, здравствуйте.

Все дѣлалъ онъ спѣшно и быстро. Поздоровавшись, онъ облачился въ ризы краснаго цвѣта и началъ утрению. Говорятъ, красный цвѣтъ его любимый цвѣтъ.

И въ алтарѣ, этомъ великомъ христіанскомъ святилищѣ, не

давали о. Іоанну покоя. То одинъ, то другой въ удобную минуту подходили къ нему съ различными просьбами и нуждами. Хорошо зная, что каждый изъ находившихся въ алтарѣ пришелъ сюда, имѣя какую либо горячую, неотложную нужду, о. Іоаннъ и самъ иногда подходилъ то къ одному, то къ другому. Разспросить о нуждѣ, горѣ, дать добрый совѣтъ. Давалъ, кажется, нѣкоторымъ и деньги. Одного обласкаеть, другого потреплеть по плечу.

Молится о. Іоаннъ порывисто, страстно—вдохновенно. «Мнѣ», говоритъ вдумчивый Арх. Евдокимъ—запомнился особенно одинъ моментъ его службы за утреней. Канонъ на клиросѣ читаетъ о. Іоаннъ и всегда самъ. Нельзя не обратить вниманія на это чтеніе. «Умиленіе, восторженность, твердость, надежда, упованіе, радость, печаль, глубокое благоговѣніе—все слышалось въ этомъ дивномъ чтеніи».

«О. Іоаннъ подошелъ къ жертвеннику, сталъ предъ нимъ на колѣни, руки сложилъ крестообразно на жертвенникѣ, голову сложилъ на нихъ. Подъ руками у него были, кажется, записки съ просьбой, помянуть больныхъ, умершихъ. Я смотрѣлъ на него изъ-за колоннъ. Волосы прядями ниспадали на плечи; весь онъ былъ освѣщенъ слабымъ утреннимъ свѣтомъ, едва-едва пробивающимся сквозь толщу утренняго сѣвернаго тумана. Онъ находился въ такомъ положеніи около десяти минутъ. Казалось со стороны, что онъ какъ бы умеръ и предъ нами было только его тѣло, оставленное, сброшенное его душой, какъ-бы какая одежда. Мнѣ живо вспомнились въ эти минуты тѣ картины, на которыхъ изображено, какъ душа, по разлученіи съ тѣломъ, съ неба созерцаетъ его. Тѣло тамъ дѣйствительно представляется какъ-бы одеждой, оставленной, сброшенной душой.

О, какая это молитва, какой священнѣйшій моментъ... Человѣкъ оставляетъ землю и возносится душею на небо, житель земной проникаетъ въ горніе міры, ограниченный разумѣтъ тайны неба,

О. Іоаннъ Сергіевъ.

плотной становится духовнымъ, немощный укрѣпляется, скорбящій утѣшается, сильный становится болѣе сильнымъ».

Читаетъ о. Іоаннъ, какъ бы бесѣдуетъ, разговариваетъ съ Спасителемъ, Божіей Матерію и святыми, какъ бы они вотъ здѣсь предъ нимъ находились, а не тамъ гдѣ-то въ недозримой для насъ выси, въ надзвѣздныхъ, заоблачныхъ мірахъ» (Два дня въ Кронштадтѣ). Онъ не читаетъ, а возглашаетъ—именно возглашаетъ: «потому что чтеніе и молитвы о. Іоанна очень мало имѣли общаго съ обычнымъ чтеніемъ большинства священниковъ... Громко, рѣзко и нервно, какъ бы отрывая каждое слово отъ своего сердца, произносить онъ святую молитву и отъ этихъ звуковъ, наполняющихъ сдержанную тишину многолюднаго храма, вѣетъ дѣйствительно чѣмъ то святымъ и высшимъ».

Всѣмъ и каждымъ властно чувствуется, что тутъ не простое чтеніе предъ чтимой иконою, а именно живая бесѣда съ Существомъ видимымъ и сущимъ.

«Святый великій Іоанне, Предтече Господень, моли Бога о насъ!»—Прерываетъ клиръ его послѣднія слова, и вы напрягаете весь свой послѣдній слухъ, чтобы разобрать послѣдующія.

«Крестителю и Предтече Христовъ!» раздается вновь знакомый, проникновенный голосъ.—«Погружаемый всегда сладкими тѣлесными, умъ мой управи и волны страстей моихъ укроти, яко да въ тишинѣ божественнѣй бывъ пѣснославлю Тя!»

О, это «пѣснославлю Тя!» пишетъ Щегловъ, изъ котораго мы беремъ—послѣднія строки—если бы я былъ въ силахъ передать, какъ оно было произнесено... то увѣренъ, что отъ этого пламеннаго возгласа дрогнуло въ храмѣ не одно сердце».

Ни одно слово не читается безъ смысла и толка. Болѣе важныя по содержанію слова о. Іоаннъ произносить, обратясь даже къ народу, чтобы люди могли глубже постигнуть читаемое. Самъ онъ, всецѣло сосредоточенъ на читаемомъ. Ничто не отвлечетъ его мысли въ это время въ сторону. Онъ какъ бы переживаетъ все, что читаетъ. Пережи-

ваетъ побѣды надъ грѣхомъ и зломъ, совершенныя святыми людьми, переживаетъ человѣческія немощи и паденія, переживаетъ времена благоволенія и милости Бога къ людямъ падшимъ и заблудшимъ. Многое изъ читаемаго, повидимому,—это какъ то и чувствуется,—относитъ непосредственно къ самому себѣ. О томъ, что совершается въ это время въ его душѣ, можно судить даже и по его наружности. Душа о. Іоанна настолько проникается мыслями, какія содержатся въ читаемыхъ имъ священныхъ пѣснопѣніяхъ, что онъ не можетъ удержаться отъ самыхъ разнообразныхъ жестовъ. Во время чтенія онъ постоянно какъ бы волнуется и какъ бы неспокоенъ. То какъ бы блаженная улыбка засіяетъ на лицѣ его, когда онъ читаетъ о небесной славѣ Бога, Богородицы и св. Угодниковъ Божіихъ; то глубокая мольба слышится съ его устъ, когда онъ читаетъ о немощи, грѣхѣ и паденіяхъ человѣческихъ; то слышишь какъ бы праведный гнѣвъ, когда встрѣчаются въ канонѣ слова «сатана», «діаволь»; то умиленіе, глубокій восторгъ, когда онъ читаетъ о великихъ подвигахъ, побѣдахъ надъ грѣхомъ, какіе совершили св. мученики, подвижники.

По шестой пѣсни и эктении о. Іоаннъ восклицаетъ: «кондакъ» и читаетъ его громко, какъ побѣдную пѣснь христіанъ надъ побѣжденнымъ исконнымъ нашимъ врагомъ. Кончивъ чтеніе канона, быстро входитъ въ алтарь и падаетъ въ глубокой молитвѣ предъ престоломъ. Укрѣпивъ себя молитвою, снова идетъ на клиросъ и читаетъ здѣсь «стиховны на хвалитѣхъ». «Я не забуду никогда, пишетъ авторъ «Двухъ дней въ Кронштадтѣ»: начали пѣть стихиры на «стиховныхъ». О. Іоаннъ въ это время уже почти облачился, чтобы служить литургію. На немъ не было только ризы. Быстро, стремительно, скорѣе выбѣжалъ, чѣмъ вышелъ онъ изъ алтаря на клиросъ, присоединился къ пѣвчимъ и началъ пѣть вмѣстѣ съ ними. Пѣлъ съ воодушевленіемъ, глубокой вѣрой въ каждое слово, регентуя самъ, опять подчеркивая отдѣльныя слова и замедляя темпъ тамъ, гдѣ это было нужно по логическому смыслу, содержанію пѣснопѣ-

нія. Пѣвцы чутьемъ угадывали эти слова, этотъ темпъ и тактъ, и вторили ему съ немалымъ искусствомъ и одушевленіемъ. Пѣніе, сначала не совсѣмъ стройное, быстро стало гармоническимъ, сильнымъ, звучнымъ, мощнымъ, воодушевляющимъ, лилось по всему храму, наполняло всю душу молящагося. Трогательно было смотрѣть на пѣвцовъ въ это время. Пѣла какъ будто бы одна какая святая первохристіанская семья съ своимъ отцомъ во главѣ, пѣла свои побѣдные, священные, великіе гимны».

Утренняя окончилась. Стали звонить къ литургіи. Извѣстно, что къ первой части литургіи, проскомидіи—съ очень малымъ вниманіемъ относятся даже и священнослужители, не участвующіе въ самомъ совершеніи.

Слѣдуетъ быть на проскомидіи, совершаемой о. Іоанномъ, чтобы понять огромную важность этой части литургіи, необходимость вниманія къ ней хотя бы со стороны сослужащаго духовенства.

О. Іоаннъ подходитъ къ жертвеннику.

Онъ полонъ торжественной радости. Уже въ это время его охватываетъ какой-то ликующій пророческій экстазъ.

Онъ вынимаетъ Агнецъ. Посмотрите, съ какой любовной внимательностью онъ равняетъ Его, обрѣзываетъ со всѣхъ сторонъ и благоговѣнно ставитъ на дискось. Потомъ о. Іоаннъ начинаетъ вынимать частицы.

На проскомидіи просфоръ бываетъ такъ много, что ихъ приносили сюда цѣлыми большими корзинами. Самъ о. Іоаннъ можетъ вынуть только по нѣсколько просфоръ изъ каждой корзины и прочитать только по нѣсколько поминаній и записокъ изъ массы ихъ поданной въ алтарь для поминовенія богомольцами, собравшимися въ храмъ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ Россіи. Да и какъ иначе поступить? Просфоръ иногда подаютъ до пяти тысячъ, а три съ половиною тысячи довольно часто.

Многіе во время проскомидіи лично подходятъ къ о. Іоанну и

просить его помянуть своихъ родственниковъ, вынуть хотя одну просфору, такъ что онъ не имѣетъ ни одной свободной минуты.

Сослужащіе съ о. Іоанномъ (а ихъ въ праздники всегда много священники, протоіереи, іеромонахи)—какъ мы сказали, во время проскомидіи большей частью невнимательны. О. Іоаннъ иногда своимъ молитвеннымъ возбужденіемъ умѣетъ и ихъ собрать около св. жертвенника.

«Смотрите, смотрите», неожиданно восклицаетъ онъ среди проскомидіи, «о. Николай, смотрите, о. Павелъ,—гдѣ есть что нибудь такое, какъ у насъ... Смотрите. Вотъ Онъ, Христосъ. Здѣсь Онъ, здѣсь среди насъ и мы около Него, кругомъ Его, какъ апостолы».

Становится благоговѣйно страшно отъ вдохновеннаго возгласа. Чувствуется, какъ ангелы рѣютъ крылами. Священники собираются около о. Іоанна и уже не отходятъ отъ него до конца проскомидіи.

Помяни Господи рабовъ Твоихъ, читаетъ о. Іоаннъ, и называетъ имена живыхъ и умершихъ, часто полнымъ именемъ, съ отчествомъ.

Но вотъ кончилась и проскомидія. Въ митрѣ, съ сіяющимъ крестомъ на груди, съ свѣтлымъ отъ внутренняго молитвеннаго возбужденія лицомъ—о. Іоаннъ встаетъ во главѣ собора священнослужителей. «Помолитесь, братія сослужители, да дастъ Господь намъ богоугоднѣ совершить міроspасительную литургію», начинаетъ о. Іоаннъ.

Литургія началась о. Іоаннъ еще болѣе преображается. Приходилось-ли вамъ когда-нибудь наблюдать ралигіозно настроеннаго юнаго батюшку, когда онъ, только что осіянный благодатью, стоитъ съ врученнымъ ему на храненіе агнцемъ.

Онъ горитъ святымъ чувствомъ. Страхъ тяжелой отвѣтственности борется въ немъ съ чувствомъ духовной радости, благоговѣйнаго восторга, съ чувствомъ счастья приникнуть къ тайнѣ, какую не могли рѣть очами своими ангелы.

Такой священникъ, если вы его видѣли, будетъ блѣднымъ подобіемъ священнодѣйствующаго Кронштадтскаго пастыря.

Пишущій эти строки имѣлъ счастье служить литургію вмѣстѣ

съ о. Іоанномъ и наблюдать за нимъ во время служенія до тѣхъ поръ, пока могъ остаться только наблюдателемъ.

Отверзты царскія врата. Произнесенъ первый возгласъ. О. Іоаннъ неожиданно, порывисто беретъ на престольный крестъ и съ любовью цѣлуетъ его, обнимаетъ его руками, восторженно смотреть, уста его шепчутъ слова молитвы. Потомъ онъ раза три, четыре подрядъ лобызаетъ его, прикладываетъ его къ своему челу... Уста снова что-то шепчутъ.

Возгласы о. Іоаннъ произноситъ такъ же, какъ читаетъ канонъ на утрени. Въ голосѣ слышится и твердая вѣра, и надежда, и умиленіе. Взоръ обращенъ на горнее мѣсто. Иногда онъ произноситъ возгласъ, закрывши глаза и углубившись въ себя. Какъ сосредоточенъ, самособранъ во время богослуженія о. Іоаннъ, трудно даже и передать. Все время онъ погруженъ въ такія глубины души, что какъ будто онъ ничего не видитъ, ничего не слышитъ, ничего не замѣчаетъ, что кругомъ его совершается. Онъ въ своемъ особомъ мірѣ. Онъ въ это время одинъ и не похожъ на другого. Служебника о. Іоаннъ почти не раскрываетъ, такъ какъ всѣ молитвы знаетъ на память. Читаетъ часто въ полголоса.

Первая часть литургіи—у о. Іоанна—преимущественно такъ сказать часть молебная. Онъ въ это время больше всего сознаетъ себя, какъ молитвенника «за люди». Онъ постоянно помнитъ, что всѣ эти люди, эти плѣнные во власть грѣха и суеты—эти больные и тѣлесно и духовно—ждутъ его предстательства, надѣются, молятъ, чрезъ него ждуть великія и богатая милости.

О. Іоаннъ весь охваченъ сознаніемъ огромной отвѣтственности предъ этими немощными, ввѣрившими ему себя, благо своей и души и тѣла, и точно спѣшитъ молиться за нихъ; молится порывисто, настойчиво, не просить, а требуетъ отъ Бога исполненія просьбъ этихъ несчастныхъ, съ властью священника, поставленнаго Христомъ; онъ хватается за край ризы Господней, требуя милости душамъ, ввѣреннымъ ему отъ Господа.

Молитва необычайная, непобѣдимая, захватывающая!
Съ великаго входа начинается второй моментъ литургіи.
О. Іоаннъ беретъ святую чашу и относитъ ее, прибавляя отъ
себя: «И изведоша Его вонъ изъ винограда и ту убиша Его».

Этой глубокой по мысли вставкой о. Іоаннъ вводитъ себя, какъ
онъ говорить, «въ священныя воспоминанія послѣднихъ дней
Христа Господа».

Всю вторую часть до пресуществленія даровъ онъ отдается переживанію святыхъ картинъ Евангельскаго прошлаго.

Съ этого времени, главнымъ образомъ, послѣ «Вѣрую» онъ въ Гефсиманіи, въ Сіонской горницѣ, около Голгофы.

Въ этой части литургіи о, Іоаннъ очень много вставляетъ отъ себя, иногда тайно, иногда вслухъ.

Всѣ эти моленія собраны имъ самимъ въ его книгѣ: «Моя жизнь въ Христѣ».

По поставленіи Св. Даровъ на престолъ, о, Іоаннъ читаетъ обычную молитву, прибавляя къ церковнымъ словамъ о ниспосланіи благодати на людей слѣдующія глубокосодержательныя слова: «на всѣхъ разсадницѣхъ юношескихъ и отроческихъ, духовныхъ и мірскихъ, мужескихъ и женскихъ, градскихъ и сельскихъ, и на всемъ неучащемся юношествѣ;—на всѣхъ разсадницѣхъ духовныхъ, монашескихъ—мужскихъ и женскихъ,—на нищихъ людяхъ Твоихъ, вдовицахъ, сирыхъ и убогихъ,—на пострадавшихъ отъ запаленія огненного, наводненія, бури и труса,—отъ недорода хлѣба и глада,—на всѣхъ заповѣдавшихъ мнѣ недостойному молиться о нихъ и на всѣхъ людяхъ Твоихъ».

Лобызая послѣ возгласа «возлюбимъ другъ друга» сослужащихъ священнослужителей въ оба плеча говорилъ:

— Христось посредѣ насъ живой и дѣйствующій.

Эти слова производятъ огромное впечатлѣніе.

«Я, говоритъ одинъ свидѣтель, стоялъ, пораженный этими словами, и невольно думалъ. Да, вотъ среди насъ, а не тамъ, гдѣ то вдали находится Христось Спаситель, находится не мертвый, не какъ отвлеченная какая доктрина, не какъ только историческая извѣстная личность, а живой, «живой и дѣйствующій». Онъ среди насъ. И даже «дѣйствующій». Жутко становилось, трепетомъ великимъ наполнилась невольно душа. Я готовъ былъ упасть предъ престоломъ».

«Я унесъ съ собой, читаемъ въ другомъ дневникѣ, на всегда

впечатлѣніе этихъ словъ, какъ какое то сокровище и думаю, многихъ заставило всколыхнуться святымъ чувствомъ это «Христосъ посредѣ».

По прочтеніи Символа вѣры, о. Іоаннъ прибавляетъ слѣдующую молитву. «Утверди въ вѣрѣ сей и вѣрою сею сердце мое и сердце всѣхъ православныхъ христіанъ; сея вѣры и сего чаянія жити достойно вразуми; соедини въ вѣрѣ сей вся великія христіанскія общества, бѣдственно отпадшія отъ единства св. Православныя католическія и апостольскія Церкви, яже есть тѣло Твое и ея же Глава еси Ты и Спаситель тѣла,—низложи гордыню и противленіе учителей ихъ и послѣдующихъ имъ, даруй имъ сердцемъ уразумѣть истину и спасительность Церкви Твоея и нелѣпною ей соединитися; союбщи Твоей святѣй Церкви и недугующихъ невѣжествомъ, заблужденіемъ и упорствомъ раскола, сломи въ силую благодати Духа Твоего упорство ихъ и противленіе истинѣ Твоей, да не погибнуть люді въ своемъ противленіи, якоже Корей, Дафанъ и Авиронъ, противившіеся Моисею и Аарону, рабамъ Твоимъ. Къ сей вѣрѣ привлецы вся языки, населяющіе землю, да единымъ сердцемъ и едиными усты вси языцы прославляютъ Тебя единого всѣхъ Бога и благодѣтеля; въ сей вѣрѣ и насъ всѣхъ соедини духомъ кротости, смиренія, незлобія, простоты, безстрастія, терпѣнія и долготерпѣнія, милосердія, собоулзнованія и сорадованія».

Но вотъ приближаются священнѣйшія минуты литургіи и о. Іоаннъ снова новый!

«Горѣ имѣимъ сердца»,—воскликаетъ о. Іоаннъ и затѣмъ прибавляетъ отъ себя: Самъ Господи, вознеси долу приклоншіяся сердца наши!

«Благодаримъ Господа»,—снова восклицаетъ о. Іоаннъ. Первые два слова молитвы: «Достойно и праведно поклонятися» произносить громко, а послѣднія тише, смолкая совершенно подъ конецъ. При тайномъ чтеніи молитвы послѣ словъ: «Ты отъ небытія въ

бытіе насъ привелъ еси», добавляетъ для усиленія благодарнаго чувства: въ разумное бытіе и по душѣ безсмертное, т. е. привелъ еси; послѣ словъ «падшихъ насъ возставилъ еси паки»—прибавляетъ: и стократно на кійждо день возставляеши согрѣшающихъ и кающихся. Послѣ словъ: «дондеже насъ на небо возвелъ еси и царство даровалъ еси будущее» прибавляетъ: Ты и въ самомъ причащеніи нашемъ животворящихъ Твоихъ Таинъ уже возводишь насъ на небо: ибо гдѣ Ты, тамъ небо и небо небесе, и даровавъ Себя Самого вѣрнымъ, Ты вмѣстѣ съ Собою уже даруеши и царство небесное—царство будущее въ залогъ пречистаго Тѣла и Крови Твоей. При чтеніи молитвы «съ сими блаженными силами» при словахъ: «Самъ себе предающе за мирскій животъ» «батюшка» прибавляетъ отъ себя, для усугубленія чувствъ благодарности и умиленія, слова: «паче же всѣхъ за меня грѣшнаго, да избавлюсь смертоноснаго грѣха и да живу во вѣки».

О. Іоаннъ отдается воспоминаніямъ. Онъ видитъ Христа Бога въ Свонской горницѣ, кругомъ его апостолы. Любимый Іоаннъ на персяхъ его. Онъ свѣтлый и скорбный дѣлитъ хлѣбъ, поднимаетъ чашу. О. Іоаннъ спѣшитъ; его голосъ спѣшитъ радостно возгласить народу слова обѣтованія: «Здѣсь нужно кричать, говорить онъ всѣмъ вслухъ громко, развѣ можно прятать такіа слова?»

И онъ обертывается къ народу и говоритъ громко: «пріимите, ядите сіе есть Тѣло мое, пійте отъ нея вси»,—съ глубокою вѣрой восклицаетъ о. Іоаннъ. Произнося эти слова, онъ не разъ прикасается перстомъ къ чашѣ, какъ бы даже съ силой ударяетъ по ней. Снова подчеркнуты слова: «за вы и за многія изливаемая.» По собственнымъ словамъ о. Іоанна священный трепетъ пробѣгаетъ по всѣмъ членамъ, по всему существу, когда сердечнымъ ухомъ слушаешь эти слова. И этотъ трепетъ отражается въ его голосѣ, въ силѣ, съ какой онъ произноситъ это «за вы». «Такъ и слышится въ эти минуты въ голосѣ батюшки, за насъ пролита кровь, за васъ, за

тѣхъ самыхъ, что вотъ стоите здѣсь въ данную минуту, а не за тѣхъ только, что стояли у креста. Она пролита не за отвлеченное какое то человѣчество, а за живыхъ людей, за каждого бѣдняка, убогаго, богатаго, знатнаго, мужчину и женщину. Твоя грудь едва прикрыта рубищемъ, и за тебя пролита кровь. Ты забылъ и отвергъ Бога, и за тебя пролита эта святѣйшая кровь. За ваши грѣхи, стоящіе здѣсь, страдалъ Христосъ?» (Два дня въ Кронштадтѣ).

— А вы, что вы платите ему?

Предъ произнесеніемъ словъ установленія, о. Іоаннъ для возвышенія чувства благодарности и изумленія произноситъ слова церковной пѣсни: «о Божественнаго, о любезнаго и сладчайшаго Твоего гласа!» А что чувствуетъ онъ въ эти минуты? «Здѣсь бездна любви,—говоритъ онъ, любви Божества къ роду человѣческому. Есть о чемъ подумать каждому безпристрастно углубляющемуся въ судьбы Божіи касательно рода человѣческаго».

Твоя отъ Твоихъ,—возглашаетъ о. Іоаннъ, дѣлая особенное удареніе на словѣ *о всѣхъ*, произнося его болѣе протяжно, чѣмъ другія. Чувствуетъ его душа, какъ люди, собравшіеся во множествѣ въ этомъ храмѣ, нуждаются въ небесной помощи, и онъ горячо молится за всѣхъ.

„Когда произношу слова: *Твоя отъ Твоихъ*,—пишетъ онъ,—то представляю торжественность и величіе данной минуты, когда архіерей или священникъ, стоя лицомъ къ лицу съ вѣчною, совершенною, неизмѣнною правдою Отца небеснаго, карающаго грѣхъ,—приноситъ отъ лица всѣхъ и за всѣхъ единую безмѣрную, всеправедную, умиловительную жертву Христа Сына Божія, единую могущую преклонить на милость Бога Отца, искупить весь міръ отъ праведнаго проклятія и исходатайствовать всѣмъ вѣрующимъ прощеніе грѣховъ и благословеніе, а усопшимъ въ вѣрѣ и надеждѣ воскресенія и жизни вѣчныя—оставленіе согрѣшеній и покой со

святыми,— Жертву, которою оправдались всѣ святые, Богу угодившіе отъ вѣка, и въ благодареніе за коихъ она также приносится».

Вотъ онъ держитъ въ рукахъ святой дискось и, касаясь губами его краевъ, молится.

Ощущается вѣяніе Духа Святаго, чувствуется, что о. Іоаннъ слышитъ приближеніе благодати и ждетъ ея и зоветъ.

Это третій самый великій моментъ литургіи о. Іоанна, здѣсь торжество и побѣда. О. Іоаннъ мыслимо видитъ Господа на Голгоѣ, но въ славѣ воскресшаго побѣдителя. Онъ умираетъ за насъ, за наше воскресеніе и оружіе проходитъ въ душу; зарождаетъ скорбь за грѣхи человѣчества, которые возвели на крестъ Господа, и радость о жертвѣ *Его*. Пастырь въ эти минуты самъ восходитъ на Голгофу за Господомъ и скорбь переходитъ въ радость Воскресенія. Борьба слезъ и радостнаго восторга, постепенная побѣда торжественной радости надъ скорбью это есть то самое великое и страшное, что дѣлаетъ службу о. Іоанна необычайной. О. Іоаннъ начинаетъ молитву пресуществленія: Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ апостоламъ ниспославый, Того Благій не отыми отъ насъ».

Въ первый разъ онъ произноситъ эти слова торжественно и побѣдно, но болѣе или менѣе спокойно.

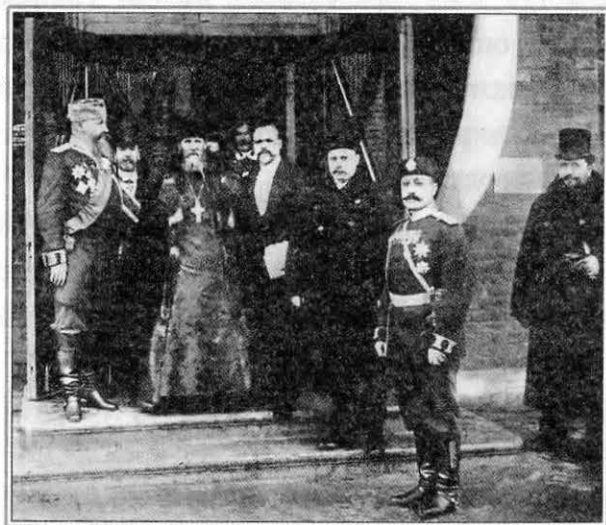
Это еще только глубоковѣрующій священникъ.

Второй разъ голосъ приподнимается, дрожитъ. Въ немъ усиливается отгѣнокъ властности и радости. Мы слышимъ, что онъ уже знаетъ все, увѣренъ въ томъ, что сейчасъ совершится чудо, слышитъ приближающійся свѣтъ невечерній и съ радостью всматривается впередъ, готовый сказать—«осанна», грядетъ Господь, встрѣчайте.

Третій разъ читаетъ о. Іоаннъ: Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа... Его глаза широко открытые видятъ, кажется, Самого Господа, идущаго заклаться и датися въ снѣдь вѣрнымъ. Онъ не видитъ Христа и ангеловъ въ зрительныхъ образахъ, (по крайней

Закладка дома трудолюбія въ Кронштадтѣ.

Открытіе дома трудолюбія на Обводномъ каналѣ.

мѣръ мы не знаемъ этого), но онъ чувствуетъ присутствіе Христа всѣмъ существомъ осязательнѣе, яснѣе, чѣмъ можно видѣть глазами. «Здѣсь Онъ, здѣсь» — кажется шепчуть его губы. И это «здѣсь» ясно читается въ его глазахъ.

Всѣ присутствующіе охватываются благоговѣйнымъ трепетомъ. Взгляните кругомъ, священники сослужащіе блѣдные, взволнованные; они были свидѣтелями чуда...

Вотъ пріобщается о. Іоаннъ Тѣла и Крови Христовыхъ. Лице его измѣнилось. Нѣтъ болѣе на немъ и слѣда той утомленности и какой то скорби или грусти, какія можно было видѣть, когда онъ только что входилъ сегодня утромъ въ храмъ. Необыкновенная духовная радость, необыкновенный миръ и небесный покой, необыкновенная сила и мощь отображались теперь въ каждой чертѣ его лица. Его лицо какъ бы свѣтилось, какъ бы издавало какое сіяніе. О. Іоаннъ готовъ былъ снова трудиться безъ всякой усталости утра до самой поздней ночи, онъ запасся теперь силами на всѣ предстоящіе ему дневные труды и заботы. Лица, близко стоявшіе къ нему, говорили мнѣ, что такая переменна бываетъ съ нимъ каждый разъ, когда онъ приступаетъ къ Св. Тайнамъ. Самъ говорилъ намъ, что онъ только въ Св. Тайнахъ почерпаетъ силы для несенія труда, который несомнѣнно превышаетъ всякія человѣческія силы. И этимъ же ежедневнымъ причащеніемъ онъ объяснялъ любовь къ нему народа.

Мы описали, какъ могли, почему такое служеніе съ самыхъ первыхъ годовъ обратило сердца многихъ къ Богу и служителю Его.

Между документами, которые мнѣ выслали почитатели о. Іоанна, одинъ повѣствуетъ слѣдующее.

«Я былъ въ Кронштадтѣ по дѣлу въ 1895 году. Я много испыталь; растерялъ вѣру, озлобился. Ни въ храмѣ, ни въ молитвѣ искать примиренія мнѣ и въ голову не приходило. Въ Кронштадтскій соборъ я зашелъ просто отъ нечего дѣлать. Меня пропустили впередъ, благо народу было не много. Съ первыхъ же словъ меня

покорила живая вѣра въ пастырѣ... «Христось посредѣ насъ», воскликнулъ онъ, и я почувствовалъ, что Христось пришелъ, что мнѣ его именно нужно, его близости недоставало для спасенія въ этой суетнѣ жизни. «Со страхомъ Божиимъ приступите»... «Со страхомъ»... Да, стало страшно, а нужно приступить... Нужно. Тамъ жизнь... Я было двинулся къ чашѣ почти инстинктивно, но вспомнилъ, что нужно «говѣть», готовиться, что я не приступалъ къ чашѣ десятки лѣтъ. Я отступилъ назадъ и заплакалъ. Меня сопровождалъ любящій батюшка. Послѣ обѣдни онъ самъ подошелъ съ вопросомъ: «Ты несчастенъ, тебѣ больно»... А черезъ два дня я уѣхалъ вѣрующимъ, счастливымъ, освященнымъ Св. Тайнами. Подите туда—прибавлялъ авторъ письма. Тамъ всякій увѣруетъ «и возродится».

* * *

Но мы отклонились. Возвратимся къ службѣ.

Служба идетъ довольно быстро, если нѣтъ общей исповѣди. Если она есть, то служба затягивается. Мы не видѣли общей исповѣди и опишемъ ее съ чужихъ словъ.

О. Іоаннъ вышелъ изъ алтаря на амвонъ въ смиренномъ видѣ безъ митры и началъ говорить поученіе предъ исповѣдію. Онъ началъ его безъ обычныхъ нашихъ словъ «во имя Отца и Сына и Святаго Духа».

— Грѣшники и грѣшницы, подобные мнѣ! Вы пришли въ храмъ сей, чтобы принести Господу Іисусу Христу Спасителю нашему покаяніе въ грѣхахъ и потомъ приступить къ Св. Тайнамъ,—такъ началъ свое поученіе о. Іоаннъ! Приготовились ли къ воспринятію столь великаго Таинства?

Знаете ли, что великій отвѣтъ несу я предъ престоломъ Всевышняго, если вы приступите, не приготовившись. Знайте, что вы каетесь не мнѣ, а Самому Господу, Который невидимо присутствуетъ

здѣсь, Тѣло и Кровь Котораго въ настоящую минуту находятся на престолѣ.

Сказавши еще нѣсколько прочувствованныхъ словъ, о. Іоаннъ продолжалъ:

— Слушайте... буду читать покаянныя молитвы. И тотчасъ же началъ читать ихъ, обратясь лицомъ къ народу. «Боже Спасителю нашъ, — читаетъ восторженно, громогласно и умирительно о. Іоаннъ, — прости рабовъ твоихъ сихъ». Слова «твоихъ сихъ» читаетъ протяжно, разбивая ихъ по слогамъ. При этомъ своей раскрытой десницей проводитъ надъ главами внизу стоящихъ и молящихся, какъ бы отдѣльно указывая каждому милосердому Судіи. Тогда невольно дрогнуло у каждого сердце. Каждый чувствовалъ, что вотъ онъ именно, а не кто-либо другой, сейчасъ долженъ дать отчетъ Богу за прожитое время, за всѣ свои дѣла. Не укрыться ему теперь за другими отъ этого Судіи.

Продолжается чтеніе молитвы. Голосъ пастыря все возвышается и возвышается. Иногда, во время чтенія, онъ еще выразительнѣе, какъ пророкъ грознаго и праведнаго Судіи, указываетъ перстомъ въ толпу, въ ту или другую сторону храма... Всѣ эти и подобные этимъ жесты весьма трогательны, чрезвычайно поясняютъ смыслъ читаемаго и производятъ на массу сильное впечатлѣніе.

Прочитавши первую покаянную молитву, о. Іоаннъ заявляетъ что ее нужно «протолковать» и продолжаетъ свое поученіе. Говоритъ, конечно, безъ тетрадки. Говоритъ просто, безъ всякихъ ораторскихъ пріемовъ. Въ одномъ мѣстѣ ему никакъ не удавалось правильно построить фразу. Проповѣдникъ остановился на нѣсколько мгновений и потомъ, заявивъ, что онъ «не такъ сказалъ», спокойно продолжалъ свою рѣчь. Слово его отличалось внутренней силой, властью (1 Кор. 2. 4; 4, 20) и нисколько не напоминало чтенія мальчикомъ хорошо вызубреннаго урока. Говорилъ онъ съ глубокой вѣрой въ каждое свое слово, готовый за каждое слово даже

пострадать, потому что все говорилъ отъ сердца, говорилъ то, что самъ своимъ личнымъ опытомъ хорошо извѣдалъ.

Вотъ почти буквально слова о. Іоанна (конечно рѣчь его постоянно разнообразится, но только въ частностяхъ).

«Царь и пророкъ Давидъ былъ мужъ по сердцу Божію, но и онъ не услѣдилъ за собою и имѣлъ несчастье впасть въ тяжкій грѣхъ убійства и прелюбодѣйства. Прогуливаясь однажды на террасѣ своего дворца, Давидъ увидѣлъ купающуюся прекрасную еврейку, плѣнился ея красотою, воспыпалъ къ ней страстью и пожелалъ сдѣлать ее своею женою. Но эта еврейка была замужемъ и, чтобъ исполнить свое грѣховное желаніе, Давидъ отправилъ мужа ея на войну и приказалъ поставить его на опасное мѣсто, гдѣ его и сразили непріятельскія стрѣлы.

Такимъ образомъ Давидъ достигъ своей преступной цѣли и упоенный грѣховною страстью не хотѣлъ думать о томъ, какое тяжкое прегрѣшеніе совершилъ онъ передъ Богомъ. Но Господь Богъ умилился надъ заблудившимся грѣшникомъ и послалъ пророка Наѳана, который и обличилъ царя въ беззаконіи и убѣждалъ его раскаяться. Тогда царь созналъ свой тяжкій грѣхъ, ужаснулся его и, посыпавъ главу свою пепломъ, въ знакъ смиренія, началъ горько плакать и искренно, горячо каяться передъ Господомъ. И Господь услышалъ его скорбную мольбу и простилъ его грѣхъ. Царь Давидъ свое сердечное сокрушеніе о грѣхахъ выразилъ въ псалмахъ, духовныхъ пѣсняхъ, въ которыхъ благодарить и прославляетъ Господа. Онъ оставилъ послѣ себя книгу—Псалтирь, и помѣщенный въ ней 50-й псаломъ «Помилуй мя Боже!» представляетъ собою прекрасный и незамѣнимый образецъ сердечнаго покаянія.

Братія и сестры! Царь Давидъ былъ мужъ благочестивый, мудрый, кроткій и имѣлъ въ себѣ Духа Божія и то согрѣшилъ, впадъ въ ошибку.

О, какъ легко человѣку впадать въ грѣхи!

Нужно каждый день и часъ, каждую минуту слѣдить за собою и предвидѣть заранѣе грѣховныя желанія своихъ чувствъ и оберегать себя отъ искушеній, ибо дьяволъ, какъ левъ рыкающій, бѣгаетъ за нами и ищетъ кого-бы поглотить. Для этого необходимо обдумывать и взвѣшивать каждый свой шагъ и всякій свой поступокъ».

Далѣе приводится примѣръ царя Іудейскаго Манассіи и о. Іоаннъ говоритъ о немъ слѣдующія слова:

«Царь Манассія отпалъ отъ Бога и сдѣлался идолопоклонникомъ, занимался волхованіемъ и училъ дѣтей своихъ тѣмъ же беззаконіямъ. Гордый и неблагодарный, онъ ненавидѣлъ тѣхъ, кто любилъ Бога и приближалъ къ себѣ явныхъ беззаконниковъ. Но Господь взыскалъ и его погибающую душу и призвалъ ее къ покаянію.

Во время войны Іудеевъ съ Ассиріанами Манассія былъ взятъ въ плѣнъ и въ позорномъ видѣ подобно дикому звѣрю съ мѣднымъ кольцомъ, продѣтымъ въ ноздри, былъ отведенъ въ Вавилонъ и здѣсь брошенъ въ смрадную темницу. И вотъ, находясь въ тяжеломъ плѣну, онъ опомнился, созналъ свои беззаконія передъ Господомъ и началъ искренно каяться, плакать и молиться день и ночь о своихъ заблужденіяхъ.

И милосердный Господь услышалъ его мольбы и даровалъ ему прощеніе въ грѣхахъ.

Въ лицѣ этихъ двухъ царей Давида и Манассіи, тяжело согрѣшившихъ и прощенныхъ милосердіемъ Божиимъ, мы имѣемъ ясные образцы искренняго и глубоко сердечнаго покаянія.

Господь есть Страшный и Нелицепріятный Судія всей вселенной и живущихъ въ ней народовъ. Онъ не смотритъ ни на чье лицо: будь то мужчина или женщина, отрокъ или отроковица, царь или простой человѣкъ, богачъ или бѣднякъ—передъ лицомъ Его всѣ равны, и одинаково судить онъ всѣхъ по небесной правдѣ Своей. Съ людей высокопоставленныхъ и образованныхъ Господь

больше взыщеть, чѣмъ съ простолюдиновъ, но осудятся также и они, если грѣшатъ: пьянствуютъ, воруютъ, прелюбодѣйствуютъ

Толкованіе первой молитвы кончается.

«Слушайте, братія и сестры, вторую молитву къ Іисусу Христу, Сыну Божію, громче, чѣмъ прежде, восклицаетъ о. Іоаннъ.

Затѣмъ читается вторая молитва о покаяніи.

Прочтя молитву по книгѣ, о. Іоаннъ толкуетъ ее, какъ и первую.

«Въ этой молитвѣ, которую я сейчасъ произнесъ, Святая Церковь молить Господа нашего Іисуса Христа, Первопастыря, чтобы Онъ многомилостивый простилъ наши грѣхи и избавилъ насъ отъ вѣчныя муки, уготованной грѣшникамъ. Св. Церковь молить Іисуса Христа, Сына Божія, взявшаго на Себя грѣхи всего міра, принявшаго крестную смерть за грѣхи людей и Своею пречистою кровію омывшаго нечистоту душъ нашихъ, молить Его помиловать насъ, какъ двухъ евангельскихъ должниковъ, которые не могли заплатить большой долгъ заимодавцамъ, какъ блудницу, которая своими слезами омывала ноги Христа и отирала ихъ своими волосами. Господь видѣлъ ея искреннее раскаяніе и желаніе отрѣшиться отъ грѣховъ, загладить ихъ и даровавъ ей прощеніе, отпустить съ миромъ. Точно также и, всѣ кающіися искренно и сознательно получать отъ Господа прощенія и будутъ избавлены вѣчныя муки»!..

«Величіе Твое безприкладно и милость Твоя безмѣрна!» громко воскликнулъ о. Іоаннъ, окончивъ проповѣдь и, обращая свой ясный и чистый взоръ на образъ Спасителя, прочувственно и пламенно молилъ Его помиловать сихъ предстоящихъ предъ лицомъ Его грѣшниковъ и грѣшницъ, жаждущихъ прощенія и разрѣшенія отъ узъ грѣха, невидимо, но властно связывающихъ внутренній міръ человѣка.

Какое впечатлѣніе производитъ общая исповѣдь, говорилось не разъ. Мы считаемъ лучшимъ привести объ этомъ слова одной

женщины, не яркія въ смыслѣ художественности, но безусловно искреннія. «Боже мой, Боже мой! Какъ радовалась, пишетъ она, какъ трепетала кающаяся душа при видѣ добраго пастыря, взявшаго на себя въ данныя минуты трудную обязанность примирителя и просителя благодати Божіей къ намъ грѣшнымъ!

Какъ умирительно просилъ онъ у Господа прощенія грѣховъ нашихъ, приводя въ оправданіе нашу жизнь въ мірѣ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ, ежеминутно прельщающихся отъ дьявола и по слабости душевной впадающихъ въ грѣхи и пороки!..

Съ какимъ трепетомъ слушалъ народъ вдохновенныя молитвы своего мудраго наставника и какъ горячо молился вмѣстѣ съ нимъ!

Какая-то неземная сила поднималась тогда въ очищающейсѣ душѣ каждаго человѣка. Это была сила чудная, дивная, сверхъестественная сила добра, правды и вѣры, возвышающая надъ собственными пороками, и эта чудная сила жила и росла въ душахъ нашихъ. Слагая въ сердцѣ мудрыя слова наставника, пламенно жаждалось воскрылиться духомъ, очиститься отъ скверны грѣховъ и унести чистыми помыслами туда, въ горную, въ голубую, дивную высь небесъ къ лучезарному Престолу Божію и тамъ, повергнувшись въ прахъ, вымолить у Господа такъ страстно желаемое душою прощеніе въ грѣхахъ.

Святая минуты нравственнаго просвѣтлѣнія!

Чудныя минуты духовнаго общенія съ свѣзарнымъ Образомъ Сущаго на небесахъ!..

Рыдали буквально всѣ безъ малѣйшаго изъятія и вмѣстѣ съ этими воплями и столами дивно очищались души людскія, какъ въ горнилѣ огня очищается кусокъ золота.

«Невольно обратили на себя мое вниманіе пишетъ другая женщина два господина, стоявшіе за рѣшоткой предо мной: одинъ сѣдой, другой молодой, оба изысканно и щегольски одѣтые; сначала старый о. Іоанна слушалъ съ нисходительнымъ видомъ, а молодой просто съ улыбкой, но по мѣрѣ продолженія о. Іоанномъ рѣчи, выраженіе

Андреевскій соборъ во время Литургіи, совершаемой о. Іоанномъ.

лишь ихъ дѣлалось серьезнымъ и сосредоточеннымъ: кончилось тѣмъ, что оба они не встали, а прямо упали на колѣна и навзрыдь заплакали, закрывши лицо руками...

А онъ, вдохновитель и руководитель этого сердечнаго порыва, поднявшаго мгновенно тысячи душъ на подвиги искренняго покаянія, что дѣлалъ онъ въ это время?..

Онъ стоялъ на амвонѣ передъ образомъ Спасителя и пламенно горячо молился, испрашивая у Господа милосерднаго прощенія всей массѣ громко кающагося и рыдающаго народа Онъ смотрѣлъ на насъ своимъ глубокимъ взоромъ и вдругъ... крупныя слезы градомъ покатились по лицу о. Іоанна...

Онъ плакалъ о насъ!.. Онъ своими чистыми слезами омывалъ скверну грѣховъ нашихъ!.. Гдѣ же еще есть лучшее доказательство святой, Евангельской любви къ ближнему?.. Это ли не любовь глубокая всеобъемлющая, скорбящая, страдающая и чисто сердечными слезами омывающая грѣхи ближняго своего?..

Да, о. Іоаннъ плакалъ, соединяя свои слезы съ нашими слезами, и, какъ истинно-добрый пастырь стада Христова, скорбѣлъ душею за овцы своя!..

И въ этотъ то моментъ волненіе рыдающаго народа достигло высшей степени!

Громадный соборъ наполнился стонами, криками и рыдающими; казалось, весь храмъ дрожалъ отъ потрясающихъ воплей народа!..

Потрясающая картина! Величественное и вмѣстѣ съ тѣмъ умилительное зрѣлище, ясно доказывающее, какъ сильна вѣра въ Бога и какъ великъ духъ русскаго народа, воздвигнутаго на добрый подвигъ покаянія вдохновенными наставленіями мудраго пастыря!..

Но вотъ среди воплей раздался голосъ о. Іоанна, просящаго народъ утихнуть.

Послушные его голосу, мы умолкли и съ радостною надеждою смотрѣли на лицо его».

Григорій Талко
Сергій

«Покаялись ли вы? Желаете ли исправиться?» громко спросил онъ трепещущую толпу.

«Покаялись, батюшка! Желаемъ исправиться! Помолись за насъ!» единодушно, искренно грянула толпа въ отвѣтъ и смиренно наклонила головы, ожидая прощенія и разрѣшенія отъ грѣховъ, чрезъ своего духовнаго отца, имѣющаго власть отъ Господа вязать и рѣшать грѣхи людскіе.

Вслѣдъ за тѣмъ о. Іоаннъ наложилъ на смиренно-наклоненную толпу епитрахиль и свою властную, освященную руку въ знакъ того, что раскаявшіеся грѣшники благодатію Божіею прощены и разрѣшены отъ своихъ грѣховъ.

Радостный, освобожденный отъ тяжкаго бремени народъ вздохнулъ свободно и со слезами радости смотрѣлъ на сіяющаго духовнымъ торжествомъ добраго пастыря, сумѣвшаго всколыхнуть спасительнымъ стыдомъ души кающихся и омыть своими слезами загрязненные души.

Затѣмъ послѣдовалъ выносъ Пречистыхъ Животворящихъ Тайнъ Христовыхъ и послѣ громогласнаго прочтенія всѣми молитвы «Вѣрую, Господи, и исповѣдую» началось благоговѣйное причащеніе Тѣла и Крови Христовыхъ, благодатно входящихъ въ очищенные и примиренныя съ Богомъ души людскія.

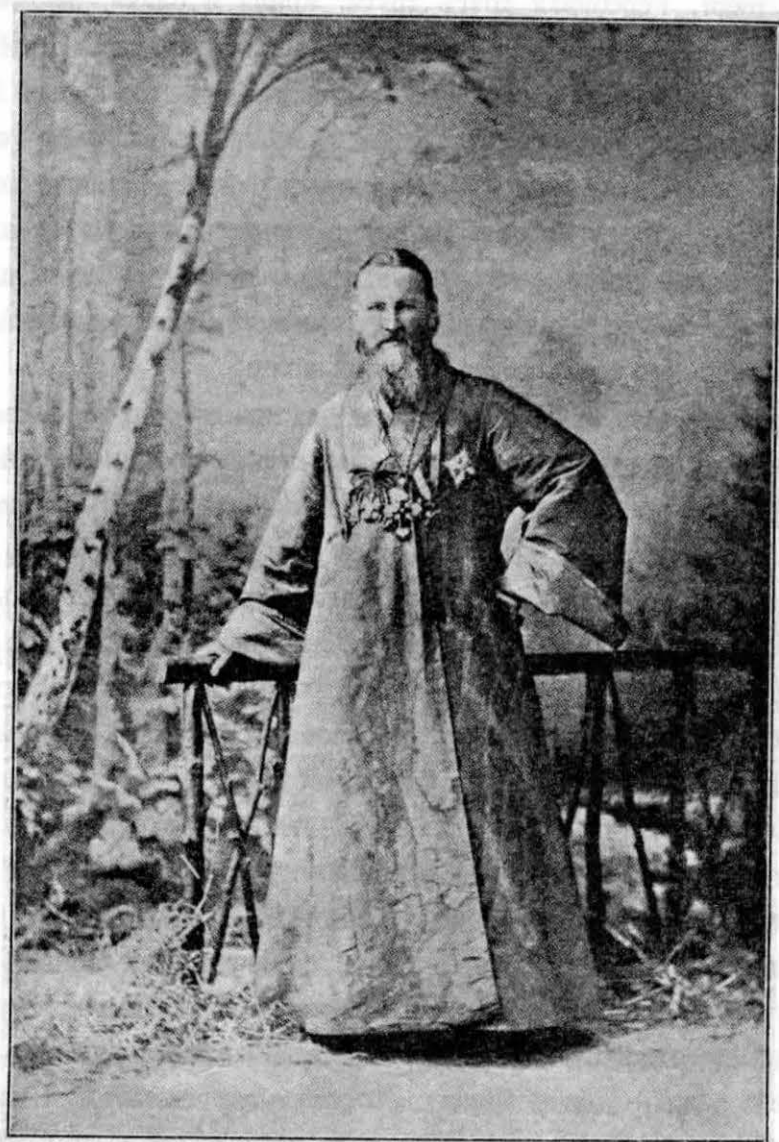
Болѣе двухъ часовъ длилось причащеніе многочисленнаго народа и, наконецъ было окончено.

Послѣ благодарственной молитвы о. Іоаннъ вышелъ на амвонъ съ крестомъ и радостнымъ возгласомъ поздравилъ всѣхъ съ благодатнымъ принятіемъ Тѣла и Крови Христовыхъ, во вѣки вѣковъ служащихъ освященіемъ и очищеніемъ душъ нашихъ.

Кончилось все. Батюшка уѣзжаетъ обратно. Вотъ онъ вышелъ изъ боковыхъ дверей и направился къ паперти.

«Что тутъ произошло, пишетъ одинъ наблюдатель, я рѣшительно отказываюсь воспроизвести съ достаточною наглядностью! Лишь только онъ показался, вся толпа неудержимой волной,

тѣсня и давя другъ друга, хлынула въ его сторону, а стоявшіе за завѣтной рѣшеткой вмигъ очутились на самомъ амвонѣ и чуть не

сбили его съ ногъ. При содѣйствіи псаломщика и двухъ сторожей отецъ Іоаннъ быстро перебрался къ лѣвому придѣлу и сдѣлалъ

шагъ впередъ, чтобы пройти съ этой стороны. Не тутъ то было... Въ одно мгновеніе та же толпа, точно подтолкнутая какой то стихійной силой, стремительно шарахнулась влѣво и, простирая впередъ руки, перебивая другъ друга, крича и плача, настойчиво скупилась у церковной рѣшетки, преграждая путь своему доброму пастырю. О чемъ кричали, о чемъ молили,—ничего нельзя было разобрать, потому что всѣ эти молебны и крики сливались въ одинъ неясный, оглушительный и растерянный вопль. Отецъ Іоаннъ, затиснутый въ уголъ, стоялъ покорно прижавшись къ стѣнкѣ, и на утомленномъ лицѣ его отпечатлѣвалась не то мучительная тоска, не то безконечная горечь при видѣ этой изступленно мятущейся у ногъ его жалко-безпомощной толпы.

Казалось, чего могло быть проще для каждаго другого пастыря выйти изъ алтаря и пройти шаговъ пятьдесятъ до паперти; но для отца Іоанна такое путешествіе являлось дѣломъ долгимъ, труднымъ и даже небезопаснымъ. Предвидя все это, двое городовыхъ, находившіеся въ наличности сторожа и нѣсколько человекъ изъ именитыхъ купцовъ предприняли очень быструю и оригинальную мѣру, а, именно, стали по обѣ стороны намѣченного пути и, протянувъ по всей линіи толстую веревку, образовали нѣчто въ родѣ живой шпалеры, съ виду очень стойкой и внушительной. Но лишь только отецъ Іоаннъ двинулся впередъ, вся эта внушительная шпалера оказалась дѣтской и смѣшной выдумкой: веревка съ трескомъ лопнула, кучи и городовые въ одинъ мигъ были отброшены въ противоположный конецъ храма, и толпа, смѣшавшись и сшибая другъ друга съ ногъ, окружила отца Іоанна плотной непроницаемой стѣной. Теперь отецъ Іоаннъ вдругъ какъ бы исчезъ, и нѣкоторое время его вовсе не было видно. Потомъ, вдругъ вся эта волнуемая и вопящая стѣна колыхнулась въ сторону, и я увидѣлъ отца Іоанна смертельно блѣднаго, сосредоточенно-печальнаго, медленно, шагъ за шагомъ, какъ въ безжалостныхъ тискахъ, подвигающагося впередъ, съ видимымъ трудомъ высвобождающаго свою руку для

благословенія. И чѣмъ ближе онъ подвигался къ выходу, тѣмъ толпа становилась настойчивѣе, безпощаднѣе и крикливѣе... У меня просто захватило духъ отъ этого зрѣлища и я невольно полузакрывъ глаза.

Когда я ихъ открылъ, отца Іоанна уже не было въ храмѣ, и самый храмъ теперь совсѣмъ обезлюдѣлъ. Теперь въ углу передъ «сорокоуствомъ» молилась на колѣняхъ какая то богобоязненная старушка, да старикъ сторожъ сумрачно подметалъ полъ, на которомъ валялись обрывки веревокъ, дамскія нитяныя перчатки, клочекъ вязанной косынки и другіе слѣды недавняго урагана.

Мои глаза встрѣтились съ сочувственнымъ взглядомъ старика.

— Господи, что же это такое? Неужто же это у васъ такъ всегда?

Сторожъ сокрушенно вздохнулъ.

— Эхъ, милый баринъ, ежели бы такъ всегда. А то вотъ, ономеднясь, подъ Успенье, нашло народу, такъ какъ есть сшибли съ ногъ «батьюшку».

— То есть какъ это «сшибли»?

— А такъ, сронили вовсе наземь и пошли по емъ, какъ по муравѣ.

— Ну, а онъ что?

— Извѣстно, агнецъ Божій, всталъ, перекрестился и хоть бы словечко».

Наконецъ, о. Іоаннъ дома. Ему подаютъ почту. Какъ разнообразно и трогательно содержаніе этой огромной корреспонденціи. Изъ всѣхъ концовъ Россіи, изъ Франціи, Швеціи, Англіи, Америки.

«Два года боленъ горломъ, пища не проходитъ, питаюсь молокомъ и водой, доктора отказались пользоваться, совѣтуютъ операцію. Благословите, прошу отслужить молебенъ, ибо имѣю семь человѣкъ дѣтей». «Постигло насъ бѣдныхъ великое горе, отни-

мають послѣдній кусокъ хлѣба. Прошу со слезами на глазахъ помолиться о насъ Богу, о перемѣнѣ этого несчастія. «Мужъ мой десять лѣтъ безъ должности, имѣю четверо дѣтей. Страдаю... Помолитесь найти должность»³⁾. «Помолитесь о выздоровленіи единственнаго умирающаго сына малютки».

«Помолитесь, больная имѣла одного сына, вся надежда, была на него одного; кормилецъ мой теперь утонулъ. Страдаю, бѣдность, помогите».

А вотъ еще телеграмма, едва-ли не самая любопытная, изъ города Баку.

«Помолитесь за здоровье мусульманина».

А вотъ еще интересное посланіе къ о. Іоанну. «Добрый батюшка, о. Іоаннъ! Прошу у Васъ благословенія на законный бракъ. Съ Екатериной, или Прасковьей? Жду отвѣта».

Большая часть писемъ заключаетъ въ себѣ просьбы или помолиться о внутреннемъ исправленіи, объ увеличеніи вѣры въ людяхъ, или помощью матеріальной вывести людей изъ крайней нужды, или содѣйствовать осуществленію какого либо предпріятія.

Просятъ другіе дать совѣтъ или благословить ихъ на какой-либо новый жизненный шагъ. Иные просятъ отвѣтить на вопросы религіознаго характера. Нѣкоторые выражаютъ чувство благодарности за оказанную имъ помощь и чувства глубокаго благоговѣнія предъ нимъ.

Множество больныхъ тѣлесно и душевно, больныхъ отъ рожденія, или усиленнаго труда, или отъ какого-либо несчастнаго случая, видя, что земные врачи не могутъ имъ помочь, обращаются также къ о. Іоанну, рассказывая ему о своемъ несчастіи, съ живою вѣрою въ Бога просятъ его помолиться за нихъ небесному Врачу, для Котораго возможно и невозможное. Просятъ сами больные просить нѣсколько лицъ за одного и того же человѣка, просятъ,

повидимому, безъ его даже вѣдома и согласія. Вѣря въ дѣйственность молитвы о. Іоанна, нѣкоторые лица присылаютъ ему свои фотографическія карточки, обрѣзки волосъ, прося благословить ихъ. Они вѣрятъ, что тогда благословіе распространится и на нихъ самихъ. Одни умышленно не обозначаютъ своего адреса и не хотятъ отвѣта, твердо надѣясь, что заочной молитвы за нихъ о. Іоанна достаточно для того, чтобы Господь исцѣлилъ ихъ. Другіе просятъ о. Іоанна прислать имъ освященной воды, лѣкарства.

Трогательны просьбы дѣтей, обращенныя къ о. Іоанну. Одинъ шведскій мальчикъ проситъ о. Іоанна помолиться объ исцѣленіи его больной мамы, которая ему дороже всего на свѣтѣ. Другой девятилѣтній мальчикъ, тоже изъ Швеціи, пишетъ: «я черезъ газеты слышалъ, что вы умѣете лѣчить больныхъ молитвою, а потому прошу васъ помочь моей мамѣ, потому что она заболѣла. Намъ очень скучно однимъ дома, маму увезли въ госпиталь, у нея по-мѣшательство». Многіе больные, прося молитвъ о. Іоанна, исповѣдуютъ предъ нимъ всѣ свои грѣхи, какъ бы они тяжелы не были. Особенно часто въ письмахъ жалуются на недостатокъ вѣры и на равнодушіе къ религіи. Находя въ этомъ причину своей болѣзни, они просятъ его помолиться одновременно и объ ихъ исправленіи.

Люди здоровые физически, но страдающіе отъ какого-либо горя или бѣдности, просятъ помолиться о. Іоанна о томъ, что если Господу неугодно облегчить ихъ участь, то послалъ бы онъ имъ силы хотя безропотно нести свой крестъ. Многіе просятъ о томъ, чтобы имъ благочестивою своею жизнію заслужить вѣчное блаженство. Есть просьба одной женщины о смягченіи сердецъ двухъ людей, отравляющихъ своимъ характеромъ жизнь близкихъ.

Просьбъ помолиться о полученіи мѣстъ вообще очень много. Одна бѣдная мать проситъ помолиться о томъ, чтобы ея сынъ выдержалъ экзаменъ, отъ котораго зависитъ вся ихъ будущность. Много бѣдныхъ невѣстъ и жениховъ просятъ содѣйствовать ихъ

счастію молитвами и матеріальною помощью. Слыша отовсюду о щедрости о. Іоанна, многіе бѣдники умоляютъ его вывести ихъ изъ крайней нужды, или дать имъ возможность открыть какое-либо торговое заведеніе или возможность лѣчиться, или просто одѣться, чтобы идти искать себѣ мѣсто. Часто просятъ отъ него иконки, карточки, какъ замѣны личнаго благословенія.

Нѣкоторыя письма поражаютъ энергіей вѣры. Вотъ письмо одной французенки.

«Отецъ! пишетъ она, дойдетъ ли до васъ мое письмо... Можетъ быть, раскрывъ увидятъ, что при немъ нѣтъ денегъ и бросятъ его въ корзину. А я такъ несчастна; такъ нуждаюсь въ вашихъ молитвахъ. Отецъ, я едва живу, я такъ долго страдаю. Безъ воли Божіей, безъ чуда—я погибаю душой и тѣломъ. Испытанія были слишкомъ продолжительны болѣзнь, потеря состоянія, необходимость жить съ людьми чужими и далекими отъ меня по воспитанію. Я прошу у васъ нравственной помощи. Я больна. Я не могу прійти къ вамъ, чтобы поцѣловать край вашего платья, тогда бы я выздоровѣла.

Я ѣду во Францію. Если бы я могла быть въ Кронштадтѣ—вы положили бы на меня руки и я бы исцѣлилась, освободилась отъ мрачныхъ думъ.

Отецъ, умоляю васъ, дайте мнѣ возможность придти къ вамъ, я не могу больше молить Бога, любить Его.

Отецъ, пришлите мнѣ образокъ, хоть маленькій, я вѣрю вамъ безусловно, силою Всемогущаго вы можете все. Дайте мнѣ частичку вашей сверхъестественной силы, удостойте одного взгляда, освѣщеннаго Божественнымъ свѣтомъ; однимъ словомъ, однимъ жестомъ утѣшаль, поднималь Божественный Учитель, а вы же ученикъ Его.

Я прошу справедливости, иначе я не могу вѣрить въ Благого Бога.—Онъ Судья, а не Отецъ. Ненависть къ Творцу не страшна ли она въ его твореніи.

Отецъ! прошу ваше благословеніе, какого нибудь предмета,

Домъ трудолюбія въ Кронштадтѣ, основанный трудами о. Іоанна.

Пошивочная мастерская, основанная о. Іоанномъ.

какого вы касались, одинъ образокъ? и вѣрю, Богъ сжалятся надо мной».

«И въ Израилѣ не обрѣлъ такой вѣры», могъ бы сказать о. Іоаннъ. Дѣйствительно, въ силу его молитвы вѣрятъ всѣ.

«О. Иванъ—я прошу чуда—ради Неба»—пишетъ другая француженка, помолитесь о выздоровленіи матери.

«Весь нашъ народъ вѣритъ вамъ, пишетъ нѣмецъ и просить о испѣленіи своего мальчика.

«Помолитесь за меня», кратко молится кто-то изъ Новой Зеландіи, не называя даже своего имени.

Отецъ Іоаннъ читаетъ письма, на одни даетъ тотчасъ отвѣтъ, другія беретъ себѣ, чтобы не забыть о комъ и о чемъ молиться...

*
* *

Чуть отдохнувъ, о. Іоаннъ отправляется по квартирамъ и постояннымъ дворамъ, гдѣ его ждутъ чающіе помощи или утѣшенія.

Онъ обходитъ сначала отдѣльныя частныя комнаты съ больными и здоровыми, потомъ общія, гдѣ собираются десятками, а иногда пожалуй и сотнями.

Пройдемся съ о. Іоанномъ по этимъ квартирамъ вопреки его обычному порядку сначала по большимъ общимъ.

Такъ какъ интересно понаблюдать такую квартиру и до пріѣзда о. Іоанна, посмотрѣть, кто ждетъ, то мы позаимствуемъ хорошее описаніе, еще не использованное въ біографіяхъ о. Іоанна.

«Я, рассказываетъ этотъ свидѣтель (Рус. Пал. № 6 1902). остановился у Марьи Дмитріевы Старицкой. О. Іоанна не было въ Кронштадтѣ и пришлось ждать. Я воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы познакомиться съ «гостями» о. Іоанна.

Случайно узналъ я, что въ этой квартирѣ (квартира раздѣляется на 2 половины и состоитъ изъ 9 комнатъ) остановился съ женою и сыномъ даже одинъ мой землякъ, знакомый мнѣ зажи-

точный курскій мануфактурный торговецъ Василій Петровичъ Тихоновъ. Мнѣ хорошо извѣстно, что онъ изъ старообрядцевъ и что онъ человѣкъ очень веселаго нрава, поэтому мнѣ крайне непонятнымъ и загадочнымъ показался его прїѣздъ въ Кронштадтъ. Узнавъ о моемъ прїѣздѣ, Марія Степановна (жена Василя Петровича) пригласила меня къ себѣ въ номеръ.

Я зашелъ. Василій Петровичъ съ осунувшимся темнымъ лицомъ съ видомъ полупомѣшаннаго или убитаго горемъ, склонивъ голову на грудь, сидитъ въ креслѣ въ уголку. Онъ неохотно поднималъ глаза, вяло подалъ мнѣ руку и вновь склонилъ голову... Я окончательно пришелъ въ недоумѣніе.

Оказалось, что племянникъ Василя Петровича, будучи посланъ имъ въ Москву для произведенія покупокъ товара, растратилъ данныя ему на покупки 20 тысячъ, поэтому долженъ былъ товаръ прїобрѣсти въ кредитъ; но мало того, онъ занялъ у московскихъ купцовъ по векселямъ Василя Петровича 15 т. и имъ-же проигралъ эти деньги въ два вечера; къ довершенію несчастія самъ сильно простудился, получилъ скоротечную чахотку и черезъ недѣлю по возвращеніи домой скончался. Василій Петровичъ, такимъ образомъ, неожиданно сталъ должникомъ 34 тысячъ. Ему предстояло сдать весь магазинъ за долги, а самому хотъ по міру идти съ нищенской сумою. Займодавцы начали заявлять о себѣ и Василій Петровичъ пришелъ въ отчаяніе:

— Однажды вечеромъ,—разсказываетъ мнѣ Марія Степановна,—противъ обыкновенія исчезъ мой Василій Петровичъ. Прощель часть, другой, третій... нѣтъ его. Ищемъ его по всѣмъ комнатамъ,—нѣтъ! Туда, сюда по двору,—нѣтъ слѣда. Агафья кухарка говоритъ мнѣ: «Что это за огонекъ въ сараѣ?» Мы стремглавъ бросились туда, распахнули двери. На табуретѣ горитъ восковая свѣчка, съ перекладины спускается привязанная веревка съ петлею внизу, Василій Петровичъ крестится и надѣваетъ петлю... Кровь во мнѣ застыла, хочу крикнуть, не могу. Спасибо, что Агафья бросилась

къ Василю Петровичу, отняла у него петлю и его отвела. Отошла я отъ такого страху, да какъ заплачу! А онъ, бѣлый, какъ стѣна, молчить и, еле двигая ноги, бредеть за Агафьей... Съ той поры онъ не проронилъ ни одного слова.

Я украдкою посматрѣлъ на Василя Петровича, какъ онъ чувствуетъ себя при такомъ разказѣ о немъ, но ничего не могъ прочитатъ на его застывшемъ лицѣ. Онъ представлялъ собою холодную статую изъ сѣраго гранита и, какъ мнѣ показалось, ничего не слышалъ.

— Въ тотъ же вечеръ сосѣди посовѣтывали мнѣ съѣздить въ Кронштадтъ,—и я рѣшилась. Сама не знаю, что можетъ сдѣлать батюшка намъ; буду просить его молитвъ. Смущаетъ меня то, что Василій Петровичъ—старообрядецъ.

Я успокоилъ ее нѣсколько на этотъ счетъ.

Я полюбопытствовалъ зайти и въ общую. Вижу трехъ незнакомыхъ мужчинъ. Одинъ или зажиточный мужичекъ, или торговый, высокаго роста, нѣсколько согбенный, чернявый малорось по типу лица, сидитъ почему-то въ поддевокѣ съ хозяйкою Маріей Дмитриевною, около столика справа, двое другихъ: одинъ интеллигентъ, другой—изъ мужичковъ—сидятъ съ прочими сестрами у противоположной стѣны. Я поздоровался и подсѣлъ направо.

Захаръ Николаевичъ (такъ звать черняваго малоросса) дѣлился впечатлѣніями, полученными имъ передъ вечерней на кладбищѣ, на могилѣ матери о. Іоанна, блаженнаго Іоанна, болѣвшаго 17 лѣтъ, и Олимпіады...

Меня всегда интересовало то, какіе запросы и нужды приводили и приводятъ къ о. Іоанну тысячи богомольцевъ отъ всѣхъ мѣстъ Руси православной, поэтому я постарался завязать разговоръ съ новымъ знакомымъ.

- Издалека-ли, братецъ?
- Изъ Воронежской губерніи.
- По какому дѣлу?

— Ради души.

— Какъ такъ?

— Жизнь моя клиномъ сошлась,—сказалъ Захаръ Николаевичъ, улыбаясь: — что-то гонить меня изъ міра.

— Несчастья, что-ли?

— Да...

И видя, что я интересуюсь его судьбою, принялся рассказывать о себѣ:

«Я былъ раньше приказчикомъ, потомъ управляющимъ въ имѣніи помѣщика П.; наконецъ, самъ сталъ хозяиномъ на маленькомъ участкѣ заарендованной мною земли. Кромѣ того я занимался торговлею по ярмаркамъ. У меня есть братъ Игнатій, теперь онъ боленъ бѣлою горячкою. Вотъ этотъ братъ недѣлю тому назадъ ночью обошелъ нашу усадьбу кругомъ съ зажженнымъ пучкомъ восковыхъ свѣчей, зажегъ ее съ четырехъ сторонъ, крестообразно, сѣлъ невдалекѣ на пригоркѣ и любитъ. Я, жена, пріемная дочка Нюрочка—едва успѣли спастись; все до тла сгорѣло, остались мы въ томъ, что было на насъ. Загоревали мы сильно...

Что это значить, Господи?—думаю я,—третій уже разъ сгораютъ все мое трудовое добро! Должно быть мы не мірскіе жильцы, что-то гонить насъ изъ міра...

Сильно, какъ никогда прежде, я задумался надъ собою. Пропла предо мною вся моя жизнь; мнѣ стало тяжело и стыдно за прежнюю холодность къ Богу и ко всему святому... Моя душа горѣла желаніемъ измѣниться кореннымъ образомъ. Я жаждалъ услышать мощное наставленіе на путь духовной жизни, поэтому рѣшилъ на другой же день уѣхать въ Кронштадтъ.

Вечеромъ, наканунѣ отъѣзда, я сталъ на молитву и такъ-то ужъ горячо и слезно молился, какъ едва-ли еще когда-либо придется молиться. Успокоился, легъ и заснул...

«Потомъ вижу, будто уже разсвѣло. Я выѣхалъ на подводѣ на станцію. Ъду съ поѣздомъ. Проѣзжаемъ Воронежъ, Козловъ, Рязань,

Москву; прибыли, наконецъ, въ Петербургъ. Ни въ одномъ изъ этихъ городовъ я раньше этого не былъ. Въ Кронштадтѣ по указанію странника останавливаюсь въ этой квартирѣ.

Въ первый разъ я увидѣлъ батюшку въ вечернѣ, но узналъ его, и такъ мнѣ отраднo стало! Слышалъ я какъ онъ читалъ канонъ. Послѣ вечерни я поисповѣдывался у о. Андрея, а на другой день причастился изъ рукъ самого батюшки... Я ликовалъ и готовъ былъ рукоплескать отъ радости. Черезъ два дня послѣ обѣдни пріѣхалъ къ намъ батюшка. Молебень былъ здѣсь, въ общей, народу много. Послѣ молебна въ числѣ другихъ подхожу и я къ батюшкѣ съ своею нуждою и прошу наставить меня на путь спасенія, а онъ взялъ меня этакъ за лѣвую руку, отвелъ въ тотъ уголокъ и минутъ пять давалъ мнѣ наставленія. Мое сердце горѣло, какъ въ пламени. Слезы умиленія катились по щекамъ. Никогда еще въ жизни я не чувствовалъ себя такъ хорошо. Кончилъ батюшка словами: «А въ дальнѣйшемъ Самъ Господь управитъ и наставить»... Такъ сказалъ и вышелъ, и я тотчасъ очнулся отъ сна... Думаю, гдѣ же я?—Я былъ на родинѣ въ домѣ сосѣда.

На пути въ Кронштадтъ, все, что я видѣлъ во снѣ, оправдалось. И города, которые я впервые видѣлъ во снѣ, оказались точь въ точь и время пріѣзда въ Москву, въ Питеръ и Кронштадтъ точно то же... и батюшку о. Іоанна видѣлъ за вечернею, такъ же, какъ и во снѣ. Домъ Трудолюбія, о, Андрей, его квартира, — словомъ, все оказалось такимъ же, какъ я видѣлъ его во снѣ дома, а раньше, кромѣ портрета о. Іоанна, и на картинѣ ничего подобнаго не видѣлъ...

— Что-то завтра пошлетъ Господь?—вздыхнувши послѣ небольшой паузы, сказалъ Захаръ Николаевичъ:— пошли, Господи, все по предуказанному!»!

— А кто эти два господина, что сидятъ съ сестрами?—спросилъ я у Маріи Дмитріевны.

— Это батюшкины питомцы. Одинъ—Еоѳимъ Николаевичъ

Поляковъ, родовитый помѣщикъ Донской Области, имѣеть тысячи полторы десятинъ земли. Господи, что онъ представлялъ собою раньше и что теперь! Бывало, сохрани Боже, зайти на его землю мужичьей лошади или даже свиньѣ; хотя скотина и былиночки на попасѣ не съѣстъ, а штрафъ подай, иначе не выпустить; а куръ, гусей крестьянскихъ просто подстрѣливалъ... А случись мужику по дорогѣ, что на его землѣ, а не въ объѣздѣ, какъ онъ велѣлъ,—либо лошадь возьметъ и держитъ до какихъ поръ захочетъ, либо колеса порубить, а сопротивляться никто не думай. Богатырь такой—не одному ребра ломалъ. А теперь и подобія нѣтъ. Кротокъ, щедръ до крайности. Нѣтъ въ селѣ бѣдняка, котораго бы онъ въ случаѣ нужды, не обласкалъ и не одарилъ,—последнимъ дѣлится... Три года назадъ былъ въ ихъ краѣ недородъ: на прокормленіе весною и на посѣвъ всѣ бѣдняки у Ѳеодора Николаевича добыли хлѣба... А какъ идетъ по улицѣ въ Кронштадтѣ, сразу его видно; за нимъ вереница посадскихъ и всякихъ бѣдняковъ...

А другой—Павелъ Даниловичъ Кулибинъ—оттуда же, сынъ крупнаго землевладѣльца-крестьянина. Его несчастный отецъ сильно выпиваетъ и разматываетъ добро съ кѣмъ не слѣдуетъ. Павелъ Даниловичъ, человѣкъ чистый и добрый, долго терпѣлъ, но, наконецъ, рѣшился покинуть отца, хотя бы то угрожало ему опасностью лишиться права наслѣдства. Пріѣхалъ къ батюшкѣ. О. Іоаннъ далъ ему духовное наставленіе и велѣлъ смиренно жить при отцѣ, а черезъ годъ вновь пріѣхать сюда. Вотъ, онъ и прибылъ.

Наступилъ слѣдующій день. Батюшка вернулся. Ждетъ. Марія Дмитріевна и сестры уже приготовили къ молебну въ общей комнатѣ и въ номерѣ Василя Петровича сосуды съ водою, зажгли лампы и свѣчи.

Вотъ раздался рѣзкій звонокъ, распахнулись двери, и въ общую молитвенную комнату быстро вошелъ весь сосредоточенный въ себѣ о. Іоаннъ. Онъ былъ въ пышной лазурной небеснаго цвѣта рясѣ, на груди блистающій драгоцѣнными камнями крестъ, а нѣсколько

вправо на ярко-красной шелковой лентѣ свѣшивалась дароносица. Начался молебень съ водоосвященіемъ...

— Кто тутъ у васъ больной?—спросилъ о. Іоаннъ, послѣ молебна, обратившись назадъ.

— А вотъ, батюшка, Стефанида!—показали на больную припадками.

— Что съ нею?

— Припадочная.

А Стефанида попрежнему какъ-бы спить: сидитъ съ сомкнутыми глазами и опущенной головой...

О. Іоаннъ подошелъ къ ней, положилъ руку на плечо и сказалъ:

— Подними голову сестра!

Стефанида замотала головою, не поднимая ея.

— Подними голову, говорю тебѣ,—болѣе повелительно сказалъ батюшка.—Такъ, ну теперь смотри на меня.

Стефанида открыла глаза. Ея взоръ былъ крайне странный, глаза мутны и, что особенно удивило меня, скошены: правый глазъ подъ значительнымъ острымъ угломъ смотрѣлъ влѣво, а лѣвый—вправо.

— Смотри на меня прямо.

— У-у-у... не хочу, не хочу, не хочу...

И Стефанида замотала и руками и ногами.

— Перестань барахтаться, смотри на меня прямо.

— Нѣтъ, нѣтъ, не хочу, не хочу, ты страшный...

— Господь велитъ!—съ сильнымъ возгласомъ, приказывая, сказалъ батюшка,—смотри прямо!

Стефанида глянула на о. Іоанна. На ея лицѣ можно было прочесть сильное и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное для нея изумленіе.

— Батюшка, да какой же ты хорошій,—лицо ея озарилось пріятной улыбкой,—а я тебя дорогой ругала!

— За что-же ты меня ругала?—улыбаясь, спросилъ батюшка.

— Я сама не знаю за что, только, когда бывало о тебѣ что-либо рассказываютъ, я злилась на тебя и ругала. Я думала, что я святая, а что о тебѣ говорить, то неправда...

— А оказалось, что и ты грѣшная, какъ и я; всѣ мы грѣшные,—сказалъ батюшка и нѣжно приклонилъ ея голову къ своей груди.— Хочешь причаститься Св. Таинъ?

— Хочу!

Мы вышли въ другую комнату и когда вошли вновь, батюшка уже приобщилъ больную.

— Будь здорова сестра, молись Богу почаще, борись съ помыслами,—сказалъ Стефанидѣ о. Іоаннъ и обратился къ пріѣзжей съ Кавказа.

— Какъ дѣла идутъ?

— Дорогой батюшка, я не рада, что затѣяла ихъ! Объ одномъ прошу вашихъ молитвъ, чтобы папашѣ моему избавиться отъ умопомѣшательства и чтобы мнѣ мирно раздѣлаться съ квартирантомъ евреемъ, чтобы мнѣ больше не согрѣшать съ нимъ.

— Но выслать его нельзя безъ суда?

— Нельзя, батюшка, но подавать въ сенатъ у меня охоты ужъ нѣтъ.

— Подавать-то надо, только не надѣйтесь на князи, на сыны человѣческія и не воздавайте зломъ за зло, а давайте мѣсто суду Божию... Господь благословитъ!

— Тебѣ что дружокъ?

Пріѣзжій изъ Калуги, весь въ слезахъ, бросился въ ноги о. Іоанну.

— Погибшій я на-вѣ-ки... про-па-ла ду-ша мо-я...—едва могъ онъ вымолвить сквозь рыданія.

— Что такое? Встань, скажи въ чемъ дѣло?

Непрестанно всхлипывая отъ слезъ, богомолецъ рассказалъ, что его прокляла мать, когда онъ ей не далъ денегъ на водку...

— Она уже померла, а я горемычный не найду себѣ мѣста...

Тутъ стою—жутко мнѣ, туда перейду—и тамъ нехорошо... Дѣлаю дѣло, самъ не знаю зачѣмъ; тяжело мнѣ, весь міръ не милъ, говорю и вслѣдъ почти забываю, что сказалъ... Отъ должности давно уже отсталъ; прошу вліятельныхъ знакомыхъ дать мнѣ мѣсто, общаются, если откроется. Открывается мѣсто, иду вновь просить, а мѣсто либо упразднили совсѣмъ, либо старшій начальникъ отдалъ своему кандидату. Женился я, жена пожила со мною два года и ушла; остался у меня сынокъ на рукахъ... Самъ не знаю, что со мною дѣлается... Батюшка, дорогой, помоги мнѣ, не то пропасть я: мнѣ хочется по временамъ руки на себя наложить, чтобы не страдать, но и страшно самому свою душу навѣки загубить...

И онъ вновь истерически разрыдался...

Двѣ чистыя, какъ хрусталь, слезы скатились и по щекамъ о. Іоанна...

Батюшка все время слушалъ его съ закрытыми глазами, видно молился.

— Ахъ, бѣдный, бѣдный...—съ глубокою скорбію повторялъ онъ, потомъ открылъ глаза, и пристально сталъ смотрѣть на просителя.

— Слышишь, — твердо и увѣрянно сказалъ батюшка. — Я беру твою клятву на себя. Перестань страдать, слышишь!

Слышу, дорогой, и чувствую...

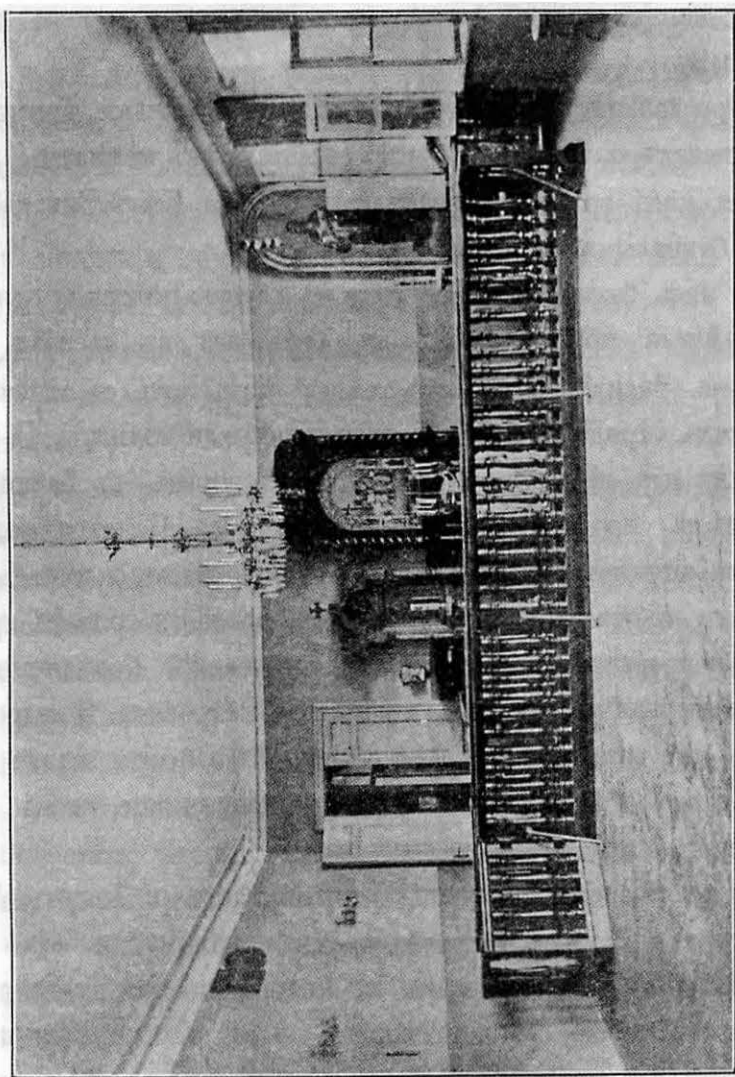
— Я буду умолять Отца нашего Господа, снявшаго со всего міра клятву за грѣхи, помиловать и меня, взявшаго съ тебя проклятіе... Отнынѣ будь миренъ,—и о. Іоаннъ возложилъ обѣ руки на его голову,— а жену возьми къ себѣ и вмѣстѣ живите.

— Батюшка, я боюсь за себя, не тяжело-ли ей будетъ со мной въ нуждѣ?

— Не малодушествуй... Господь Тебя укрѣпитъ и должность дастъ... Сынка въ страхѣ Божіемъ воспитывай...

— Тяжело было жить въ смиреніи и послушаніи отцу?—

съ улыбною спросилъ о. Іоаннъ Павла Даниловича Кулибина, обратясь къ нему.

— Легко и отратно, батюшка, вашими святыми молитвами, хотя-бы и всю жизнь такъ...

— Другъ друга тяготы носите и житіємъ служите ближнимъ къ созиданію.

Послѣ этого батюшка подошелъ къ Захару Николаевичу, взявъ его за лѣвую руку, отвелъ въ уголь, вполголоса что-то говорилъ ему минуты двѣ, покачивая головой. Захаръ Николаевичъ стоитъ, склонивъ голову, слезы умиленія одна за другою катятся по ланитамъ.

— А о дальнѣйшемъ я уже говорилъ тебѣ раньше, припомни,— громко сказалъ о. Іоаннъ и быстро вышелъ изъ комнаты.

Меня, какъ громомъ, поразили эти слова. Сонъ Захара Николаевича буквально исполнялся.

Отъ насъ батюшка направился въ другую половину квартиры. Его встрѣтила приглашеніемъ къ себѣ вся въ слезахъ Марія Степановна. Василій Петровичъ темный, какъ ночь, съ отпечаткомъ внутреннихъ страданій на лицѣ, стоялъ посреди комнаты. О. Іоаннъ вошелъ въ ихъ номеръ... Я желая переговорить съ батюшкой о своемъ дѣлѣ, по приглашенію вошелъ туда. Начался молебенъ. О. Іоаннъ опустилсѣ на колѣни передъ божницею, склонилъ голову на столикъ и сталъ молиться. Вдругъ раздался громкій крикъ и за нимъ непрерывное, глубокое, несдерживаемое болѣзненное рыданіе. Это вырвались темныя думы Василя Петровича. Я вздрогнулъ. Батюшка еще разъ припалъ къ землѣ, затѣмъ бодро всталъ со словами: «Слава Тебѣ, Христе Боже, упованіе наше, слава Тебѣ», обратился къ намъ съ благословеніемъ.

— Что, братецъ, плачешь? спрашиваетъ о. Іоаннъ, Василя Петровича.

— Батюшка, я обнищаль и, не думая оправиться, рѣшилъ покончить съ собою, мнѣ помѣшали; мысль о позорѣ нищенства мучила меня и я изобрѣталъ новые удобнѣйшіе способы окончить свою жизнь. Я рѣшилъ на обратномъ пути отсюда броситься съ площадки внизъ подъ вагоны, и сдѣлалъ-бы такъ, если-бы... И онъ снова заплакалъ.

— Помни, братъ, на всю жизнь, что Господь возводитъ низверженныя, Господь убожить и богатить... и блаженъ мужъ, ему-

же есть упованіе на Господа Бога своего... Какъ это ты забылъ про многострадальнаго Іова! Вѣдь Господь испытывалъ вѣру твою!

Василій Петровичъ постепенно стихалъ въ плачѣ и успокаивался. Марія Степановна была внѣ себя отъ радости.

На столѣ въ номерѣ Василя Петровича была приготовлена легкая закуска и чай. О. Іоаннъ съ веселымъ улыбающимся лицомъ, съ достоинствомъ хозяина, стоя разливалъ чай, обильно накладывалъ сахаръ въ стаканы; потомъ выпилъ четверть рюмочки вина, угостилъ виномъ и другихъ, потомъ скушалъ маленькій кусочекъ сырной ватрушки и, благословивши всѣхъ, уѣхалъ.

Нельзя описать восторга богомольцевъ послѣ посѣщенія о. Іоанна. Оживились, повеселѣли лица всѣхъ, повсюду радостныя привѣтствія...

Мы привели довольно подробно описаніе г. Духовцева—потому что онъ даетъ очень много интересныхъ и новыхъ подробностей. Для полноты однако считаемъ нужнымъ вмѣстѣ съ другими «паломниками» заглянуть и въ другія общія квартиры—и въ отдѣльные номера. Представимъ себѣ—большую квартиру одну изъ тѣхъ, куда собираются богомольцы не единицами, а десятками.

Батюшка входитъ. Его обступаютъ со всѣхъ сторонъ, жалуются, плачутъ. Много надо имѣть въ сердцѣ любви къ ближнему, чтобы такъ выслушать, понять, а главное откликнуться такъ тепло и участливо на всѣ эти отрывочныя, робкія мольбы страдающихъ людей, какъ выслушиваетъ ихъ и откликается на нихъ о. Іоаннъ. Какія житейскія драмы проходили тутъ одна за другой. Вотъ бѣдная плохо одѣтая женщина, съ печалью нужды и горя на истомленномъ лицѣ съ болью стыда и боязни, подходитъ къ батюшкѣ и умоляетъ его о милосердіи. О. Іоаннъ, тотчасъ-же подаетъ ей пакетъ, присовокупляя при этомъ благой совѣтъ: не «отчаиваться въ скорби и надѣяться на Бога». Обласканная, ошастливленная женщина съ горячими слезами благодарности цѣлуетъ милосердную руку своего благодѣтеля и въ порывѣ сердечнаго умиленія падаетъ

къ его ногамъ. Вслѣдъ за нею подводятъ болящаго, и ему было оказано благодареніе въ видѣ участливой, теплой молитвы, обращенной о. Іоанномъ о здравіи болящаго. Длинною вереницею еще и еще подходятъ люди съ различными мольбами, и никто не отошелъ неутѣшеннымъ, никто не плакалъ тутъ слезами скорби, хотя плакали всѣ. Съ какими мелочами обращаются къ о. Іоанну — но для него нѣтъ мелочей чужой души всѣ важны.

Вотъ къ «батюшкѣ» обратилась одна женщина (читаемъ у Щеглова).

— Батюшка, обижаютъ меня дома, некуда головы мнѣ приклонить!

— Кто обижаетъ? говоритъ о. Іоаннъ.

— Домашніе, батюшка!

— Иди домой, помирись. Больше, — дастъ Богъ, — не будутъ обижать.

Женщина съ глубокою вѣрой выслушиваетъ эти слова и идетъ домой совершенно успокоенной.

Другая спрашиваетъ:

— Сынъ пропалъ у меня, родимый, какъ молиться мнѣ за него, за здравіе или за упокой?

— Домой иди, — сказалъ о. Іоаннъ. Тамъ увидишь. Третья просить батюшку благословить ея дочь, которую она просватала:

— Богъ благословить, — сказалъ о. Іоаннъ. Былъ бы мужъ богобоязненный и добрый, любилъ бы ее, а тебя почиталъ.

Кто-то спросилъ, идти ли ему въ монастырь. Батюшка подробно справился, кто онъ, подумалъ ли прежде, чѣмъ рѣшиться на такой шагъ, разспросилъ о семейныхъ обстоятельствахъ его, затѣмъ благословилъ идти въ ближайшую обитель.

Вопросовъ подобныхъ предлагалось очень много, и на всѣ о. Іоаннъ находилъ, что сказать: плачущихъ утѣшалъ, больнымъ давалъ совѣты, всѣхъ благословлялъ, прибавляя:—Богъ благословить, буди вамъ по вѣрѣ вашей!

— Батюшка, причитала громко, съ низкимъ поклономъ хозяйка квартиры,—племянникъ мой, сапожникъ, о которомъ я вамъ оно-меднясь докладывала... Пьетъ безъ просыпу, то есть жаднѣе на водку, чѣмъ овца на зелень. И до тѣхъ поръ, говоритъ, буду испивать, пока батюшка не благословить снять съ него мѣрку для сапогъ... Какъ, говоритъ, сниму съ него мѣрку, такъ, говоритъ, и всю болѣзнь съ меня разомъ сниметь!..

И она вытолкнула впередъ племянника.

— Ну, ладно, снимай! сказалъ батюшка.

Племянникъ, захлебываясь отъ волненія, сталъ снимать мѣрку.

— Батюшка, дорогой, прими ты мое смиренное приношеніе!—Запричитала какая-то странница. «Сподобилъ меня Господь къ святымъ угодникамъ сходить, о твоёмъ здоровьѣ въ каждомъ мѣстѣ по просфорѣ подать... Вотъ эту вынула о твоёмъ здоровьѣ у Тихона Задонскаго... Вотъ эту у Тихона Калужскаго... А вотъ тае двѣ у Троицы Сергія и въ Кіевской лаврѣ... Батюшка, прими! Батюшка не оставь!—со слезами заключила она.

Отецъ Іоаннъ принялъ тарелку съ просфорами, поставилъ ее на столъ возлѣ себя и улыбнулся ясной и веселой улыбкой.

— Ну, спасибо, милая, за труды, спасибо!—ласково проговорилъ онъ.—Только подумай, благодѣтельница, зачѣмъ мнѣ все это? (Онъ полуукоризненно кивнулъ на огромныя просфоры). Вѣдь я іерей, каждый день вкушаю просфоры, — куда мнѣ теперь съ ними?!

Въ эту минуту изъ толпы вынырнулъ дюжій, краснощекій парень, съ виду похожій на артельщика и, обливаясь потомъ, наклонился предъ о. Іоанномъ. Въ рукахъ у него былъ увѣсистый денежный пакетъ, который онъ поспѣшилъ вручить батюшкѣ.

— Изъ Рыбинска... на пострадавшихъ отъ неурожая!—выговорилъ онъ, съ трудомъ переводя дыханіе.

Видимо онъ примчался сюда прямо съ почты, не переводя духа, чтобы застать батюшку на мѣстѣ.

А!—произнесъ довольно отецъ Іоаннъ тѣмъ тономъ, который

показывалъ, что онъ отлично зналъ, отъ кого исходило пожертвованіе, и, протянувъ пакетъ расторопному псаломщику, проговорилъ: Иванъ Павловичъ, прими!

Затѣмъ о. Іоаннъ благословилъ артельщика, немного подумалъ и вручилъ ему одну изъ просфоръ, которыми надѣлила его странница по святымъ мѣстамъ.

— А вотъ это вамъ, боголюбивыя сестрицы!—добавилъ онъ, беря двѣ другія и протягивая ихъ купеческимъ благотворительницамъ.

Излишне говорить, что стѣснившаяся на порогъ толпа жадно слѣдила за малѣйшимъ словомъ и движеніемъ обожаемаго пастыря, и теперь нетерпѣніе ея возросло до послѣдней степени.

— Батюшка... скоро ли къ намъ?—вырвался изъ толпы умоляющій женскій вопль.

Отецъ Іоаннъ всталъ, рѣшительно встряхнулъ головой и пошелъ въ другую комнату.

Начался молебенъ.

Какъ мы уже видѣли, при этихъ визитахъ о. Іоаннъ исцѣляетъ и больныхъ.—Вотъ что рассказываетъ одна больная.

Батюшка зашелъ къ намъ 15 января. Передъ общимъ молебномъ я просила его благословить на операцію,—онъ ничего не сказалъ мнѣ. Послѣ молебна я опять прошу его въ нашъ номеръ отслужить молебенъ и благословить меня на операцію. Онъ опять не сказалъ мнѣ ни слова и какъ будто не обратилъ никакого вниманія на мою просьбу. Такъ мнѣ было прискорбно, грустно... Господи, какая я жалкая, несчастная!

Черезъ нѣсколько времени къ намъ пришелъ о. Іоаннъ. Онъ прямо подошелъ ко мнѣ и говоритъ: «скажи мнѣ, что у тебя за горе, что у тебя болитъ?» А въ глазахъ его, и въ словахъ, и въ самомъ голосѣ столько доброты, столько участія ко мнѣ несчастной, что я упала къ нему на грудь и сквозь слезы и рыданія стала

ему безсвязно говорить, что вотъ уже четвертый годъ я ужасно страдаю, болить нога, и я рѣшилась на операцію, прошу благословить меня...

«Отчего это произошло, не помнишь день,—начало болѣзни? «Я хорошо помню этотъ день 13 сентября, когда я повредила ногу на балу,—а только теперь совѣсть уличаетъ меня, что подъ такой великій праздникъ Воздвиженія св. креста я скакала и бѣсновалась, какъ сумасшедшая.

Онъ сталъ разспрашивать меня про мою жизнь. Я раскрыла предъ нимъ всю мою скорбную душу, онъ далъ мнѣ выплакать всѣ мои слезы на его груди.

Надѣйся на милость Божію, молись, только молись искренно, съ полною вѣрою. Господь испѣляетъ всякіе недуги душевные и тѣлесные, имѣешь ли ты такую вѣру.

Я вѣрю, что Господу все возможно, но я не достойна такой милости Божіей; помолитесь, батюшка, за меня несчастную.

Молись и сама, только со всею искренностью. Какъ твое имя?

Татьяна.

Потомъ, обратясь ко всѣмъ, онъ сказалъ: «помолимся всѣ вмѣстѣ о сестрѣ нашей о Христѣ болящей Татіанѣ».

Отслуживъ молебень, онъ освятилъ воду, погрузилъ крестъ и всю воду съ креста излилъ мнѣ на голову, далъ приложиться къ кресту и сказалъ:

Да поможетъ тебѣ Господь Богъ и Царица Небесная. Я почувствовала необыкновенную радость, силу, бодрость; прошу батюшку благословить меня иконою Козельщанской Божіей Матери. Онъ благословилъ и сказалъ:

Всегда прибѣгай за сердечной молитвой къ Господу и Царицѣ Небесной.

Благословивъ всѣхъ присутствующихъ, онъ говоритъ мнѣ, теперь пойдѣмъ и еще помолимся вмѣстѣ.

Я пошла за нимъ въ другой номеръ, тамъ прослушала молебень. Выходя батюшка опять говорить мнѣ: пойдѣмъ еще помолимся.

Я пошла за нимъ въ третій номеръ. Послѣ молебна онъ благословилъ меня и сказалъ: я зайду къ вамъ проститься.

Я воротилась въ свой номеръ, всѣ мы были радостныя, оживленныя, у всѣхъ только и разговоровъ,—что какой батюшка добрый, какой ласковый, внимательный,—какъ входитъ къ намъ самъ батюшка, посидѣлъ съ нами, приласкалъ насъ. Уходя онъ благословилъ насъ всѣхъ, потомъ съ улыбкою посмотрѣлъ на всѣхъ и сказалъ: ну прощайте, *сестренки*, да благословить васъ Богъ.

Это въ общей квартирѣ. Тайны отдѣльных комнатъ конечно не доступны наблюденію. Тамъ бесѣда происходитъ при закрытыхъ дверяхъ. У насъ есть однако интересныя свѣдѣнія и объ этихъ визитахъ благодаря тому, что сочли нужнымъ сообщить во славу Божию нѣкоторые «гости» о. Іоанна.

«Я ждалъ о. Іоанна въ своемъ номерѣ,—разсказываетъ извѣстный И. Щегловъ. Часы показывали половину третьяго. Я пощупалъ свое сердце: оно билось усиленно и радостно тревожно... почувствуй я въ это мгновеніе на днѣ его хоть каплю лжи и невѣрія,—я бы, кажется, не задумываясь, растворилъ окно и бѣжалъ безъ оглядки. Прошло еще десять томительныхъ минутъ, показавшихся мнѣ вѣчностью,—и вдругъ въ корридорѣ послышался какой-то глухой шумъ, чей-то пронзительный вопль, неистовые крики: Батюшка, спаси, спаси!.. Батюшка, благослови!» и двери въ мою каморку распахнулись...

Вошелъ отецъ Іоаннъ.

Какъ сейчасъ помню, онъ вошелъ очень стремительно, молодой и спѣшной походкой, съ горящимъ пронизывающимъ взоромъ, съ яркимъ румянцемъ въ нервно вздрагивавшихъ щекахъ, съ разметавшейся по затылку русой прядью... Во всей его фигурѣ, въ его движеніяхъ, въ первомъ звукѣ его голоса, чувствовалась

какая-то, непередаваемо-чудесная вдохновенность человека, еще не остывшаго отъ недавняго молитвеннаго порыва, возвышенно разгоряченнаго своею властною дѣятельностью, страстно готоваго на новыя безчисленные подвиги... Теперь передо мной предсталъ точно совсѣмъ новый отецъ Іоаннъ, чѣмъ тотъ, котораго я наблюдалъ всего нѣсколько часовъ тому назадъ въ думской церкви,—и въ этотъ одинъ неуловимый ошеломляющій мигъ я вдругъ понялъ его всего, во всемъ его неотразимомъ величїи, какъ никогда, быть-можетъ, мнѣ не случилось бы его понять въ другія, болѣе спокойныя минуты...

Я понялъ глубоко и неопровержимо одно: если бы этому человеку сейчасъ сказали, что по окончаніи общаго молебна у г-жи Снѣгиревой, онъ осужденъ врагами вѣры къ сожженію на кострѣ,—онъ бы отслужилъ молебенъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и не моргнувъ глазомъ, такъ же смѣло вошелъ бы и на костеръ, какъ вошелъ сейчасъ въ мою комнату...

Не знаю отчего, но мнѣ ужасно обидно, что я не помню, какого цвѣта тогда была на немъ ряса и какіе кресты украшали грудь... Да, я ничего этого не помню, потому что всецѣло охваченъ былъ лишь однимъ; *какъ* онъ вошелъ, *какъ* взглянулъ, и какъ вслѣдъ затѣмъ около меня раздался властный и отечески-проникновенный голосъ:

— Ну, говорите, что вамъ нужно?..

Разумѣтся, я сказалъ, что мнѣ было нужно; разумѣтся, отецъ Іоаннъ прочелъ молитву и собесѣдовалъ... и, разумѣтся, объ интимныхъ подробностяхъ всего этого благосклонный читатель позволить мнѣ умолчать. Думаю, будетъ вполне достаточно, ежели я скажу, что былъ совершенно подавленъ и уничтоженъ великимъ сердце-вѣдѣніемъ кронштадтскаго пастыря!.. Да, этотъ человекъ, только что вошедшій и первый разъ въ жизни меня видѣвшій, черезъ какія-нибудь пять минутъ говорилъ со мной такъ, какъ будто жилъ подъ одной со мною кровлей добрый десятокъ лѣтъ... И,

вдобавокъ, *какимъ* голосомъ говорилъ! Отъ котораго сердце дѣтски раскрывалось и размягчалось, какъ воскъ, и невольныя слезы сдавливали горло и мѣшали вырваться въ словахъ накипѣвшей признательности.

Въ заключеніе своего краткаго собесѣдованія, отецъ Іоаннъ крѣпко поцѣловалъ меня въ лобъ и промолвилъ:

— Спасибо за довѣріе, голубчикъ!.. За довѣріе спасибо!..

Забыть ли мнѣ когда-нибудь несравненную, умиляющую ласковость, съ которой были произнесены эти слова? О, никогда, никогда!.. Это тончайшее, неизгладимѣйшее впечатлѣніе всей моей жизни, и оно можетъ умереть только вмѣстѣ со мною!.. »

Но вотъ всѣ квартиры и комнаты обойдены, о. Іоаннъ уходитъ нечего и говорить, что добраться отцу Іоанну до своего экипажа было почти такъ же трудно, — какъ выйти изъ собора. Наскоро благословляя народъ, одѣляя мелочью протиснувшихся къ нему бродягъ, отвѣчая бѣгло на сыпавшіеся на него со всѣхъ сторонъ просьбы и вопросы, очутился онъ наконецъ около дрожекъ. Молодой псаломщикъ, сопутствовавшій отцу Іоанну и видимо привычный ко всякимъ передрягамъ, ловкимъ движеніемъ подхватилъ его и усадилъ въ дрожки. Въ одно мгновеніе ока онъ очутился на дрожкахъ самъ и крикнулъ кучеру: пошелъ.

О. Іоаннъ уѣхалъ.

Куда? отдыхать? Нѣтъ.

Посѣтивъ кронштадтскія квартиры, о. Іоаннъ переѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ, конечно, у него еще менѣе отдыха и покоя.

Уже поздно ночью онъ отправляется на Балтійскій вокзалъ, гдѣ опять толпа народа ожидаетъ его. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, онъ съ трудомъ пробирается въ вагонъ, не забывая одѣлать нуждающихся деньгами. Въ открытое окно накидывается масса писемъ; поѣздъ трогается; отецъ Іоаннъ стоитъ у окна и, напутствуемый изъявленіями благодарности и добрыми пожеланіями, благословляетъ толпу съ привѣтливой улыбкой, посылая слова:

О. Иоаннъ ночью возвращается въ Кронштадтъ.

— Прощайте, братья, прощайте, дорогіе мои, прощайте друзья!..
Господь васъ благословить!..

До первой, до второй станціи онъ прочитываетъ письма, а затѣмъ вплоть до Ораніенбуама обыкновенно спитъ.

Въ Ораніенбаумѣ обычная встрѣча и обычныя при этомъ сцены. Лѣтомъ о. Іоаннъ, переѣзжая черезъ Финскій заливъ на пароходѣ, становится на корму съ скрещенными на груди руками и, прося не беспокоить его, произноситъ вечернія молитвы. Зимой же, сидя въ кибиткѣ, также, сложивъ крестообразно руки, молится всю дорогу.

Наконецъ время за полночь. О. Іоаннъ подъѣзжаетъ къ Кронштадту. У петербургскихъ воротъ (такъ называется въѣздъ въ Кронштадтъ) съ минуты на минуту его ожидаетъ «армія», и только о. Іоаннъ успѣваетъ ступить на землю, какъ онъ окружается «посадскими» и производитъ опять раздачу милостыни на ночлегъ.

Если онъ случайно узнаетъ, что въ городѣ встрѣчается безотлагательная необходимость въ требохъ у какого-нибудь трудно-больного, то, несмотря на позднее время, заѣзжаетъ за псаломщикомъ и отправляется всюду, гдѣ только является такая безотлагательная необходимость.

Нѣтъ нужды скрывать, что иногда о. Іоаннъ устаетъ и минутами ропщетъ. Эти минуты онъ однако считаетъ минутами паденія, измѣны Богу,—и съ плачемъ кается въ нихъ и на страницахъ своего дневника и предъ св. иконами своей «моленной».

По удовлетвореніи всѣхъ, позднею ночью, часу во второмъ, онъ, наконецъ, попадаетъ домой, а часа въ четыре—пять утреннею молитвою начинаетъ новый, полный труда и лишенія день.

У каждого изъ насъ, имѣющихъ свой уголокъ и домашній очагъ, есть опредѣленный часъ для подкрѣпленія себя пищею. Имѣетъ ли такое время о. Іоаннъ?—спрашивалъ я нѣкоторыхъ въ Кронштадтѣ. Говорятъ, завтракать или обѣдать онъ попадаетъ домой въ году всего, можетъ быть, нѣсколько разъ. Гдѣ же онъ обѣдаетъ? Вездѣ и нигдѣ, всегда и можно сказать никогда. По при-

чинѣ множества посѣтителей онѣ никогда не можетъ назначить часа посѣщенія и никогда почти не можетъ попасть ни на какую вечерю. Поэтому ему приходится терпѣливо довольствоваться малымъ. Тамъ съѣсть что-либо изъ фруктовъ, здѣсь выпить стаканъ чаю, тутъ скушаетъ кусокъ булки или нѣсколько штукъ печеній. Нерѣдко случается, что въ теченіи цѣлаго дня ему не приходится подкрѣпиться надлежащимъ образомъ. Но онѣ и не ищетъ этого, довольствуясь исполнѣ тѣмъ немногимъ, что Богъ пошлетъ ему тамъ или здѣсь во время дня.

Однажды сказалъ о. Іоанну одинъ петербургскій протоіерей: «вы такъ утомляетесь, батюшка,—совсѣмъ не даете себѣ покоя!» На это о. Іоаннѣ отвѣчалъ ему: «на что мнѣ покой, другъ мой! Покой нашъ будетъ тамъ, (указалъ онѣ на небо), если только заслужимъ его здѣсь. Да и можетъ ли пастырь быть покоенъ, когда еще не всѣ овцы гласъ его слышать, а нѣкоторые и слышать не хотятъ; инныя же стонуть и сами умоляютъ о помощи, не долженъ ли пастырь спѣшить имъ на помощь?—сколько слезъ, нуждъ, скорбей, немощей, сколько грѣховъ у овецекъ нашихъ!.. Пастырю ли покоиться, дремать, когда ихъ гибель не дремлетъ.

Удивительно мало спитъ о. Іоаннѣ. Далеко даже не всегда 3—4 часа глубокой ночи въ сутки всецѣло принадлежать о. Іоанну. Весьма часто онѣ проводитъ ихъ въ вагонѣ желѣзной дороги, въ каретѣ, а иногда и совершенно не спитъ. Какой гигантскій трудъ! И этотъ трудъ приходится нести не въ теченіи какого-либо одного дня или нѣсколькихъ дней, а въ теченіи цѣлыхъ мѣсяцевъ, годовъ, десятилѣтій. Невольно мнѣ вспомнились въ эти минуты наши постоянныя жалобы на нервы, недосыпаніе, недоѣданіе, на пресловутое переутомленіе. Если бы каждый изъ насъ такъ трудился, какъ трудится о. Іоаннѣ, я не знаю, что было бы съ нами и какихъ бы исторій еще не повыдумали бы мы въ свое оправданіе и извиненіе. Можетъ быть нѣкоторые отъ одного представленія такого труда не выдержали и заболѣли бы. Говорятъ немало о чу-

десахъ о. Іоанна. Я ихъ не видѣлъ своими глазами, но разскажамъ о нихъ вполнѣ вѣрю. По моему глубокому убѣжденію, уже одна эта многотрудная жизнь о. Іоанна сама по себѣ представляетъ собою величайшее чудо». (Два дня въ Кронштадтѣ).

Да спать ли о. Іоаннъ?.. Право, что-то не вѣрится.

Спать ли?—съ такимъ вопросомъ обратился я—разсказываетъ Щегловъ—къ Ѳедосьѣ Минаевнѣ, которая живетъ противъ дома о. Іоанна и, какъ хозяйка квартиры для гостей, зорко слѣдитъ за «днемъ» батюшки.

Ѳедосья Минаевна на мой вопросъ какъ-то загадочно усмѣхнулась.

— Ну, вотъ ужъ этого никакъ нельзя опредѣлить... Это какъ когда придется. У него, знаете, совсѣмъ особый сонъ, какъ говорить промежъ народа,—«сытый сонъ». Другой разъ сидитъ со своими мыслями на пароходѣ, вдругъ закинетъ голову и такъ съ полчаса крѣпко накрѣпко заснетъ... Да что вы думаете? И тутъ то дорогому батюшкѣ не дадутъ покою.

Что поддерживаетъ о. Іоанна?—Конечно, внутреннее горѣніе, духъ, который живетъ въ немъ.

Можно сказать, что въ теченіи почти цѣлаго дня о. Іоаннъ находится въ состояніи величайшаго психическаго возбужденія, которое является то въ формѣ молитвы безъ словъ, то въ видѣ возвышеннѣйшаго настроенія, граничащаго съ молитвой, то, наконецъ, въ формѣ мысленнаго переживанія высшихъ идеаловъ. Можно сказать, что то возвышенное настроеніе, которое у обыкновеннаго человѣка наступаетъ изрѣдка, въ исключительныя минуты, у о. Іоанна является обычнымъ и не оставляетъ его въ теченіи дня. О. Іоаннъ представляется обыкновеннымъ человѣкомъ лишь въ минуты крайняго утомленія или во время принятія пищи; во все же остальное время дня, онъ находится въ состояніи одушевленія и живетъ самой полной, самой широкой идеальной жизнью, какая только доступна человѣку. (Проф. Сикорскій).

А причина самаго этого возбужденія, конечно, въ благодати Божіей и частнѣе въ благодати Святѣйшей Евхаристіи.

О. Іоаннъ въ Кронштадта.

О. Іоаннъ въ Петербургѣ. Онъ отслужилъ обѣдню и его ждутъ въ одномъ изъ домовъ къ больному.

Ѣдетъ, Ѣдетъ!!.

Экипажъ подъѣзжаетъ. О. Іоаннъ свѣтлый, улыбающійся выходитъ изъ экипажа. Его тотчасъ обступаютъ почитатели, особенно почитательницы всѣхъ сословій и ранговъ. Батюшку обступаютъ со всѣхъ сторонъ, цѣлуютъ руки, тѣснятъ, толкаютъ... Онъ улыбается и только иногда укоризненно говорить: «матери, вы, матери».

Онъ поднимается наверхъ.

Отъ cadaго движенія вѣтъ христіанской радостью. Весь онъ опроверженіе ложной теперь мысли, будто церковное христіанство религія «труповъ»,—мертвенно. Подвижничество Кронштадтскаго цѣлителя—не тоска, не печаль, не уныніе, не угрюмость,—это цвѣтъ жизни, игра утренняго солнца, улыбка ребенка. Аскетизмъ—радость жизни, освобожденіе отъ того, что гнететъ душу. Аскетизмъ—не тоска, не печаль, не уныніе, не угрюмость. Аскетизмъ—цвѣтъ жизни, игра утренняго солнца, улыбка младенца. «Радость моя! Христосъ воскрес!»..

Вотъ онъ входитъ въ квартиру. Высоко на 3—4 этажъ.

— Миръ дому сему!

Чистая, свѣтлая комната; посреди большой столъ, накрытый бѣлоснѣжною скатертью, на немъ миска и другія принадлежности для водоосвященія.

Окна растворены настежь, и въ нихъ рвутся потоки золотого, горячаго свѣта, видно голубое небо, доносится воркованье пріютившихся на карнизѣ голубей. Снопы яркаго солнца легли на полу, на коврѣ, на скатерти, играютъ въ водѣ, въ мискѣ, на тарелкѣ, на стаканѣ.

— Ахъ, какъ хорошо, какъ весело у васъ въ квартирѣ, говоритъ батюшка, благословляя хозяевъ и случайно заглянулъ въ окно. Тамъ внизу былъ расположенъ небольшой цвѣтникъ; въ клумбахъ виднѣлись бѣлыя астры и пунцовыя пѣтуны, желтѣли бархатки и другіе цвѣты.

О. Іоаннъ, уже совсѣмъ приготовившійся начать служить молебенъ, взглянулъ на столъ и быстро спросилъ:

— А гдѣ же цвѣты, цвѣты гдѣ?

Хозяева, ничего не понимая, удивленно глядѣли на батюшку.

А самъ онъ уже спускался въ садъ, откуда черезъ нѣсколько минутъ воротился, неся въ рукахъ цвѣты и, бодрый, веселый, началъ молебенъ, уложивъ на бѣлоснѣжной скатерти, вокругъ сверкающаго отъ солнца креста, пунцовыя и голубыя пѣтуны, левкой и бархатки.

О. Іоаннъ начинаетъ молитву колѣнопреклоненно, тайно помявъ, сначала одинъ, потомъ онъ обращается къ присутствующимъ съ приглашеніемъ помолиться.

— Помолимся вмѣстѣ,—говоритъ онъ:—Господь сказалъ Своимъ ученикамъ: гдѣ два или три собраны во имя Мое, тамъ и Я посреди ихъ, а насъ здѣсь собралось много, и если мы собрались съ вѣрою и любовію, то Онъ несомнѣнно присутствуетъ среди насъ. Итакъ, друзья,—по вѣрѣ вашей, да будетъ вамъ.

И подавая собою примѣръ прочимъ, онъ начинаетъ горячо молиться, съ колѣнопреклоненіемъ, иногда со слезами.

— Господи, Иисусе Христе Боже нашъ,— слышатыся среди нѣмой тишины слова молитвы,—Иже нашего ради спасенія изволивый плоть носити, да прославиши чудно словесное естество, неизреченнымъ Твоимъ благоутробіемъ и благостію и иже во истинномъ покаяніи обращающіеся изъ глубины грѣховныя, прости обѣщая... Благій Человѣколюбче, Иже тварь единымъ словомъ содѣлавый и изъ нея человѣка создавый, послѣди же сего неизреченнымъ Твоимъ человѣколюбіемъ падшаго себѣ и раба грѣху бывша воспріемый и освятивый, яко да не погибнетъ до конца дѣло руку Твоею, давый же сему и Своя спасительныя заповѣди въ память Твоего пришествія и Твоихъ повелѣній, и Божественнаго вочеловѣченія, исцѣли раба сего отъ обдержавшаго его немощи, уврачуй, исцѣли, укрѣпи и т. д.

Онъ молить подать ему, по божественному обѣщанію, силу, исцѣляющую немощи и бѣсовъ изгоняющую.

«Черезъ слабость мою прояви Твою силу!..» — шепчутъ его губы.

Онъ просилъ,—описываетъ молитву о. Іоанна очевидецъ,—съ непреодолимой силой любви къ ближнему. Онъ стучалъ все громче и громче въ завѣтную, обѣтованную дверь. Онъ весь преобразился, черты его лица освѣтились, глаза таинственно блистали, трепетъ пробѣгалъ по его тѣлу, капли пота струились по лбу его. Наконецъ мольба его была услышана. Онъ почувствовалъ, какъ влилась въ него свѣтлая, дивная, могучая сила. Ему уже давно было знакомо это ощущеніе.

Онъ поднялся съ колѣнъ и направился къ кровати. Теперь въ немъ уже не было волненія, ни странныхъ движеній, ни трепета. Онъ спокойно подошелъ къ неподвижно лежавшему больному и положилъ ему свою руку на голову.

— Встань и помолимся вмѣстѣ! — тихо сказалъ онъ.

Въ этихъ словахъ не чувствовалось требованія, но они были такъ сказаны, что, очевидно, ихъ нельзя было ослушаться.

— Я не могу шевельнуться!—явственно произнесъ больной.

Тогда о. Іоаннъ еще разъ возложилъ на него руку и еще разъ повторилъ:

— Встань и помолимся вмѣстѣ!

И больной всталъ съ кровати, опустился на колѣни рядомъ съ священникомъ, начавшимъ громко читать молитву. Когда молитва была окончена, о. Іоаннъ благословилъ больного, глядѣвшаго на него съ умиленіемъ, а затѣмъ помогъ ему лечь на кровать.

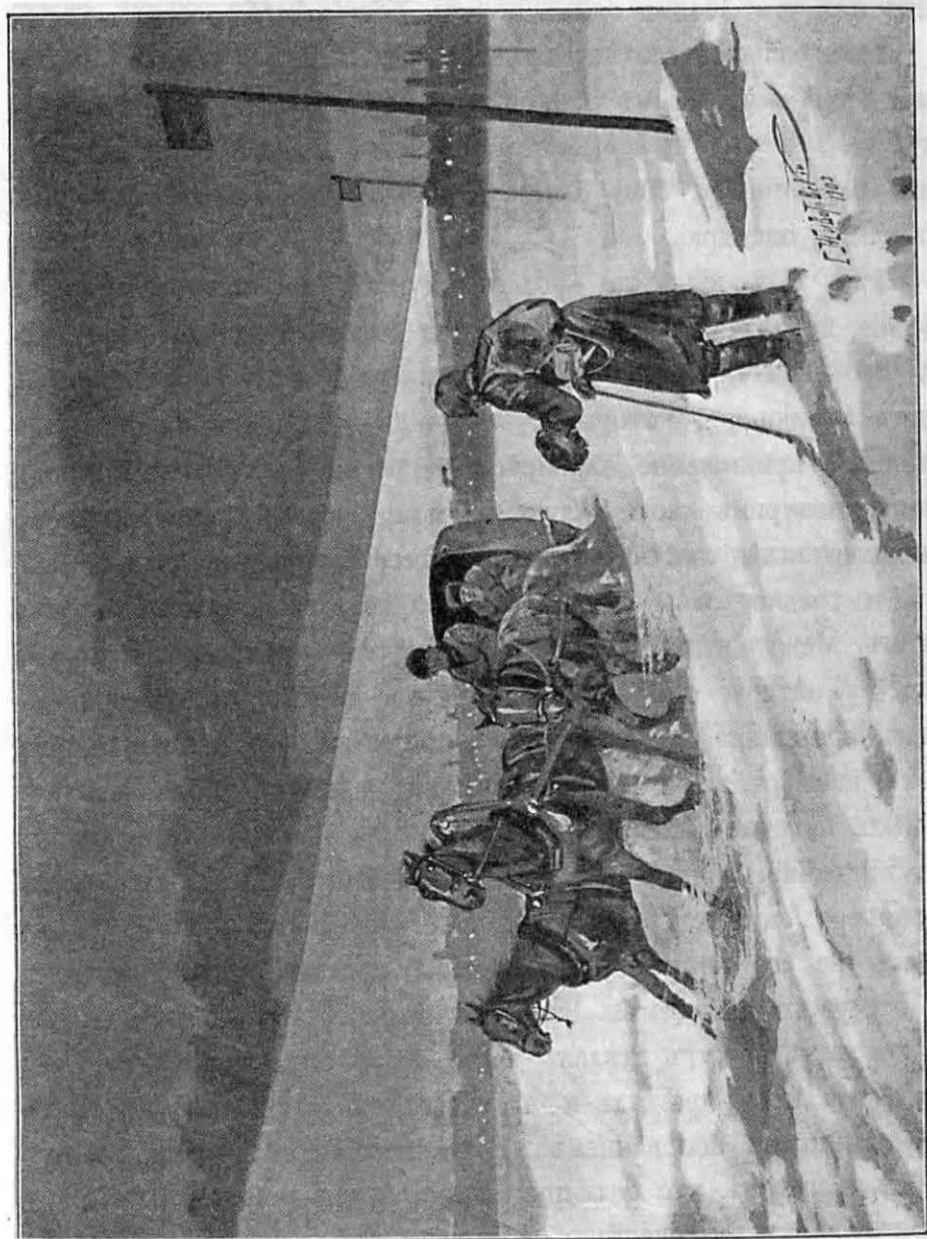
— Для Бога все возможно!—спокойно и съ глубокимъ убѣжденіемъ сказалъ онъ,—только вѣруйте, только молитесь... «Простите и дастся вамъ... толпыте и отверзется...» И жизнь и смерть—все въ десницѣ Господней.

Послѣ молитвы о. Іоаннъ дѣлитъ съ хозяевами трапезу и спускается къ экипажу. Въ экипажъ однако онъ попадаетъ не сразу.

Нерѣдко, когда онъ по роскошной лѣстницѣ спускается изъ богатыхъ палатъ, гдѣ нибудь въ швейцарской его улавливаетъ бѣдная работница или «угловая» жилища съ задняго двора; и вотъ онъ, не колеблясь ни мало, спускается къ ней въ подвалъ, молится, утѣшаетъ, даже раздѣляетъ скромные куски послѣ только что оконченной роскошной трапезы среди блестящаго общества, а затѣмъ, оказавъ матеріальную помощь, уходитъ.

Попавъ въ одинъ изъ многолюдныхъ домовъ Петербурга, о. Іоаннъ, по безконечной добротѣ своей, не можетъ отказать никому изъ его обитателей въ посѣщеніи. И случается, что, прохоривъ по такому дому нѣсколько часовъ, онъ неумышленно обмываетъ болѣе важное лицо, просившее его о посѣщеніи.

Какъ просто, ласковъ и обходителенъ о. Іоаннъ съ бѣдняками, таковымъ же онъ является въ богатыхъ домахъ и въ палатахъ сановниковъ, ненося въ себѣ и тѣни лицепріятія.

О. Иоаннъ зимней ночью въ кибиткѣ ѣдетъ изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ.

Вообще для о. Іоанна всѣ равны и богатый и бѣдный, и рядный и богатый, и дающій и просящій, дворянинъ и мѣщанинъ, всѣмъ имъ у о. Іоанна одинъ почетъ, одно мѣсто.

Чѣмъ больше человѣкъ привязанъ къ землѣ и земнымъ похотямъ, тѣмъ меньше онъ найдетъ отклика въ о. Іоаннѣ, и наоборотъ, чѣмъ свободнѣе сердце человѣка отъ привязанностей къ тлѣннымъ сокровищамъ, тѣмъ ближе и роднѣе оказывается онъ Кронштадтскому пастырю...

Здѣсь есть какое-то «родство души», непонятное взаимное влеченіе, не поддающееся опредѣленію путемъ внѣшнихъ наблюденій. Вы видите, напр., двухъ стариковъ передъ «батюшкой»... Одинъ миллионеръ, который суетъ въ руку священника пачку ассигнацій и приниженно кланяется, а другой,—оборванный нищій, стоитъ, понутивъ свою сѣдую голову... Первый разсыпается въ комплиментахъ и любезностяхъ по адресу батюшки, а второй молчитъ и только слезы одна за другой катятся по морщинистымъ щекамъ. Между этими двумя стариками такая разница, что только здѣсь, у алтаря, они и могли сойтись вмѣстѣ, стоять рядомъ... Одинъ возвращается въ избранномъ обществѣ, его визиты принимаютъ, какъ рѣдкое и цѣнное вниманіе, а другой—обитатель ночлежныхъ пріютовъ, который, даже при объясненіяхъ съ дворниками или сторожами, почтительно снимаетъ шапку... Тутъ они рядомъ. Миллионера смущаетъ это сосѣдство, онъ ждетъ, что о. Іоаннъ сейчасъ же его попроситъ въ алтарь, предложить ему посѣтить его, отслужить молебенъ... Вѣдь онъ архіерея принимаетъ въ своихъ хоромахъ, а тутъ сдѣлалъ честь скромному священнику, самъ первый къ нему пріѣхалъ и вдругъ изволь стоять рядомъ съ какимъ-то нищимъ оборванцемъ!.. Вотъ миллионеръ сдѣлалъ пріятную улыбку, замѣтивъ, что батюшка достаетъ изъ кармана просфору, и приготовился благочестиво перекреститься...

Но батюшка протянулъ руку съ просфорой къ нищему, положилъ лѣвую руку ему на плечо и ласково заговорилъ:

— На-ка, милый, просфорку. Ты гдѣ живешь, какъ имя твое?
Милліонеръ краснѣть, блѣднѣть... Онъ готовъ провалиться
сквозь землю, его губы что-то шепчутъ, а ноги машинально пя-
тятся...

— Благословите, батюшка,—произнесъ онъ нерѣшительно.

Но о. Іоаннъ увидѣлъ такого же оборванца, какъ первый, съ
которымъ онъ сейчасъ говорилъ, и спѣшить протянуть ему сло-
женную крестомъ руку.

Онъ не хочетъ обидѣть богача. Нѣтъ, избави Богъ: онъ умѣетъ
понять и простить даже это высокомеріе богача, по жалости даже
снизойдетъ къ ней; нѣтъ здѣсь онъ только не выбираетъ. Не видитъ
никого, кромѣ просящихъ рукъ и молящихъ глазъ.

Исключительной любовью его пользуются только дѣти, боль-
ные да грѣшныя.

О. Іоаннъ среди дѣтей.

Трогательно смотрѣть на о. Іоанна, когда онъ съ дѣтьми. Здѣсь онъ добрѣе и свѣтлѣе, чѣмъ когда нибудь... «Я среди дѣтей и себя ребенкомъ чувствую».—Дѣтская душа тянется къ дѣтской чистотѣ, и дѣти тянутся къ нему...

«Веди меня къ дѣтямъ»—говорить о. Іоаннъ къ провожавшему его г. Поршину въ Ростовѣ.—И это онъ говоритъ вездѣ во всякомъ городѣ.

Къ дѣтямъ, значить, въ пріюты, въ училища, гимназію... И дѣти его всегда ждутъ.

Вотъ интересное письмо изъ Чернигова, изъ Черниговскаго Дѣтскаго пріюта ¹⁾).

Отецъ Іоаннъ былъ у насъ въ половинѣ сентября 1897 года. Дѣтишки съ утра волновались — «духомъ горя» — какъ писалъ послѣ нашъ батюшка. Они всѣ слышали объ отцѣ Іоаннѣ и издали его любили. Помню особенно ко мнѣ приставала одна крошка. Милая, скажи, это святой пріѣдетъ, святой?.

¹⁾ 2 сентября 95 стр. Брошюра Священника А. Ефимова. Черниговскій Дѣтскій пріютъ. Черниговъ 1902.

О. Іоаннъ Сергіевъ.

И онъ прѣхалъ. Дѣти всѣ сіяли отъ радости и смотрѣли на о. Іоанна во всѣ глаза.

И онъ—всей душой отозвался на дѣтскую любовь.

Имъ говорилъ онъ рѣчь.

Жалѣю, что не записала ее.

Говорилъ онъ о томъ, что нужно любить этотъ домъ,—въ которомъ они нашли кровь, людей, которые ихъ любятъ, чтобы они хранили дѣтское, чистое, благодарное, чуткое сердце.

Потомъ о. Іоаннъ благословлялъ всѣхъ дѣтей. Хорошо было смотрѣть на его полное привѣта лицо. Благословляя дѣтей, онъ иногда порывисто гладилъ ихъ по головѣ, прижималъ къ себѣ,—говорилъ что нибудь задумчивое, ласковое.

Дѣти глядѣли сіяющими и отъ радости и отъ слезъ глазенками.

«Какъ разъ, передо мной на молебнѣ,—разсказываетъ Щегловъ,—прикладывался чиновникъ невѣдомаго вѣдомства съ гимназистомъ. Приложившись, онъ представилъ ему своего подростка съ усерднѣйшей просьбой благословить его передъ началомъ учебнаго года. Отецъ Іоаннъ ласково погладилъ его по головѣ:—«Вѣрно только что поступилъ въ гимназію—спросилъ о. Іоаннъ.—Только что успѣли сшить мундирчикъ, подсказалъ отецъ,—явно растроганный этимъ знакомъ вниманія.

— Въ математикѣ, поди, молодецъ?

— Удивительно быстрый, то есть до чего,—вы просто не поверите!

— А въ языкахъ вѣрно слабовать?

— Совсѣмъ слабовать, именно въ языкахъ.

О. Іоаннъ сдѣлалъ новоиспеченному гимназисту краткое наставленіе и троекратно благославилъ его.

Гимназистъ тоже все время блаженно улыбался, а когда батюшка сталъ благословлять его, заплакалъ радостными дѣтскими слезами. Въ глазахъ чиновника тоже стояли слезы». Трудно и

Батюшка съ крестникомъ на загородной дачѣ.

измѣрить какъ много даютъ, такія святыя минуты для всего будущаго ребенка; впечатлѣнія не исчезаютъ.

Въ своемъ дневникѣ (неизданномъ) о. Іоаннъ съ страшной болью рассказываетъ какъ онъ въ «минуту» искушенія отстранилъ рукой съ запятокъ саней мальчика. Тотъ упалъ и ушибся... Конечно, только нравственная чуткость о. Іоанна создала послѣднюю подробность: (ушиба) «но о. Іоаннъ долго мучился воспоминаніями объ этомъ дѣлѣ». «Душа изболѣлась», пишетъ онъ, долго помнить и долго не прощаетъ себѣ своей жесткости.

— Вы дѣти мои, ибо я родилъ и рождаю васъ благоволеніемъ о Христѣ Иисусѣ; духовная кровь моя—наставленія мои текутъ въ жилахъ вашихъ; я напоилъ и пою васъ, какъ бы изъ сосцовъ мать, млекою словеснымъ. Вы дѣти мои, потому что я имѣю васъ всегда въ сердцѣ своемъ и молюсь за васъ. Вы дѣти мои, потому что я, дѣйствительно, какъ священникъ, отецъ, и вы называете меня батюшкою. Дѣти! это слово очень, очень не нравится діаволу, виновнику нелюбви, злобы и лицемерія, но я, Богу помогающу, ни на минуту не повинусь ему, и буду не иначе называть васъ, какъ дѣтьми, ибо вы, дѣйствительно, дѣти по вѣрѣ, по Церкви Божіей и по принимаемымъ отъ меня наставленіямъ и отеческому руководству. И заключеніе въ духѣ—въ частной искренности прибавляетъ—сказать искренно чужимъ дѣтямъ: *дѣти*, можно только Духомъ Святымъ, Духомъ истины и любви.

— Да сіе и аминь.

Говорить съ дѣтьми такъ искренно, какъ о. Іоаннъ можно только любовью.

Мы не можемъ перепечатывать рѣчей о. Іоанна дѣтямъ, но вотъ нѣсколько отрывковъ:

— Дѣти! Когда нѣкоторые родители хотѣли подвести къ Господу дѣтей, апостолы препятствовали имъ. Видя это, Господь запретилъ имъ, говоря: «оставьте дѣтей приходить ко мнѣ».

Вотъ вамъ, дорогіе, пріятное, живое, утѣшительное слово, не

мое, а евангельское. Запомните его всѣ и положите глубоко, глубоко въ сердца. Помните, какъ любилъ дѣтей, любить ихъ и теперь Самъ Господь Иисусъ Христосъ; какъ строго запретилъ Онъ Своимъ ученикамъ, чтобы не препятствовали имъ приходить къ Нему во всякое время, такъ какъ въ ихъ простыхъ сердцахъ почи-ваетъ Богъ; какъ обнималъ ихъ, возлагалъ на нихъ Свои пречистыя руки и благословлялъ ихъ. Помните, говорю, эти дорогія слова Евангелія, воодушевляйтесь и утѣшайтесь ими; носите ихъ въ сердцахъ своихъ и не будьте легкомысленны, невнимательны и неблагодарны, чтобы не оскорбить васъ чѣмъ либо горячо любящаго васъ Спасителя. Учитесь прилежно закону Божію и всему полезному ученью. Не опускайте въ воскресенья и другіе праздники ходить въ храмъ Божій, и никто и ничто пусть не препятствуетъ вамъ въ этомъ. Въ храмѣ особенно Богъ принимаетъ наши молитвы. Молитесь съ сердечнымъ вниманіемъ дома и въ классѣ. Молитва есть бесѣда дѣтей съ Отцомъ небеснымъ. Уважайте и любите начальниковъ и наставниковъ вашихъ, которые послѣ родителей—ваши первые доброжелатели и благодѣтели,—руководящіе васъ ко всему доброму и полезному. Уважайте и сами себя и не доводите себя до поступковъ, унижающихъ и безчестящихъ васъ. Помните, что Господь Иисусъ Христосъ и теперь съ вами всегда, невидимо, Самъ учить васъ невидимо, внутренно, если только вы внимательны. Всякою наукой дорожите, всякую науку любите, потому что всякую науку открылъ Господь Богъ, Источникъ разума и премудрости. Учитесь охотно и прилежно. Когда будетъ вамъ трудно или скучно, обращайтесь смѣло съ вѣрою къ Господу Иисусу Христу, любящему васъ, и Онъ тотчасъ поможетъ вамъ. Онъ особенно любитъ слушать дѣтскія усердныя молитвы, какъ наилучшій Отецъ. Любите и берегите другъ друга.

Любезныя дѣти. Растите и зрѣйте во благодати Божіей и яко новорождени младенцы словесное и нелестное молоко возлюбите Божіе слово Божій законъ.

Рядомъ съ науками внѣшними старайтесь преуспѣвать во внутренней сердечной наукѣ любви, вѣры, молитвы, кротости, сострадательности.

Вы учитесь языкамъ, французскому, нѣмецкому, но смотрите больше всего учитесь языку любви. «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имѣю, я мѣдъ звенящая и кимваль бряпающій».

Ласковый вообще къ дѣтямъ, о. Іоаннъ еще любовнѣе относится къ дѣтямъ больнымъ.

О. Іоаннъ въ больницѣ Левашевского пансіона въ Кіевѣ. Въ числѣ больныхъ о. Іоанну указали дѣвочку, которая страдала тяжелымъ тифомъ, и у которой незадолго предъ этимъ вскрытъ былъ обширный гнойникъ позади уха. «Едва о. Іоаннъ взглянулъ на больную, вся его фигура внезапно озарилась огнемъ чувства. Онъ быстро подошелъ къ больной, палъ къ кровати и, стоя на колѣняхъ, приникъ къ лицу страдальцы, осыпая ее искреннѣйшими ласками и поцѣлуями. Тутъ сказалась вся богато-одаренная душа о. Іоанна. Какъ самая любящая мать, ласкалъ и утѣшалъ онъ болящую:

— Милое дитя, тебѣ не больно... страдальца ты моя,—говорилъ онъ.

Воцарилось совершенное безмолвіе, и вся сцена произвела глубочайшее впечатлѣніе. Возможно было вспомнить сказанныя слова, но нѣтъ средствъ передать тонъ, оттѣнки голоса и всѣ переливы несравненной мелодіи чувствъ, которыя вылились изъ души любвеобильнаго пастыря. Мы присутствовали при самыхъ глубокихъ проявленіяхъ, на которыя способна человеческая душа. Тутъ все сказалось: и пылъ беззавѣтнаго святаго чувства, и безграничная любовь, и захватывающая душу жалость, и скорбь у постели больного человѣка, и наконецъ несравненная симпатія, со всѣми оттѣнками и модуляціями могучаго чувства».

Такой же ласковый, о. Іоаннъ и всегда къ больнымъ дѣтямъ: о нихъ и молится онъ горячѣе и усерднѣе.

«Въ квартирѣ Ергомышева, пишетъ Ростовскій корреспондентъ, до прихода о. Іоанна, собралось не мало также тяжело больныхъ. Тутъ же лежалъ больной ребенокъ.

— Идетъ, идетъ!..—раздались голоса. Появленіе о. Іоанна вызвало всеобщую радость; больной ребенокъ, уложенный тутъ-же въ кроватку, немного приподнялся и устремилъ свой пытливый дѣтскій взоръ на вошедшаго пастыря.

— Какъ зовутъ больного?—спросилъ о. Іоаннъ у матери; та назвала имя ребенка.

— Помолимся Господу Богу, обратился пастырь къ ребенку и съ отеческой любовью поцѣловалъ его. Ребенокъ припалъ къ рукѣ пастыря и сотворилъ крестное знаменіе.

— Молитесь Господу Богу и по вѣрѣ вашей воздастъ вамъ— снова промолвилъ пастырь и сталъ самъ молиться съ горячей вѣрой, съ страстнымъ и сильнымъ убѣжденіемъ. Снова раздались въ комнатѣ рыданія. О. Іоаннъ ласкалъ дѣтей, бралъ ихъ къ себѣ на руки, цѣловалъ ихъ, дѣти точно взрослые понимали, кто возлѣ нихъ и заглядывали ему въ добрые ласковые глаза».

Ласковая улыбка не сходитъ съ лица о. Іоанна, когда онъ съ дѣтьми. Только иногда эта улыбка смѣняется грустной скорбью «Поздно вечеромъ мы остановились въ небольшой деревенькѣ Гора, пишетъ Нарцизова, въ одной крестьянской избѣ о. Іоаннъ нѣсколько минутъ отдыхалъ и чай пилъ. Тутъ одна крестьянка привела къ отцу Іоанну своего сына лѣтъ 7 или 8, совершенно безумнаго, такъ что данный ему сладкій сухарь онъ не умѣлъ въ ротъ положить, и со слезами на колѣняхъ умоляла помолиться и помочь ея сыну. О. Іоаннъ, держа ребенка въ колѣняхъ, обѣими руками его обнявъ, и видимо всѣмъ сердцемъ горячо молился, припавъ своей головой къ его головѣ, потомъ вдругъ выпустилъ ребенка, и только сказалъ: матери, вы матери! Нужно было видѣть, съ какимъ глу-

бокимъ состраданіемъ и нѣжной любовью къ несчастному мальчику были произнесены эти слова; мать еще больше стала просить, но онъ опять только и повторилъ слова, покачавъ головой: матери вы, матери!

Если гдѣ еще можно видѣть у о. Іоанна ту же сострадательно-скорбную нѣжность, то развѣ въ больницахъ среди коекъ «страдающихъ и тѣлеснѣ озлобленныхъ».

Въ 1901 году о. Іоаннъ навѣстилъ прокаженныхъ въ колоніи Общества борьбы съ проказой (25 верст. отъ ст. Молосковицы Балтійской ж. д.).

Нужно было видѣть это выраженіе напряженно-скорбной жалости, съ какой онъ бесѣдовалъ съ прокаженными, утѣшалъ ихъ. А съ какой трогательной любовью бесѣдовалъ онъ съ о. Θεодоромъ П., находившимся тутъ же на излѣченіи.

Не даромъ плакали прокаженные когда послѣ горячаго слова «о проказѣ духовной»—онъ призвалъ къ молитвѣ. Колонія рыдала: больные впервые можетъ быть нашли настоящую безконечную жалость къ ихъ страданіямъ и плакали и отъ радости и отъ пробудившейся жалости къ себѣ.

«Если бы о. Іоаннъ не былъ полонъ вѣры въ милосердіе Божіе, онъ истекъ бы кровью: такъ сильна въ немъ чуткость къ чужой боли!»—говорилъ намъ одинъ глубоко-почитающій о. Іоанна человекъ и это правда.

Путешествія О. Іоанна.

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ слава о жизни и дѣлахъ пастырства и милосердія Кронштадтскаго священника разнеслась по Россіи, со всѣхъ концовъ нашего отечества и даже изъ заграницы стали стекаться къ отцу Іоанну письма и телеграммы съ просьбами о посѣщеніи. Послѣдній, какъ приходскій священникъ, обремененный трудами и обязанностями по приходу, весьма естественно не можетъ совершать разъѣзды по всей Россіи. Кромѣ того почти ежедневно, какъ мы уже описывали выше, ему приходится посѣщать Петербургъ, что зачастую сопряжено съ опасностью жизни во время распутицы весною и осенью, по дорогѣ между Ораніенбаумомъ и Кронштадтомъ по льду. Такъ, нерѣдко случалось, что, проѣзжая по льду, отецъ Іоаннъ проваливался, но любовь къ страждущимъ у него настолько велика, что никакія опасности не могутъ удержать его отъ посѣщенія тѣхъ, кто въ немъ нуждается. Несмотря на недостатокъ времени, почтенный пастырь находитъ возможность посѣщать дня на два ежемѣсячно первопрестольную столицу. Отецъ Іоаннъ обыкновенно уѣзжаетъ съ вечернимъ поѣздомъ, проводитъ одинъ день въ Москвѣ и въ рѣдкихъ случаяхъ ночуетъ и остается на другой день.

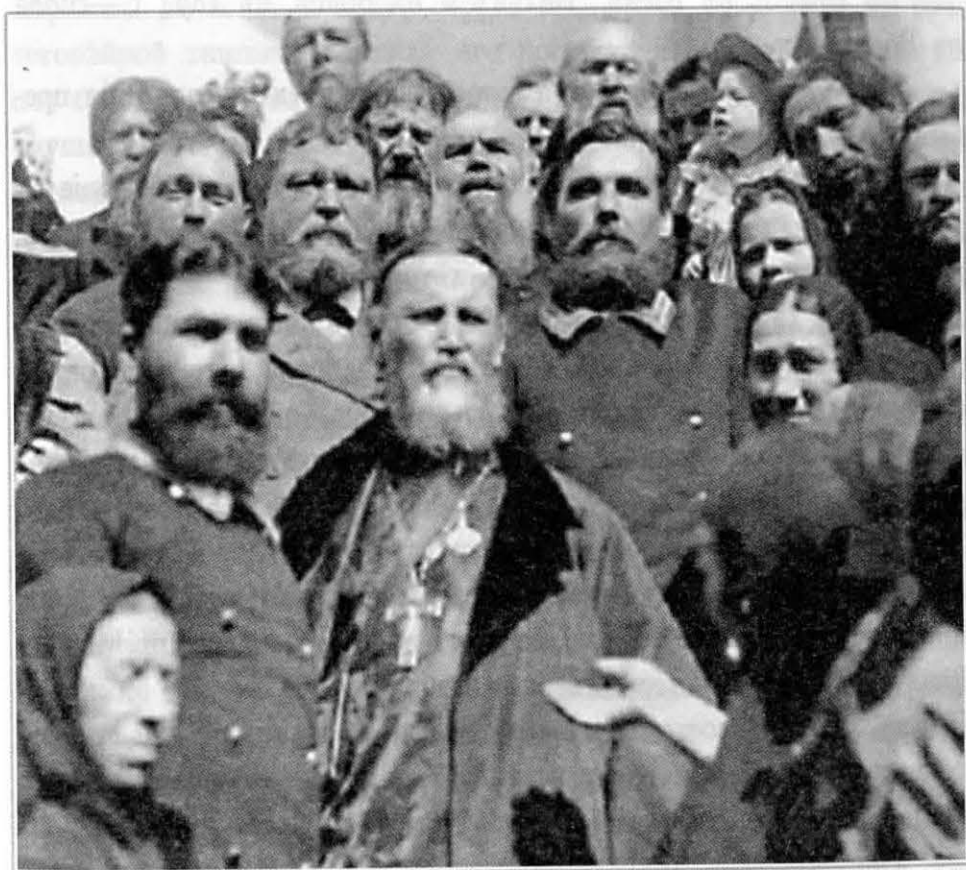
Какъ извѣстно, курьерскій поѣздъ идетъ ночью, но не взирая на неурочное время, всѣ главныя станціи, какъ напр. Любань, Бологое, бываютъ переполнены народомъ, если только вѣсть о поѣздѣ отца Іоанна разносится по окрестностямъ. На тѣхъ стаціяхъ, гдѣ поѣздъ стоитъ болѣе или менѣе продолжительное время, повторяются тѣ же сцены, какія извѣстны читателю изъ нашего описанія поѣздокъ отца Іоанна по Балтійской жел. дорогѣ.

Особенную картину въ эти дни представляютъ промежуточные станціи Николаевской желѣзной дороги. Кругомъ царитъ непроглядная тьма. Второй, третій часъ ночи. На станціи кромѣ обычныхъ пассажировъ, ожидающихъ прихода поѣзда, толпа народа. Необыкновенное возбужденіе написано на всѣхъ лицахъ, освѣщенныхъ скудно мерцающимъ свѣтомъ станціонныхъ фонарей. Вотъ вдали слышится грохотъ и свистъ приближающагося поѣзда. Еще минута—и локомотивъ, тяжело пытая и гремя цѣпами, подкатываетъ къ платформѣ. Толпа инстинктивно подается впередъ, отыскивая глазами вагонъ, въ которомъ ѣдетъ отецъ Іоаннъ. Вотъ въ одномъ изъ оконъ показывается его фигура, стекло опускается и почтенный пастырь начинаетъ благословлять толпу. Тутъ со всѣхъ сторонъ устремляются къ его вагону нуждающіеся: кто съ просьбою о помощи, о благословеніи, о молитвѣ, кто съ письмомъ, кто съ деньгами. То и дѣло слышатся возгласы:

Дорогой батюшка, помолитесь объ умирающемъ...

Батюшка, примите отъ трудовъ моихъ на вашихъ бѣдныхъ и т. п.

Эта ночная картина, эта ожидающая чего-то необычайнаго среди темноты и холода толпа производитъ необыкновенное впечатлѣніе, которое никогда не изгладится у того, кто хотя разъ въ жизни наблюдалъ одну изъ подобныхъ встрѣчъ почтеннаго пастыря. Подобная встрѣча по справедливости представляетъ собою явленіе не совсѣмъ обыкновенное. Бываютъ ли случаи, чтобы обыкновенный священникъ привлекалъ такое вниманіе окружающихъ?

Къ о. Иоанну народъ ѣдетъ со всей Россіи. У входа в Андреевскій соборъ.

Нѣтъ, къ сожалѣнію, онъ всегда проходитъ по городу никѣмъ незамѣченный.

Въ 1885 году, послѣ многократныхъ приглашеній, отецъ Іоаннъ посѣтилъ Воронежъ, гдѣ и пробылъ около двухъ недѣль, проживая у преосвященнаго Серафима.

Въ 1890 году о. Іоаннъ былъ въ Харьковѣ.

Въ 1893 г. въ Кіевѣ, Вильнѣ и на Волгѣ, въ 1894 г.—снова на Волгѣ и т. д.

Мы, уклоняясь слегка отъ хронологіи, начнемъ съ описанія пребыванія о. Іоанна въ Кіевѣ.

Пріѣздъ о. Іоанна въ Кіевъ въ Апр. 1893 г. и пребываніе въ немъ представляютъ собою выдающееся событіе мѣстной жизни, которое должно быть занесено въ лѣтописи.

Около двухъ мѣсяцевъ кряду, не прекращаясь, ходили слухи о пріѣздѣ въ Кіевъ о. Іоанна, и люди всѣхъ возрастовъ, классовъ и состояній жадно прислушивались къ вѣстямъ о пріѣздѣ чловѣка, котораго Кіевъ еще никогда не видѣлъ, но котораго онъ уже хорошо зналъ, какъ и вся Россія.

Съ начала Ёминой недѣли ко всякому поѣзду Курско-Кіевской дороги собиралась многочисленная публика встрѣчать отца Іоанна. Несмотря на то, что не было извѣстно время пріѣзда о. Іоанна въ Кіевъ и что имъ былъ избранъ путь не на Москву и Курскъ, а на Бѣлостокъ, прихода поѣзда 16-го апрѣля ждала многочисленная публика. Кіевъ встрѣтилъ о. Іоанна и привѣтствовалъ такъ, какъ его встрѣчаютъ и привѣтствуютъ вездѣ въ Россіи.

Уже въ день пріѣзда многочисленная публика наполняла улицу дома, гдѣ остановился о. Іоаннъ. Многіе провели на улицѣ ночь въ благоговѣйномъ ожиданіи увидѣть *батюшку*.

О. Іоаннъ прибылъ въ Кіевъ въ 8 часовъ вечера 16-го апрѣля, а 17-го апрѣля уже съ трехъ часовъ пополудни со всѣхъ концовъ Кіева собрались на улицѣ массы народа; весь Кіевъ зналъ о пріѣздѣ о. Іоанна. Съ 4-хъ часовъ утра о. Іоаннъ началъ пріемъ

труждающихся и обремененныхъ, ищущихъ утѣшенія. Въ 8 часовъ утра 17-го апрѣля о. Іоаннъ съ великимъ трудомъ сквозь густыя массы народа достигъ генераль-губернаторскаго дома, гдѣ въ домово́й церкви совершилъ обѣдню.

Къ 10-ти часамъ утра населеніе Кіева было на ногахъ; одушевленіе, которымъ всѣ были проникнуты, можно назвать безпримѣрнымъ. Во всѣхъ концахъ города собиралась публика и въ благоговѣйной тишинѣ ожидала его пріѣзда. Никто не зналъ, гдѣ онъ будетъ, его вездѣ ждали. Повсюду, гдѣ показывался о. Іоаннъ, одушевленіе было необычное и великое, и его нельзя охарактеризовать иными словами, какъ *мольба, молитва, благоговѣніе, жажда* видѣть его. Таково было всеобщее настроеніе. Этому настроенію поддавались всѣ, даже тѣ, которые пришли, руководясь однимъ любопытствомъ.

17-го апрѣля, вслѣдъ за окончаніемъ обѣдни въ домѣ генераль-губернатора, о. Іоаннъ посѣтилъ нѣкоторыхъ лицъ и затѣмъ прослѣдовалъ въ Андреевскую церковь, видимо горя желаніемъ посѣтить и узрѣть собственными глазами священные и историческія мѣстности Кіева. Его стремленіе, его жажда поскорѣе увидѣть этотъ чудный храмъ Кіева, художественно поставленный на выступѣ высокихъ Кіевскихъ горъ, было необыкновенно велико. Быстро поднялся, почти взбѣжалъ о. Іоаннъ по чугунной лѣстницѣ на площадку Андреевской церкви, откуда открывается обширный и весной особенно поразительный видъ на Подоль, Днѣпръ, Заднѣпровье и на окрестныя горы. Благоговѣйно, въ молчаніи, о. Іоаннъ разсматривалъ ближайшія и отдаленныя окрестности и въ молитвенномъ настроеніи его всепроницающая мысль перенеслась къ тому отдаленному времени, когда по христіанскому преданію апостоль Андрей Первозванный стоялъ на этомъ самомъ мѣстѣ, предрекая великую историческую судьбу Кіеву. Всею силою своего горячаго чувства о. Іоаннъ переживалъ въ своей душѣ историческія судьбы отечества и христіанства, отражая на своемъ лицѣ всю полноту религіознаго и художественнаго одушевленія.

Въ продолженіе немногихъ минутъ площадка Андреевской церкви наполнилась массой посѣтителей, которые со всѣхъ сторонъ устремились къ Андреевской церкви, какъ только стало извѣстно, что здѣсь находится о. Іоаннъ. На площадкѣ и въ самой церкви о. Іоанна увидѣли многочисленные пришлые богомольцы Кіева. Съ этого момента начинается рядъ нескончаемыхъ, и трогательныхъ оцѣнокъ, предметомъ которыхъ сдѣлался о. Іоаннъ. Единодушіе, съ которымъ люди всѣхъ званій и состояній привѣтствовали его и стремились къ нему, не поддается описанію. Его душа отражала въ себѣ настроеніе народной души. Многократно о. Іоаннъ молился и молитвенно радовался, отвѣчая на привѣтствія. Его радость вытекала изъ сознанія, что люди объединяются и что религія является могущественной объединяющей силой человѣчества.

Посѣтивъ Михайловскій монастырь, о. Іоаннъ направился къ памятнику св. Владиміра. Его сопровождали массы народа; тутъ были и богомольцы, и публика, и учащіеся; всѣ искали видѣть его, принять отъ него благословеніе. Въ отвѣтахъ о. Іоанна на привѣтствія окружающихъ сказывалась постоянно та безграничная любовь къ людямъ и та пронизательность, которая такъ свойственна о. Іоанну, и которая отличаетъ его отъ тысячъ и милліоновъ людей. Давши благословеніе двумъ подошедшимъ къ нему взрослымъ гимназистамъ и горячо обнявъ ихъ, онъ пожелалъ имъ *хорошо выдержать экзамены и поступить въ студенты*. Подошедшему студенту университета пожелалъ *трудиться на общую пользу и не переставать трудиться*. Приблизившись къ памятнику св. Владиміра, о. Іоаннъ предался воспоминаніямъ о протекшихъ историческихъ судьбахъ Россіи и съ пламеннымъ чувствомъ и благоговѣніемъ онъ то подымалъ взоръ къ монументу Просвѣтителя Россіи, то опускалъ его долу, гдѣ находится мѣсто крещенія Руси.

Посѣщеніе этого перваго кладбища христіанскихъ мучениковъ произвело особенное впечатлѣніе на о. Іоанна. Здѣсь впервые для окружающихъ стали видимы тѣ глубокія черты характера, кото-

рыя свойственны о. Іоанну и которыя составляют источникъ его необыкновеннаго вліянія на людей. Пробывъ почти неотлучно въ теченіе трехъ дней при о. Іоаннѣ и имѣвъ возможность наблюдать его при различныхъ условіяхъ, можемъ сказать, что въ теченіе почти цѣлаго дня о. Іоаннъ находится въ состояніи величайшаго психическаго возбужденія, которое является то въ формѣ молитвы безъ словъ, то въ видѣ возвышеннѣйшаго поэтическаго настроенія, разрѣшающагося трогательными экспромтами, то, наконецъ, въ формѣ мысленнаго и волевого переживанія высшихъ идеаловъ. Можно сказать, что то возвышенное настроеніе, которое у обыкновеннаго человѣка настигаетъ изрѣдка, посѣщаетъ людей въ исключительныя минуты, у о. Іоанна является обычнымъ и не оставляетъ его почти въ теченіи цѣлаго дня. О. Іоаннъ представляется обыкновеннымъ человѣкомъ лишь въ минуты крайняго утомленія или во время принятія пищи; во все-же остальное время онъ находится въ состояніи поэтическаго одушевленія и живетъ самой полной, самой широкой идеальной жизнью, какая только доступна человѣку. Внѣшнія впечатлѣнія застаютъ его всегда готовымъ къ той удивительной, высокой душевной реакціи, которая такъ поражаетъ наблюдателя и такъ глубоко и благотворно дѣйствуетъ на всѣхъ. Основную, видимую черту характера о. Іоанна составляетъ искренность, кротость и величайшая любовь къ человѣку; съ этими качествами неразлучно связана ласковость въ отношеніяхъ къ людямъ и обаятельность, превосходящая всякія ожиданія. Все это написано на лицѣ о. Іоанна, и всякій, кто даже въ первый разъ видитъ этого человѣка, вѣритъ и уповаешь. Такого впечатлѣніе, производимое о. Іоанномъ на всѣхъ людей...

Приближаясь къ Аскольдовой Могили, о. Іоаннъ умолкъ, что обозначаетъ у него переходъ къ его обычному благоговѣйному настроенію. Едва экипажъ остановился, какъ о. Іоаннъ, какъ-бы подъ вліяніемъ какого-то внутренняго палящаго огня, стремительно направился въ ворота кладбища. Черезъ двѣ или три минуты его

уже окружала многочисленная толпа людей: его всюду узнавали и бѣжали за нимъ. Войдя въ церковь въ сопровожденіи кладбищенскаго іеромонаха, о. Іоаннъ нѣсколько минутъ пламенно молча молился. Его настроеніе отразилось на окружающихъ. И вотъ, среди царившей общей тишины, къ о. Іоанну обратилась старуха-крестьянка и твердо громкимъ голосомъ сказала: *батюшка, о. Іоаннъ! благослови меня грѣшницу, блудницу, воровку; благослови меня въ далекій путь дороженьку на тотъ свѣтъ.* О. Іоаннъ благословилъ старуху. Вся сцена произвела большое впечатлѣніе на окружающихъ и своей неожиданностью, и той искренностью, съ которою старуха, по своему, исполнила нравственный долгъ гласнаго признанія порочныхъ тайнъ своей жизни.

Второй день пребыванія въ Кіевѣ 18-го апрѣля въ воскресенье о. Іоаннъ началъ Божественной службой въ Покровскомъ женскомъ монастырѣ, гдѣ имѣла пребываніе Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Петровна. О. Іоаннъ прибылъ въ Покровскій монастырь къ восьми часамъ утра, но уже на разсвѣтѣ, въ монастырѣ и около, стали собираться массы народа, искавшія видѣть о. Іоанна. Ко времени его пріѣзда число ждавшей публики доходило до десяти—пятнадцати тысячъ. Густыя массы народа запрудили буквально весь дворъ монастыря и смежныя улицы. По окончаніи обѣдни, о. Іоаннъ посѣтилъ Ея Высочество въ Ея собственныхъ покояхъ и затѣмъ посѣтилъ монастырскую больницу. Лишь съ трудомъ черезъ густыя массы народа, о. Іоаннъ достигъ зданія больницы. Поражающая чистота и уютный видъ больницы произвели благопріятное впечатлѣніе на о. Іоанна. Съ обычной ласковостью онъ обошелъ всѣхъ больныхъ, благословлялъ ихъ и утѣшалъ.

Откланявшись Ея Высочеству, о. Іоаннъ изъ Покровскаго монастыря прослѣдовалъ черезъ Глубочицу, по Вознесенскому спуску, на Старый Городъ. Видъ высокихъ горъ, прорѣзанныхъ здѣсь глубокими оврагами, произвелъ на о. Іоанна большое впечатлѣніе,

какъ и вообще вся природа и мѣстность Кіева. Въ этомъ впечатлѣніи все сливалось: и благоговѣйное чувство религіознаго чело-вѣка, и наблюдательность мыслителя, углублявшагося въ исторію геологическихъ переворотовъ этой мѣстности, и наконецъ, увле-ченіе красотами природы, которая въ Кіевѣ представляетъ такъ много эстетическихъ сторонъ. Эти чувства охватывали его всякій разъ, когда взору его представлялись тѣ или другіе выдающіеся виды Кіева, напр.: видъ съ Андреевской церкви—на Подоль, съ Лаврскихъ горъ и Аскольдовой Могилы—на Днѣпръ и Заднѣпровье и съ Подола—на Андреевскую церковь. Созерцая виды природы, о. Іоаннъ и молится, и восхищается, какъ любитель, и предается глубокимъ философскимъ размышленіямъ о далекомъ прошедшемъ мірозданіи. По свойству своей натуры, онъ постоянно впадаетъ въ истинный поэтический лиризмъ по поводу всего художествен-наго, будетъ ли то въ природѣ, въ исторіи или въ чело-вѣкѣ.

Не смотря на кратковременность пребыванія въ Кіевѣ и на недо-статокъ времени, о. Іоаннъ горѣлъ желаніемъ посѣтить строившійся тогда Владимірскій Соборъ. Внутренній видъ храма, его живопись и орнаменты произвели необычайно живое и сильное впечатлѣніе на отзывчивую, высокоодаренную натуру о. Іоанна. Лики святыхъ и стѣнныя изображенія событій библейской и христіанской исто-рій привели о. Іоанна въ состояніе духовнаго восхищенія. Онъ переносился мысленнымъ взоромъ къ отдаленнымъ временамъ, къ моментамъ самыхъ событій, и вся его фигура, его лицо и тѣло-движенія озарились тѣмъ чуднымъ огнемъ идеальной жизни, ко-торый едва-ли доступенъ изображенію и анализу и который не-вольно заставляеть васъ чувствовать, что вы находитесь въ обще-ствѣ великаго чело-вѣка. Всегда живущій мыслью о добрѣ, о лю-дяхъ, о ихъ нравственномъ усовершенствованіи, о. Іоаннъ предался размышленіямъ о томъ благотворномъ вліяніи, которое будетъ имѣть для Кіева и для Россіи Владимірскій Соборъ, этотъ памятникъ христіанской культурной и художественной жизни Россіи. Возмож-

ность видѣть Владимірскій Соборъ въ законченномъ видѣ и молиться въ немъ представлялась о. Іоанну особеннымъ счастьемъ, котораго онъ хотѣлъ-бы достигнуть.

Осмотрѣвъ Владимірскій Соборъ, о. Іоаннъ проѣхалъ на Подоль въ Братскій монастырь къ Ректору Духовной Академіи преосвященному Сильвестру, епископу Каневскому. Массы народа уже наполняли погостъ монастыря, и о. Іоаннъ съ величайшимъ трудомъ проникъ въ квартиру преосвященнаго. Между о. Іоанномъ и преосвященнымъ завязался разговоръ, поводомъ которому служило одушевленіе народныхъ массъ, стремившихся видѣть о. Іоанна. Собесѣдники заговорили о необходимости и возможности болѣе тѣснаго нравственнаго объединенія людей. Въ это время въ квартиру преосвященнаго были приглашены студенты духовной Академіи. О. Іоаннъ, всегда умѣющій придать теплый характеръ своему обращенію и своей привѣтливости, быстро поднялся съ мѣста и тономъ любви, облеченной въ формы сотоварищества, съ живостью заговорилъ: *студенты Академіи! Христосъ Воскресъ! здравствуйте, друзья мои, здравствуйте, милые однокашники, дѣти встѣмъ намъ общей духовной школы...* За рѣчью о. Іоанна послѣдовали со стороны студентовъ Академіи самыя горячія, самыя непринужденныя проявленія радости, признательности, удивленія и сыновнихъ чувствъ въ отношеніи о. Іоанна.

Выходъ о. Іоанна изъ покоевъ преосвященнаго былъ сопряженъ съ едва одолимыми трудностями въ виду общаго желанія многочисленной публики приблизиться къ о. Іоанну, увидѣть его, получить благословеніе. Среди публики, особенно простой, высказывалось желаніе обратиться по телеграфу съ прошеніемъ на Высочайшее Имя, дабы о. Іоанну повѣлено было оставаться въ Кіевѣ цѣлую недѣлю.

Съ Подола о. Іоаннъ отправился въ Левашовскій пансіонъ.

Въ Левашевскомъ пансіонѣ случилось одно событіе, которое произвело особенное вліяніе на окружающихъ. Между липами, при-

Преосв. Сильвестръ, еписк. Каневскій.

существовавшими на молебнѣ, въ числѣ многихъ оказалась дама, прїѣхавшая нарочно изъ Харькова съ цѣлью увидѣть о. Іоанна и получить отъ него благословеніе. Обстоятельства ея жизни дѣлали для нея особенно необходимымъ нравственное утѣшеніе, которое такъ умѣетъ подать о. Іоаннъ. Дама случайно попала въ Левашовскій пансіонъ и находилась среди густой толпы. Благословляя всѣхъ, о. Іоаннъ внезапно, какъ-бы по какому-то внутреннему чутью, съ особымъ пыломъ устремился сквозь густую толпу людей прямо къ этой дамѣ и съ горячимъ участіемъ отнесся къ ней, обласкавъ ее, обнявъ и отличилъ особеннымъ вниманіемъ, на которое способно его необыкновенное человѣческое сердце. Дама эта, полная радости и счастья, рассказывала всѣмъ о случившемся, пораженная проникательностью о. Іоанна, считая случившееся съ нею прямо чудомъ; такъ какъ она еще не имѣла случая обмѣняться съ о. Іоанномъ хотя-бы однимъ словомъ. По ея виду и выраженію лица онъ распозналъ ея душевное состояніе и поспѣшилъ къ ней на помощь, прежде чѣмъ она успѣла свою просьбу заявить словами.

На третій день своего пребыванія въ Кіевѣ около трехъ часовъ пополудни о. Іоаннъ направился въ Лавру. Несмотря на утомленіе, вызванное предшествовавшими посѣщеніями, о. Іоаннъ находился въ особенномъ нравственномъ возбужденіи; почти весь путь въ Лавру онъ мысленно молился. Экипажъ о. Іоанна прослѣдовалъ мимо Лаврской гостинницы и остановился у входа въ галерею, ведущую въ Ближнія Пещеры. Здѣсь о. Іоаннъ былъ встрѣченъ намѣстникомъ Лавры. О. Іоаннъ былъ молчаливъ и находился въ глубокомъ молитвенномъ настроеніи. О. намѣстникъ предложилъ пройти въ Ближнія Пещеры не черезъ галерею, а черезъ садъ. Съ сада открывался восхитительный видъ на горы, на Лаврскіе храмы и пещеры, на Днѣпръ и Заднѣпровье. О. Іоаннъ въ величайшемъ нервномъ напряженіи спросилъ: *гдѣ-же, гдѣ-же пещеры?* Ему указали. Мгновенно все его существо озарилось огнемъ благоговѣнія. Онъ остановился и, обратившись въ сторону пещеръ, громко

воскликнулъ: *отцы святыя, міра отвергшіеся и Христа возлюбившіе, Христосъ воскресъ!* Онъ обращался къ угодникамъ Печерскимъ, какъ къ живымъ людямъ, и это чувство близости и единенія съ ними не оставляло о. Іоанна все время, пока онъ находился въ стѣнахъ Лавры. Спустившись въ Пещеры, о. Іоаннъ все время громко молился. Молитва его носила характеръ пламенныхъ импровизаций, въ которыхъ выражалось удивленіе, благоговѣніе и мольба къ Печерскимъ угодникамъ. Они когда-то были обыкновенными людьми, жили и подвизались здѣсь,—на этомъ самомъ мѣстѣ, тутъ они оставили слѣды своей жизни, своихъ трудовъ, своего благочестія. Они представляютъ собою образцы тѣхъ добродѣтелей, того нравственного самоусовершенствованія, которое составляло и составляетъ цѣль и задачу его собственной жизни. Теперь, на 63-мъ году своей жизни, онъ впервые присутствуетъ на мѣстѣ ихъ подвиговъ, гдѣ всюду находятся слѣды ихъ жизни, ихъ дѣятельности, ихъ подвиговъ. Такими словами можно передать настроеніе о. Іоанна. Онъ пламенно молился. *О, други Божіи, други Божіи*, часто повторялъ онъ. *Святой Павелъ, дитя послушанія! научи насъ послушанію*, молился онъ у мощей Павла Послушливаго. *Святый Іоаннъ, страсти сожегшій! научи насъ горѣть пламенемъ любви*, молился онъ у мощей Іоанна Многострадальнаго. Повсюду молитва его носила характеръ необычайной простоты и силы. По временамъ онъ умолкалъ, и изъ груди его вырвались лишь мимолетные тихіе вздохи, столь характерные для о. Іоанна и свидѣтельствующіе о глубокомъ душевномъ умиленіи, не требующемъ словъ. Посѣтивъ келію и церковь Антонія и Θεодосія, онъ былъ особенно одушевленъ. У выхода изъ Ближнихъ Пещеръ о. Іоаннъ обернулся и произнесъ: *о мудрецы, о философы, міръ удивившіе!* Въ Великой церкви, поклонившись мощамъ Михаила, перваго митрополита Кіевскаго, о. Іоаннъ отступилъ и громко воскликнулъ, какъ къ живому человѣку: *Первоначальникъ вѣры, Святитель Божій, воззри, сколько духовныхъ чадъ твоихъ—вся Русь православная!*

Возвышенное настроеніе не покидало о. Іоанна и во время перехода изъ Ближнихъ Пещеръ въ Дальнія. Шли по галлареѣ, о. Іоаннъ шелъ съ такою быстротою, что спутники едва поспѣвали за нимъ. Онъ былъ молчаливъ и горѣлъ огнемъ внутренняго одушевленія... Круто спускались по длинной лѣстницѣ, примыкающей къ церкви Дальнихъ Пещеръ. Вдругъ откуда-то съ большой высоты послышались молящіе вопли тысячи голосовъ! *Отецъ Іоаннъ благоволитъ!* Съ минуту о. Іоаннъ искалъ взоромъ народъ... Черезъ желѣзную рѣшетку окна, находившагося на высотѣ нѣсколькихъ саженей, откуда пробивался слабый свѣтъ—просовывались десятки рукъ и видѣлась масса людей. На огромной высотѣ, какъ птицы небесныя, люди лѣпились у окна, ища видѣть о. Іоанна и получить его благословеніе.

Въ этотъ день о. Іоаннъ посѣтилъ одну больную образованную женщину, которая очень страдала физически и нравственно. Она была больна ракомъ матки и знала о неизлѣчимости болѣзни. Она стремилась видѣть о. Іоанна для нравственнаго успокоенія. Онъ посѣтилъ ее, онъ былъ простъ въ своихъ словахъ. Онъ сказалъ, что не можетъ исполнить ее, такъ какъ не обладаетъ ни искусствомъ, ни силой исполненія, но можетъ вмѣстѣ съ нею горячемолюбиться—и онъ сдѣлалъ это.

По этому случаю намъ вспоминается небольшой разговоръ, который мы имѣли съ покойнымъ Ѳ. М. Достоевскимъ. Говоря о массѣ своей литературной работы, онъ добавилъ—«а вотъ и еще работа—отвѣчать на письма. Вотъ пишетъ молодая дѣвица изъ Воронежа, описывая свое душевное состояніе, проситъ отвѣта, а вотъ другое письмо, вотъ третье, иной разъ до десяти писемъ въ день... что я имъ, я ихъ не знаю, но они умоляютъ дать отвѣтъ, надо отвѣчать. Человѣкъ не можетъ жить безъ человѣка, прежде съ этимъ обращались къ духовнымъ лицамъ, теперь къ намъ, литераторамъ, закончилъ онъ».

Очевидно, что необходимъ такой человѣкъ, который бралъ-бы

на себя нравственную тяготу, взялъ-бы на себя страданія людей. Такимъ человѣкомъ сталъ въ наши дни о. Іоаннъ.

Возвращаясь изъ Лавры, о. Іоаннъ посѣтилъ Женское Духовное Училище. Онъ явился сюда, озаренный всѣмъ, что было испытано въ Лаврѣ. Собранныя въ церкви воспитанницы училища были особенно серьезно настроены, судя по тому, что онѣ сохраняли, не смотря на общее возбужденіе, порядокъ почти столь-же полный, какъ тотъ, который замѣчался въ Лаврѣ, гдѣ при одномъ напоминаніи намѣстника о послушаніи, какъ первомъ долгѣ монаха, братія соблюдала порядокъ. Дѣти, не смотря на видимую сдержанность, чувствовали полнымъ сердцемъ присутствіе въ ихъ средѣ необыкновеннаго человѣка. Помолившись у мѣстныхъ иконъ церкви, о. Іоаннъ обратился къ дѣтямъ и, окинувъ ихъ испытующимъ взоромъ, произнесъ громко, торжественнымъ голосомъ: *милыя дѣти, цвѣтуція здоровьемъ и красотою! Христосъ Воскресе!..* О. Іоаннъ сказалъ воспитанницамъ нѣсколько поучительныхъ словъ; изъясненіе радости и восторга воспитанницъ, не смотря на ихъ сдержанность, было глубоко и трогательно. Съ тѣми изъ воспитанницъ, которыхъ о. Іоаннъ лично благословилъ, онъ былъ въ высшей степени нѣженъ, прося передать его любовь всѣмъ остальнымъ.

Въ этотъ день вечеромъ о. Іоаннъ уѣхалъ изъ Кіева въ Курскъ. Публикѣ не былъ извѣстенъ день отъѣзда и, не смотря на то, на вокзалѣ собралась масса народа провожать о. Іоанна. Публика соблюдала образцовый порядокъ. Когда о. Іоаннъ показался у выхода, всѣ обнажили головы, прося благословенія. Настроеніе публики, провожавшей о. Іоанна, можно охарактеризовать словомъ: *благоговѣніе*. По обѣ стороны поѣзда стояли густыя массы публики, треть которой составляли воспитанники учебныхъ заведеній и преимущественно студенты Академіи и Университета. О. Іоаннъ, по просьбѣ публики, переходилъ то къ одному, то къ другому окну, благословляя провожающихъ. Въ проходахъ ничего не было шум-

наго, все было тихо, но во всемъ было столько сердца, столько задушевности, столько простоты и величія, что несомнѣнно—Кіевъ пережилъ глубокія душевныя минуты.

Но что-же это за человѣкъ, который способенъ вызвать такія необыкновенныя и единопущныя проявленія у множества людей? Что ищутъ люди, чего домогаются, когда, собираясь массами, благоговѣйно стоятъ, какъ въ церкви, по цѣлымъ часамъ, часто по цѣлымъ ночамъ въ ожиданіи увидѣть *его*, услышать *его* голосъ, получить благословеніе?

Не толпа ищетъ о. Іоанна, но люди всякаго званія, всякаго образованія и всѣхъ возрастовъ. Вы увидите здѣсь и образованнаго человѣка и чернорабочаго, профессора и студента; вы увидите взрослыхъ и дѣтей, господъ и ихъ прислугу; увидите скромныхъ труженицъ и падшихъ женщинъ; увидите больныхъ, истеричныхъ испорченныхъ и преступныхъ людей. Вы встрѣтите здѣсь различныя религіи, различныя національности. Всѣхъ приводитъ къ о. Іоанну одно и то же чувство и несомнѣнно—хорошее чувство. Оно заставляетъ людей, пріѣхавшихъ въ каретахъ, выйти изъ экипажа и стать рядомъ съ обыкновеннымъ сѣрымъ человѣкомъ; оно объединяетъ господъ и ихъ прислугу; оно побуждаетъ истерическихъ и капризныхъ женщинъ оставить свои капризы и притворство; оно поднимаетъ падшую женщину изъ грязи и дѣлаетъ ее человекомъ. Это Божья искра, это стремленіе къ идеалу! Вотъ что влечетъ людей къ о. Іоанну. Въ его присутствіи у самаго дурного, самаго одичалаго человѣка пробуждается совѣсть, а у всѣхъ не-испорченныхъ людей освѣжаются и оживляются лучшія, идеальныя стороны ихъ характера. О Іоаннъ, столь чуткій и отзывчивый ко-всѣмъ лучшимъ проявленіямъ человѣческой природы, приходитъ въ умиленіе отъ возвышеннаго настроенія народныхъ массъ, обнаруживаемаго въ его присутствіи. *О, милые кіевляне и кіевлянки, о добрые кіевляне!* говорилъ онъ при видѣ высокихъ чувствъ у тысячъ людей. *И здѣсь то же, что по цѣлой Россіи, тотъ-же*

духъ, то же благочестіе, говорилъ онъ. Часто онъ бывалъ глубоко тронутъ проявленіями сердечности и благоговѣнія. *Добрый русскій народъ, его любовь такъ и брызжетъ... есть-ли въ свѣтъ народъ искреннѣе и добрѣе русскаго народа?* говорилъ онъ. Приведенные отзывы, высказанные такимъ тончайшимъ діагностомъ душевныхъ движеній, какимъ является о. Іоаннъ, имѣютъ особое значеніе. Впрочемъ, и для обыкновеннаго человѣка вполне ясно, что массы, группирующіяся вокругъ о. Іоанна, одушевлены лучшими, возвышенными стремленіями.

II.

Поѣздка въ Харьковъ, хотя и описана менѣе глубокимъ наблюдателемъ, однако очень интересна.

Поѣздка до Москвы, рассказываетъ Затонскій, представляла обычную картину встрѣчъ, но не то стало твориться на ближайшихъ къ Харькову станціяхъ, которыя биткомъ были набиты народомъ еще задолго до прихода поѣзда; отецъ Іоаннъ выслушивалъ массу просьбъ, причемъ многіе умоляли о посѣщеніи, чего, при всемъ желаніи, почтенный пастырь исполнить не могъ, такъ какъ были взяты билеты прямого сообщенія.

Между прочимъ, отецъ Іоаннъ былъ приглашенъ къ одному изъ харьковскихъ помѣщиковъ, П. Рыжову креститъ ожидаемаго младенца. Г. Рыжовъ встрѣтилъ отца Іоанна еще въ Курскѣ и и услышалъ отъ него замѣчательное извѣстіе. Въ минувшую ночь почтенный пастырь видѣлъ сонъ, будто у Рыжова родился сынъ, былъ крещенъ и названъ Борисомъ. Сонъ этотъ впоследствии сбылся.

Въ Харьковѣ на вокзалѣ до того было многолюдно, что желѣзнодорожная администрація вынуждена была, въ виду охраненія отца Іоанна отъ давки, отцѣпить его вагонъ и, переводъ на запасный путь, прицѣпить къ поѣзду, отходящему въ Полтаву.

На ближайшей отъ Харькова станціи «Рыжово» вагонъ былъ отцѣпленъ, и отецъ Іоаннъ, сопровождаемый несмѣтной толпой народа, отправился въ имѣніе «Рыжовка», гдѣ для него былъ приготовленъ въ саду домикъ-особнякъ на все время его пребыванія въ Харьковѣ.

Въ первые дни отцу Іоанну жилось въ «Рыжовкѣ» относительно тихо и спокойно, но что началось черезъ два-три дня, описать невозможно. Надобно было самому быть свидѣтелемъ пребыванія отца Іоанна въ «Рыжовкѣ», чтобы составить себѣ полное понятіе о томъ, что тамъ въ эти дни творилось. Первымъ результатомъ его пребыванія было то, что цвѣты и клумбы въ саду имѣнія были потоптаны и стерты съ лица земли, краснорѣчиво указывая на громадное стеченіе публики.

И вотъ, вмѣсто отдыха, для отца Іоанна начались тѣ-же трудовые дни, какіе онъ проводитъ, какъ мы видѣли, въ Кронштадтѣ и Петербургѣ...

За время пребыванія отца Іоанна въ имѣніи «Рыжовка» перепребывало народу примѣрно до 100 тысячъ человѣкъ. Бывали дни, когда подъ благословеніе его подходило по 7—8 тысячъ человѣкъ въ день. Послѣ первыхъ двухъ дней, какъ мы говорили выше, «Рыжовка» очутилась буквально въ осадномъ положеніи. Тысячи народа располагались лагеремъ около имѣнія. Тутъ и чай пили, и закусывали, и спали; нѣкоторые ожидали очереди по нѣскольکو сутокъ. «Рыжовка» находится въ 10 верстахъ отъ Харькова. Каждый поѣздъ привозилъ туда не менѣе 500 человѣкъ, такъ что, какъ мы слышали отъ администраціи дороги, на каждый поѣздъ выдавалось билетовъ столько, сколько въ другое время не продается и за два мѣсяца. Благодаря необыкновенному скопленію пассажировъ, къ поѣзду прицѣплялось по 10—12 добавочныхъ вагоновъ. Для поддержанія порядка былъ откомандированъ усиленный нарядъ полиціи. И такой переполохъ произошелъ вслѣдствіе пріѣзда обыкновеннаго, даже не столичнаго священника...

Еще задолго до прїѣзда отца Іоанна весь городъ говорилъ о немъ.

Онъ спасъ мою жену, можно было услышать отъ одного. Она уже умерла, всѣ доктора отказались лечить ее. Я послалъ ему телеграмму. «Молитесь, буду и я молиться», отвѣчалъ онъ. И вдругъ въ ея болѣзни произошелъ неожиданный переломъ, поразившій врачей, и она теперь совершенно здорова.

Онъ спасъ моего сына, говорилъ другой.

Такихъ разсказовъ сотни ходило по городу. И вотъ, когда отецъ Іоаннъ прїѣхалъ, онъ буквально былъ осажденъ просьбами посѣтить тотъ или другой домъ, гдѣ въ то время находились больные. Много трогательныхъ сценъ, по словамъ «Южнаго Края», можно было встрѣтить въ каждомъ изъ домовъ, посѣщавшихся почтеннымъ пастыремъ. Едва успѣвъ онъ куда-либо прїѣхать, на улицѣ сейчасъ вырастаетъ толпа. Многіе просятъ у хозяевъ позволенія войти, и если такое позволеніе получается,—комнаты быстро наполняются народомъ. Входитъ отецъ Іоаннъ. Присутствующіе окружаютъ его, тѣснятся, цѣлуютъ его руки, благоговѣйно подходятъ подъ благословеніе. Родители съ трогательнымъ довѣріемъ протягиваютъ къ нему своихъ маленькихъ дѣтей; многіе приводятъ больныхъ и увѣчныхъ, что бы онъ возложилъ на нихъ руки. И сколько умиленія, сколько ожиданія чего-то необычнаго сквозить во всѣхъ этихъ устремленныхъ на него взорахъ!

Вотъ молодая дѣвушка изъ интеллигентныхъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ она ждала отца Іоанна, но, тѣснимая толпою, она очутилась позади всѣхъ и со слезами смотритъ на добраго пастыря. Но вотъ о. Іоаннъ замѣчаетъ ее и подходитъ къ ней. Въ слезахъ опускается она на колѣни передъ кроткимъ служителемъ алтаря и прижимаетъ къ губамъ край его одежды. Отецъ Іоаннъ поднимаетъ ее, благословляетъ, цѣлуетъ въ лобъ, и она удаляется счастливая, умиленная, радостная.

— Батюшка!—раздается возлѣ отца Іоанна возгласъ какой-то женщины съ ребенкомъ на рукахъ:—благословите!—Больной.

Отець Іоаннъ гладить по головкѣ блѣдное, исхудалое дитя, потомъ наливаетъ изъ своего стакана на блюдечко чай.

— На, на, говоритъ онъ, поднося блюдо ко рту ребенка:— выпей-ка, выпей!

И ребенокъ послушно пьетъ чай изъ рукъ незнакомаго ему человѣка.

— Ничего,—благословляя, говоритъ отецъ Іоаннъ,— дасть Богъ, будетъ здоровъ.

Въ такихъ приблизительно выраженіяхъ корреспондентъ «Южнаго Края» описываетъ пребываніе досточтимаго пастыря въ чьемъ-либо домѣ.

«Еслибъ о. Іоаннъ рѣшился удовлетворить всѣхъ тѣхъ харьковскихъ жителей, добавляетъ онъ, которые хотѣли принять его у себя и помолиться съ нимъ въ своемъ домѣ,—пришлось бы прожить ему у насъ не полторы-двѣ недѣли, а нѣсколько мѣсяцевъ.

15-го Іюля, по настоянію харьковскаго архіепископа Амвросія, отецъ Іоаннъ служилъ литургію въ городскомъ соборѣ въ первый и единственный разъ, вслѣдствіе большихъ затрудненій отъ чрезмѣрнаго скопленія публики. Совершалъ онъ литургію въ сослуженіи всего городского духовенства, и «это была бѣда, а не служба» какъ выражается одинъ изъ очевидцевъ. Толпа напирала и едва не врывалась, подталкиваемая задними рядами въ алтарь. Пѣвчіе пѣли въ алтарѣ, въ алтарѣ же передъ парскими вратами дѣлались всѣ выходы. Желѣзныя рѣшетки въ соборѣ оказались поломанными натискомъ толпы. Съ трудомъ отецъ Іоаннъ выбрался изъ собора въ одномъ подрясникѣ и безъ шляпы.

Стеченіе народа вокругъ собора было необычайное. Вся площадь и прилегающія къ ней улицы сплошь переполнены были народомъ. Никакія полицейскія мѣры не могли водворить порядка. При такихъ условіяхъ понятно, почему, при всемъ своемъ желаніи, отецъ Іоаннъ не могъ принять приглашеній отъ нѣкото-

рыхъ настоятелей церквей и старость совершить богослуженіе въ которомъ-нибудь изъ городскихъ храмовъ.

По окончаніи божественной литургіи отецъ Іоаннъ посѣтилъ редакцію «Южнаго Края» и оттуда съ балкона благословилъ собравшійся на Николаевской площади народъ.

Вслѣдствіе упомянутой невозможности совершать молебствія въ церквахъ, отецъ Іоаннъ, не желя обидѣть харьковцевъ, рѣшился, по предложенію пресвященнаго Амвросія, отслужить 20 Іюля молебенъ на соборной площади.

Небывалое зрѣлище представляла собою въ этотъ день соборная площадь, а также и сосѣднія улицы и переулки. Народъ тѣснился такъ, что, по общепринятому выраженію, яблоку некуда было упасть. Всѣ крыши домовъ усыяны были желающими увидѣть всѣми обожаемаго кронштадтскаго пастыря. Картина вышла поразительная, напоминающая далекія времена первыхъ вѣковъ христіанства, когда молитвы нерѣдко совершались подъ открытымъ небомъ. Въ этотъ день, по увѣренію очевидцевъ, на молебствіи присутствовало болѣе 60 тысячъ человѣкъ. Энтузіазмъ народа возросъ до послѣдней степени, такъ что, послѣ провозглашенія многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, толпа не выдержала и крикнула «ура». Корреспондентъ «Южнаго Края» такъ описываетъ на другой день скопленіе народа 20 Іюля.

«Безъ преувеличенія можно сказать, что стеченіе народа вчера было такое же, какое обыкновенно бываетъ во время церемоніи перенесенія чудотворнаго образа Озеренской Божіей Матери, съ тою только разницею, что въ церемоніи этой участвуетъ масса пришлыхъ богомольцевъ, вчера же молящіеся принадлежали почти исключительно къ мѣстному населенію».

II.

Еще болѣе плодоноснымъ и грандіознымъ было путешествіе по Волгѣ въ 1894 г.

Крайними пунктами этого путешествія были—въ верховьяхъ царственной рѣки г. Угличъ, а въ низовьяхъ—г. Царицынъ. Такимъ образомъ было совершено путешествіе почти по всему протяженію Волги.

Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что это путешествіе о. Іоанна было злобою дня на всемъ Поволжьѣ и во все время, пока оно продолжалось. Все Поволжье подвиглось однимъ насущнымъ интересомъ, ради котораго обычная заурядная жизнь отошла на задній планъ. Много толковъ во всѣхъ слояхъ населенія вызвало это крупное, небывалое событіе и оставило послѣ себя всюду глубокой слѣдъ.

Мы считаемъ конечно излишнимъ перепечатывать подробно описаніе путешествія.

Возьмемъ только, отчасти изъ хранилища нашей собственной памяти, отчасти у другихъ нѣсколько картинокъ этого путешествія.

29 Іюня о. Іоаннъ прибылъ въ Саратовъ.

Въ день прибытія въ Саратовъ народъ съ утра уже двинулся къ пароходнымъ пристанямъ и толпился около архіерейскаго дома.

Въ 5 часовъ вечера раздался привальный свистокъ «Отважнаго». Лишь только пароходъ подошелъ къ пристани, о. Іоаннъ, стоя у борта верхней палубы, привѣтствовалъ г. губернатора князя Б. Б. Мещерскаго и всѣхъ встрѣчавшихъ: «здравствуйте, ваше сіятельство! Съ праздникомъ васъ! Я къ вамъ въ гости пріѣхалъ! Здравствуйте, православные! Здравствуйте сестры-монахини!» — «Милости просимъ» — отвѣчалъ на эти привѣтствія г. начальникъ губерніи, а нѣсколько человѣкъ изъ публики стали махать шляпами и платками. Когда поданы были сходни, на пароходъ вошли именитыя лица города и, поднявшись на рубку, подходили подъ благословеніе къ о. Іоанну, который цѣловалъ встрѣчавшихъ представителей города, и, на приглашеніе ихъ посѣтить Саратовъ, тотчасъ же отвѣчалъ своимъ полнымъ согласіемъ.

«Толпа зашевелилась, задрожала; болѣе благоразумные люди

отошли къ стѣнкамъ и периламъ. Еще минута, двѣ спокойныхъ, и трудно описать, что произошло. Какой-то стихійный потокъ, неистовые крики полицейскихъ: «дайте дорогу, пустите!»—смѣшивающіеся съ плачемъ и истеричными возгласами: «батюшка, благослови», вопли женщинъ и дѣтей, которыхъ чуть не задавили...

«Чистую» публику, стихійно бросившуюся за ними, тѣсня и давя другъ друга, еле удалось остановить. Внизу, на берегу надежная цѣпь полицейскихъ предохранила о. Іоанна и его свиту отъ давки. Онъ былъ быстро посаженъ въ карету, которая, съ нѣсколькими верховыми впереди, умчалась по направленію къ архіерейскому дому».

О степени энтузіазма, съ какимъ встрѣчалъ народъ о. Іоанна, можно судить напр. по тому, что одна женщина, не дождавшись еще совершенной остановки парохода, съ берега прямо въ одеждѣ бросилась въ воду, чтобы обратить на себя вниманіе и увидѣть батюшку.

Послѣ радушнаго и сердечнаго пріема у преосвященнѣйшаго Николая, епископа Саратовскаго и Царицынскаго, о. Іоаннъ вмѣстѣ съ владыкой выходилъ на балконъ къ народу, стоявшему густой толпой во дворѣ архіерейскаго дома и томимому ожиданіемъ получить его благословеніе, а затѣмъ отправился въ домовую крестовую церковь, гдѣ при огромномъ числѣ молящихся была совершена вечерня.

Нѣкоторые изъ народа провели всю ночь во дворѣ архіерейскаго дома, потому что о. Іоаннъ остался ночевать въ покояхъ его преосвященства.

Слѣдующій день пребыванія о. Іоанна въ Саратовѣ, «Саратовск. Лист.» описываетъ такъ:

30 іюня, въ 6^{1/2} часовъ раздался благовѣстъ къ утрени въ каедральномъ соборѣ. Вскорѣ со двора архіерейскаго дома выѣхала карета съ преосвященнымъ Николаемъ и о. Іоанномъ. Народъ окружилъ карету такой толпой, что лошади могли идти только шагомъ.

Около собора стояла такая плотная масса, что не было никакой возможности пробраться съ передняго входа, и преосвященному Николаю вмѣстѣ съ о. Іоанномъ съ трудомъ удалось пройти въ нижнее помѣщеніе собора, откуда они внутреннимъ ходомъ поднялись наверхъ. Въ церковь стали пускать народъ только тогда, когда уже началась заутреня. Толпа двигалась все ближе къ алтарю, желая увидѣть о. Іоанна. Многіе влѣзали даже на перила около клиросовъ. Снаружи вся площадь была заполнена народомъ. Нижняя часть колокольни, крыши надъ боковыми входными дверями, ограда бульвара—все было покрыто людьми.

«Литургію совершалъ о. Іоаннъ; послѣ нея начался молебенъ. Послѣдній, вѣроятно, предполагали служить на площади, но когда вынесли иконы на паперть, то увидѣли, что соборъ окружала такая масса, что нести иконы далѣе было нельзя. Пришлось молебенъ служить у входа. Народъ стѣною двинулся къ паперти. Послышались крики... По окончаніи молебна о. Іоаннъ благословилъ всѣхъ крестомъ, и процессія снова двинулась въ храмъ. По окончаніи обѣдни, карета съ о. Іоанномъ съ трудомъ прослѣдовала черезъ массы народа, несмотря на то, что впереди ѣхало 6 конныхъ стражниковъ. Народъ снова собрался около архіерейскаго дома, на балконъ котораго вышли скоро преосвященный съ о. Іоанномъ; послѣдній благословилъ народъ и благодарилъ за оказываемый ему пріемъ.

«Послѣ окончанія литургіи и молебна, о. Іоаннъ отбылъ въ квартиру г. начальника губерніи, а затѣмъ, по просьбѣ городского головы, заѣхалъ въ помѣщеніе управы и думы, куда приглашены были гласные съ семействами. Кромѣ гласныхъ сюда прибыла масса народа, такъ что залы думы были наполнены вплотную. По Московской и Полишейской улицамъ приостановилось движеніе. При входѣ въ помѣщеніе думы о. Іоаннъ громкимъ голосомъ привѣтствовалъ гласныхъ: «миръ вамъ, почтенные гласные! Здравствуйте, добрые люди!» Сюда-же прибылъ и преосвященный Николай,

сейчасъ-же отслуженъ былъ молебенъ при пѣніи пѣвчихъ Александровскаго училища. Послѣ молебна съ водосвятиемъ всѣ присутствующіе подходили ко кресту и о. Іоаннъ благословлялъ всѣхъ, а преосвященный кропилъ св. водою. Затѣмъ о. Іоаннъ и владыка вышли на балконъ и первый окропилъ всю толпу, стоявшую внизу. Толпа крестилась и просила благословенія; многіе кричали: «спасибо, родной! живи многія лѣта!..»

Пѣвчіе запѣли «Многая лѣта» и подъ ихъ пѣніе о. Іоаннъ отбылъ въ домъ г. Деханова, затѣмъ къ городскому головѣ и въ «Домъ Трудолюбія».

Вездѣ, конечно, посѣщеніе о. Іоанна являлось выдающимся событіемъ, вездѣ массы народа встрѣчали и провожали дорогого гостя. Проводы въ Саратовѣ по степени энтузіазма провожавшихъ, по своей грандіозности и при всемъ этомъ по замѣчательному порядку выдѣляются изъ ряда другихъ подобныхъ случаевъ, какіе намъ приходилось видѣть до сихъ поръ.

Къ назначенному для отъѣзда о. Іоанна времени къ «Самолетской» пристани собраны были въ помощь полиціи войска, которыя образовали по ту и другую сторону проѣзда на набережной цѣпь. Вмѣстѣ съ о. Іоанномъ на пристань прибыли самъ преосвященный епископъ Николай, г. начальникъ губерніи и прочія власти. Владыка и г. начальникъ губерніи вошли на пароходъ, и здѣсь сердечно простились съ о. Іоанномъ, который очень благодарилъ ихъ за радушный пріемъ. На пристани всѣ стояли съ непокрытыми головами, а когда, въ 3 часа дня, пароходъ тронулся, духовенство во главѣ съ архипастыремъ трижды пропѣло многолѣтіе въ честь отъѣзжавшаго гостя. Впечатлѣніе отъ этихъ торжественныхъ проводовъ получилось самое трогательное. Плакали не только прощавшіеся съ батюшкой, но и сопровождавшіе его не могли удерживать слезъ.

Въ воскресенье, 3-го іюля, утромъ, пароходъ «Отважный» остановился у пристани села Алексѣвки, Хвалынского уѣзда, Саратовской губ.

Вѣсть о прїѣздѣ о. Іоанна Кронштадтскаго быстро пронеслась по селу, наполняя неподдѣльною радостію сердца обитателей его. Многіе плакали и со слезами на глазахъ громко зывали: «Господи, откуда это намъ, за что Ты посылаешь намъ грѣшнымъ такую благодать?» Всюду заговорили про великаго гостя, многіе пришли къ своему батюшкѣ посовѣтоваться, какъ бы лучше встрѣтить его. Дѣйствительно, было надъ чѣмъ подумать. Церковь по случаю ремонта ея внутри вся была загромождена подмостками въ нѣсколько ярусовъ. Общимъ мнѣніемъ было положено подмостки разобрать и все привести въ должный порядокъ. Нисколько не мѣшая, было приступлено къ работѣ. Всѣ до того усердно работали, что къ 10 часамъ, сверхъ ожиданія, все было убрано и храмъ какъ бы обновился, все въ немъ приняло видъ благоприличія и благопристойности.

«На слѣдующій день, рано утромъ, въ 4-мъ часу еще, народъ сталъ собираться къ храму и здѣсь располагался въ двѣ линіи по тому направленію, откуда долженъ былъ проѣхать о. Іоаннъ. Въ массѣ сопедшагося народа замѣтно было не мало раскольниковъ, пришедшихъ посмотреть того, про кого слышали много, по ихъ мнѣнію, невѣроятнаго. Священникъ съ представителями общества с. Алексѣвки отправился на пароходную пристань, отстоящую отъ села почти въ двухъ верстахъ. Въ 6-мъ часу прїѣхалъ съ пароходной пристани нарочный и велѣлъ звонить къ утрени, сказавъ, что о. Іоаннъ Кронштадтскій прїѣхалъ. Когда раздался первый благовѣстъ большого колокола, то невольно дрогнули сердца всѣхъ присутствующихъ и, набожно крестясь, всѣ съ сіяющей на лицахъ радостію говорили: «Слава Богу, прїѣхалъ о. Іоаннъ Кронштадт-

скій». Пошло движеніе въ народѣ: каждый, толкая и тѣсняя другого, старался занять мѣсто повиднѣе и повыгоднѣе; каждому хотѣлось стать поближе къ дорогѣ, чтобы лучше разсмотрѣть о. Іоанна. Но вотъ по дорогѣ показался передовой (верховой жандармъ), а за нимъ и тройка... Заколыхалась масса народа, какъ бы гуль прошелъ по ней съ одного края до другого, и пронеслось: «ѣдетъ, ѣдетъ»!! Затѣмъ наступила мертвая тишина... Всѣ какъ бы замерли, опасаясь, какъ бы не проглядѣть дорогого гостя. Стоявшіе впереди, встрѣтивъ о. Іоанна, не хотѣли оставаться на мѣстѣ, но устремились за нимъ. Чѣмъ ближе приближался о. Іоаннъ къ церкви, тѣмъ болѣе росла толпа сзади него. Никому не хотѣлось отстать; почтенные старички и старушки позабыли про свою дряхлую старость и тутъ же въ толпѣ среди своихъ сыновъ и внуковъ бѣжали, не отставая отъ нихъ.

Когда поѣздъ остановился, густой толпой окружили крестьяне о. Іоанна и, не сводя съ него глазъ, съ умоляющимъ видомъ проसili у него благословенія. Весело и бодро вышелъ онъ изъ экипажа и благословлялъ всѣхъ подходившихъ, съ сіяющимъ и радостнымъ лицомъ вошелъ въ храмъ и, помолившись здѣсь, ласково привѣтствовалъ словами: «миръ всѣмъ, дорогіе мои братія и сестры!»

Благовѣсть замѣнился трезвономъ во вся.

Когда народъ, собравшись въ церковь, успокоился, началось всенощное, которое совершалъ іеромонахъ, сопровождающій о. Іоанна. Пѣли пѣвчіе изъ прихожанъ. Въ началѣ богослуженія отецъ Іоаннъ находился въ алтарѣ, когда же запѣли стихиры на «Господи воззвахъ», онъ въ епитрахили ярко-краснаго цвѣта вышелъ на клиросъ и вмѣстѣ съ пѣвчими пѣлъ. Невыразимо сильное впечатлѣніе на молящихся о. Іоаннъ произвелъ чтеніемъ предъ парскими вратами каноновъ св. Троицѣ и рядовыхъ воскресныхъ. Это было не простое чтеніе, а живое восторженное прославленіе Бога, соединенное съ плачемъ о грѣховности человѣческой природы. Во время чтенія душа внима-

тельного христіанина приходила то въ восторгъ и умиленіе, то падала подъ гнетомъ сознанія своей грѣховности, то снова возбуждалась и восторгалась, то опять поверглась въ слезный плачь о своихъ грѣхахъ... и такое возбужденное состояніе молящихся продолжалось во все богослуженіе. Вслѣдъ за утреней началась литургія, которая была отслужена соборнѣ о. Іоанномъ въ сослуженіи мѣстнаго священника А. Ѳеофорова, іеромонаха Геннадія и діакона В. Казанскаго, пріѣхавшаго изъ сосѣдняго села Апалихи.

Священный восторгъ и умиленіе при совершеніи литургіи незамѣтно отъ о. Іоанна переходили и на молящихся, такъ что всѣ они, горѣ имѣя сердца, едиными усты и единѣмъ сердцемъ со дерзновеніемъ славили Бога. Послѣ литургіи о. Іоаннъ съ крестомъ въ рукахъ вышелъ къ народу и, подпуская ко кресту, сказалъ присутствовавшимъ краткое, но сильное и убѣдительное наставленіе.

«Съ праздникомъ свѣтлаго Христова Воскресенія поздравляю васъ, братія и сестры, такъ началъ свою рѣчь о. Іоаннъ. Свѣтлая радость замѣтно играетъ на вашихъ лицахъ. Я желаю и молю Бога, чтобы радость ваша была чиста и свята. Я радуюсь, что вы радуетесь. Радуюсь и вмѣстѣ скорблю... Скорблю о нашей братіи отпадшей, о такъ называемыхъ старообрядцахъ, которыхъ въ вашемъ селѣ, какъ я слышалъ, очень много. Къ нимъ мое слово, слово истины и любви»... Въ дальнѣйшемъ наставленіи о. Іоаннъ выяснилъ, что внѣ Церкви православной нѣтъ спасенія, что отчужденіе отъ нея не останется безнаказаннымъ, что противленіе ея пастырямъ неминуемо влечетъ за собою вѣчную погибель, подобно тому, какъ въ Ветхомъ завѣтѣ погибли противники Моисея, Божія посланника. Въ заключеніе о. Іоаннъ обратился къ глаголемымъ старообрядцамъ съ слезнымъ воззваніемъ, чтобы они оставили свое пагубное упорство, не ходили-бы, какъ овцы безъ пастыря, но смѣло и безбоязненно слѣдовали голосу законныхъ церковныхъ пастырей, которые приведутъ ихъ въ жизнь вѣчную.

Послѣ этого, передавъ крестъ іеромонаху, о. Іоаннъ вошелъ въ

алтарь и здѣсь, стоя на колѣняхъ предъ престоломъ, положивъ на него руки, долго молча молился. Когда, окончивъ эту молитву, онъ вышелъ изъ алтаря, ему былъ представленъ мѣстный волостной старшина, руководитель старообрядцевъ безпоповцевъ, человѣкъ развитой и разсудительный. Батюшка спросилъ его, почему онъ пребываетъ въ расколѣ? Развѣ потому, что родители благословили на это? На утвердительный отвѣтъ старшины о. Іоаннъ сказалъ, что въ настоящемъ случаѣ и родительскимъ внушеніямъ нельзя слѣдовать, причемъ напомнилъ своему собесѣднику, что Спаситель, заповѣдавшій самоотверженную любовь ко всѣмъ людямъ, не только къ родителямъ, а даже ко врагамъ, въ то же время говорить: *аще кто грядетъ ко Мнѣ и не возненавидитъ отца своего, и мать, и жену, и чадъ, и братію, и сестеръ, еще же и душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лук. XIV, 26). На это старшина замѣтилъ, что все-таки трудно отстать отъ того, къ чему человѣкъ привыкъ съ малыхъ лѣтъ.—«Конечно, не легко, сказалъ на это о. Іоаннъ, потому что всякая привычка, какъ пьянство, табакокурение и проч. дѣлается для человѣка второю природою, но при усиліяхъ и при содѣйствіи Божіемъ возможно и необходимо преодолѣть всякую душевредную привычку». Съ отеческою нѣжностію именемъ Божіимъ убѣждалъ о. Іоаннъ своего собесѣдника, какъ родного сына, одуматься, оставить свое гибельное заблужденіе и перейти въ спасительное лоно православной Церкви. Видимо тронутый искренностью и сердечностію этой рѣчи, собесѣдникъ тутъ же выразилъ свое согласіе послѣдовать совѣтамъ о. Іоанна, сказавъ: «я очень радъ, что вижу васъ, батюшка!» и по обычаю православныхъ принялъ отъ него благословеніе и просилъ его молитвъ.

Вдохновенныя слова высокочтимаго пастыря, очевидная ихъ плодотворная дѣятельность и вообще необычайность случая не могли не произвести на присутствовавшихъ самаго сильнаго впечатлѣнія. Такъ какъ въ числѣ слушателей находились раскольники

разныхъ толковъ, то, конечно, нельзя было вдаваться въ разборъ какихъ либо отличительныхъ частныхъ того или другаго толка, чтобы рѣчь была для всѣхъ одинаково убѣдительна. То же, что было предметомъ краткаго собесѣдованія о. Іоанна, т. е. пребыванія въ расколѣ по примѣру и благословенію родительскому, есть доводъ, раздѣляемый и обыкновенно приводимый въ свою пользу почти всѣми раскольниками. Показать ясно и безъ многословія всю неосновательность этого довода, значить пошатнуть одинъ изъ коренныхъ устоевъ раскола. Быстрое же и очевидное признаніе правоты убѣжденій о. Іоанна со стороны лица, пользующагося по своему служебному положенію и по своимъ личнымъ достоинствамъ особеннымъ авторитетомъ и уваженіемъ въ глазахъ раскольниковъ, несомнѣнно еще болѣе усилило впечатлѣніе отъ словъ высокочтимаго пастыря.

Благословляя по пути всѣхъ подходившихъ, о. Іоаннъ изъ храма направился въ домъ мѣстнаго священника, которому вручилъ 100 р. для передачи одной бѣдной многосемейной женщинѣ, а отсюда, въ сопровожденіи причта отбылъ на пароходную пристань. Здѣсь уже многіе ожидали его прибытія и на берегу, и на пароходной конторкѣ, украшенной зеленью. Благословляя провожавшихъ, о. Іоаннъ раздавалъ и крестики. Въ 1-мъ часу дня пароходъ отплылъ, унося съ собой о. Іоанна, стоявшаго на верхней палубѣ. Оставшіеся на конторкѣ, сообщаетъ мѣстный корреспондентъ, смотрѣли вслѣдъ за удаляющимся пароходомъ дотолѣ, пока онъ не скрылся на поворотѣ. Мирно сталъ расходиться собравшійся народъ, говоря: «вотъ милость-то Божія! Кого Богъ привелъ видѣть-то!»

IV.

Въ Казань о. Іоаннъ пріѣхалъ 6 іюля. Еще наканунѣ ожидаемаго пріѣзда «съ 8 часовъ вечера Самолетская пристань на Волгѣ начала переполняться громадною массою народа, которая росла

все болѣе и болѣе. Весь путь отъ Казани до Устья всю ночь до утра былъ усьянъ пѣшеходами, экипажами; вагоны конно-желѣзной дороги, отходя одинъ вслѣдъ за другимъ, не могли вмѣщать желающихъ ѣхать. Къ разсвѣту не только Самолетская пристань, но и весь Приволжскій берегъ былъ сплошь усьянъ народомъ, не спавшимъ всю ночь и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ направлявшимъ постоянно свой взоръ на низовую часть Волги» ¹⁾

«Отважный» причалилъ къ пристани Казани, изображавшей собою одну лишь сплошную массу головъ, колыхавшуюся волнами. Только что о. Іоаннъ сошелъ на пристань, какъ буквально былъ сбитъ съ ногъ и стиснутъ громадной толпой. Стоявшіе впереди, взявшись за руки, образовали двѣ сплошныя цѣпи съ свободнымъ проходомъ. По мѣрѣ приближенія о. Іоанна къ приготовленнымъ экипажамъ напоръ толпы однако становился все сильнѣе, такъ что уже не было возможности сдержать ее. Сдавленный со всѣхъ сторонъ о. Іоаннъ медленно двигался впередъ, не отказывая однако никому въ благословеніи. Между прочимъ онъ съ особеннымъ радостнымъ чувствомъ благословилъ и расцѣловалъ одного ребенка, родители котораго, поднося его къ о. Іоанну, заявили ему, что этотъ ребенокъ спасенъ отъ явной смерти заочными молитвами уважаемаго пастыря». Съ необыкновенными усилиями о. Іоаннъ былъ извлеченъ, наконецъ, изъ тысячной толпы и буквально «внесенъ» въ коляску, куда рядомъ съ нимъ сѣлъ городской голова. Лишь только коляска, конвоируемая верховыми полицейскими стражниками, тронулась, за нею кинулась толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Нѣкоторые, съ явнымъ рискомъ бросались къ подножкѣ экипажа, схватывали и цѣловали руку о. Іоанна, прикасались къ его одеждѣ и затѣмъ подносили прикасавшуюся руку къ своимъ губамъ. Многіе становились на колѣна, творя крестное знаменіе.

¹⁾ Извлекаемъ эти и нѣкоторыя дальнѣйшія подробности изъ особо изданной (въ пользу учреждаемаго въ Казани „Дома Трудолюбія для нищихъ“) брошюры: „Посѣщеніе о. Іоанномъ Крошадтскимъ города Казани“. Казань, 1894 г.

Иные бросали въ коляску конверты. По всему пути отъ пристани до города и по всѣмъ улицамъ, по которымъ слѣдовалъ экипажъ о. Іоанна, народъ низкими поклонами привѣтствовалъ дорогого гостя. Такъ какъ архіепископъ Казанскій, высокопреосвященнѣйшій Владиміръ, находился въ это время въ загородномъ архіерейскомъ домѣ, въ 5 верстахъ отъ города, то о. Іоаннъ прежде всего и поѣхалъ туда, чтобы испросить благословеніе владыки на церковное служеніе въ Казани. Архипастырь любезно принялъ о. Іоанна, благословилъ его служить въ Благовѣщенскомъ кафедральномъ соборѣ и послѣ кратковременной бесѣды также любезно простился съ нимъ, проводивъ его до экипажа. На обратномъ пути въ соборъ о. Іоаннъ заѣзжалъ въ женскій монастырь и здѣсь прикладывался къ чудотворной Казанской иконѣ Божіей матери при гнѣніи сестрами обители тропаря. Предъ иконой была имъ поставлена свѣча, а нищимъ стоявшимъ на паперти онъ давалъ по 1 р. Быстро храмъ наполнился народомъ; собрались и всѣ сестры обители съ настоятельницею-игуменіей, которая поднесла о. Іоанну изящно исполненную копію съ Казанской иконы Божіей Матери.

На всѣхъ перекресткахъ улицъ, по которымъ слѣдовалъ экипажъ о. Іоанна, стояли цѣлыя толпы. Тутъ оказалось такое стеченіе народа, что экипажъ не могъ подъѣхать и стоило чрезвычайныхъ усилій вырвать и вынести о. Іоанна, поднятаго и увлекаемаго толпой, которая бросилась вслѣдъ за умчавшимся экипажемъ. Послѣ молебна у г-жи Х. о. Іоаннъ обѣдалъ у одного изъ самыхъ уважаемыхъ гражданъ Казани Черноярова. На этомъ обѣдѣ о. Іоаннъ между прочимъ сказалъ, по приблизительной передачѣ указанной нами брошюры, слѣдующее. «Въ каждомъ человѣкѣ Богомъ насаждено религіозное чувство, которое по свойству своему должно выражаться во внѣшней формѣ, должно изливаться такъ или иначе наружу,—это неудержимое свойство cadaго человѣка. Благодаря Господу, онъ (о. Іоаннъ) надѣленъ божественнымъ милосердіемъ, выражающимся въ особенности вызывать въ народѣ это религіоз-

ное чувство, чѣмъ онъ безконечно счастливъ и за что онъ безпрестанно благодаритъ Бога». Во все время обѣда, который продолжался болѣе часа, не переставали подходить къ батюшкѣ для благословенія и подводить къ нему больныхъ и дѣтей. О. Іоаннъ всѣмъ преподавалъ соотвѣтствующее успокоеніе и всѣхъ благословлялъ. Во время обѣда же было получено приглашеніе отъ преосвященнаго Анастасія. Поэтому, когда окончился обѣдъ, о. Іоаннъ, распростившись съ гостепріимными хозяевами, немедленно отправился опять съ городскимъ головой въ Спасскій монастырь, гдѣ имѣеть мѣстопробываніе викарный преосвященный. Внимательно и любезно принятый владыкой, о. Іоаннъ бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ около четверти часа. Конечно, и къ архіерейскому помѣщенію тотчасъ же нахлынула толпа народа. Отсюда о. Іоаннъ рѣшилъ возвратиться на парходъ. Въ почтовую коляску, запряженную четверикомъ и окруженную полицейскимъ конвоемъ сѣли рядомъ съ о. Іоанномъ городской голова, спереди іеромонахъ и псаломщикъ, а на подножкѣ съ обнаженной головой, стоя, до самаго Устья ѣхалъ г. полиціймейстеръ. Вся дорога до Устья и все Устье сплошь были покрыты народомъ. По спуску пристани, у которой стоялъ «Отважный», были шпалерами расположены солдаты. Впрочемъ, несмотря на это, нѣкоторые изъ публики успѣли подойти подъ благословеніе еще на берегу, а иные проникли даже на парходъ. Замѣчательно, что одинъ татаринъ былъ очень доволенъ, что ему удалось получить благословеніе о. Іоанна. На парходѣ находились городскія власти и нѣкоторые представители отъ духовенства съ о. ректоромъ духовной семинаріи. «О. Іоаннъ, несмотря на утомленіе, остался чрезвычайно доволенъ своимъ посѣщеніемъ Казани, горячо благодарилъ городского голову, благословилъ его образомъ, призывая благодать Божію на дальнѣйшее управленіе его «просвѣщеннымъ, столь значительнымъ и благочестивымъ городомъ», коему пожелалъ «истиннаго счастья и божественнаго покрова».

Послѣ обычнаго третьяго свистка «Отважный», приблизительно

часу въ 6-мъ, тронулся вверхъ по Волгѣ, сопровождаемый казеннымъ пароходомъ «Свѣга» съ городскимъ головой и нѣсколькими пассажирами. Тысячи людей, сплошь устѣявшихъ берегъ Устья, пароходныя пристани, разныя судна и лодки, съ обнаженными головами и низкими поклонами, молча, провожали отходящій пароходъ, на верхней палубѣ котораго, творя молитву, стоялъ дорогой путешественникъ. «Пристань, устѣянная народомъ, уже почти исчезала изъ вида, а о. Іоаннъ, ярко озаренный красными лучами заходящаго за высокія волжскія горы солнца, стоялъ вдохновенный на палубѣ, высоко поднявъ лѣвую руку съ своей соломенной шляпой, а правой совершая крестное знаменіе»...

V.

1894 года, кажется—4 іюля, о. Іоаннъ былъ въ моемъ родномъ городѣ. Слухъ о томъ, что о. Іоаннъ пріѣдетъ къ ночи въ Симбирскъ, распространился въ городѣ, около 4—5 часовъ вечера. Почти тотчасъ началось паломничество: шли по одиночкѣ, кучками, цѣлыми толпами. Къ 6 часамъ подгорье было запружено народомъ. Часовъ въ 7 получили извѣстіе, что о. Іоаннъ пріѣдетъ часамъ къ 12, но народъ не расходился, а прибывалъ. Въ 12 часовъ показался «Отважный» вмѣстѣ съ Симбирскимъ пароходомъ «Энергичный», на которомъ Симбирская знать встрѣчала о. Іоанна. Народъ встрѣтилъ пароходъ съ огромнымъ энтузіазмомъ. Подгорье напоминало... пасхальную ночь: загорѣлись костры, народъ возбужденный и радостный готовъ былъ цѣловаться съ первымъ встрѣчнымъ. Когда пароходъ присталъ къ пристани, толпа странно смолкла: ждали; можно было слышать бѣеніе собственного сердца...

Тихо... тихо. О. Іоаннъ не захотѣлъ выдти съ парохода и, привѣтствовавъ собравшихся, заявилъ, что будетъ служить обѣдню завтра, благословилъ народъ и ушелъ въ свои каюты. Народъ сталъ расходиться по домамъ, но многіе остались ночевать...

Что эта была за ночь! Мнѣ она памятна и доселѣ. Народъ расположился на ночлегъ на берегу. Число костровъ увеличилось. Многіе улеглись спать, но многіе рѣшились бодрствовать всю ночь. Имъ казалось, что въ канунъ такого свѣтлаго дня нельзя спать. И оригинально-свято было это «всенощное бдѣніе». Кто-то тихонько запѣлъ «Святый Боже»... Около пѣвца собрались добровольцы, цѣлый хоръ. Пѣли тихо, тихо, точно боясь разогнать очарованіе молчаливой ночи. Послѣ «Трисвятого» запѣли «Достойно», и начали какіе-то тягучіе мелодическіе канты. Одна группа расположилась такъ, чтобы видѣть отъѣхавшій отъ пристани пароходъ и безъ словъ смотрѣла,—если можно такъ сказать, молитвенно на свѣтлую точку въ каютѣ батюшки.

Огонекъ погасъ, но группа смотрѣла... Темно, но все еще чудилось, что оттуда свѣтитъ, не вѣрилось, что тамъ, гдѣ о. Іоаннъ, можетъ быть темно. Было около 3 часовъ, когда я, утомившійся за день, забылся. И передъ сномъ все время доносилось до меня тихое пѣніе.

Въ 6 часовъ толпа была уже на ногахъ. О. Іоаннъ вышелъ изъ своей каюты и сталъ спускаться по мостику. Народъ двинулся туда. Плакали, хватались за его рясу. Какая-то мать поднесла ребенка, лѣтъ двухъ. О. Іоаннъ быстро схватилъ его на руки, благословилъ, поцѣловалъ и отдалъ назадъ. Меня охватило движеніе толпы. Я вмѣстѣ съ ней бросился туда же, хотя, какъ я уже говорилъ публично, въ это время я стоялъ дальше чѣмъ на распутияхъ вѣры и невѣрія: вѣра была глубоко подорвана, почти вытравлена систематическимъ чтеніемъ въ направленіи отрицательномъ.

И вотъ я увидѣлъ его, окруженнаго народомъ.

Глаза людей смотрѣли на него, и въ нихъ были видны радость, восторгъ и умиленіе. Слезы лились у многихъ. Что это было? Будто нашли они что-то знакомое, родное, но до сихъ поръ затаенное на днѣ души cadaго; не въ себѣ нашли, въ другомъ, но это все равно; почувствовали они, что можетъ быть человекъ

прекрасенъ, и есть такой человекъ, и вотъ онъ стоитъ передъ ними. И все, что было въ каждомъ прекраснаго, все это поднялось у нихъ, и они облили свой идеаль слезами восторга и радости. О. Іоаннъ сталъ говорить. «Утверждаютъ, будто не повторяются въ церкви нашей теперь евангельскія сцены. Нѣтъ, это несомнѣнно была евангельская сцена. Онъ говоритъ искренно и просто о томъ, что радъ видѣть насъ, что желаетъ намъ всего лучшаго и счастливъ, видя, что мы вѣруемъ въ Бога и Христа Его. Народъ замеръ. Глаза блестѣли отъ слезъ добрыхъ, блаженныхъ, счастливыхъ. Если бы напряженность вѣры и святой радости вѣсились на вѣсахъ Божіей правды, я думаю—этотъ моментъ былъ бы показателемъ великой вѣры нашего города. Если бы въ ту минуту о. Іоаннъ сказалъ этимъ людямъ, чтобы они оставили все и пошли за нимъ, я убѣжденъ, многіе бы пошли за нимъ. Такихъ словъ не было сказано, но ясно, что прикоснувшись краемъ, только краемъ къ святому и правдивому, эти люди стали оживать. И вотъ тогда-то и я ожилъ. Этотъ взглядъ, эта рѣчь, этотъ народъ слушающій были для меня главнымъ доводомъ въ пользу Бога и христіанства, въ пользу жизни вообще и жизни въ церкви. «Пришелъ служитель Христовъ, обвѣянный правдой Божіей, и въ людяхъ заговорилъ прекрасный и благой духъ Христовъ и невѣдующимъ открылся Богъ».

Случайно или нѣтъ, сказать не смѣю, меня коснулись руки о. Іоанна, и я услышалъ его голосъ: «бѣдный!» А не ручаюсь даже, ко мнѣ-ли относились эти слова, да это и не было важно. Прикосновение о. Іоанна говорило то же. Въ немъ были и жалость, и успокоеніе.

Толпа оттиснула меня въ сторону. Въ туманѣ я не видѣлъ, что было дальше. А когда я очнулся; о. Іоанна уже не было... Не было «тумана», сіяло яркое солнце.

Да «души святыя среди шумнаго міра, какъ чудныя келіи, озарены любовью, полны мольбой, тайной и святостью, и свѣтятъ намъ». (Апокрифъ).

Вѣсть о томъ, что о. Іоаннъ будетъ служить въ кафедральномъ соборѣ, быстро облетѣла городъ. Съ ранняго утра, 5-го іюля, народъ массами началъ собираться на соборную площадь. Описать, что дѣлалось въ народѣ, невозможно! Такіе моменты не описываютъ, а чувствуютъ, говорить объ этомъ тотъ же корреспондентъ.

Въ 7 часу за о. Іоанномъ пріѣхалъ самъ г. губернаторъ. Батюшка уже на пристани былъ съ народомъ. Утреню и вслѣдъ за нею литургію, конечно, при огромномъ стеченіи народа, онъ совершилъ въ соборѣ въ сослуженіи 10 священниковъ, а по окончаніи литургіи—молебствіе на особо устроенномъ помостѣ среди площади. Выходъ на площадь снова напомнилъ что то библейское, это было умиленное, чудное зрѣлище: бѣдные и больные бросились къ ногамъ отца Іоанна, матери со слезами умиленія поднимали на рукахъ своихъ дѣтей, дѣти простирали къ нему руки,—всеъ зывали къ избраннику Божию о помощи и утѣшеніи. Отецъ Іоаннъ, видимо, сильно возбужденный и какъ бы приподнятый надъ уровнемъ обычнаго состоянія духа послѣ высочайшихъ моментовъ живого, сердечнаго общенія съ Богомъ черезъ умиленную молитву, исполненный Духа Святого отъ тѣснѣйшаго общенія съ Нимъ, въ таинствѣ искренно совершенной имъ евхаристіи (причащеніе), предстоялъ народу въ величіи безхитросной прямоты вѣры, въ неотразимой обаятельности небесной чистоты и въ могуществѣ всепобѣждающей силы Божественной любви. Это былъ моментъ, наиболѣе ясно и наглядно показывавшій, въ чемъ кроется сущность и сила неотразимаго обаянія сего молитвенника церкви Христовой, и почему такъ естественнымъ является повсемѣстное, не иначе, какъ восторженно-умиленное всенародное преклоненіе предъ этой могучей христіански-нравственной силой. Этотъ моментъ достоинъ того, чтобы на немъ остановиться, хотя, надо замѣтить, слово человеческое здѣсь является безсильнымъ. Отойдя отъ алтаря Господня, гдѣ отецъ Іоаннъ только что пребывалъ въ личномъ, живомъ, посредствуемомъ церковными формами, общеніи съ Верхов-

нымъ Личнымъ Существомъ, онъ казался явившимся изъ страны свѣта и правды, милости, любви и добра. Глядя на истиннаго Божія служителя въ этотъ моментъ, всякій безпристрастный человѣкъ видѣлъ, что это былъ, по сравненію съ обыкновенными людьми, просто «истинный человѣкъ, посланный Богомъ въ міръ грѣшныхъ и скорбныхъ людей, весь прозрачный въ дѣтской чистотѣ, до-вѣрчивый, благожелательный, любвеобильный, но сильный и твердый въ своей чистотѣ. На немъ былъ отпечатокъ того Личнаго Духа, Который съ кроткою любовію, но вмѣстѣ и властнымъ спокойствіемъ свободно взиралъ черезъ него на мятущуюся въ грѣхахъ и скорбяхъ, въ земныхъ заботахъ и вожделѣніяхъ толпу людей, людей, удрученныхъ бременемъ самоохотныхъ стремленій, склоняющихся предъ обиліемъ духовнаго свѣта и величіемъ нравственной силы и ищущихъ лишь какъ милости, прощенія и освѣженія, утѣшенія и подкрѣпленія. Предъ народомъ стоялъ живой, отъ людей взятый и ограниченный, какъ и всякій человѣкъ, но болѣе другихъ очищенный искреннимъ покаяніемъ, искреннею вѣрою, искреннимъ принятіемъ отъ церкви таинства и молитвы при чистотѣ жизни, образъ Того, Кто сотворилъ по Своему образу и всякаго человѣка. Казалось, этотъ человѣкъ указанными очистительными средствами какъ бы стряхнулъ съ себя пыль земного и плотскаго мудрованія и, поправъ гибельное лукавство безразсудныхъ сомнѣній, выступалъ предъ всѣми съ расширеннымъ умомъ, сердцемъ и волею. Онъ ввелъ указанными средствами въ свой духовный міръ новое положительное и свѣтлое содержаніе, сдѣлавшее его человѣкомъ въ лучшемъ, преимущественномъ предъ многими другими, смыслѣ этого слова, болѣе отображающемъ въ себѣ Бога, избраннымъ сосудомъ Его благодати и силы. И въ то же время, сколько въ немъ было глубокаго смиренія, доброты и милосердія ко всѣмъ! «Здравствуйте, братья и сестры!» говорилъ онъ; «здравствуйте, отцы, матери и дѣти, здравствуйте, друзья!» Вы, какъ бы слышалось въ этихъ обращеніяхъ, тѣ же образы

Того же Общаго нашего Отца, Личнаго, Свободнаго Бога. Да, эти ласковыя слова «отцы, матери, братья, сестры и дѣти» прозвучали въ совѣсти многихъ и многихъ людей, какъ неподобный по кротости, но могучій глубокій призывъ къ братству и родству въ Богѣ любви, чистоты и правды, какъ упрека царствующему въ мірѣ внутренно—разъединяющему людей грѣху и рабству страстямъ, лишившему самыя эти слова въ устахъ людей истиннаго ихъ содержанія, оставивъ лишь форму. Когда отецъ Іоаннъ говорилъ это народу, въ его огненныхъ, но отеческихъ добрыхъ глазахъ и въ каждомъ его движеніи сквозилъ пронизывающій душу свѣтъ «снопъ лучей», по выраженію о. П. изъ Кронштадта. Этотъ взоръ не всякій могъ выдерживать, а равнодушнымъ оставаться не могъ никто. Слезы и крики народа христіанскаго и не христіанскаго служили тому доказательствомъ. Отецъ Іоаннъ торопливо, но отечески-нѣжно ласкалъ и какъ бы принималъ къ своей чистой душѣ эти многочисленные образы Божіи, своихъ «братьевъ и сестеръ», всѣмъ отъ полноты души благожелалъ, всѣхъ благословлялъ, бѣднымъ отдавалъ то, что ему приносили на молитву и поминовеніе. Это была картина истиннаго христіанства, созданная не вновь и, не впервые совершающаяся предъ глазами людей, а уже въ миллионный разъ воспроизводимая воочию міра отъ начала христіанства чистыми душами искренно жившихъ и живущихъ въ Богѣ людей. Затѣмъ, по приглашенію г. губернатора, былъ совершенъ молебень въ его домѣ. Въ это время передъ домомъ собрались тысячи народа, жаждавшего получить благословеніе о. Іоанна. Выйдя на балконъ губернаторскаго дома, батюшка благодарилъ Симбирцевъ за радушный пріемъ и благословилъ народъ теплымъ, теплымъ благословеніемъ... Все смолкло и какъ бы застыло...

Здѣсь я второй разъ видѣлъ о. Іоанна лицомъ къ лицу. Меня поразило полное отсутствіе какой нибудь приподнятости, искусственности въ о. Іоаннѣ. Это было лицо, полное простоты, откровенной ласковости. Помню, что когда я уходилъ отъ балкона съ

своимъ товарищемъ, я сказалъ ему: онъ совершенно простъ; даже эти десятки тысячъ не могутъ заставить его хоть на вершекъ подняться на ходули, а это значить, что онъ великъ.

И я ушелъ унеся великій образъ навсегда.

О. Іоаннъ былъ въ семинаріи, обѣдалъ у городского головы.

Всюду къ нему приводили, а иногда и приносили больныхъ. Я здѣсь видѣлъ вѣру, двигающую горы... Говорили и о случаяхъ испѣленій.

Я не справлялся даже объ этихъ испѣленіяхъ: для меня наибольшимъ чудомъ былъ о. Іоаннъ самъ по себѣ; за внутренней работой сознанія и совѣсти и мнѣ некогда было слѣдить за внѣшними событіями.

Посѣтивъ женскій монастырь и о. настоятеля собора, о. Іоаннъ отбылъ на пристань. Провожалъ его весь «властный и убогій» городъ. Батюшка раздавалъ въ благословеніе крестики.

Поднявшись выше города версты на двѣ на три, пароходъ остановился противъ лагеря кадетскаго корпуса. Здѣсь на берегу выстроились кадеты. О. Іоаннъ высадился въ лодку и подъѣхалъ къ берегу. Онъ благословилъ всѣхъ кадетъ. Они пропѣли многолѣтіе и «Спаси Господи». Потомъ о. Іоаннъ возвратился на пароходъ.

Свѣтлый день кончился... И для многихъ это былъ первый день послѣ долгой ночи...

«Ночь окончилась, начинался день» (Ап. Пав.).

VI.

Глубокое впечатлѣніе оставляли послѣ себя всѣ посѣщенія о. Іоанномъ тѣхъ или другихъ городовъ. Лучше всего объ этомъ говорятъ слѣдующія строки саратовскаго наблюдателя («Сарат. Листкѣ» 1 іюля 1894 г. № 138).

«Самое крупное событіе текущей недѣли (да и одной-ли только

недѣли?) пишетъ онъ, безспорно, заключается въ прїѣздѣ къ намъ о. Іоанна Кронштадтскаго.

Въ наши дни, когда въ суетѣ житейской и въ погонѣ за матеріальными благами и удовольствіями, нерѣдко забываются высшія потребности души и сердца, отрадно видѣть и знать, что эти потребности не исчезли, что онѣ таятся въ глубинѣ многихъ изъ насъ, не говоря уже о нашемъ простомъ народѣ, въ которомъ еще съ силою евангельскихъ временъ бьется въ сердцахъ вѣра и надежда.

Прїѣздъ къ намъ высокоуважаемаго пастыря, своею христіанскою жизнью и дѣятельностью заслужившаго любовь и уваженіе всей Россіи, воочію показалъ всѣмъ и каждому, какъ глубока еще въ русскомъ народѣ вѣра, какъ богатъ онъ живымъ религіознымъ чувствомъ и тою отзывчивостью сердца, которая дѣлаетъ его воспріимчивымъ къ словамъ и дѣламъ евангельскаго завѣта. Стоило только появиться среди насъ этому скромному кронштадтскому пастырю, какъ на встрѣчу ему ринулись тысячи народа, безъ различія классовъ и положеній.

Почему это? Что-же и кого они встрѣтили?

Многочисленные портреты и изображенія отца Іоанна даютъ о немъ хотя и правдивое, но не совсѣмъ точное представленіе: на портретахъ не уловлена та безконечная любовь, какая свѣтится въ глазахъ этого добраго пастыря, то доброе, даже веселое настроеніе, какое одухотворяетъ это кроткое лицо, съ улыбкой снисхожденія и безпредѣльной терпѣливости. Мы видѣли о. Іоанна подающимъ благословеніе безчисленной массѣ народа и наблюдали его за все время прохожденія этого мятущагося, толпящагося и безъ всякаго порядка лѣзущаго народа. Взрослые, дѣти, здоровые и больные—все это обступало его, просило, даже требовало исключительнаго къ себѣ вниманія, и онъ, уставшій и обезсиленный (человѣкъ, вѣдь, онъ), съ одинаковымъ терпѣніемъ, ровно, спокойно и ласково относился ко всѣмъ и находилъ время и желаніе ободрить, шепнуть слово утѣшенія, приласкать дѣтей,

потрепать по щекамъ, погладить по головѣ и отпустить каждого душевно успокоеннымъ!

Бывши какъ-то въ Кронштадтѣ, я видѣлъ изо дня въ день повторявшіяся сцены, происходящія всегда при громадныхъ скопленіяхъ народа. Описывать ихъ нечего: все это давно знакомо каждому, кто только знаетъ одно имя Іоанна Кронштадтскаго. Въ сущности, онъ мученикъ требовательной толпы, незнающей ни снисхожденія, ни пощады: въ своемъ экстазѣ и увлеченіи, толпа безжалостна и ненасытна. Его рвутъ на части; ему не дають ни минуты покоя: когда онъ спитъ, когда онъ ѣстъ, когда, наконецъ, остается съ самимъ собою?

Быть принадлежностью толпы, жить для другихъ, думать о нихъ и за нихъ, сострадать имъ, облегчать ихъ нужды и удовлетворять ихъ потребности,—словомъ, «положить душу свою за други своя»—это первая евангельская заповѣдь и большей ея нѣтъ и не было.

Когда я увидѣлъ эту огромную толпу въ Кронштадтѣ, окружавшую о. Іоанна, то спросилъ одного флотскаго доктора: чѣмъ объяснить эту силу нравственнаго вліянія о. Іоанна? Интеллигентный житель Кронштадта отвѣтилъ мнѣ: *неизреченною* его любовью къ ближнимъ.

Это по-истинѣ такъ. А вотъ теперь онъ на Волгѣ,—обратите вниманіе хотя-бы на эту поѣздку. Говорятъ, что онъ поѣхалъ отдохнуть. Да развѣ это *отдыхъ*?! Да развѣ ему дадутъ отдохнуть?..

Куда-бы онъ ни заѣхалъ, гдѣ-бы онъ ни показался,—всюду и вездѣ къ нему устремляется толпа и тѣснить его, и треплеть... Въ какой толпѣ нѣтъ страдальцевъ, недугующихъ и обремененныхъ? Это собирается къ нему не ликующая толпа, сытая благами душевными и матеріальными, а жаждущая душевнаго покоя, утоленія печали и смягченія страданій. Среди многихъ, большинство именно такое, ищущее мира и облегченія, и вотъ оно стучится у порога о. Іоанна и, какъ видите, находитъ то, что ищетъ.

Да надо имѣть неистощимый запасъ доброты душевной, надо обладать, дѣйствительно, неизреченною любовью къ ближнимъ, чтобы избрать тотъ путь, какимъ шествуетъ уважаемый кронштадтскій пастырь.

Человѣкъ онъ и притомъ *простой* человѣкъ.

Не въ этомъ-ли и таится секретъ его нравственной силы и обаянія?

Не даромъ, вѣдь, нищета духовная, т. е. незлобіе, миролюбіе, забвеніе своей личности и ея вожделѣній, возводится въ евангельскую добродѣтель, какой безъ сомнѣнія, въ избыткѣ и обладаетъ о. Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ.

Пріѣздъ его въ Саратовъ внесъ во многія сердца великую радость и большое удовольствіе: одно уже это есть большая заслуга.

Давать другимъ успокоеніе, когда они въ немъ нуждаются,— развѣ это не выдающійся даръ и не рѣдкая способность?

Итакъ, многіе саратовцы испытали праздникъ души и на долго онъ останется у нихъ въ памяти.

Путешествіе о. Іоанна на родину и обратно.

Ежегодно въ концѣ мая или начала іюня о. Іоаннъ ѣздитъ на родину въ свою Суру.

Это не прогулка для отдыха, здѣсь въ Сурѣ онъ живетъ сутки, двое, нѣтъ это паломничество, молитвенное шествіе на гробъ отца, на мѣсто первыхъ откровеній Божіихъ. Туда, гдѣ впервые говорилъ Богъ, откуда Онъ призывалъ на службу всему русскому народу.

Это святое мѣсто.

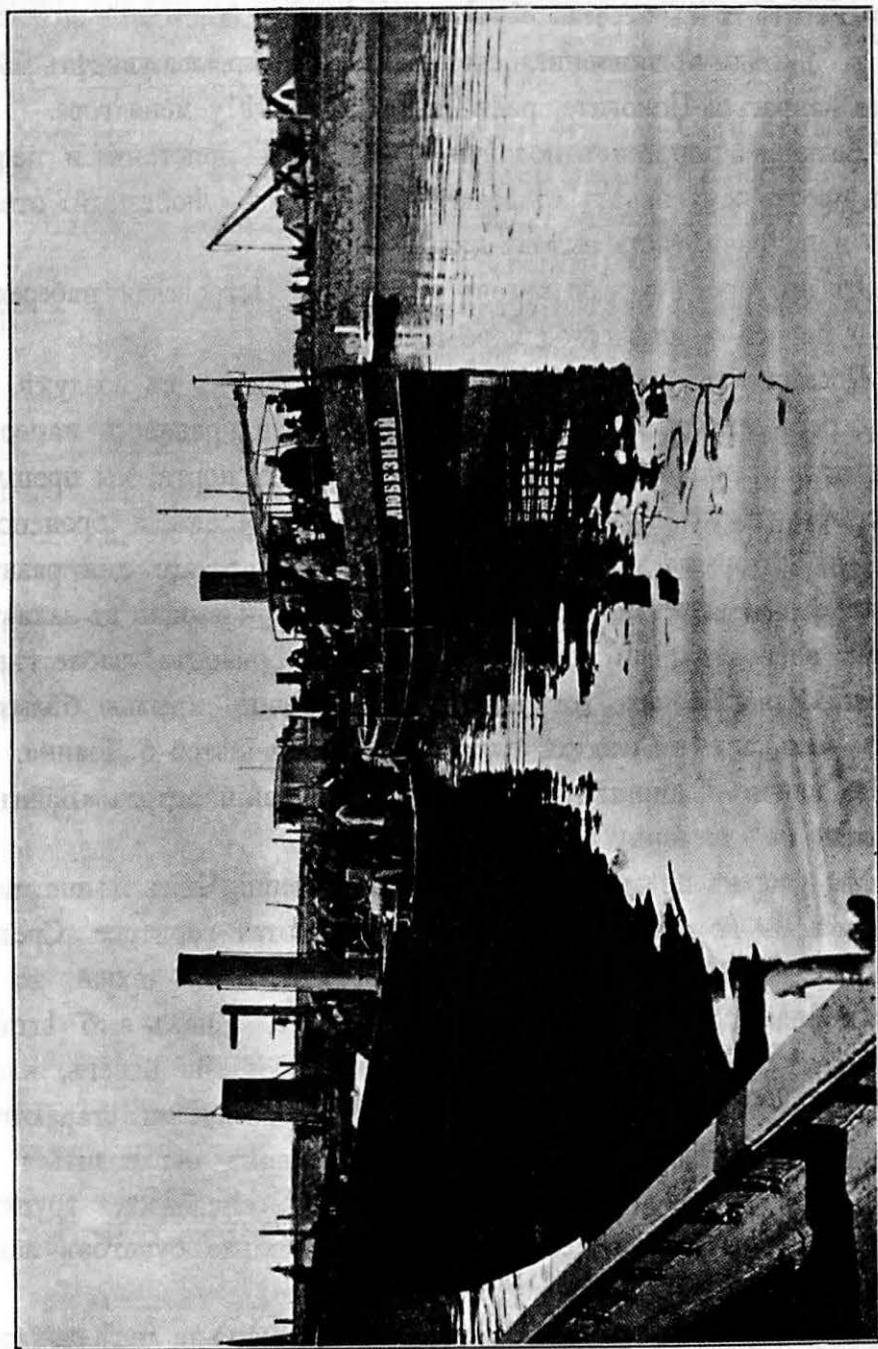
Путешествіе на Суру мы передадимъ съ дополненіями и сокращеніями словами г. Животовскаго.

25 мая, день Троицы. Въ Кронштадтѣ оживленіе. Уѣзжаетъ о. Іоаннъ «батюшка». Вся дорога къ дамбѣ усть-канала заполнена народомъ. Батюшка отслужилъ литургію и въ половинѣ второго вошелъ на палубу парохода «Любезный».

Пароходъ былъ полонъ народа, но кое-какъ размѣстились.

Трудно было только отчалить отъ берега; провожающіе не хотѣли отпускать батюшку, хватались за бортъ парохода, плакали.

Но вотъ, наконецъ, пароходъ отплылъ отъ берега, но отплылъ не надолго. Его остановилъ батюшка.

О. Иоаннъ отъѣзжаетъ изъ Кронштадта на родину.

Дѣло въ томъ, что появился проситель. «Батюшка родной», кричалъ кто-то съ берега.

— Я бѣдный чиновникъ, четыре раза добивался увидѣть васъ и все напрасно! Помогите, ради Бога! Въ семьѣ у меня горе.

Батюшка попросилъ подойти пароходъ къ пристани и передалъ просившему пакетъ съ деньгами. Наконецъ «Любезный» отвалилъ и направился къ выходу изъ гавани.

Въ это время изъ за судовъ показалась Петровская набережная и на ней человѣческое море головъ.

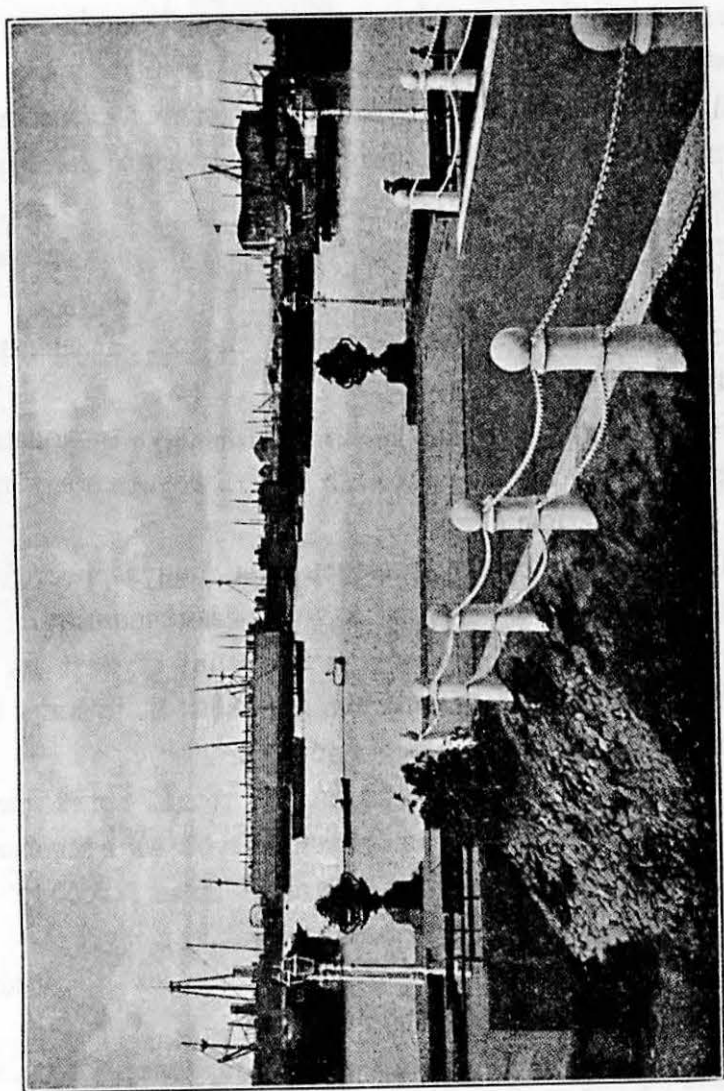
Послышались крики, плачъ, замелькали платки въ воздухѣ, а отъ берега отдѣлилось нѣсколько яликовъ и направилось наперерѣзъ нашему пароходу. Но вотъ и выходъ изъ порта; мы прошли мимо нѣсколькихъ красавцевъ, грозныхъ крейсеровъ и броненосцевъ, на которыхъ въ это время, по случаю царскаго дня развѣвались флаги всѣхъ странъ и гремѣла музыка, и вышли въ заливъ. Далеко впереди, среди подернутаго дымкой горизонта, заблестѣлъ куполь Исаакіевскаго собора, а сзади, точно крылья бѣлыхъ чаекъ, мелькали въ воздухѣ платки духовныхъ дѣтей о. Іоанна.

26 мая въ Свирицѣ мы пересѣли на большой пароходъ «Баянъ» и вошли въ красавицу Свирь.

Мы уже въ предѣлахъ Олонецкой губерніи. Чѣмъ выше подымаемся мы по рѣкѣ, тѣмъ берега ея дѣлаются гористѣе. Среди лѣса, возвышенныхъ луговъ и засѣянныхъ хлѣбомъ полей, то и дѣло, попадаются селенія, обитатели которыхъ, узнавъ кто ѣдетъ на нашемъ пароходѣ, пестрой толпой высыпаютъ на берегъ, кланяются въ землю, бросаютъ кверху шапки и всячески стараются выразить о. Іоанну свои симпатіи. Стоило намъ остановиться у одной пристани для полученія дровъ, какъ сейчасъ же группа молодыхъ дѣвушекъ поднесла батюшкѣ нѣсколько букетовъ ландышей.

Сколько радости, сколько счастья было написано на лицѣ каждой старушки, которой удалось получить благословеніе отца Іоанна!

От. Іоаннъ гладить по головѣ, хлопаетъ по плечамъ, проводить по глазамъ больныхъ и послѣдніе, ошастливленные, съ огромнымъ нравственнымъ подъемымъ возвращаются домой.

Петровская пристань.

27 вечеромъ мы пришли въ Вознесенье, остановились здѣсь за дровами и вскорѣ вышли въ Онежское озеро, оставивъ въ Вознесеньѣ разочарованную публику: всѣ надѣялись увидѣть ба-

тюшку, поэтому большой толпой собрались на пристани, гдѣ мы грузили дрова, но о. Іоаннъ въ это время отдыхалъ въ каютѣ и вышелъ на палубу только тогда, когда пароходъ плылъ уже по гладкому, какъ зеркало, озеру.

Былъ мертвый штиль. Мы шли по прямой линіи на востокъ, къ устью рѣки Вытегры. Направо виднѣются Олонецкія горы, а съ лѣвой стороны водное пространство сливается съ небомъ и кажется одной сѣрой массой, по которой то и дѣло мелькаютъ бѣлыя крылья чаекъ, съ крикомъ летятъ стаи дикихъ утокъ, а внизу на разстояніи нѣсколькихъ саженой отъ парохода рѣзвятся на просторѣ тюлени.

На сѣверо-западъ отъ насъ осталась полоса далекихъ скалъ, извѣстныхъ своими каменоломнями.

— Вотъ когда я отдыхаю вполнѣ,—говоритъ подошедшій ко мнѣ о. Іоаннъ,—только на пароходѣ и есть возможность провести время въ полномъ спокойствіи.

— Тяжела мнѣ подчасъ бываетъ моя популярность: никуда нельзя показаться, нигдѣ нельзя пройти незамѣченнымъ.

И, дѣйствительно, стоитъ только о. Іоанну ступить на берегъ, какъ толпа окружаетъ его со всѣхъ сторонъ и нужны большія усилія, чтобы освободиться изъ ея объятій.

Онъ принадлежитъ самъ себѣ только тогда, когда окруженъ со всѣхъ сторонъ водой. На маленькой палубѣ въ нѣсколько квадратныхъ аршинъ онъ имѣетъ на короткое время свободу въ награду за цѣлый годъ жизни исключительно для другихъ.

Впрочемъ, и въ это короткое время досуга я рѣдко вижу батюшку безъ дѣла.

То онъ читаетъ святое Евангеліе, то записываетъ въ дневникъ свои впечатлѣнія, то обдумываетъ проповѣдь къ слѣдующему дню, такъ какъ рѣдкій день мы не останавливаемся гдѣ нибудь, чтобы отслужить обѣдню. И только изрѣдка ходитъ онъ по палубѣ, созерцая природу и восхищаясь ею.

Благодаря хорошей погодѣ, мы довольно скоро прошли Онежское озеро и вошли въ устье р. Вытегры.

Утромъ 28 мая от. Іоаннъ служилъ обѣдню въ г. Вытегрѣ и сказалъ слово противъ раскольниковъ, которыхъ здѣсь много. Послѣ обѣдни въ домѣ Лопаревыхъ былъ предложенъ гостеприимный обѣдъ, на которомъ присутствовало около 35 человекъ приглашенныхъ. Много говорилось въ честь от. Іоанна рѣчей, самой сердечной и симпатичной была коротенькая рѣчь, сказанная экспромптомъ миссіонеромъ вытегорскаго округа священникомъ Н. Георгіевскимъ. Вотъ приблизительное содержаніе ея: «Глубоко-чтимый от. протоіерей! въ прошломъ году въ вытегорскомъ соборѣ въ своемъ словѣ вы сказали: «Мнѣ доставляетъ большую радость ѣздить по весямъ и городамъ дорогой мнѣ Россіи.» А для насъ вы всегда доставляете истинное наслажденіе! Въ самомъ дѣлѣ—лишь только вступаете вы, батюшка, въ какую либо весъ или городъ, не смотря на будень, слышится радостный, торжественный звонъ большого колокола, собирается соборъ служащихъ съ вами, купцы запираютъ лавки, крестьяне бросаютъ бороны и сохи въ полѣ, матери во множествѣ несутъ для пріобщенія дѣтей! Замѣчается религіозный подъемъ духа, усиливается теплота молитвы. И неудивительно: вы, батюшка, пламень молитвы. Какъ отъ обыкновеннаго огня нагрѣваются окружающіе предметы, часто загораются и горятъ огромнымъ общимъ огнемъ, такъ и вашъ молитвенный пламень охватываетъ всѣхъ, какъ служащихъ, такъ и молящихся, и вся церковь молится съ вами и усерднѣе и теплѣе!»

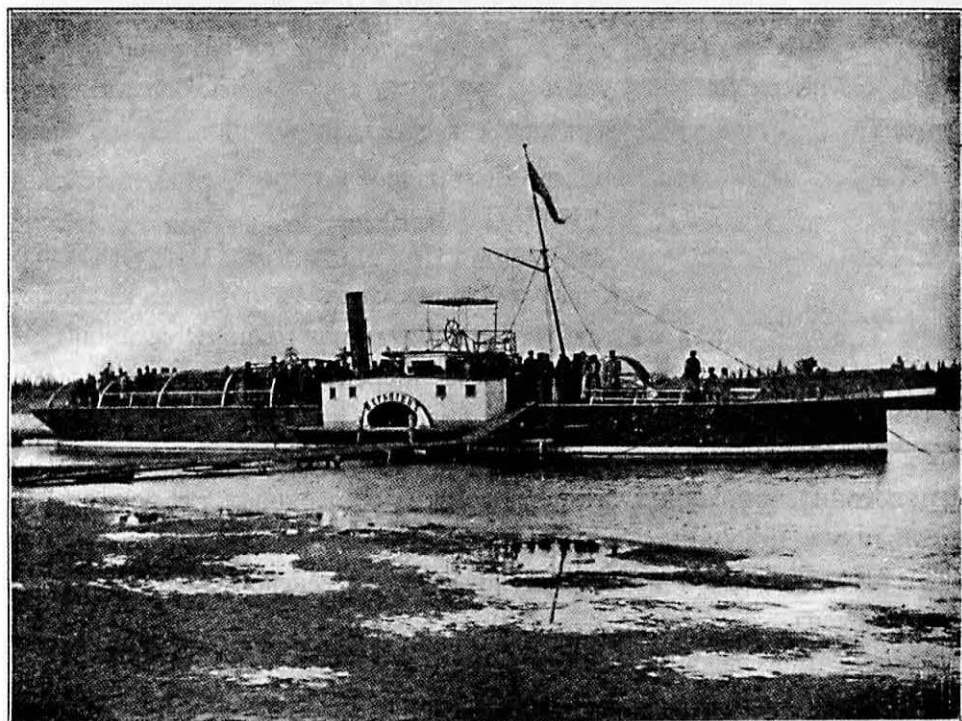
Вечеромъ о. Іоаннъ долго гулялъ по небольшому садику, и въ саду же прочелъ вечернее правило.

Въ Вытегрѣ мы распростились съ «Баяномъ», имѣющимъ глубокую осадку.

Перегрузивъ багажъ на подоспѣвшаго къ этому времени «Шестовецъ» и новый пароходъ «Ксму», представленный батюшкѣ

купцомъ Неворотинымъ, мы отправили оба парохода за нѣсколько часовъ до нашего отъѣзда впередъ.

Сами-же рѣшили сдѣлать переѣздъ въ 26 верстъ на лошадахъ, чтобы избѣжать скучныхъ стоянокъ въ находящихся здѣсь 19-ти шлюзахъ.

Пароходъ Шестовецъ съ о. Іованномъ.

Около пяти часовъ вечера 29-го мая, распростившись съ гостепріимной хозяйкой, длиннымъ кортежомъ двинулись мы на нѣсколькихъ тройкахъ въ путь. Дорога здѣсь очень разнообразна. То мчимся по гладкому и узкому бичевнику, поминутно заставляя сворачивать въ сторону встрѣчныхъ лошадокъ бурлачковыхъ, понурия ткнувшихъ свою бичеву, то перескакиваемъ черезъ плотину, съ грохотомъ несемъ по мостику и, взлетѣвъ на горку, проѣзжаемъ

по улицѣ селенія. Берега Вытегры здѣсь холмисты и живописны, хотя сама рѣка по своей формѣ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго канала: все время одинаково узка и не имѣетъ заливовъ.

Около одиннадцати часовъ вечера вошли въ широкую красивую Шексну. Послѣ тѣсныхъ рамокъ канала широко разлившаяся и затопившая луга рѣка производила радостное впечатлѣніе.

Несмотря на ночь, намъ поминутно встрѣчались большіе пароходы съ зелеными и красными глазами фонарей. Тянутся караваны биржъ. Раздаются свистки и крики людей.

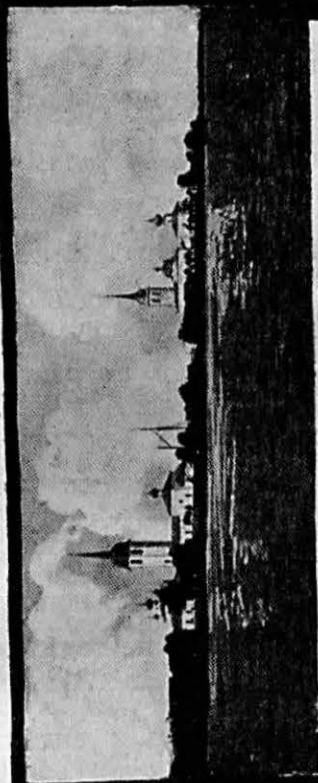
Около часу ночи, вдали, на высокомъ берегу рѣки Шексны, забѣлѣли постройки рощи Горницкаго женскаго монастыря, гдѣ ждали батюшку и гдѣ онъ собирался утромъ служить обѣдню. Не желая, однако, тревожить обитель ночью, батюшка рѣшилъ остановиться въ пяти верстахъ отъ монастыря и переночевать въ каютѣ «Шестовца» съ тѣмъ, чтобы утромъ подойти къ монастырю.

Въ 8 час. утра онъ и прибылъ на «Шестовцѣ» и прямо съ пристани направился въ монастырскую церковь, гдѣ отслужилъ обѣдню и приобщилъ монахинь св. Таинъ.

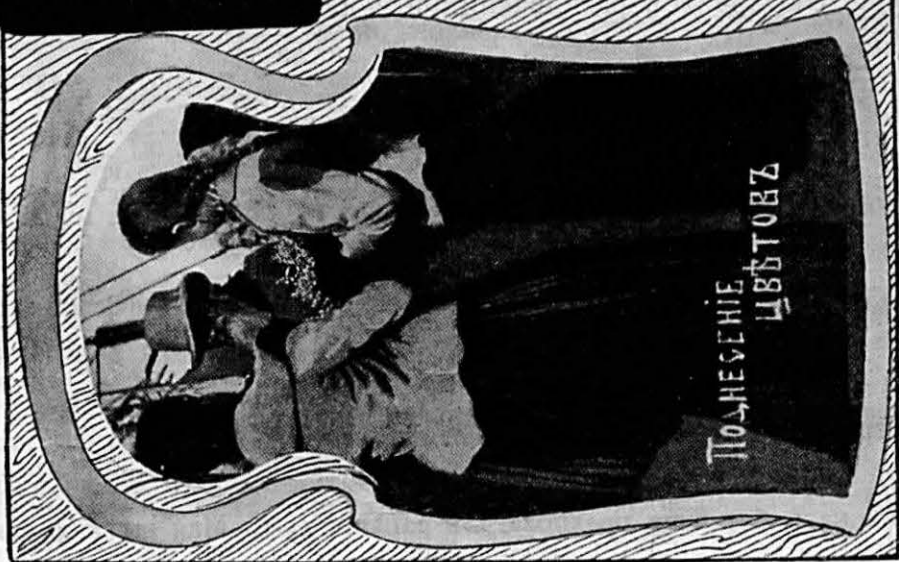
Послѣ обѣдни въ первой комнатѣ игуменской квартиры былъ поставленъ стулъ для отца Іоанна. Здѣсь, по очереди подымаясь безконечной вереницей по лѣстницѣ, подходили къ батюшкѣ сестры монастыря для благословенія. Болѣе 600 сестеръ прошло мимо батюшки. Послѣ сестеръ такимъ же порядкомъ прошли богомольцы, запрудившіе всю площадку передъ домомъ игуменни. Отобѣдавъ при пѣніи монастырскаго хора у игуменни, мы всѣ отправились въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, отстоящій отъ Горницкаго монастыря въ пяти верстахъ.

Здѣсь батюшка отслужилъ краткій молебенъ у раки преподобнаго Кирилла и, выпивъ у настоятеля монастыря архимандрита Ѳеодосія стаканъ чая, поѣхалъ въ городъ Кирилловъ дѣлать кое-какіе визиты.

НОВАЯ ЛАДОГА

ПОДНЕВЕНІЕ
ЦВѢТОВЪ

Весь путь нашъ отъ города Кириллова до Кубенскаго озера былъ какимъ-то триумфальнымъ шествіемъ отца Іоанна; то, что происходило здѣсь,—не поддается описанію. Цѣлыя села отъ мала до велика высыпали на встрѣчу намъ и бѣжали по нѣскольکو верстъ, падая на колѣни, простирая къ отцу Іоанну руки и крестясь.

Встрѣчалась по дорогѣ изгородь—и пестрая толпа, не задумываясь, карабкалась на нее, прыгала внизъ и снова бѣжала за парохомъ до тѣхъ поръ, пока каналъ не кончался и не начиналось озеро, по которому уже бѣжать нельзя было. На одномъ шлюзѣ я обратилъ вниманіе на очень хорошенькую дѣвочку—лѣтъ двѣнадцати, которая пробѣжала верстъ восемь и теперь усердно просила дать ей крестикъ. Но здѣсь ей такъ и не удалось ничего дать, такъ какъ брошенные крестики и образки моментально подхватывались другими. Когда парохъ, выйдя изъ шлюза, пошелъ по каналу, я опять увидѣлъ среди бѣжавшей толпы неугомонную дѣвочку. Сначала она сняла съ головы платочекъ, потомъ сняла и кофточку, такъ какъ было очень жарко. Подъ конецъ я увидѣлъ ее уже бѣгущей съ развивающимися длинными волосами въ одной рубашонкѣ. Весь гардеробъ свой она несла въ рукѣ.

Я попросилъ рулевого подойти ближе къ берегу и, улучивъ удобную минуту, очень удачно бросилъ неугомонной дѣвочкѣ карточку отца Іоанна. Она подхватила ее и, прижавъ къ груди, все-таки продолжала бѣжать, пока не кончился каналъ и не началось маленькое озеро.

Наконецъ, въ 7 часовъ вечера, на 12-мъ шлюзѣ мы встрѣтились съ собственнымъ большимъ парохомъ отца Іоанна «Св. Николаемъ Чудотворцемъ», пришедшимъ за батюшкой изъ Суры. Со слезами встрѣтили насъ три молодыхъ монашки—пароходныя прислужницы. Оказалось, что уже одиннадцать дней онѣ ждали насъ, такъ какъ батюшка предполагалъ раньше 15-го Мая выѣхать изъ Кронштадта, но потомъ отложилъ свой отъѣздъ.

Путешествіе по каналу.

Ночь насъ застала на срединѣ Кубенскаго озера, гдѣ мы, вслѣдствіе густого тумана, должны были встать на якорь. Утромъ мы подошли къ Каменскому монастырю. Здѣсь я былъ свидѣтелемъ одного трогательнаго факта. Какая то древняя старушка горячо доказывала іеромонаху Каменскаго монастыря, что она теперь самый счастливый человѣкъ во всемъ мірѣ.

— Ну, нѣтъ, батюшка, говорила она, какъ хошь, а я счастливѣе тебя. Ты здѣшній житель, а ѣтъ, красное солнышко, каждый годъ мимо тебя ѣздитъ, ну, не диковина, что и заѣхалъ. Другое дѣло я. Я вотъ изъ Полтавы теперь въ Соловки на богомолье пробираюсь, да къ вамъ въ Каменскій ненарокомъ и попала, и вдругъ такое счастье! У самаго батюшки отца Іоанна Кронштадтскаго причастилася! Да этакого счастья мнѣ и не снилось!

Іеромонахъ Каменскаго монастыря, къ которому были обращены эти слова, въ свою очередь старался доказать богомолкѣ, что онъ и его братія счастливѣе ея.

Какъ теперь вижу лицо этой старушки. Сколько искренняго счастья, сколько вѣры въ ея потухшихъ, влажныхъ отъ слезъ, глазахъ!

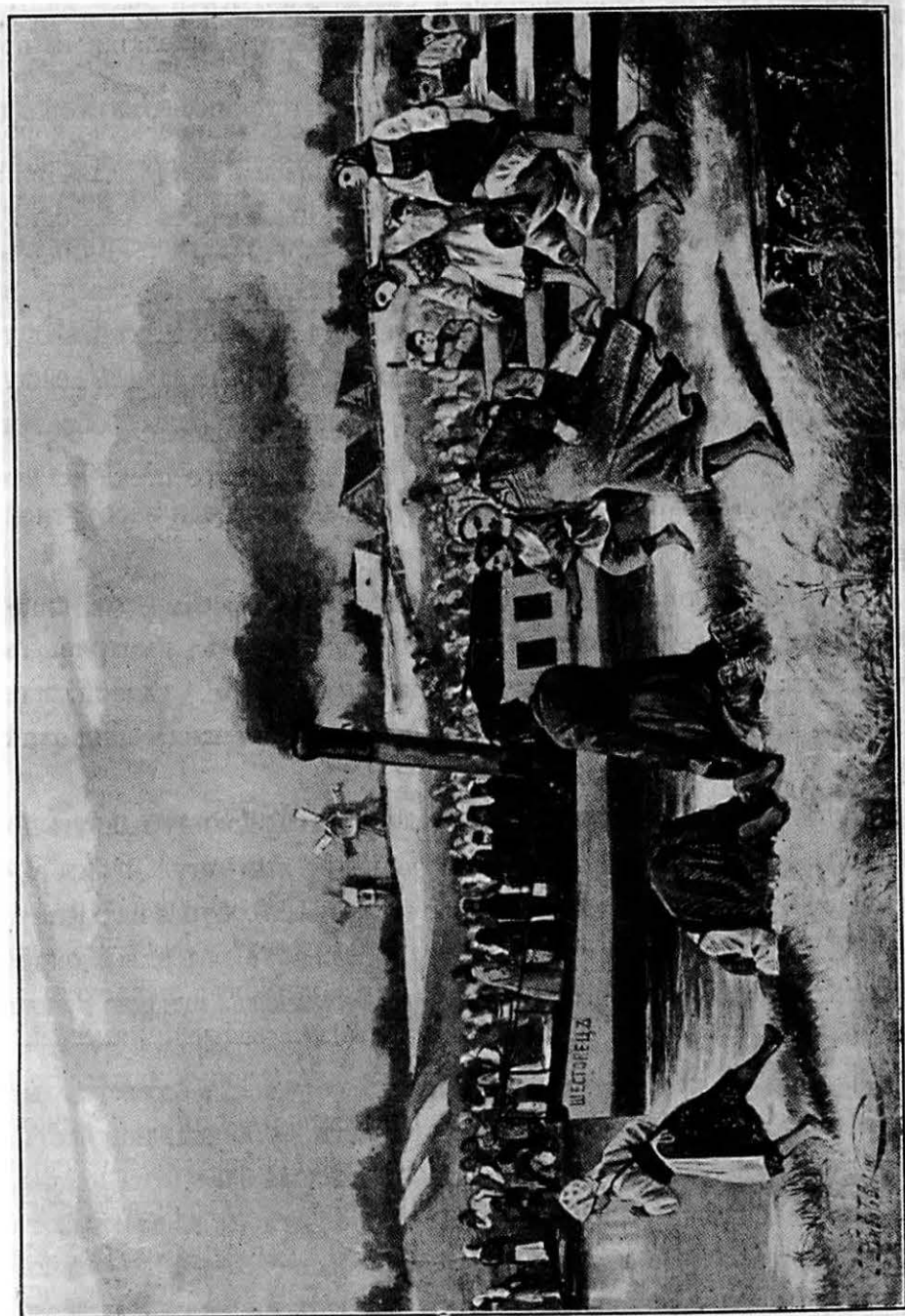
Цѣлое событіе произошло въ ея жизни. Изъ ея разговора съ монахомъ я узналъ, что давно она мечтала увидѣть батюшку, но въ Кронштадтъ идти не рѣшалась: боялась, что къ нему не допустить.

И вдругъ такая счастливая встрѣча.

Долго потомъ стояла она колѣнопреклонная на пристани монастыря и смотрѣла въ слѣдъ нашему пароходу.

Такъ какъ наканунѣ отецъ Іоаннъ не служилъ обѣдни, что для него составляетъ всегда большое лишеніе, то рѣшено было остановиться въ Устюгѣ, да и время было подходящее — 8 часовъ утра.

Опять таже картина, что и въ Кронштадтѣ, и въ Петербургѣ, и во многихъ другихъ городахъ: отецъ Іоаннъ съ палубы кланяется

На пути къ Кубанскому озеру.

и благословляетъ провожающихъ, а съ берега тысячи рукъ машутъ платками, шапками и до насъ доносятся благопожеланія и при-
вѣтствія.

Вскорѣ увидѣли мы устье рѣки Юга, отстоящее отъ города въ 4 верстахъ. Здѣсь уже начинается такъ называемая Малая Двина.

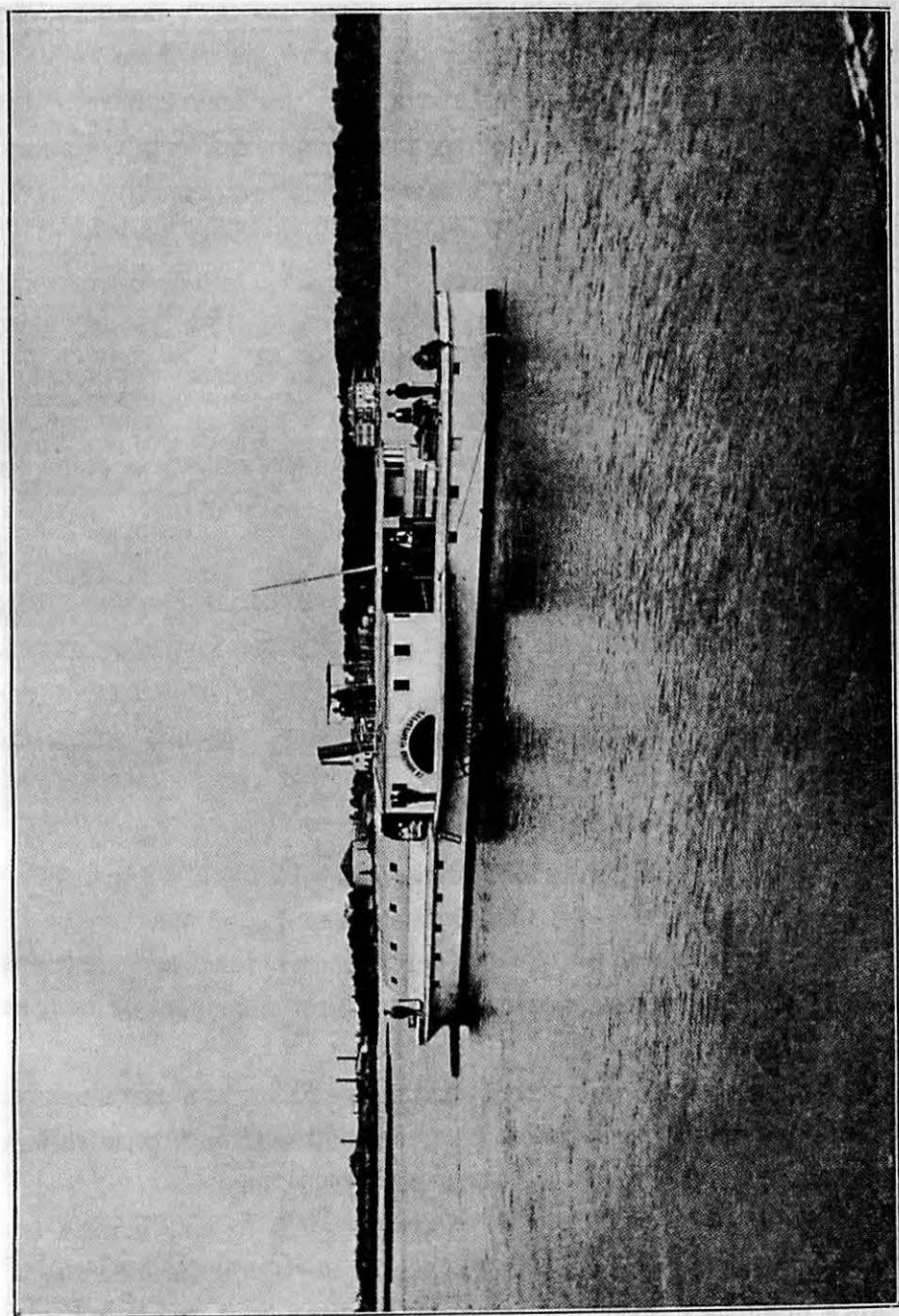
Двѣ родныя сестры, Вычегда и Сухона, первая съ востока, вторая съ запада, несутъ свои воды другъ другу навстрѣчу и, слившись въ одно пѣлое, круто поворачиваютъ на сѣверъ и подъ именемъ Сѣверной Двины продолжаютъ свой путь къ Бѣлому морю. Но восточная и западная красавицы точно не ладятъ между собой и нѣтъ-нѣтъ и разойдутся въ разныя стороны, образуя отдѣльные рукава и протоки. Низкіе изъ наноснаго песка острова, поросшіе тощимъ ивнякомъ, то и дѣло громоздятся среди необъятной шири водъ сѣверной кормилицы Двины.

Вотъ она, моя милая, родная Сѣверная Двина, тихо шепчетъ отецъ Іоаннъ, съ восторгомъ и благоговѣніемъ всматриваясь въ то мѣсто, гдѣ р. Вычегда, встрѣтившись съ р. Сухоней, или иначе съ Малой Двиной, повернула налѣво и разлилась широкой могучей Сѣверной Двиной.

Много разъ въ своей жизни приходилось отцу Іоанну плавать по Сѣверной Двинѣ. Еще юношей, никому неизвѣстнымъ студентомъ духовной академіи, ѣздилъ онъ этимъ путемъ изъ Петербурга на родину.

Теперь уже много лѣтъ подрядъ проѣзжаетъ онъ здѣсь, окруженный славой и всеобщей любовью и уваженіемъ, щедрою рукою помогая нуждающимся. Падеть-ли скотина у крестьянина, сгоритъ-ли изба, или въ храмѣ нуженъ ремонтъ, а своихъ средствъ не хватаетъ, вся надежда на батюшку. Приѣдетъ батюшка, поможетъ.

Правда, часто и злоупотребляютъ люди довѣріемъ отца Іоанна, и деньги, данныя на удовлетвореніе серьезной нужды, не достигаютъ своего назначенія. Но вѣдь это явленіе обыкновенное во всякой благотворительности и искоренить это зло невозможно. Впрочемъ, и тутъ обаяніе имени отца Іоанна дѣлаетъ свое дѣло. Всѣмъ

Пароходъ Св. Николай Чудотворецъ, на которомъ совершаетъ путешествіе о. Іоаннъ Кронштадтскій.

извѣстно, что батюшка, помогая въ нуждѣ деньгами, не только не наводитъ справокъ о томъ лицѣ, которое просить помощи, но часто даетъ деньги, не считая ихъ, такъ просто, на счастье, сколько попадается въ руку. Только въ глаза онъ взглянетъ тому, кто обращается къ нему, своимъ чистымъ хорошимъ взглядомъ. Нужно, поэтому, быть уже слишкомъ испорченнымъ человѣкомъ, чтобы рѣшиться обмануть батюшку. И въ этомъ сила отца Іоанна.

На слѣдующій день, 4-го Іюня, мы прошли мимо заштатнаго городка Сольвычегодскаго уѣзда Красноборска. Въ этотъ день батюшка обѣдни не служилъ, такъ какъ мы очень торопились, боясь, что вслѣдствіе засухи рѣка Пинега обмелѣетъ и намъ трудно будетъ добраться до Суры на пароходѣ. Остановились лишь за тѣмъ, чтобы набрать дровъ; но мигомъ собралась толпа.

Всѣхъ пустить было нельзя, потому что это замедлило-бы укладку дровъ, вслѣдствіе чего командиръ парохода распорядился пускать только носильщиковъ дровъ. Въ виду этого многіе пустились въ хитрость: возьмутъ полѣна два-три и несутъ на пароходъ, а потомъ прямо къ батюшкѣ подъ благословеніе... Много книжекъ и образковъ пришлось роздать здѣсь.

Дѣтишки получали и гостинца.

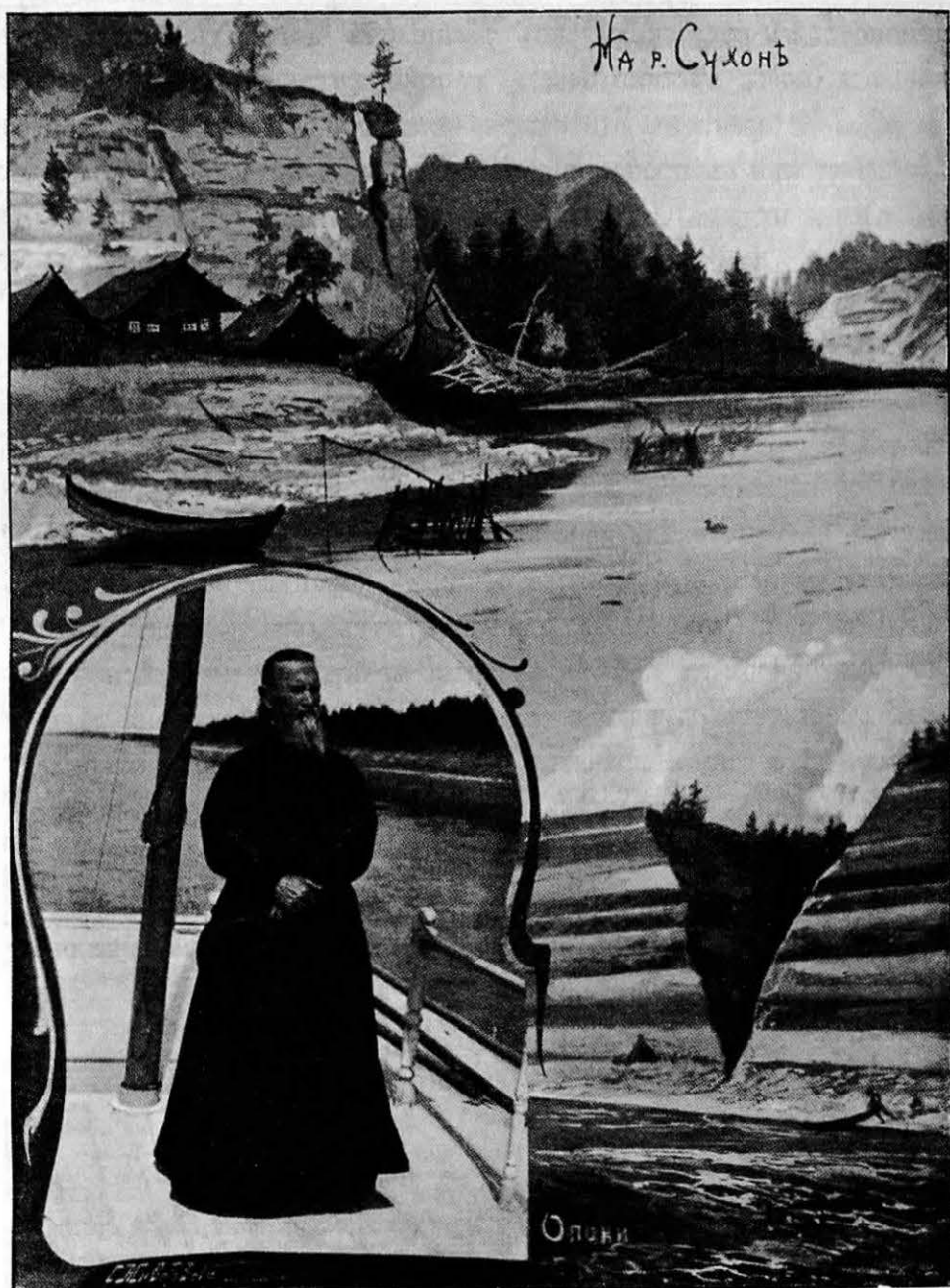
Погрузивъ дрова, мы отправились въ дальнѣйшій путь и скоро прошли мимо скита Холмогорскаго женскаго монастыря.

Наконецъ, около 9 часовъ вечера вдали показалась деревня Усть-Пинега, подойдя къ которой, мы круто повернули и вошли въ рѣку Пинегу.

Въ Петербургѣ передъ моею поѣздкой на сѣверъ я отъ многихъ слышалъ: «И охота ѣхать вамъ туда: вѣдь ничего интереснаго изъ себя нашъ бѣдный, скучный сѣверъ не представляетъ».

И вотъ тутъ, на Пинегѣ, я убѣдился, что очень многіе не имѣютъ опредѣленныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о нашемъ сѣверѣ.

Мнѣ пришлось проѣхать отъ Усть-Пинеги до Суры всего 300 верстъ и этотъ путь показался какой-то волшебной панорамой.

Н. Р. Сухонь

Олени

С. С. С. С.

Пинега поражаетъ разнообразіемъ своихъ береговъ: мѣстами вы видите копію береговъ Валаамскихъ острововъ; отвѣсныя, спускающіяся въ воду скалы, изъ расщелинъ которыхъ поднимаются вѣковыя сосны; мѣстами берега напоминаютъ отроги Карпатовъ на рѣкѣ Тетеревѣ въ Житомирѣ; попадаются и характерныя кавказскіе уголки съ пропастями и обрывами, какіе мнѣ приходилось видѣть въ дебряхъ Дагестана. Въ одномъ мѣстѣ у Красногорскаго монастыря я увидѣлъ точную копію Кіева въ такомъ видѣ, какъ вы видите его, когда подъѣзжаете съ юга по Днѣпру.

На много верстъ тянется рядъ отвѣсныхъ, испещренныхъ глубокими пещерами, мѣловыхъ горъ, покрытыхъ сверху дремучимъ лѣсомъ.

Ночью, когда уже всѣ спали, я былъ разбуженъ шумомъ на палубѣ. Оказалось, мы пристали къ берегу, чтобы взять дрова. Выхожу на палубу и вижу, что, кромѣ команды, носившей дрова, не спитъ одинъ только от. Іоаннъ. Стоитъ онъ у своей каюты, устремивъ взоръ къ небу, и очевидно молится. Чудный лѣсной ароматъ дѣйствуетъ одуряюще. Желая взглянуть поближе на лѣсъ, я вышелъ на берегъ и поднялся на гору. Предо мною открылась чудная картина — безпредѣльное море лѣса. Весь горизонтъ покрытъ густымъ нетронутымъ лѣсомъ. Хотѣлось любоваться безъ конца чуднымъ пейзажемъ.

Около 12 часовъ дня мы прошли мимо красиваго Красногорскаго монастыря, расположеннаго на правомъ высокомъ берегу Пинеги.

Внизу, подъ горой, среди густого лѣса, виднѣется скитская бѣлая церковь.

Останавливаясь, конечно, мы и не думаемъ, такъ какъ воды въ Пинегѣ становится все меньше и меньше; то и дѣло появляются отмели, все чаще и чаще раздаются выкрики одного изъ команды на носу, измѣряющаго глубину воды.

Около двухъ часовъ дня мы подходили уже къ городу Пинегѣ.

КОТЛАСЪ

Устья Юга

ТАВАРИШЕ СНАДЦИ
ПЕРМЬ КОТЛАСКОЙ Ж.Д.

Городъ Тотма

СНЕЖА...

За Пинегой берега рѣки стали положительно очаровательны, что не поворотъ, то новая панорама, и я просто не зналъ, что дѣлать; между тѣмъ нужно было сидѣть въ каютѣ работать и работать, проявлять фотографіи и кончать кое какіе уже начатые рисунки и въ тоже время не хотѣлось пропустить что-нибудь интересное, что было видно съ палубы парохода.

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи меня часто выручалъ самъ отъ Іоаннъ.

Встрѣтится какойнибудь особенно красивый видъ, а меня на палубѣ нѣтъ, батюшка и шлетъ когонибудь за мной въ каюту.

Иной разъ, оторвавшись отъ работы, взглянешь въ маленькое окошечко своей каюты и глазамъ своимъ не вѣришь. Передъ окномъ огромная, почти отвѣсная стѣна спускается въ воду; верхней части ея и не видно. А вѣдь только что былъ низкій берегъ и вдали синѣла лѣсная даль.

Въ Пинегѣ оба берега одного характера и одинаково разнообразны; нѣтъ того, что обыкновенно бываетъ въ рѣкахъ, текущихъ съ сѣвера на югъ, или съ юга на сѣверъ, гдѣ обыкновенно одинъ берегъ возвышенный, а другой низменный.

Ночь на 6-е іюня мы почти совсѣмъ не спали, такъ трудно было разстаться съ очаровательной природою.

Я не зналъ, чему отдать предпочтеніе: тому ли, что я видѣлъ надъ водою, или тому, что отражалось въ гладкой, какъ зеркало, водѣ. Хотѣлось броситься въ эту манящую къ себѣ воду и захлебнуться чарующей прелестью сѣверной ночи.

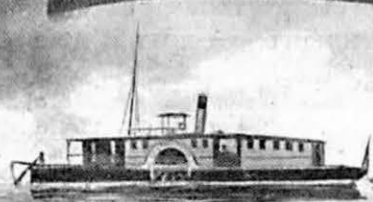
Около 4-хъ часовъ пополудни на противоположномъ отъ насъ берегу Пинегы, мы увидѣли, наконецъ родину отъ Іоанна село Суру, совсѣмъ небольшое село, но издали вамъ кажется, что вы видите небольшой уѣздный городъ.

Рядомъ съ старой деревянной церковью во имя св. Николая Чудотворца величественно глядитъ на окрестности большой новый

Горницкий монастырь

Ушаковский монастырь

Разрушенная ледовая гостиница

СВЯТЫЙ КАМЕНЬ ВЪ 500 РАЗЪ
БОЛЬШЕ ОТЪ КРЫМСКАГО

каменный храмъ во имя того же святого, окруженный красивой каменной оградой съ желѣзной рѣшеткой. Тутъ же по сосѣдству стоятъ два большихъ каменныхъ дома; въ одномъ помѣщается школа, въ другомъ монастырская лавка. Немного дальше изъ-за храма виднѣется красивой архитектуры часовня, построенная надъ могилой родителя от. Іоанна, домъ священника и рядъ большихъ, просторныхъ избъ. Все это созданіе от. Іоанна.

Голое мѣсто здѣсь было, пояснилъ намъ ящикъ, кромѣ старой церквушки на голомъ пескѣ ничего не было. А теперь, вонъ и старой церкви не узнать, такъ ее подновилъ отецъ Иванъ, а ужъ новую выстроилъ такъ это всѣмъ на удивленіе.

Вѣхавъ въ обширный монастырскій дворъ, мы круто повернули направо и остановились у крыльца главнаго корпуса, соединеннаго съ монастырской деревянной церковью.

Все населеніе Суры было здѣсь.

За большимъ столомъ, въ просторной свѣтлой комнатѣ, сидѣло человѣкъ пятнадцать самой разнообразной публики. Были тутъ монахини, духовенство, акцизный и лѣсной чиновники съ женами и дѣтьми и нѣсколько человѣкъ крестьянъ. Большинство пило чай.

Отецъ Іоаннъ въ бѣломъ, какъ снѣгъ подрясникѣ, ходилъ по комнатамъ, по очереди разговаривая то съ тѣмъ, то съ другимъ. Увидя насъ съ отцомъ Георгіемъ, онъ съ обычной привѣтливостью и предупредительностью обратился къ намъ: «А вотъ и мои дорогіе спутники, ну пожалуйста, пожалуйста, подкрѣпитесь съ дороги!»

Такъ какъ мы уже покушали, то отецъ Георгій сѣлъ на диванъ рядомъ съ рослымъ мужчиною съ окладистою свѣлорусою бородою, съ загорѣлымъ лицомъ и мозолистыми руками, очевидно хлѣбопашцемъ, а я помѣстился между отцомъ Георгіемъ и симпатичной, добродушной старушкой, одѣтой такъ, какъ одѣваются здѣсь всѣ крестьянки.

Вотъ это моя родная сестра, а это мой племянникъ, ска-

Устюгъ Великій

Отъ Іоаннъ выхаживаетъ
на берегъ въ Устюгъ

Типъ старинныхъ колоколенъ
по р. Сухонѣ

Падый лѣсъ на Сухонѣ

залъ мнѣ отецъ Іоаннъ, указывая на мою сосѣдку и на сосѣда отца Георгія.

Сосѣдъ от. Георгія оказался роднымъ сыномъ моей сосѣдки. Въ отдаленномъ углу комнаты сидѣло еще два племянника отца Іоанна, младшія дѣти его сестры, тоже одѣтые по крестьянски и держащіе себя въ высшей степени скромно.

Два старшихъ племянника женаты и занимаются со своими семьями хлѣбопашествомъ.

Тутъ вотъ и сказалось наглядно безкорыстіе отца Іоанна.

Другой бы на его мѣстѣ всѣхъ бы родственниковъ своихъ озолотилъ, давъ имъ возможность жить легко и богато. Но для отца Іоанна всѣ люди одинаково близки, и онъ не отдаетъ преимуществъ своимъ родственникамъ, которымъ онъ помогаетъ, но не больше, чѣмъ и всѣмъ другимъ.

И родня его не ропщетъ, потому что съ давнихъ поръ привыкла на него смотрѣть, какъ на человѣка особеннаго, не отъ міра сего.

Здѣсь я узналъ, что еще въ дѣтствѣ сынъ псаломщика Ильи Сергіева маленькій задумчивый Иванушка пользовался среди своихъ односельчанъ особеннымъ уваженіемъ.

Пропадетъ ли лошадь у мужика, идутъ просить Иванушку помолиться, случится ли горе какое, или заболѣетъ кто нибудь, опять идутъ къ Иванушкѣ.

Но вотъ дивный мальчикъ выросъ и слава его, какъ солнце, засіяла надъ православной Русью.

А въ дикой суровой пустынѣ, среди дремучихъ лѣсовъ и сыпучихъ песковъ, гдѣ кромѣ десятка избъ да полуразрушенной деревянной церкви ничего не было, заблѣли стѣны величественнаго каменнаго храма, засіяли золотые кресты надъ растущею не по днямъ, а по часамъ, молодою обителью.

Вся грамотная Россія знала до сихъ поръ на сѣверѣ родину великаго русскаго ученаго Ломоносова. Теперь вся православная

A black and white photograph of a horse-drawn carriage with several people, including a driver and passengers, on a street. The photo is tilted and has a decorative border.

Жной Бстюра

На набережной Устюга

10/10/10

Россія будетъ знать и Суру, родину досточтимаго своего пастыря. Всего четыре года тому назадъ отецъ Іоаннъ положилъ начало Сурской обители. И вотъ теперь въ Сурѣ уже 120 сестеръ, большая часть которыхъ пріѣхала сюда въ суровую дикую мѣстность изъ самыхъ далекихъ концовъ Россіи.

Не на легкую жизнь и не въ благоустроенный монастырь собрались сюда молодые монахини. На сыпучемъ пескѣ трудно создать въ короткое время хорошее хозяйство.

Здѣсь нѣтъ еще ни сада, ни огородовъ, ни обработанныхъ полей.

Все придется создавать тяжелымъ трудомъ, при самыхъ трудныхъ условіяхъ, такъ какъ сѣверное лѣто коротко.

На слѣдующій день утромъ отецъ Іоаннъ торжественно при переполненномъ храмѣ, служилъ обѣдню, во время которой, обратясь къ юнымъ монахинямъ, сказалъ глубоко-прочувствованную проповѣдь относительно того, какъ должны жить инокини, посвятившія себя Богу.

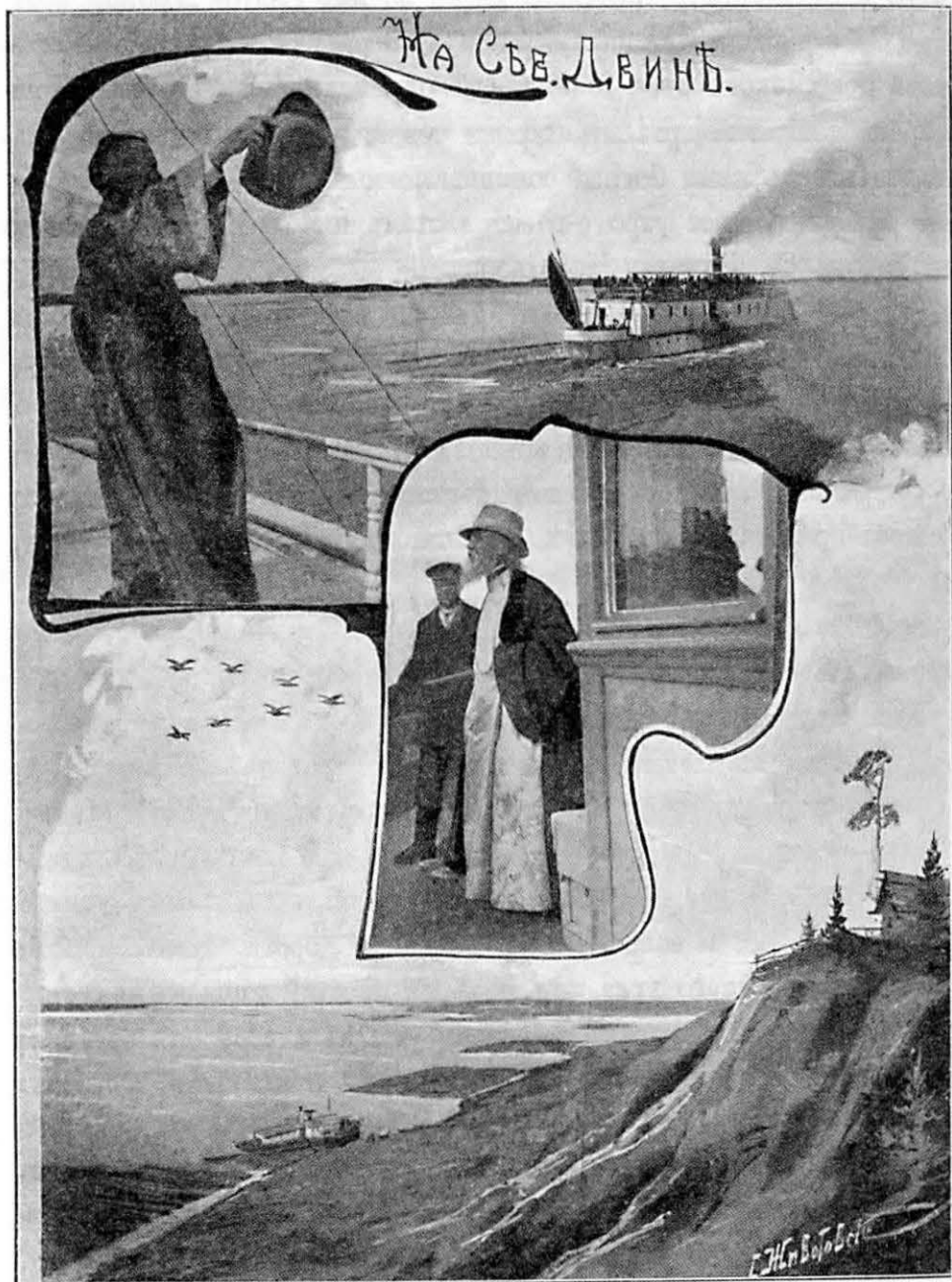
Хорошо зная человѣческую душу, батюшка въ своей проповѣди коснулся тѣхъ вопросовъ, которые представляютъ собою самыя больныя мѣста въ жизни монахинь. Къ концу проповѣди въ храмѣ начали раздаваться сдерживаемыя всхлипыванія, потомъ перешедшія въ сплошное громкое рыданіе. Когда же, окончивъ проповѣдь, отецъ Іоаннъ произнесъ: «покайтесь!» въ храмѣ все слилось въ одинъ общій гулъ.

Чинно, съ благоговѣніемъ, стали подходить одна за другой монахини къ причастію, отецъ Іоаннъ причастилъ самъ всѣхъ бывшихъ въ храмѣ.

Пообѣдавъ у игуменьи монастырь, отецъ Іоанъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нею въ скитъ, недавно выстроенный въ вѣковомъ корабельномъ лѣсу.

Сдѣлавъ на лошадахъ путь въ рошу и обратно 36 верстъ, отецъ Іоаннъ возвратился замѣчательно бодрый и радостный. Ба-

НА СЪВ. ДВИНЪ.

тешка очень былъ доволенъ состояніемъ недавно только отстроеннаго и отдѣланнаго скитскаго храма во имя Святой Троицы.

За все наше путешествіе намъ не разъ приходилось встрѣчать ровесниковъ отца Іоанна, его однокашниковъ по семинаріи. Но какіе это все дряхлые старики сравнительно съ нимъ: онъ кажется передъ ними бодрый юноша, полный силъ и энергіи.

На слѣдующее утро 9-го іюня отецъ Іоаннъ служилъ обѣдню въ соборѣ Св. Николая Чудотворца.

Послѣ обѣдни всѣ прошли къ часовнѣ надъ могилою отца батюшки, гдѣ послѣдній отслужилъ панихиду. Послѣ этого почти до трехъ часовъ дня неутомимый отецъ Іоаннъ дѣлалъ визиты въ Сурѣ; посѣтилъ всѣхъ священниковъ въ ихъ квартирахъ, побывалъ у сестры своей, зашелъ въ монастырскую лавку, гдѣ благословилъ сестеръ-приказчицъ, заѣхалъ въ школу, гдѣ одна изъ ученицъ прочла ему стихотвореніе.

Когда батюшка вышелъ изъ школы, дѣти высыпали на улицу провожать его. Всѣхъ ученицъ около сорока; одѣты всѣ по институтски: въ темно-коричневыхъ платьицахъ и бѣлыхъ пелеринахъ.

Вообще въ теченіе всего времени своего пребыванія въ Сурѣ, съ утра до самой ночи, онъ былъ въ хлопотахъ. Во все онъ входилъ самъ непосредственно; ничего не ускользнуло отъ его вниманія. Вся Сура для него была какъ бы однимъ сплошнымъ домомъ, въ которомъ все и всѣ были ему близки и дороги. Какъ пріятно видѣть его ѣдущаго туда или сюда на простой лошаdkѣ въ своихъ родныхъ и милыхъ краяхъ... Только уже къ вечеру онъ вступилъ въ домъ, приготовленный для него, куда пригласилъ и своихъ спутниковъ.

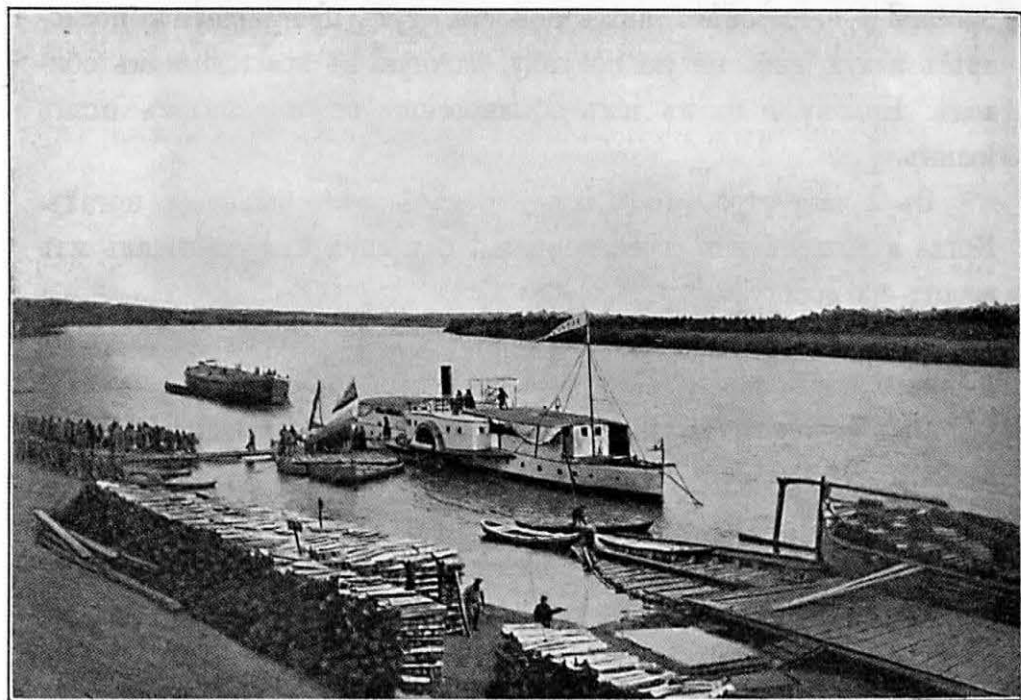
Много весьма любопытныхъ спенъ можно было видѣть въ это время. Въ каждый пріѣздъ многіе изъ Сурянъ обращаются къ о. Іоанну съ различными своими просьбами.

Вотъ, Иванъ Ильичъ, домъ строить хочу, обращается къ нему довольно видный крестьянинъ.

Да зачѣмъ тебѣ, Григорій, новый домъ-то? Вѣдь и старый у тебя хорошъ.

Сына старшаго къ веснѣ собираюсь отдѣлить, Иванъ Ильичъ. А зачѣмъ дѣлить-то?

Да ужъ такое дѣло, пусть его своимъ хозяйствомъ живетъ. Опять и бабы не всегда въ ладахъ.

Нагрузка дровъ.

Словно дѣло-то и неподходящее, Григорій; не лучше-ли бы вмѣстѣ пожить? Поговорилъ бы ты съ сыномъ, а съ бабами-то справляться можно. А то вѣдь, посуди самъ, не хорошее дѣло—эти раздѣлы-то.

Это точно, Иванъ Ильичъ. Изъ одного хозяйства теперь два приходится дѣлать. Извѣстное дѣло, тамъ и тутъ всего не хватаетъ.

Вотъ видишь. Лучше ужъ устройтесь по Божески—въ мирѣ и согласіи.

Крестьянинъ задумывается, мнется на мѣстѣ, переступаетъ съ ноги на ногу.

Оно извѣстно... лучше бы, ежели бы всѣ вмѣстѣ.

Ну, вотъ и сдѣлай, ты вѣдь глава въ домѣ-то.

Благословивъ мужичка, идетъ далѣе по селу о. Іоаннѣ. Тамъ просить у него совѣта, здѣсь помощи, тутъ приглашаютъ посмотреть какую либо новую покупку, важную въ крестьянскомъ обиходѣ. Никому и ни въ чемъ обыкновенно не отказываетъ отецъ Іоаннѣ.

Въ 4 часа утра, 10-го іюня, отецъ Іоаннѣ былъ на ногахъ. Когда я вышелъ изъ своей комнаты, батюшка уже выѣзжалъ изъ воротъ на дорогу.

Сытые монастырскія лошадки подхватили легкій экипажъ о. Іоанна и почти вскачь понеслись по лѣсной дорогѣ.

Въ Сурѣ всѣ уговаривали отца Іоанна остаться еще нѣсколько дней.

Глядите, какія тучи на горизонтѣ, говорили суряне, того и гляди вода подыметъ и пароходъ вашъ прямо сюда и подойдетъ.

Но отецъ Іоаннѣ не созданъ для праздної жизни. Сидѣть на мѣстѣ безъ дѣла для него утомительнѣе всего. А въ Сурѣ уже все было сдѣлано, да кромѣ того пріѣзда его съ нетерпѣніемъ ждали на Волгѣ.

До Волги-же нужно было еще побывать въ Архангельскѣ, Холмогорахъ и Вологдѣ.

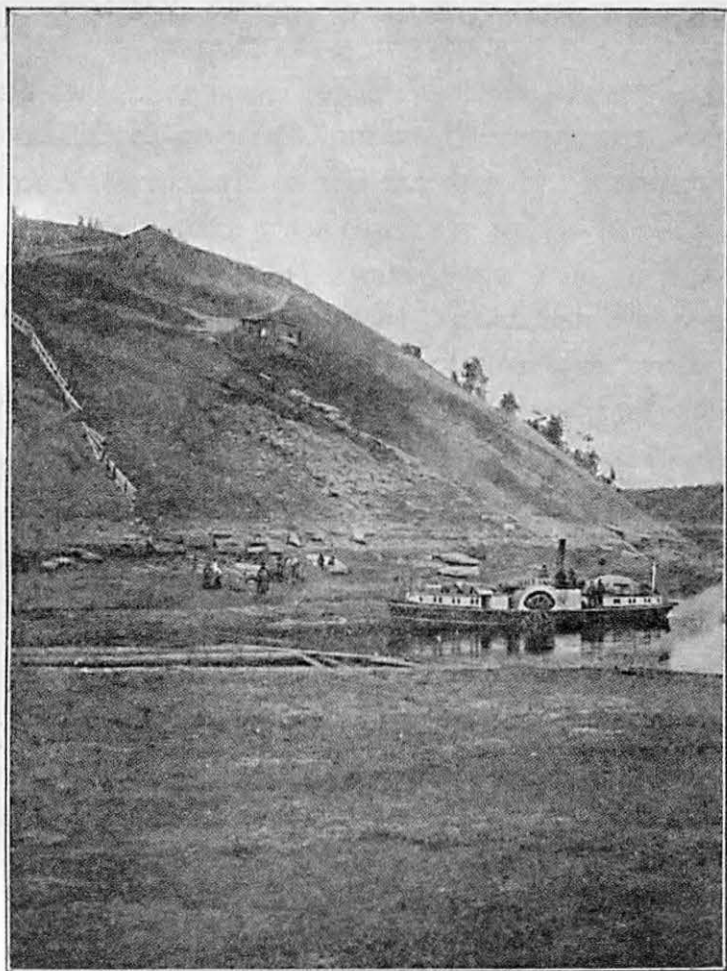
Поэтому батюшка торопился, и нашъ отъѣздъ былъ рѣшенъ окончательно.

Прощай Сура.

Мы не считаемъ нужнымъ подробно описывать обратное путешествіе о. Іоанна.

Въ записяхъ г. Животовскаго и игуменіи Таисіи можно от-

мѣтить только нѣсколько характерныхъ страничекъ и яркихъ чисто-библейскихъ картинъ.

По рѣкѣ Пинегѣ.

Буду продолжать въ хронологическомъ порядкѣ, но стану проходить все малохарактерное.

Утромъ 19-го іюня, пишетъ Животовскій, мы остановились у перваго попавшагося селенія, чтобы по обыкновенію

отслужить обѣдню. Въ Ягрышахъ (такъ называлось селеніе) мы почти никого не застали, такъ какъ весь народъ былъ занятъ тушеніемъ приближавшагося изъ тундры пожара. Однако, вѣсть о внезапномъ прибытіи отца Іоанна быстро облетѣла окрестныя села и народъ сталъ сбѣгаться со всѣхъ сторонъ.

Когда о. Іоаннъ кончилъ читать канонъ, храмъ былъ уже переполненъ молящимися. Церковный староста разсказалъ батюшкѣ, что Ягрыши и сосѣднія села сильно страдаютъ въ этомъ году отъ трехмѣсячной засухи. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ начался лѣсной пожаръ, который, приближаясь, грозилъ жилищамъ крестьянъ, поэтому онъ отъ лица всѣхъ крестьянъ просилъ батюшку помолиться о ниспосланіи дождя.

И отецъ Іоаннъ помолился.

Я вышелъ изъ церкви до окончанія обѣдни, желая поудобнѣе устроиться на палубѣ парохода, чтобы снять фотографію съ провожавшей о. Іоанна толпы.

Пока я возился съ фотографическими аппаратами, на солнце набѣжала тучка и на раскаленную землю пала тѣнь. Я обернулся назадъ и, къ великому своему удивленію, увидѣлъ, что весь горизонтъ покрытъ грозowymi тучами.

Да неужели же будетъ дождь? подумалъ я. Вѣдь если это случится, то жители Ягрышей будутъ передавать изъ поколѣнія въ поколѣніе своимъ дѣтямъ и внукамъ о случившемся, какъ о чудѣ, совершившемся по молитвѣ отца Іоанна...

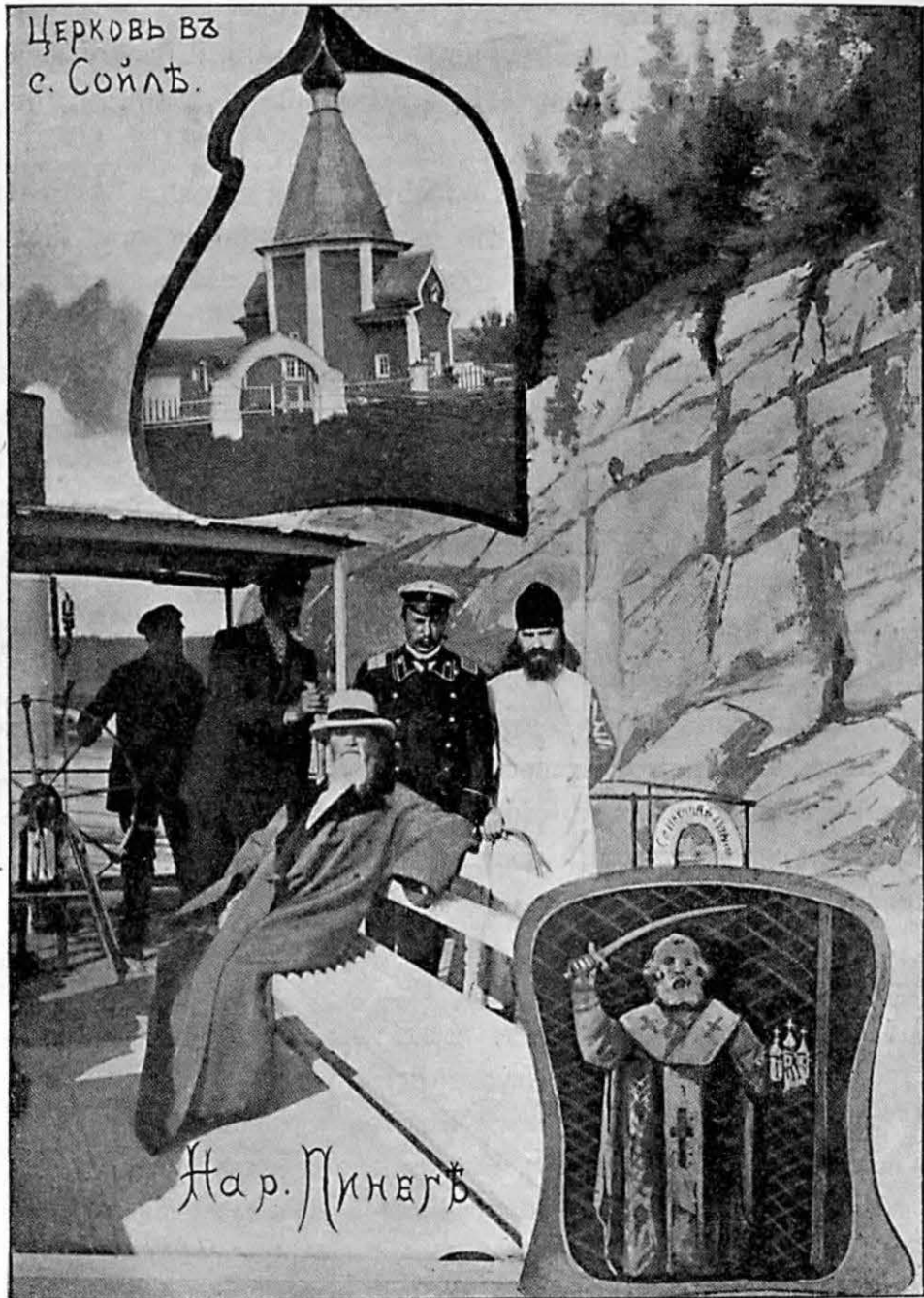
Но вотъ обѣдня окончилась.

Изъ церкви густой массой повалилъ народъ.

Я никогда не забуду этихъ изумленныхъ и радостныхъ лицъ, этихъ восторженныхъ глазъ, въ которыхъ свѣтилось столько чистой, простой вѣры!

Всѣ съ радостью смотрѣли на небо, на половину уже покрывшееся тучами, и дѣлились другъ съ другомъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ молитвою отца Іоанна. Когда батюшка вошелъ на

ЦЕРКОВЬ ВЪ
с. Сойлѣ.

Нар. Пинегъ

пароходъ и команда его начала готовиться къ отплытію, началъ накрапывать дождикъ.

Къ 8-ми часамъ 20-го Іюня мы подѣхали къ Великому Устюгу.

На этотъ разъ батюшка служилъ обѣдню въ соборѣ св. Прокція Праведнаго.

Когда о. Іоаннъ собирался возвратиться на пароходъ, къ нему обратились съ просьбою посѣтить одного больного юношу, который былъ ушибленъ лошадыю и теперь лежалъ дома, не имѣя возможности двигаться.

По словамъ просившихъ его навѣстить, доктора отказались его лѣчить, такъ какъ у больного образовалось нѣчто вродѣ гангрены.

Когда пріѣхалъ къ больному отецъ Іоаннъ, онъ сказалъ ему:

Если можешь съ вѣрою помолиться, то молись и надѣйся, Господь услышитъ тебя и поможетъ.

Вѣрю, батюшка, всѣмъ сердцемъ вѣрю, помолитесь обо мнѣ, отвѣтилъ ему юноша.

Отецъ Іоаннъ началъ молиться. Когда послѣ окончанія молитвы, отецъ Іоаннъ, простившись съ семьею, направился къ выходу, больной самъ поднялся со своего мѣста, отбросилъ костыли въ сторону и, пошатываясь, пошелъ провожать къ выходу отца Іоанна.

Смотри, мама, проговорилъ онъ, я безъ костылей уже могу держаться.

Каждый годъ и, кажется, всегда на обратномъ пути изъ Суры о. Іоаннъ навѣщаетъ Леушинскую обитель.

Эти путешествія описываетъ ежегодно игуменія Таисія.

Такъ какъ эта достоуважаемая женщина очень хорошо знаетъ «батюшку» то нѣкоторыя наблюденія ея интересны и назидательны.

О. Іоаннъ на пароходѣ.

Во время плаванія батюшка любитъ ходить по трапу и предаваться уединенно богомыслию и созерцательной молитвѣ. Такъ

Сурскій Іоанновскій монастырь

Создаіе
о. Іоанна
въ Сурѣ

Каменная церковь,
школа и монастырская лавка

Погостъ.

было и нынѣ. Нѣкоторые изъ его спутниковъ сидѣли на трапѣ, не безпокая его. Въ числѣ ихъ была и игуменія Таисія, тоже сидѣвшая уединенно. Былъ сильный вѣтеръ; «батюшка подошелъ къ игуменію и, сѣвъ подлѣ нея, сказалъ: «посмотри, матушка, видишь муха борется съ вѣтромъ; она хочетъ летѣть, напрягаетъ силенки, вишь крылышки натягиваетъ, какъ паруса, а вѣтеръ ее такъ и гнететъ назадъ, вишь борется, а все таки борется, не уступаетъ вѣтру, летитъ понемногу. Такъ врагъ бореть душу, идущую путемъ спасенія, сисясь низложить ее вѣтромъ нынѣшняго безвѣрія и пороковъ, а благодатію Божіею душа не ослабѣваетъ и побѣждаетъ его».

На закатѣ солнца, батюшка снова ходилъ по трапу и молился. Матушка Таисія сидѣла въ отдаленіи. Онъ подошелъ къ ней и, указывая на горизонтъ, сказалъ: «Смотри, матушка, какое чудное небо, какая чудная заря. Какъ дивенъ Богъ въ своемъ твореніи. Одно свѣтило, одно только солнце, сколько оно разливаетъ для всѣхъ добра; сколько красоты, свѣта, тепла, всякаго блага. Все для человѣка сотворилъ Господь; а какъ величественъ Онъ Самъ, наше солнце мысленное, нашъ Свѣтъ пресвѣтлый. О вѣра, вѣра, какъ ты оживляешь, возвышаешь, умиляешь, просвѣщаешь, радуешь душу, и какъ жалки несчастные невѣры.

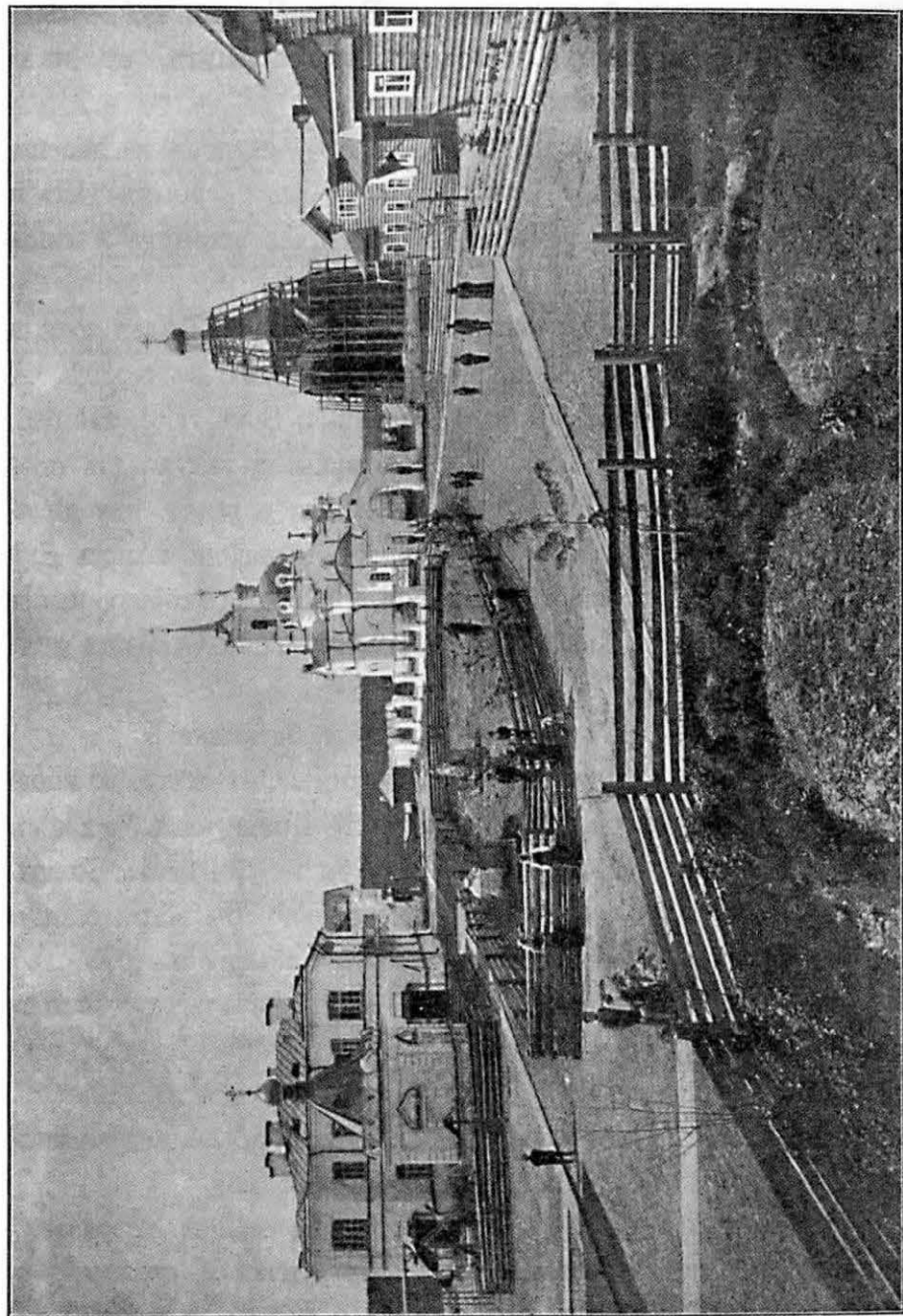
Иногда къ о. Іоанну подходитъ кто нибудь изъ близкихъ ему для уединенной бесѣды.

Батюшка всегда идетъ навстрѣчу доброму желанію и бесѣдуетъ любовно и благостно.

О чемъ ведутся эти бесѣды? Какъ ведутся? Увѣрены, что читатель не посѣтуетъ, если мы передадимъ одну теплую бесѣду о. Іоанна съ случайной его собесѣдницей.

Батюшка, научи меня молиться! Не могу я. Плохо умѣю.

О. Іоаннъ. Да, самое простое дѣло молиться, а вмѣстѣ и самое трудное. Дитя малое умѣетъ по своему молиться, просить своего отца, или мать. Мы дѣти Отца Небеснаго, неужели дѣтямъ ухит-

Село Сура.

ряться просить Отца? Какъ чувствуешь, такъ и говори Ему свои нужды, такъ и открывай свое сердце. «Близъ Господь всѣхъ призывающихъ Его» во истинѣ... и молитвы ихъ слышать, но вмѣстѣ и будь мудра и осторожна, береги умъ.

«Мало я молюсь, батюшка, дѣла давятъ, вечеромъ не знаешь какъ до подушки добратся, такъ умаешься отъ дневныхъ дѣлъ и заботъ, а утромъ прежде чѣмъ я встану, дѣла встанутъ и лишь отворишь дверь, то едва-ли вернешься для молитвы».

О. І. Не въ многоглаголаніи молитва и спасеніе. Читай хотя и немного молитвъ, но съ сознаніемъ и съ теплотою въ сердцѣ. А главное, въ теченіи цѣлаго дня имѣй память о Богѣ, т. е. тайную, внутреннюю молитву. Я и самъ не имѣю времени выстаивать продолжительныя, монастырскія службы, но всегда и вездѣ: иду ли я, сижу, или лежу мысль о Богѣ не покидаетъ меня: я молюсь Ему духомъ, мысленно предстою Ему и созерцаю Его предъ собою; мысль о близости Его ко мнѣ никогда не покидаетъ меня. Старайся и ты такъ поступать.

«А близкимъ къ себѣ вы Его ощущаете, батюшка!»

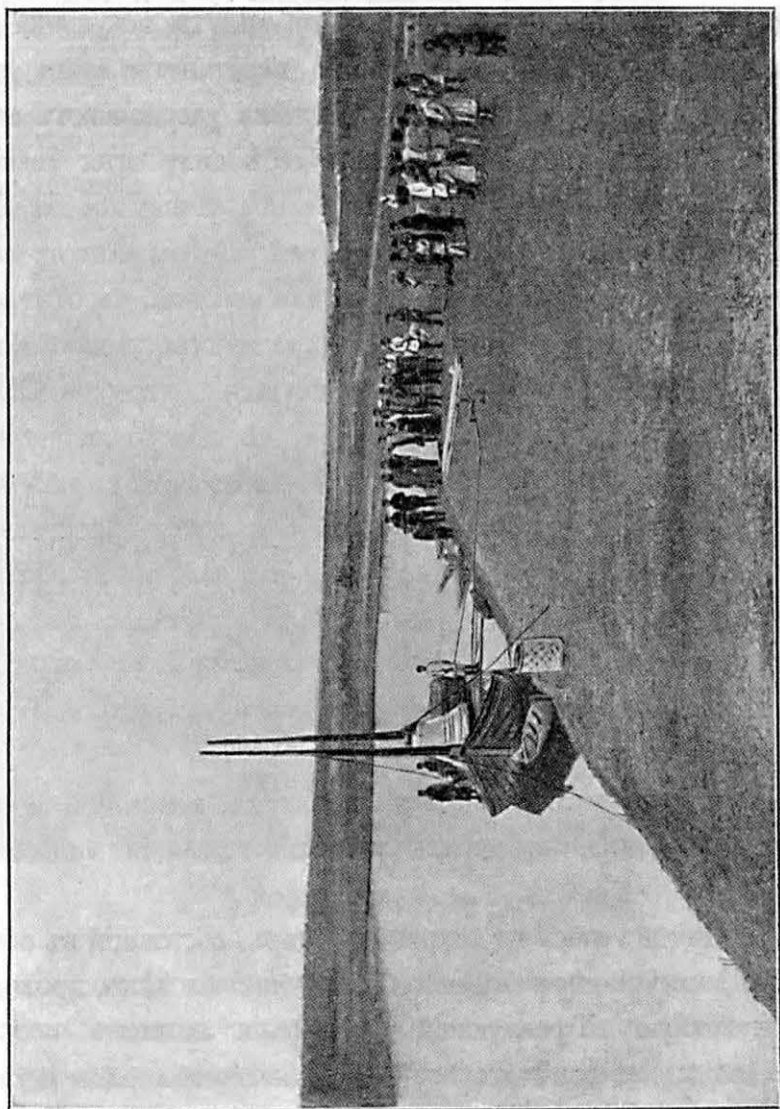
О. І. Да, родная, близкимъ, весьма близкимъ: Онъ всегда со мною по слову Его «и вселюся въ нихъ и похожду!» Иначе, какъ бы я могъ такъ дѣйствовать по цѣлымъ днямъ, если бы не благодать Божья.

«Да, батюшка, трудитесь Вы изумительно. Вы всецѣло приносите себя въ жертву на служеніе людямъ, забывая о себѣ».

О. І. Пожалуй ты и слишкомъ уже много сказала, но дѣйствительно, я стараюсь по мѣрѣ силъ моихъ, съ помощью Божьей, служить спасенію душъ человѣческихъ. Я готовилъ себя къ этому съ самаго начала своего священствованія. Пастыри, преемники апостоловъ, должны жить для паствы своей, а не для себя.

«Не легко Вамъ думаю было батюшка, на первыхъ-то порахъ. Но зато теперь Вы стоите выше всѣхъ искушеній и страстей, а что приразилось бы къ Вамъ, сокрушится о камень вѣры и благодати, присущей къ Вамъ».

О. Іоаннъ перекрестился и сказалъ вздохнувъ: «много сказать выше искушеній и страстей, я не безстрастенъ, только

Колоколъ, привезенный на баркѣ для Сурожскаго храма.

Божья благодать и сила всегда подкрѣпляла и ободряла меня. Наши вѣдь *однѣ немощи и грѣхи*, а способности къ служенію отъ Бога».

«Батюшка, доколѣ чловѣкъ во плоти, онѣ не можетъ быть свободенъ отъ страстей и отъ соблазновъ, которые отовсюду окружаютъ въ мірѣ?»

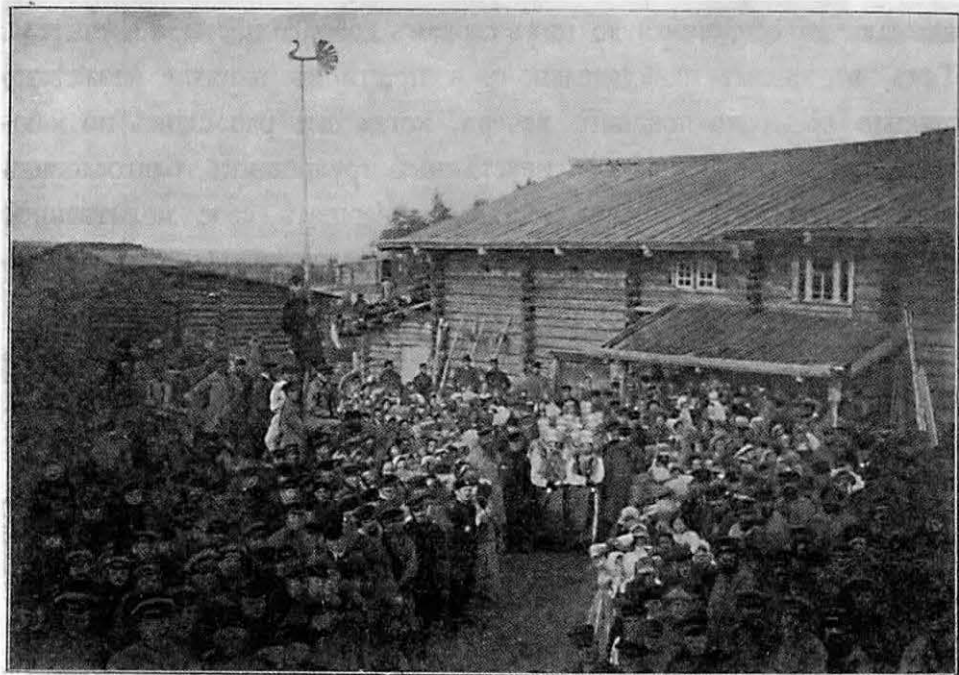
О. І. Разумѣется не свободенъ: потому то и надобно глубоко и неослабно внимать себѣ. Чловѣкъ въ минуты искушенія подобенъ лежащему на вѣсахъ, куда его перетянетъ: врагъ тянетъ его въ гибель, а ангелъ и совѣсть чловѣка удерживаютъ его. Въ это время самое лучшее представлять себѣ силу огня геенскаго,жигающаго грѣшниковъ. Эта мысль сильна угасить огонь всякаго искушенія, особенно, если прибавить къ ней тайную молитву сердца.

Всякій грѣхъ, совершенный волею или неволею, тяготитъ душу и нарушаетъ ея мирное состояніе. Говорю изъ собственного опыта: съ потерей мира, рождается тревога, смущеніе, тѣснота. О! Какъ тяжело бываетъ душѣ и какъ трудно ей снова возстановиться. Потребно немедленное, тайное покаяніе, «воззоветъ ко мнѣ и услышу его». Господь знаетъ наши немощи, Онѣ готовъ простить намъ все, если мы каемся и просимъ прощенія. Не надобно коснѣть, т. е. останавливаться на мысли о совершенномъ грѣхѣ, а тотчасъ же каяться, памятуя милосердіе Божіе, тогда не тревога породится и разсѣянность, а сокрушеніе и смиреніе сердца, которое и Богъ не уничтожаетъ, т. е. не презреть.

Какъ сохранить въ душѣ миръ съ Богомъ, возстановленный въ ней чрезъ таинство, или чрезъ таинство покаянія милосердіемъ Божіимъ?

О. І. Ничѣмъ такъ не сохранишь миръ, состоящій въ общеніи съ Богомъ, какъ вниманіемъ къ себѣ. Вообще чловѣкъ, проходящій жизнь духовную и ревнующій о спасеніи долженъ неослабно внимать себѣ, т. е. замѣчать всѣ движенія своего сердца и ума. За ними сильно назираетъ врагъ и ищетъ уловить ихъ и когда найдетъ скважинку, т. е. минуту, не занятую вниманіемъ самого домохозяина тотчасъ же вторгается, начинаетъ хозяйничать въ его душѣ и много можетъ навредить ей.

А какъ тяжело чувствуетъ себя душа, когда очистившись и возстановивъ свое общеніе съ Богомъ, опять согрѣшить! На чистомъ и бѣломъ виднѣе пятнышко и самомалѣйшее, такъ и на душѣ чистой, а въ черномъ и грязномъ они и не замѣтны за общою чернотою. Опять такъ и выходить, что надобно внимать себѣ и имѣть непрестанное памятованіе о Богѣ и внутреннюю молитву.

Встрѣча о. Іоанна въ Сурѣ.

— Велика въ васъ вѣра, батюшка, а во мнѣ недостаточна подѣлитесь со мною.

— «Бери сколько хочешь,—сколько можешь понести»—сказалъ о. Іоаннъ полусмѣя,—потомъ проникновенно и совсѣмъ серьезно прибавилъ: Господь богатъ милостью.

Еще чаще конечно «батюшка» бесѣдуетъ со всѣми окружающими, назидая всѣхъ.

1 іюля около 2-го часа пополудни о. Іоаннъ, читаемъ въ записи игумены Таисіи, вышелъ на трапъ (такъ какъ обычно предпо-читаетъ быть на свѣжемъ воздухѣ, чѣмъ въ душныхъ каютахъ); его окружили его спутники, давно ожидавшіе его на пароходѣ.

О. Іоаннъ, всегда во всемъ ища пользы и назиданія ближнихъ, взялъ библію и сталъ вслухъ читать Пророковъ и Апостоловъ и объяснять читаемое; его окружили всѣ, не исключая и служащихъ, только двое лопмановъ, какъ стражи, стояли у колеса, но и тѣ, кажется внимали доносившимся до нихъ словамъ добраго пастыря и учителя. Такъ, въ такомъ назидательномъ и пріятномъ занятіи незамѣтно прошло время до поздняго вечера, когда всѣ разошлись по каютамъ, для ночного покоя, а неустанный труженникъ, благословивъ и отпустивъ всѣхъ, самъ остался совершать свое молитвенное правило, такъ какъ на слѣдующій день готовился служить литургію въ Леушинскомъ монастырѣ.

Леушинская обитель для о. Іоанна мѣсто отдыха. Такъ какъ ему очень рѣдко приходится отдыхать, то посмотримъ, какъ онъ отдыхаетъ здѣсь среди любимой имъ природы, среди уединенія.

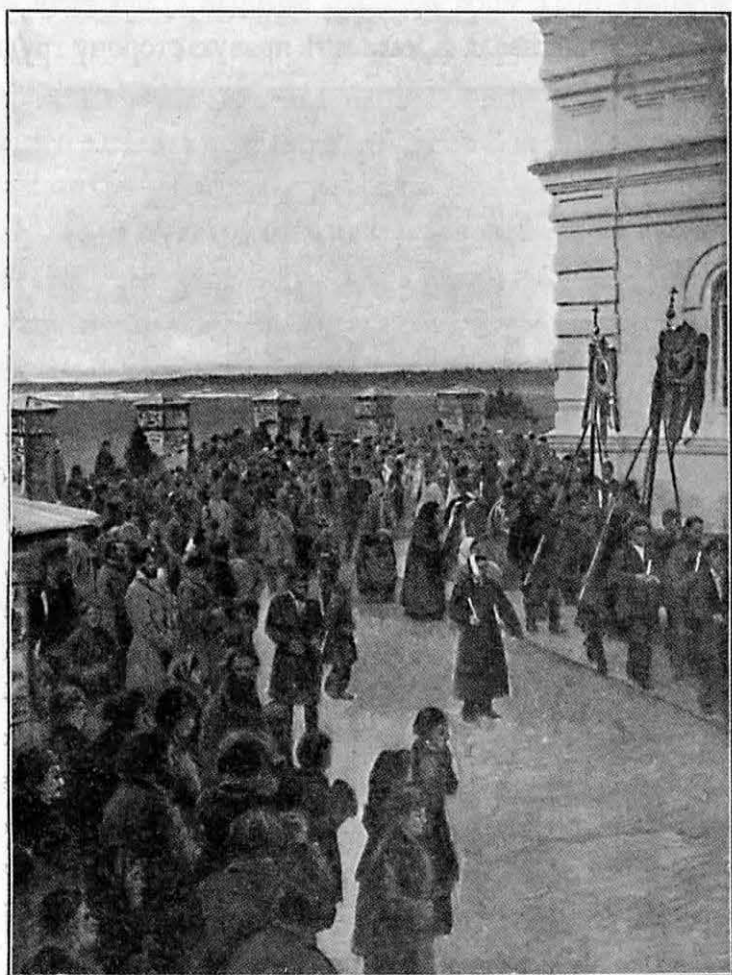
Будемъ пользоваться записями игумены Таисіи за 1896 годъ, хотя въ нашемъ распоряженіи есть и записъ 1903 г.

Къ 8-ми часамъ утра о. Іоаннъ прибылъ въ обитель, гдѣ встрѣченъ былъ съ колокольнымъ звономъ, возвѣщавшимъ о времени богослуженія, и прослѣдовалъ прямо въ соборъ, въ дверяхъ котораго былъ встрѣченъ мѣстнымъ монастырскимъ причтомъ при пѣніи сестеръ-пѣвчихъ. Затѣмъ началось богослуженіе.

Не смотря на сѣнокосную пору и на непраздничный день весь обширный помѣстительный храмъ обители былъ переполненъ молящимися; кромѣ ближнихъ были и дальніе прибывшіе изъ со-сѣднихъ городовъ: Рыбинска, Ярославля, Устюжны, Весьегонска и даже изъ Петербурга.

Послѣ литургіи батюшка прослѣдовалъ въ келлію настоятель-ницы, которая съ искреннимъ усердіемъ и радостію предоставила

высококочтимому гостю все свое помѣщеніе, съ посильными удобствами. Пользуясь благопріятной погодою, батюшка вышелъ въ садъ; здѣсь подошли къ нему нѣкоторые изъ прибывшихъ гостей

Крестный ходъ въ Сурѣ при освященіи храма.

и рассказали случай исцѣленія отъ воды колодца, вырытаго въ прошломъ году по благословенію о. Іоанна; между рассказывающими былъ и самъ исцѣлившійся, подтвердившій истину, крестья-

нинъ Череповецкаго уѣзда, Павелъ Денисовъ: «Пріѣхали мы съ бариномъ», началъ онъ, «сюда помолиться и, уже подѣвжая къ монастырю, я какъ-то оплошалъ, недоглядѣлъ глубокой канавы и попалъ переднимъ правымъ колесомъ въ нее, тарантасъ опрокинулся и я упалъ подъ ноги лошади, которая стала меня лягать и дергая тарантасъ, задѣвала и мяла мнѣ правую сторону груди, плечо и руку. Почти безъ сознанія я поднялся на ноги; рука правая не владѣла и страшно ныла, я съ трудомъ поддерживалъ ее лѣвой рукой.

«Тутъ вспомнилось мнѣ о колодцѣ вашемъ, батюшка, я побрелъ на него и мнѣ омыли водою изъ него больную руку. Не успѣлъ дойти отъ колодца до собора, какъ рука получила владѣніе и я сталъ ею креститься, какъ ни въ чемъ ни бывало, и вотъ, слава Богу, я здоровъ. Въ соборѣ шла всенощная, послѣ которой мнѣ батюшка отслужилъ молебенъ при всемъ народѣ, всѣ видѣли, какъ вели меня безрукаго и какъ я получилъ снова руку».

Интересна исторія колодца. Онъ вырытъ въ 1895 году при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Леушинскій монастырь далекъ отъ рѣки и пользуется водою лишь исключительно изъ колодцевъ, которыхъ въ немъ хотя и нѣсколько, но всѣ они въ весеннюю пору пересыхали, вода накоплялась медленно, съ большимъ осадкомъ песка, и полутысячное населеніе обители (350 сестеръ, 60 воспитанницъ, семейства причта, рабочіе и постоянные богомольцы) принуждено было весною оттаивать снѣгъ для полученія воды или-же терпѣть лишеніе въ ней, пережидая накопленія ея въ томъ, или въ другомъ колодцѣ. Въ 1895 году настоятельница игуменія Таисія сообщила о семъ существенномъ недостаткѣ посѣтившему обитель отцу Іоанну и просила его указать мѣсто для вырытія колодца и молитвою и благословеніемъ сдѣлать его неизсякаемымъ источникомъ воды на потребу живущихъ.

Батюшка отвѣчалъ: «объ этомъ надобно помолиться, чтобы указалъ Самъ Господь». На слѣдующій день, 16-го іюля, въ самый полдень батюшка, бывъ въ саду, пригласилъ игуменію и подошелъ

къ олтарной стѣнѣ домового храма (противъ горняго мѣста) на разстояніи аршинъ 5 отъ стѣны, указаль мѣсто для рытія колодца. Затѣмъ онъ возложилъ на себя епитрахиль, спросилъ Евангеліе и прочиталь 4-ю главу отъ Іоанна о бесѣдѣ Спасителя съ Самарянякою, благословилъ указанное мѣсто, окропивъ его св. водою. Тотъ

Блюдо, поднесенное жителями с. Суръ о. Іоанну.

часть-же было приступлено къ вырытію колодца; вода въ немъ оказалась обильная, вкусная и, какъ доказываютъ примѣры, благодатно-цѣлебнаго свойства. Слава Господу, творящему дивная и преславная чрезъ близкихъ къ Нему и угождающихъ Ему людей!

Вечеромъ батюшка предложилъ игуменіи и болѣе близко знакомымъ изъ гостей заняться слушаніемъ его чтенія и разясненія священнаго Писанія, и на этотъ разъ избралъ книгу Апокалипсисъ св. Іоанна Богослова.

Въ одной изъ аллей сада, близъ пруда, всѣ размѣстились вокругъ стола, за которымъ дорогой батюшка началъ свое чтеніе, прерывая его разясненіемъ и толкованіемъ. Очевидно, что это доставило большое утѣшеніе всѣмъ слышавшимъ, и время незаметно пролетѣло до поздняго вечера. Всѣ, принявъ благословеніе, разошлись на покой, одинъ неусыпный молитвенникъ о. Іоаннъ долго еще оставался въ саду и для уединеннаго богомыслія и созерцательной молитвы.

На слѣдующій день батюшка служилъ утрению и литургію, за которой всѣ сестры обители сподобились причаститься Св. Таинъ, равно какъ и многіе изъ посѣтителей, которые успѣли приготовиться къ сему.

Далѣе день прошелъ также, какъ и предшествовавшій; только вечеромъ батюшка служилъ молебенъ съ водоосвященіемъ на своемъ колодезѣ и тутъ же освятилъ вновь написанный для одной церкви большой крестъ съ распятіемъ и множество малыхъ иконочекъ, коими при отъѣздѣ благословлялъ каждую изъ сестеръ обители.

Вечеромъ батюшка снова читалъ въ саду и объяснялъ читаемое. Наступилъ и 3-й, послѣдній день пребыванія въ Леушинской обители безпѣннаго гостя. Батюшка по обыкновенію совершалъ литургію и оставшіяся не причастившимися сестры сподобились Св. Причащенія, а также и многіе изъ посѣтителей.

Дни пребыванія въ Леушинской обители о. Іоанна были поистинѣ днями общаго праздника и торжества, днями общей радости, общаго счастья и довольства. Любвеобильный батюшка самъ какъ бы искалъ всѣхъ утѣшить, ободрить въ подвигахъ нелегкой монашеской жизни, всѣхъ ласкалъ, и чувство благодатной, безгра-

О. Юаннъ благословляетъ Суражскую обитель.

ничной любви его какъ бы переливалось въ сердца присутствующихъ и объединяло ихъ тою искреннею дѣтскою любовію, которая сообщаетъ счастье и спокойствіе душамъ, давая возможность хотя на время позабыть все житейское, суетное попеченіе. Въ день отъѣзда своего о. Іоаннъ кушалъ въ общей трапезѣ съ сестрами; онъ сидѣлъ на мѣстѣ настоятельницы, которая между тѣмъ, говорила поученія сестрамъ о монашеской жизни.

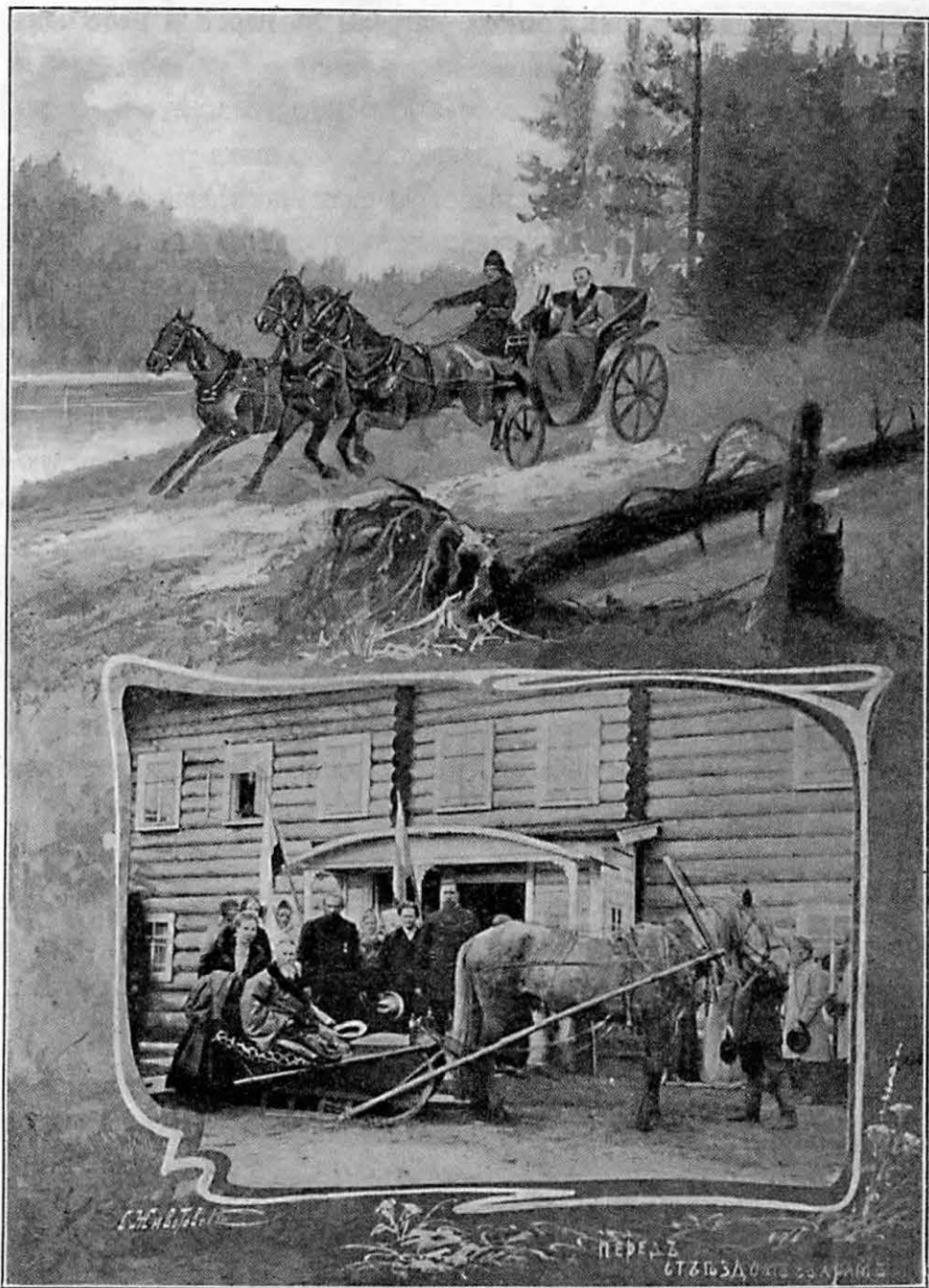
Затѣмъ, посѣтивъ всѣхъ членовъ монастырскаго причта, батюшка прибылъ въ домовую церковь, гдѣ собрались всѣ сестры, въ ожиданіи послѣдняго прощальнаго благословенія; на всѣхъ лицахъ былъ отпечатокъ скорби о разлукѣ съ безгранично любимымъ отцомъ-пастыремъ. Когда вошелъ батюшка на солею, онъ, обратясь лицомъ къ сестрамъ, сказалъ имъ такую рѣчь:

«Овцы гласа моего слышатъ и по мнѣ грядутъ. И Азъ животъ вѣчный дамъ имъ» ¹⁾), сказалъ Господь. Слова эти относятся къ вамъ, возлюбленные сестры; это вы овечки Христовы, послушавшія гласа добраго пастыря Христа, призвавшаго васъ къ своему служенію, исключительному отъ общаго служенія всѣхъ христіанъ, живущихъ въ мірѣ среди сѣтей и соблазновъ. Услышали вы сладчайшій гласъ Его въ сердцахъ своихъ и пошли вслѣдъ Его, какъ выразился св. апостоль Петръ: *«се мы оставимъ вся и въ слѣдъ Тебе идехомъ»* ²⁾). Далѣе батюшка выяснилъ, при какихъ условіяхъ это отчужденіе отъ міра можетъ быть пріятно Господу, напомнилъ основныя правила монашеской жизни, выполненіе каковыхъ требуетъ mnogой и долговременной борьбы съ помыслами и искушеніями отъ плоти и міра и діавола бываемыми, особенно отъ діавола, этого исконнаго врага спасенія нашего, который непрестанно *«ходитъ, яко левъ рыкая, искій кого бы поглотити»* ³⁾), т. е. кого бы отвратить отъ пути спасительнаго. Онъ поощрялъ сестеръ въ ихъ

¹⁾ Іоан. 10, 27 и 28.

²⁾ Матѣ. 19, 27.

³⁾ 1. Пет. 5, 8.

духовномъ дѣланіи, ободрялъ упованіемъ на помощь Божію утѣшалъ обѣщаніемъ отъ Господа награды въ царствіи небесномъ блаженства безконечнаго, *«его же око человеческое не видѣтъ, ухо не слышитъ и на сердце человека не взыде»* ¹⁾. «Итакъ, спасайтесь сестры, чада Христовы возлюбленные!» заключилъ батюшка.

Общія слезы и всхлипыванія заглушали послѣднія слова его; всѣ 300 сестеръ, какъ одна, восклицали въ отвѣтъ ему: «Помолитесь за насъ, дорогой батюшка, не оставляйте насъ!» «Не оставляю, не перестану поминать васъ, сестры», отвѣтилъ батюшка, «я всегдашній вашъ молитвенникъ!» Затѣмъ онъ началъ благословлять каждую изъ сестеръ, вручая ей иконочку или Св. Троицы, или Нечаянной Радости. Высокое, святое чувство наполняло души присутствующихъ въ храмѣ. Всѣ плакали, разставаясь съ безцѣннымъ благодатнымъ отцомъ; у всѣхъ, казалось, одно слово просилось изъ устъ: когда-то мы вновь увидимъ тебя, отче, и снова утѣшимся твоей сладкой бесѣдой! Наконецъ, при пѣніи «многолѣтія» батюшка сталъ садиться въ экипажъ; съ нимъ сѣла провожавшая его игуменія Таисія; въ другіе экипажи размѣстились спутники о. Іоанна и провожавшіе его гости обители, и всѣ направились къ пристани «Борки», гдѣ ожидалъ ихъ пароходъ.

Инокینی-пѣвчія, оставшіяся на пристани, пѣли «многолѣтіе» отплывавшему отъ нихъ дорогому посѣтителю, и долго провожало это пѣніе удалявшійся пароходъ. Добрый батюшка все время стоялъ на трапѣ, благословляя оставшихся на берегу, пока пароходъ совсѣмъ скрылся изъ вида.

А тамъ впереди Петербургъ, Кронштадтъ и труженическіе дни.

¹⁾ 1. Кор. 2, 9.

ДЕРКОЛЬСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Вз Шотовой горѣ

ПЕРЕПРАВА НА ПАРОМЕ

КЗБА ВЪ СОЙЛБѣ

О. Іоаннъ, отецъ бѣдняковъ, сирыхъ и убогихъ.

О. Іоаннъ отпраздновалъ уже юбилей 25, 35, 40 и 45 лѣтъ. Каждый изъ нихъ былъ торжествомъ всероссійскимъ.

Впрочемъ, въ послѣднее время такой характеръ носятъ даже именины о. Іоанна.

Все, что касается «батюшки» касается всего русскаго народа.

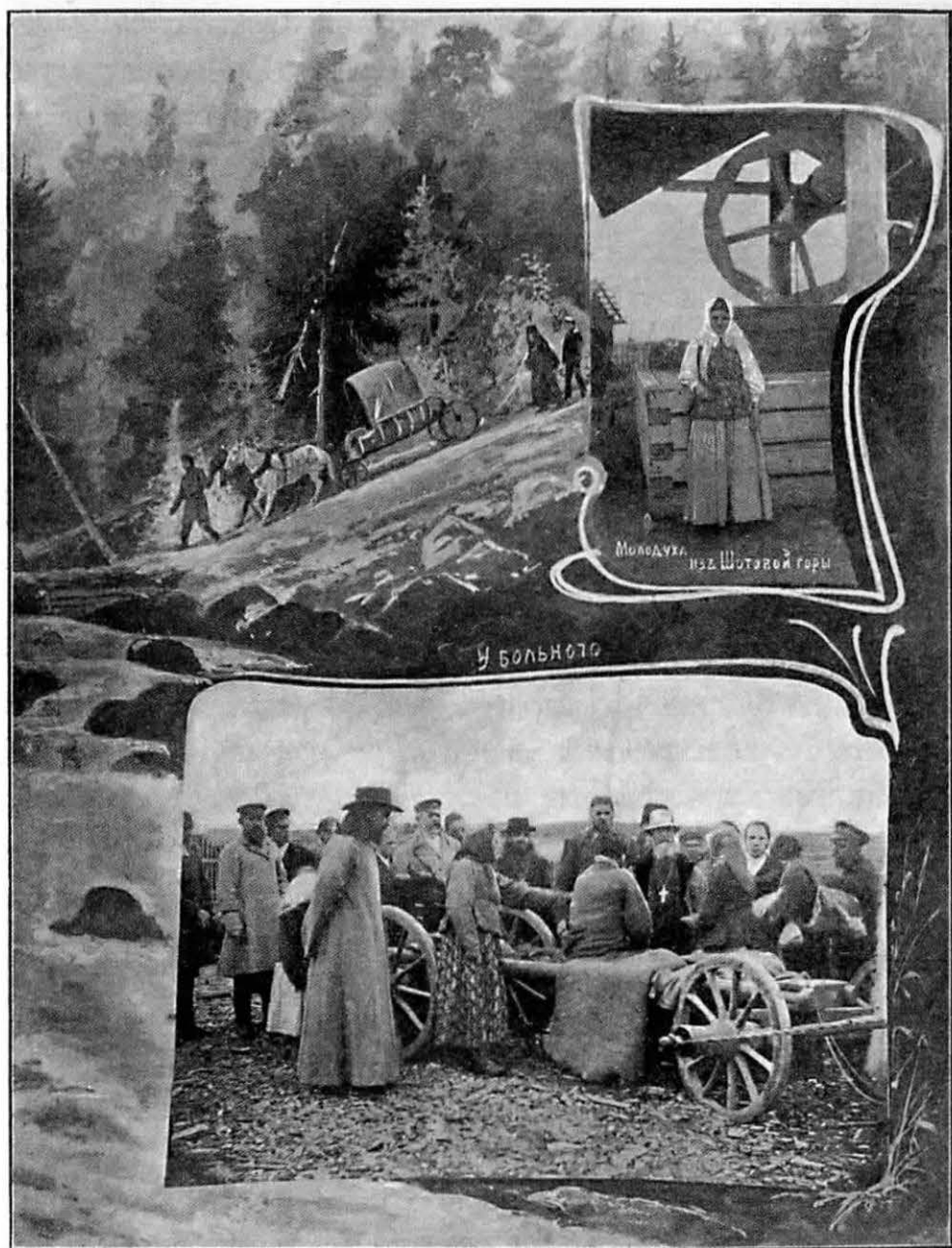
О. Іоаннъ бодръ и здоровъ. Онъ отзывается своимъ словомъ на каждое общественное явленіе.

Извѣстно, что будучи самъ по себѣ огромнымъ, «общественнымъ» явленіемъ, онъ не бѣгаетъ дѣятельности общественной и въ общепринятомъ смыслѣ слова. Такъ, онъ создаетъ въ Кронштадтѣ цѣлую систему благотворительныхъ учрежденій, сконцентрированныхъ около дома трудолюбія.

Поучительна исторія происхожденія этого дома.

Въ Крон. Вѣст. за 1872 г. появляется такое воззваніе.

«Кому не извѣстны, пишетъ батюшка, рой кронштатдскихъ нищихъ мѣщанъ-женщинъ и дѣтей разнаго возраста? Кто не видалъ и того, что между нищими-мѣщанами есть много людей молодыхъ и здоровыхъ, представляющихъ изъ себя весьма жалкую фигуру по своей крайне грязной и изорванной одеждѣ, трясущихся

Путешествіе о. Іоанна на Сѣверъ Россіи.

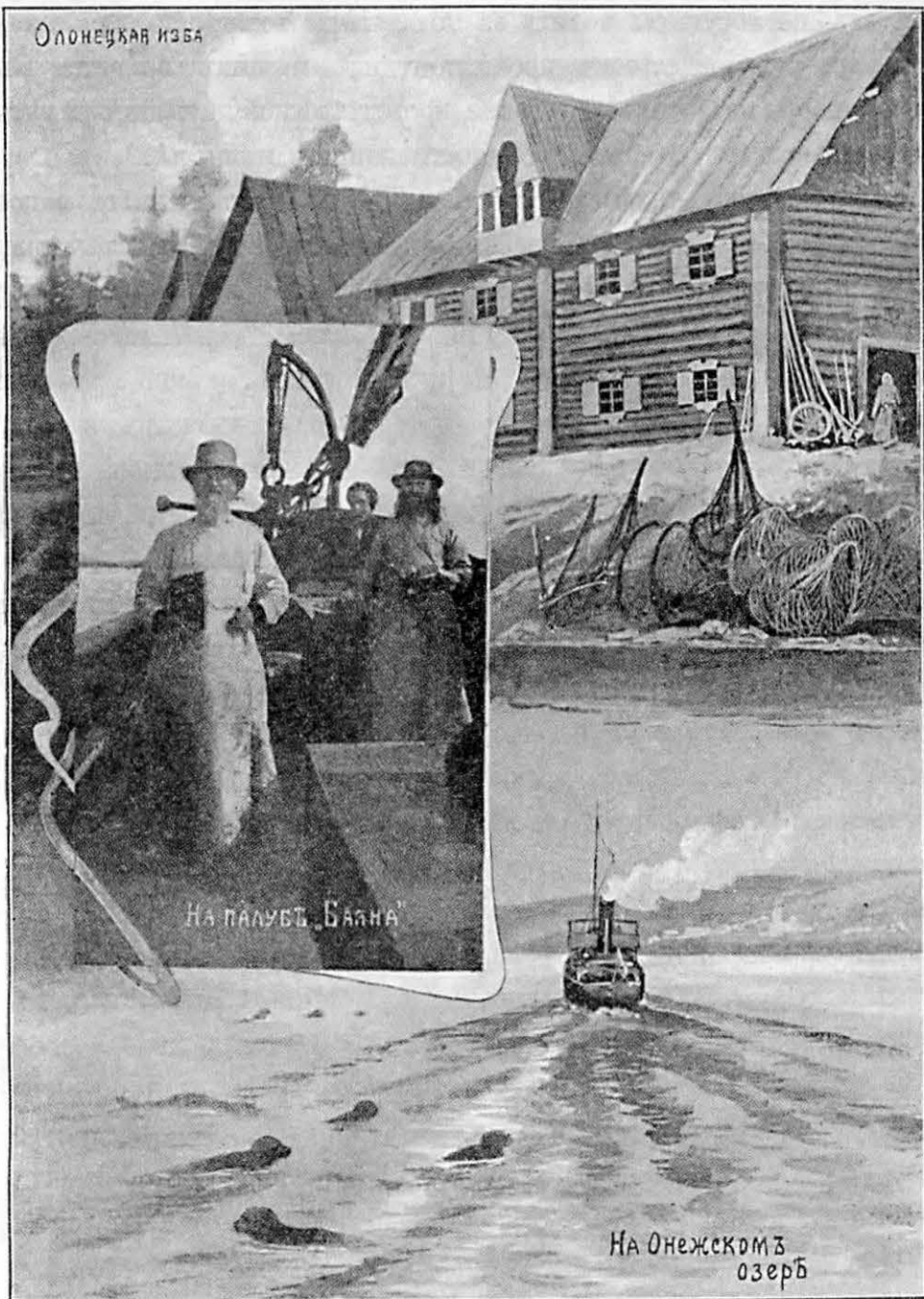
у преддверія храмовъ или лавокъ и заборовъ въ ожиданіи подаенія отъ какого-либо благодѣтеля? Но всякій-ли додумывается до настоящей причины такого множества бѣдныхъ въ Кронштадтѣ?

Вѣроятно, многимъ или некогда было вникнуть въ истинную причину этого зла, потому что всякій преслѣдуетъ свои житейскія цѣли, свои удовольствія, или многіе останавливались на той мысли, что нищета—неизбѣжное зло всѣхъ городовъ, не исключая, конечно, и сель.

Многимъ гражданамъ, вѣроятно, и не приходилось видѣть полную картину Кронштадтской нищеты, картину, далеко неотрадную. Такъ позвольте же, достопочтенные граждане, остановить ваше высокое вниманіе и на дѣйствительныхъ причинахъ нищеты и на этой картинѣ нищеты. Это нужно для всѣхъ насъ. Какъ не знать того, что такъ близко къ намъ, съ чѣмъ мы живемъ, что составляетъ, такъ сказать, ежедневный фазисъ нашей жизни, хотя часто и не совсѣмъ то пріятный.

Причинъ кронштадтской нищеты и бѣдности множество, вотъ главные: бѣдность отъ рожденія, бѣдность отъ сиротства, бѣдность отъ разныхъ бѣдственныхъ случаевъ, напр., отъ пожара, отъ кражи, бѣдность отъ неспособности къ труду по причинѣ старости или болѣзни, или калѣчества, или по маловозрастности, бѣдность отъ потери мѣста, бѣдность отъ лѣности, бѣдность отъ пристрастій къ хмѣльнымъ напиткамъ, и въ наибольшей части случаевъ, отъ недостатка труда, и отъ недостатковъ средствъ, съ которыми-бы можно было взяться за трудъ: порядочной одежды, обуви, насущнаго хлѣба, инструмента или орудія. Но отъ чего особенно много нищихъ именно въ Кронштадтѣ? Въ это тоже стоитъ вникнуть. Хотите удостовѣриться во множествѣ нищихъ въ Кронштадтѣ? Выйдите по утру, часовъ 9 или 10, въ субботу и вы во множествѣ увидите ихъ въ гостинномъ дворѣ и по всѣмъ улицамъ. Въ этотъ день они собираютъ милостыню, бываетъ имъ подача по $\frac{1}{4}$ коп., рѣдко по грошу, и вы увѣритесь въ справедливости сказаннаго.

ОЛОНЕЦКАЯ ИЗБА

О. Иоаннъ на Онежскомъ озерѣ.

Да это еще далеко не все: сколько есть больных, старых и малых, не могущих ходить за подаянiемъ! хорошо бы для озна-комленiя съ количествомъ кронштадтскихъ нищихъ привести въ извѣстность число ихъ! А угодно кронштадтской публикѣ видѣть непривлекательную картину бѣдности нашихъ нищихъ?

Вы заранѣе отказываетесь ее видѣть, вы отворачиваете лицо! Не гнушайтесь, вѣдь это члены наши, вѣдь это братья наши, хоть и непривлекательные по наружному виду. Вотъ эта картина: представьте сырые, далеко ушедшіе въ землю подвалы домовъ нѣ-которыхъ улицъ, въ которыхъ по преимуществу помѣщаются наши нищіе; тутъ помѣщаются по 30, 40 и 50 человѣкъ въ жильѣ, иногда положительно какъ сельди въ бочкѣ; тутъ старые и взрос-лые, и малыя дѣти, тутъ и младенцы, сосущіе сосцы, въ сырости, въ грязи, въ духотѣ, въ наготѣ, а часто и въ голодѣ. Интересу-ющійся самъ можетъ провѣрить истину этихъ словъ. Но къ чему же я утомляю такой картиной воображенiя читателей, привыкшихъ къ изящной обстановкѣ? Не для того, конечно, чтобы читатель только сказалъ: слава Богу, что я не родился въ бѣдности или не живу въ бѣдности; слава Богу, что у меня есть капиталецъ и я безпечень; слава Богу, что я живу съ комфортомъ и во всякомъ довольствѣ; или: я свою лепту вношу въ богадѣльню, на пріютъ, до этихъ нищихъ мнѣ дѣла нѣтъ. Нѣтъ, господа, это дѣло ка-сается до всѣхъ жителей города, какъ живущихъ на жалованьи, такъ и купцовъ, мѣщанъ и прочихъ, имѣющихъ какое либо состо-яніе. Въ чемъ же дѣло? спрашиваете вы. Въ томъ дѣло, чтобы всему Кронштадтскому обществу, духовному, военному, чиновничь-ему, торговому, мѣщанскому образовать изъ себя попечительство или братство при разныхъ церквяхъ, по примѣру существующихъ попечительствъ и въ С.-Петербургѣ и соединенными силами забо-титься о пріисканіи для нищихъ общаго жилья, рабочаго дома и ремесленного училища. Не пугайтесь, господа, громадности пред-принимаемаго дѣла: доброму дѣлу поможетъ Богъ, а гдѣ Богъ,

Леушинский монастырь с сѣверной стороны.

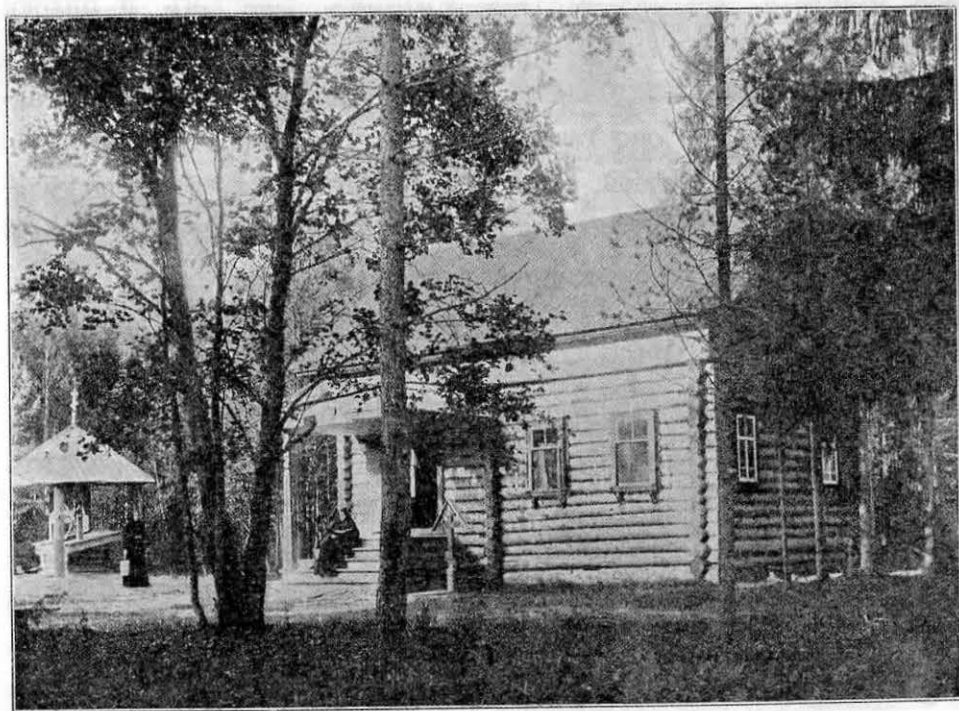
О. Іоаннъ среди иночницъ Леушинскаго монастыря.

тамъ скоро явится все какъ-бы изъ ничего. Начальство города, конечно, будетъ этому содѣйствовать и, если можно, уступить братству одно или два изъ ненужныхъ казенныхъ зданій, напримеръ, соляной пустой магазинъ противъ дома Касаткина, или одно изъ пустыхъ зданій за канавой близъ лѣтняго сада, такъ какъ братство будетъ содѣйствовать предначертаніямъ самаго правительства о водвореніи между нищими труда и довольства. Умъ хорошо, а два лучше; съ міру по ниткѣ—бѣдному рубашка; кто чѣмъ можетъ, тѣмъ и поможетъ. Если городу угодно было принять къ себѣ такое множество нищихъ—мѣщанъ, то онъ, конечно, долженъ взять на себя и обязанность занять чѣмъ нибудь этихъ праздныхъ людей, сдѣлать ихъ осѣдлыми; иначе выйдетъ и возрастетъ неизбѣжное зло, воровство и грабительство, и мирные граждане не будутъ безопасны вездѣ и всегда. Пора сдѣлать что либо рѣшительное относительно Кронштадтскихъ мѣщанъ или устроить для нихъ рабочій домъ и для дѣтей ремесленную школу, или-же, какъ крайнюю мѣру, выпроводить часть ихъ куда нибудь въ другое мѣсто. Итакъ, братья, всѣ кого интересуетъ благо человѣчества, пусть соберутся и сплотятся въ дружное общество и будемъ посвящать свои досуги и собирать нравственные и матеріальныя силы согражданъ на приготовленіе дома трудящихся и на снабженіе его потребными вещами, также и на устройство ремесленного училища».

Черезъ нѣсколько времени появилось и второе воззваніе глубокуважаемаго пастыря по тому же поводу. Онъ писалъ: Муравьи дѣлаютъ муравейники, въ которыхъ имъ бываетъ и зимою тепло и сытно; звѣри логовища; пчелы—ульи; птицы—гнѣзда, пауки—паутины, а люди—дома, церкви, театры, мосты, желѣзныя дороги, броненосныя суда, пароходы, крѣпости и проч. Всякому животному дано отъ Бога, вложено въ природу его умѣнье довольствоваться собой, защищать себя отъ вреднаго дѣйствія стихій, или отъ живыхъ непріятелей; а человѣка, существо Богоподобное въ нравственномъ

О. Иоаннъ читаетъ Евангеліе въ саду обители.

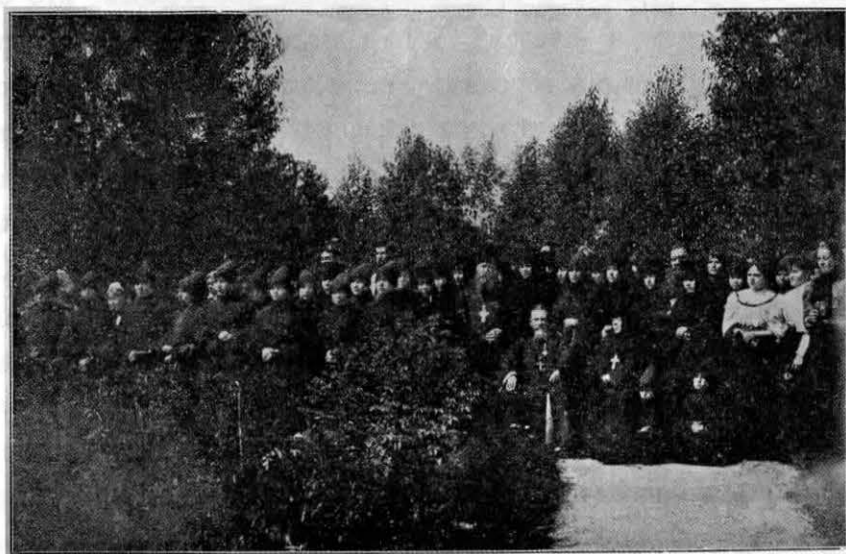

Колодезь Леупинскаго монастыря.
Пустынька «Крестикъ», основанная о. Иоанномъ.

идеалъ, царя видимой твари, Богъ надѣлилъ разумомъ, съ помощью котораго онъ изобрѣлъ разныя полезныя науки и искусства, и такъ какъ человѣкъ созданъ для общежитія, и все множество людей должно, по намѣренію Божію, составлять одно тѣло, а разныя члены, то для благоденствія и довольства, для удовлетворенія многочисленныхъ нуждъ человѣчества или обществъ человѣческихъ, премудрость Божія и наука, отъ Бога данная, сообщила каждому человѣку, кромѣ общихъ особенные таланты или способности и умѣнье: иному власть, искусство, силу управлять людьми, другому искусство и власть учить и назидать другихъ; иному сочинять, составлять планы и проекты, а другимъ приводить ихъ въ исполненіе, иному искусство нападать на непріятеля или защищаться отъ него; тому умѣнье вести торговлю, этому производить заводство или фабричное мастерство; иному данъ талантъ ковать или отливать; другому владѣть долотомъ, топоромъ и пилою; иному шить сапоги, а другому умѣнье шить одежду; иному прясть, ткать или вязать, иному варить и печь. Что касается Кронштадтскаго общества, то оно такъ населенно и разнообразно, что въ немъ, по милости Божіей, есть люди всякаго рода, всякаго дѣла, всякаго умѣнья, или искусства; и люди власти, капитала, по желанію и инициативѣ которыхъ могутъ дѣлаться всякія добрыя дѣла; есть у насъ и инженеры, и архитекторы, и лѣсовщики, и плотники, и столяры, и печники, и кровельщики, и кузнецы, и литейщики, и портные, и сапожники, и пекаря и кухмистеры. Но рука руку моему, и палецъ палецъ; сильные должны носить немощи и немощныхъ. При такомъ богатомъ разнообразіи силъ нашего общества, при такой его талантливости, при такомъ множествѣ людей и образованныхъ и дѣльныхъ, и искусныхъ и съ состояніемъ хотя и не громаднымъ, было-бы и предъ Богомъ грѣшно и предъ людьми стыдно оставлять такое множество нашихъ членовъ (разумѣю нашихъ мѣщанъ) оторванными отъ общественнаго тѣла, и отъ его благосостоянія.

О. Іоаннъ и игуменія Таисія, настоятельница Леушинскаго монастыря.

О. Іоаннъ въ саду Леушинскаго монастыря.

Отчего не связать ихъ съ общественнымъ организмомъ, соорудивъ для нихъ помѣщеніе и давъ каждому изъ нихъ дѣло, и тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ способны къ разнымъ мастерствамъ, и съ дѣломъ, давъ имъ хлѣбъ и все нужное? Опять я обращаюсь къ обществу съ покорнѣйшею просьбою, обратить дѣятельное вниманіе на Кронштадтскихъ нищихъ мѣщанъ, приписанныхъ палатою къ Кронштадту и не имѣющихъ въ немъ никакой осѣдлости, прискаты или сдѣлать для нихъ общее помѣщеніе и каждому дать соотвѣтственно его силамъ трудъ, которымъ они могли-бы кормиться или одѣваться. Во имя христіанства, во имя человѣколюбія, гуманности взываю: помогите этимъ безпріютнымъ бѣднякамъ; поддержимъ ихъ нравственно и матеріально; не откажемся отъ солидарности съ ними, какъ съ человѣками и собратами и докажемъ, что чувство человѣколюбія въ насъ еще живуче и себялюбіе не заѣло насъ. Такъ какъ прежде всего нужно здѣсь матеріальная помощь, то я дѣлаю первый починъ, вношу ежегодно въ кассу общества, которое приметъ на себя хлопоты по этому дѣлу, семьдесятъ рублей, съ тѣмъ, чтобы не подавать на улицахъ и у церкви нищимъ. Братъ, во имя Христа и креста возвышаю мой голосъ: кто еще? Ужели муравьямъ и пчеламъ мы дадимъ преимущество предъ собою? Теперь многимъ городамъ Россіи извѣстна Кронштадтская нищета; они ожидаютъ, что мы сдѣлаемъ что нибудь къ отвращенію ея. Посѣщающіе Кронштадтъ русскіе и иностранцы видятъ неопрятности нашихъ нищихъ; нигдѣ, говорятъ они мы не видали нищеты въ такомъ жалкомъ видѣ, какъ въ Кронштадтѣ. Какъ хорошо было-бы по всѣмъ этимъ причинамъ устроить домъ трудолюбія! Тогда бы многіе и изъ нихъ могли обращаться въ этотъ домъ съ требованіемъ сдѣлать намъ за извѣстную плату то или другое дѣло, ту или другую вещь, а мѣщане наши жили бы, да трудились и благодарили Бога, да своихъ благодѣтелей. И нравственно многіе поднялись-бы. А если-бы кто, будучи здоровъ, не хотѣлъ работать, того изъ города долой! Кронштадтъ не разсад-

никъ тунеядцевъ. Други и братья! примите это заявленіе къ своему сердцу, да поближе, какъ свое собственное дѣло. Нѣкоторые не хотятъ слышать о рабочемъ домѣ, потому что, говорятъ, это есть карательное заведеніе, а мы не имѣемъ права карать. Какое карательное заведеніе? *Это прямое добродѣтельное заведеніе: развѣ не*

Кронштадтскій „Домъ Трудолюбія“.

доброе, не гуманное дѣло спасти людей отъ лѣности, праздности, апатіи, тунеядства? Если, споръ изъ за словъ, то перемѣните названіе и назовите его вмѣсто рабочаго дома хоть муравейникомъ, или пчельникомъ, все равно, какъ хотите, только

не откладывать-бы добраго дѣла, направляющагося на скорое исполненіе, въ долгій ящикъ».

Мечты о. Іоанна осуществились. Въ Кронштадтѣ создано и попечительство о бѣдныхъ и возникъ «Домъ Трудолюбія». О дѣятельности этого учрежденія лучше всего говорить рѣчь членовъ Андреевскаго попечительства въ день именинъ о. Іоанна. Они говорили: Ваше Высокопреподобіе, отецъ протоіерей Іоаннъ Ильичъ!

Безконечно милосердный Господь даровалъ Совѣту Дома Трудолюбія и попечителямъ Вашимъ сегодня великую радость: опять, какъ и въ прежніе года, принести Вамъ поздравленіе съ днемъ ангела и видѣть Васъ въ вождѣлѣнномъ здравіи, исполненнаго той же благодатью небесной, привлекающей сердца людей и наполняющей ихъ всеобъемлющей любовью. Здѣсь съ Вами мы въ царствѣ любви и чтобы не быть голословнымъ, укажемъ на цифры отчета 1902 года добрыхъ дѣлъ, совершенныхъ Домомъ Трудолюбія на средства, даруемыя Вами во Имя Господа, во Имя любви къ меньшему ближнему брату.

Обучалось бѣдныхъ дѣтей бесплатно: въ народномъ училищѣ 259 дѣт. Въ воскресной школѣ 153 чел... Въ мастерскихъ 61 чел... Призрѣвалось дѣтей сиротъ въ пріютѣ 86, немощныхъ старыхъ въ богадѣльнѣ 22. Пользовались трудовой помощью: въ пенькошпінной 7.281 чел. и въ рабочей комнатѣ 1.482 женщины. Выдано изъ народной столовой бѣднымъ пищи бесплатно или за самую ничтожную плату 172.554 порціи. Въ ночлежномъ пріютѣ ночевало 33.204 чел. Пользовались даровыми и дешевыми квартирами 90 бѣдн. Оказана денежная помощь бѣднымъ 8.539 р. 49 к. Кромѣ того къ праздникамъ Рождества и Пасхи оказана помощь бѣднымъ провизіей, платьемъ, бѣльемъ и обувью.

Вышеприведенныя цифры составляютъ итоги благотворительности Вашей чрезъ посредство Дома Трудолюбія за одинъ только 1902 годъ; за все же время существованія Дома Трудолюбія, за

С. ЮАННЪ
СРЕДИ СТРАЖАЮЩИХЪ

20 лѣтъ, съ 1882 г. по 1902 г., передано Вами въ кассу его съ тою же цѣлью 731.216 р. 17 к.

Живи же, нашъ дорогой Благодѣтель, Пастырь и Начальникъ, еще многіе годы, здравствуй, отогрѣвай холодныя сердца людей XX-го вѣка и побуждай ихъ на все доброе!

Домъ Трудолюбія, созданный о. Іоанномъ, заключаетъ въ себѣ слѣдующія учрежденія: 1) пенько-щипная, въ которой работаетъ въ теченіе года до двадцати тысячъ человѣкъ; 2) женская мастерская; 3) сапожная мастерская; 4) бесплатная амбулаторная лѣчебница; 5) бесплатное народное начальное училище; 6) классы ручного труда; 7) бесплатная дѣтская бібліотека; 8) бесплатная народная читальня; 9) убѣжище для сиротъ и дневное пристанище; 10) комнаты для пріѣзжающихъ въ домъ имени о. Іоанна; 11) народная столовая; 12) Домъ Милосердія имени о. Іоанна, служащій лѣтомъ дачей для дѣтей убѣжища (загородный пріютъ); 13) рисовальные классы; 14) Домъ Андреевскаго попечительства; 15) воскресная школа; 16) ночлежный пріютъ. Учреждена также книжная лавка, устроены огороды для снабженія овощами различныхъ учреждений Дома Трудолюбія. Осмотрѣвши эти учрежденія попечительства, нѣкто В. М. говоритъ: «Я видѣлъ «новый городъ», полный самой кипучей разносторонней и осмысленной дѣятельности». Дѣятели попечительства принадлежатъ ко всѣмъ классамъ общества, начиная отъ самаго высшаго и кончая самымъ низшимъ. Между ними нѣтъ никакихъ раздѣленій. Здѣсь всѣ люди слились въ одну семью и дружно работаютъ совмѣстно, не зная никакихъ раздѣленій на партіи, не выставляя на своемъ знамени не клерикализма, ни земщины. Нужда и горе у всѣхъ людей одинаковы, и цѣль у всего человѣчества одна. Дѣятели Попечительства совершаютъ великое, святое дѣло благотворительно-просвѣтительной помощи, не задаваясь никакими партійными счетами. Они благотворятъ всѣмъ: «и образованнымъ, и необразованнымъ, лицамъ православнаго и инославнаго исповѣданія». Рука дающая не спрашиваетъ того, кто

нуждается, о его взглядахъ и вѣрованіяхъ, а помогаетъ нуждающемуся. И она помогла многимъ изъ тѣхъ, которые не питали хорошихъ чувствъ къ православію, а теперь относятся къ нему иначе. Помимо Дома Трудолюбія, бѣдные получаютъ помощь и прямо отъ о. Іоанна. Откуда у него деньги? Ихъ шлетъ ему Русь, которая считаетъ его своимъ печальникомъ и молитвенникомъ. Суммы составляются изъ рублей и копѣекъ. Здѣсь даръ богача и лепты вдовъ и бѣдняковъ.

«Я воскресъ сердцемъ и душой, побесѣдовавъ съ о. Іоанномъ»,—сказалъ одинъ русскій просвѣщенный человѣкъ, стоящій на важномъ посту. И не мало такихъ воскресшихъ въ городахъ и селахъ, и на ихъ-то лепты создаются пріюты и школы, призрѣвается дряхлость, просвѣщается юность, согрѣваются всѣ тѣ, которые дрогли годы отъ физическаго и нравственнаго холода. Люди, не расположенные и даже прямо враждебные о. Іоанну, часто говорятъ: «Что вы говорите о матеріальной помощи, оказываемой о. Іоанномъ. Вѣдь онъ не свои деньги раздаетъ, а чужія, тѣ, которыя ему посылаютъ». Что онъ даетъ изъ своихъ денегъ и не изъ своихъ—это не наше дѣло. Но вотъ что можно и надо возразить всѣмъ этимъ недоброжелателямъ: да почему же о. Іоанну посылаютъ? Не потому ли, что ему довѣряютъ, что увѣрены въ томъ, что онъ лучше ихъ самихъ распорядится деньгами? Вѣдь надо добиться, заслужить чѣмъ-нибудь такое довѣріе всей страны, всѣхъ людей! И не заслуга ли вызвать людей на такія пожертвованія, не заслуга ли въ дѣланіи добра чрезъ тѣхъ, которые безъ этого не сдѣлали бы ничего добраго,—въ употребленіи на добро тѣхъ денегъ, которыя пошли бы на дѣла совершенно противоположныя? О. Іоаннъ не богачъ и лично не располагаетъ такими суммами, какія онъ раздаетъ. Но онъ умѣетъ вызвать другихъ на добро. Въ этомъ нѣтъ ничего такого, чтобы заслуживало укора. Такъ дѣлали всѣ отцы Церкви. Вспомнимъ хотя бы святого Іоанна Златоуста. Находясь въ изгнаніи и видя гибель христіанскаго дѣла и торжество язычества, Златоустъ посылалъ

на жену, чуть не зарѣзалъ ея, а жена такая кроткая, добрая. Только вино, одно вино превратило этого семьянина въ звѣря! И сколько подобныхъ примѣровъ! Пьянство не только есть непотребство, оно рождаетъ массу другихъ пороковъ и преступленій; оно развращаетъ цѣлыя деревни, села, города!

Ребенокъ-идіотъ оказывается у отца, пившаго запоемъ. Дитя хронически больное, оказывается, было зашиблено въ пьяномъ видѣ нянькой. Юноша-пьяница оказывается сыномъ пропойцы-отца, жестоко бившаго дѣтей во «хмелю»... Чахоточная мать жертва пьяныхъ оргій мужа. Разслабленный «25-лѣтній» старецъ герой безшабашныхъ кутежей. «Нищій-милліонеръ» часто бывший мотъ и кутила, спустившій наслѣдство разгуломъ. Кто не борется теперь съ этимъ недугомъ? И правительство, и земство, и частные люди. Устраиваются различныя больницы...

Въ своихъ проповѣдяхъ о. Іоаннъ пишетъ противъ пьянства съ чрезвычайной даже для него энергіей.

Никто еще не родился пьяницей, а сдѣлался имъ въ жизни, пишетъ въ одномъ мѣстѣ о. Іоаннъ. Конечно, часто наслѣдственное предрасположеніе играетъ здѣсь роль, но корень и причина зла кроется внутри, въ насъ самихъ. Если сила вѣры властна настолько, чтобы поднять насъ со смертнаго одра, то она имѣетъ достаточно мощи заставить насъ пить умеренно, то есть остановиться на той рюмкѣ, послѣ которой мы перестаемъ носить образъ и подобіе Божіе, приближаемся къ животному...

И еще: не бояться, а презирать мы должны врага. Плохой воинъ, который боится встрѣчи съ непріателемъ. Если ты будешь бѣгать отъ водки, какъ отъ властнаго твоего соблазнителя, то рано или поздно попадешь къ нему въ лапы...

По случаю пожара, истребившаго девятую часть Кронштадта, о. Іоаннъ говорилъ: «Что навлекло на насъ это бѣдствіе? Грѣхи и беззаконія наши. Ибо что ни воскресный или праздничный день, то у насъ въ городѣ пьянство, распутство, сквернословіе, безчин-

О. Іоаннъ Сергіевъ.

ныя драки, крики, разбои, истый Содомъ и Гомморра. За то послѣ безумнаго веселья многихъ встрѣтило великое горе, когда они увидѣли имущество свое въ пламени. За грѣхи беззаконниковъ пострадали и многіе честные люди. Такъ на насъ праведный Господь мгновенно посылаетъ пламень огненный... И все мы невразумляемся. Все продолжаемъ воспламенять души адскимъ пламенемъ страстей. Все продолжаемъ съ крайней неосторожностью играть огнемъ, этими дымящими трубочками изъ бумаги и одуряющаго растенія, и пресерьезно расхаживать съ ними по улицамъ, переулкамъ, по чердакамъ и подваламъ... А развѣ огонь игрушка? Кстати: уже немного остается непочатыхъ огнемъ мѣстъ. Къ слову: если всѣ питейные дома и трактирныя заведенія у насъ въ городахъ и въ воскресные и праздничные дни будутъ открыты съ утра до вечера, и русскій народъ будетъ кошунственно въ дни святыя, Богу опредѣленные, пить и напиваться, курить и накуриваться,—то не мудрено, что въ какое нибудь столѣтіе русскіе сами выжгутъ свои города. И сколько уже и теперь выгорѣло ихъ?»...

О силѣ вліянія о. Іоанна на пьяницъ лучше всего говорятъ слѣдующіе случаи.

Приказчикъ лѣсной биржи А. В., пившій запоемъ, шель по Обводному каналу гдѣ-то у Варшавскаго вокзала.

Видитъ около одного дома народъ. Что тутъ такое.—Отецъ Іоаннъ. Только ворота заперты, не пускаютъ.

Я—говоритъ приказчикъ,—былъ совсѣмъ пьянъ, но захотѣлось мнѣ увидѣть батюшку. Стучу въ ворота. «Василій—кричу, отвори». Кричу такъ, не то на обумъ, не то еще какъ, но вижу отворяютъ.

Впустили меня на дворъ. Вижу батюшка идетъ къ каретѣ. Я сталъ у кареты, отворилъ ему дверцу, самъ стараюсь держаться попряме.

Онъ взошелъ въ карету и смотритъ. А я прошу про себя... Батюшка, не говори вслухъ какой я пьяница... Не оконфузь... И дрожу весь...

Потомъ взглянулъ ему въ глаза, а глаза то его смотрять на меня не то гнѣвные, но глубокіе безъ конца, чѣмъ дальше смотришь, тѣмъ глубже и горять такимъ огнемъ, что мнѣ стало жутко. Я за голову схватился, не въ шапкѣ молъ я: такъ страшно стало. Разгнѣвался батюшка видно. Потомъ видно смиловался.—«Зачѣмъ ты, голубчикъ, пьешь?».

Вотъ съ тѣхъ поръ я не пью.

Вотъ посмотрите, говорить г. Животову, автору книжки «Пьяницы у о. Іоанна», одинъ изъ членовъ Андреевскаго попечительства, — на этого оборванца въ лохмотьяхъ, съ испытаннымъ, изнуреннымъ, опухшимъ и болѣзненно-блѣднымъ лицомъ. Только 8 лѣтъ тому назадъ онъ былъ купцомъ первой гильдіи, имѣлъ дома, лошадей, роскошную квартиру. Можно ли этому повѣрить?

Но что же съ нимъ приключилось?

Ничего болѣе, какъ спился. Спился благодаря той обстановкѣ, въ которую попалъ. Ничего не подѣлаешь.

А теперь?

Теперь онъ пришелъ къ отцу Іоанну. Батюшка принимаетъ въ немъ участіе, молится съ нимъ; повидимому, онъ теперь лучше себя чувствуетъ. Вотъ вторую недѣлю не пьетъ и пришелъ въ сознаніе. А то вѣдь что онъ выдѣлывалъ!

Расскажите подробнѣе его прошлое и познакомьте меня съ нимъ.

Съ удовольствіемъ.

Мы подошли къ оборванцу. Онъ испуганно взглянулъ на меня и сразу какъ-то съежился, ушелъ въ себя; видимо, онъ чувствовалъ себя очень неловко и конфузился.

Развѣ вы меня знаете?—спросилъ онъ, потупившись.

Нѣтъ, первый разъ вижу. А что?

Я не хочу встрѣтиться съ тѣми, которые знали меня раньше, прежде, когда я...

Иванъ Петровичъ Б—въ, представилъ мнѣ оборванца мой собесѣдникъ.

Какой тамъ «Иванъ Петровичъ», просто проходимецъ Б—въ, прошепталъ онъ.

Не вы первый и не вы послѣдній,—сказалъ ему членъ попечительства; вы счастливѣе другихъ, которые не сошли съ своего ужаснаго пути. А вы теперь на дорогѣ къ святому будущему.

Б—въ горько улыбнулся.

Мы перешли въ отдѣльную комнату «Дома отца Іоанна» и приказали подать чаю.

Разскажите намъ ваше прошлое, обратился я къ Б—ву:—это назидательно выслушать тѣмъ, которые еще только что вступили на вашъ путь.

Хорошо... Тайны у меня нѣтъ. Слушайте.

Б—въ началъ:

Я получилъ отъ отца домъ и тысячъ полтораста капитала. Кромѣ того, за женою мнѣ дали триста тысячъ. Кажется, состояніе крупное, и я могъ бы съ такими средствами не только безбѣдно прожить свой вѣкъ, обезпечить семью, но и принести пользу отечеству, какъ гражданинъ, предприниматель, промышленникъ, производитель, капиталистъ... Вѣдь я человѣкъ образованный, былъ на службѣ.

Б—въ задумался. На лбу образовались крупныя складки, на глазахъ выступили слезы.

Да будутъ прокляты всѣ эти ликеры, редереры и клико! О, о! Съ какою радостью согласился бы я теперь вытянуть всѣ жилы, отдать по каплямъ всю кровь, пожертвовать жизнію, лишь бы вернуть это прошлое, вернуть не столько деньги, сколько пропитую совѣсть, честь, нравственность, силы, бодрость тѣла и духа! Те-пе-ры! Почему теперь? Потому что здѣсь въ Кронштадтѣ, въ этой скромной тихой обители Кронштадтскаго пастыря, открылись мои духовныя очи.

Б—въ стиснулъ зубы, и на лицѣ его отразилась нестерпимая мука, та душевная боль, въ сравненіи съ которой страданія физическія кажутся пустяшными.

Такъ вотъ я вамъ расскажу... Дононъ, Контанъ, Пивато и «Медвѣдь» свидѣтели того, что я платилъ по 3 руб. за штуку сигаръ и по 2¹/₂ руб. за рюмочку стараго вина. Они же свидѣтели, что я отдавалъ, иногда подъ рядъ нѣсколько дней, по 400—600 рублей за обѣдъ или ужинъ «вдвоемъ». Но этого мало; я настолько награждалъ подъ пьяную руку своихъ спутницъ, что приходилось расплачиваться векселями, хотя въ карманѣ меньше 2—3 тысячъ никогда не держалъ. Одинъ рестораторъ расскажетъ вамъ, какъ шесть дней подъ рядъ я не выходилъ изъ его апартаментовъ, разумѣется, въ обществѣ милой компаніи. А три мои поѣздки за границу? Лучше не рассказывать подробности! Когда наличныя суммы изсякли и пришлось платить по векселямъ, я заложилъ домъ, но нисколько не сократилъ расходовъ. Мнѣ казалось, что иначе нельзя жить! Все это невозможно, и я заложилъ домъ подъ вторую закладную, сталъ закладывать бумаги, брильянты. Такъ протянулъ около года, пока кредиторы разомъ нагрянули, продали квартиру, вещи и перешли мы съ женой и дѣтьми въ меблированную комнату. Ни средствъ, ни надежды впереди! Сразу я перешелъ на сивуху, сталъ пить запоемъ и со ступеньки на ступеньку дошелъ до ночлежнаго дома; жена ходитъ стирать поденно.

Б—въ зарыдалъ и откинулся на спинку стула.

Боже, Боже, какъ гадко, пошло прожито, но еще гаже и подлѣе моя кабацкая жизнь.

И этого то «погибшаго» о. Іоаннъ спасъ силою своей молитвы и силою пастырскаго воздѣйствія. Спасеніе произошло такъ.

Отецъ Іоаннъ замѣтилъ Б—ва въ толпѣ въ «Домѣ Трудолюбія» и самъ велѣлъ ему приблизиться. Трудно, почти невозможно передать впечатлѣніе, которое произвелъ на него Кронштадтскій па-

стырь, и тѣ чувства, которыя онъ испытывалъ въ эту знаменательную минуту.

Еще при входѣ въ Андреевскій соборъ Б — въ услышалъ звонкій отчетливый голосъ, читавшій часы. Этотъ голосъ проникъ въ самую душу и дѣйствовалъ, какъ цѣлебный бальзамъ на рану. Каждое слово отзывалось въ мозгу, и мысленно Б—въ его повторялъ, чувствуя, что этотъ голосъ, эти слова производятъ въ немъ внутренній переворотъ. Точно воскъ около огня, таяли горести, злоба. Мрачное настроеніе смѣнялось какимъ-то тихимъ, радостнымъ состояніемъ. Онъ постепенно забывалъ все настоящее и уносился куда-то далеко-далеко, въ хорошій, невѣдомый міръ. Не надо было спрашивать, *чей* это голосъ. Читалъ о. Іоаннъ. Б—въ не спускалъ глазъ съ царскихъ вратъ. Молиться онъ не могъ. Въдвѣ ровно двадцать-три года онъ не былъ въ храмъ Божіемъ, и 23 года уста его не произносили молитвы! Б—въ никогда не былъ атеистомъ и еще меньше врагомъ религіи, а просто относился къ вѣрѣ совершенно равнодушно, и ему не приходилось думать о церкви, молитвѣ, Богѣ, Спасителѣ. Не шло все это въ голову, некогда было сосредоточиваться, да и желанія не являлось задаваться религіозными вопросами. Жилъ, какъ живутъ тысячи другихъ. А въ эту минуту въ душѣ у него дѣлалось что-то небывалое. Онъ испытывалъ незнакомое влеченіе къ чему-то неземному. Душа рвалась въ какое-то неопредѣленное пространство, гдѣ нѣтъ ничего тлѣннаго, житейскаго, обыденнаго. Предъ глазами рисовались образы, которымъ учили насъ въ дѣтствѣ, но которые давно заволокло туманомъ: Образъ распятаго Спасителя, кроткій ликъ Божіей Матери, легионъ ангеловъ, поющихъ хвалебные гимны. О, какъ хорошо было въ ту минуту на душѣ! Онъ дрожалъ весь отъ избытка новыхъ сладостныхъ чувствъ и упалъ на колѣни, перенесся мыслію на небо, къ престолу Царя царствующихъ, Господа господствующихъ.

Вотъ началась литургія. Опять знакомый отчетливый голосъ. Но Б—въ не всталъ съ колѣнъ и не хотѣлъ отрывать мыслей отъ

неба. Никогда въ жизни, въ лучшіе годы своихъ кутежей, онъ не чувствовалъ себя такъ легко, радостно, хорошо... Онъ не смѣлъ обратиться къ Богу съ молитвой, считая себя недостойнымъ вступить въ бесѣду съ Отцомъ небеснымъ. Но и вернуться къ земному ни за что не хотѣлъ. Ему жаль было потерять это мысленное созерпаніе небесныхъ величій. Онъ оставался нѣмымъ свидѣтелемъ у подножія престола небеснаго. Кончилась литургія, народъ завоновался, всѣ двинулись къ св. причастію. Пришлось и ему встать. Тутъ онъ увидѣлъ священника съ чашей,—самаго обыденнаго священника, худощаваго, небольшого роста, съ бородой и синими кроткими глазами. Могъ ли онъ сомнѣваться, что это былъ онъ? Да, изъ тысячи священниковъ онъ узналъ бы его по этимъ глазамъ и этому выраженію лица!

Образъ священника и его взглядъ, устремленный на него, были такъ живы въ мозгу, точно наяву... «Иди въ Домъ Трудолюбія», говорилъ ему этотъ образъ... Куда? Какой «Домъ Трудолюбія»? Онъ остановился на улицѣ, сталъ смотрѣть кругомъ и увидѣлъ большую вывѣску: «Домъ отца Іоанна»... Народъ столпился тамъ... Побѣждалъ и Б—въ... Ихъ впустили въ общую залу, гдѣ было уже человекъ 200 богомольцевъ... Б—въ прижался въ самомъ задѣ около стѣнки... Прошло съ полчаса... Общее движеніе и волненіе головъ возвѣстило прибытіе отца Іоанна... Знакомый голосъ раздался за рѣшеткой, ограждающей иконы и приспособленія для водосвятія. Б—въ не рѣшался итти къ св. кресту. Ему казалось, что о. Іоаннъ прогонитъ, закричитъ, предастъ анаѣмѣ. Онъ все больше жался къ стѣнѣ, прятался за спины другихъ. И вдругъ опять тотъ же пристальный взглядъ, пронизывающій до глубины души. Опять онъ точно манитъ, зоветъ. На этотъ разъ ему не казалось. Онъ видѣлъ, что толпа раздвинулась, давая ему дорогу, а сосѣди схватили его за руки:

Что жъ ты не идешь, батюшка зоветъ тебя, иди скорѣй.

Вся кровь бросилась ему въ голову. Онъ точно горѣлъ, пере-

сталъ видѣть, слышать и очнулся только тогда, когда почувствовалъ на своемъ плечѣ руку отца Іоанна и услышалъ его тихій голосъ:

— Ты вѣдь ко мнѣ пришелъ. Хорошо сдѣлалъ; давай, помолимся вмѣстѣ. Ты очень несчастенъ, но пути Господа неисповѣдимы... Мы не знаемъ, какою дорогою Онъ поведетъ насъ къ Себѣ. Но ты идешь къ Нему, и это—великое счастье для тебя. Но сойди только съ пути своего. Господь да укрѣпитъ тебя... Давно ли ты пересталъ пить?..

— Пересталъ пить? — переспросилъ онъ. — Но откуда же вы, батюшка, знаете, что я пилъ и пересталъ пить?

— Не трудно, сынъ мой,—отвѣтилъ батюшка,—узнать въ тебѣ несчастнаго пьяницу. Ты не злой человѣкъ, христіанинъ не умеръ въ тебѣ, но врагъ побѣдилъ тебя, забралъ въ руки и вотъ куда привелъ. Но могло хуже быть. Врагъ могъ погубить душу твою. Ты могъ умереть во грѣхѣ, безъ покаянія. Возблагодари Господа за милость Его и проси помощи Его въ борьбѣ съ врагомъ!

Отецъ Іоаннъ отвелъ его въ сторону къ св. иконамъ, и Б—въ опустился на колѣни. Первый разъ за 23 года Б—въ возвелъ очи къ небу, и губы его прошептали слова молитвы. О, что было у него за состояніе! Онъ трепеталъ отъ какого-то радостнаго волненія. На душѣ сдѣлалось такъ легко, какъ не бывало никогда. По лицу катились слезы. Онъ примирился въ эту минуту со всѣми въ мірѣ, со всѣми врагами и недругами. Ему хотѣлось всѣхъ ихъ обнять, чтобы имъ всѣмъ было такъ же хорошо, какъ ему въ эту минуту.

— Благій Человѣколюбче! Иже тварь единымъ словомъ содѣлавый и изъ нея человѣка создавый, посѣти же неизреченнымъ Твоимъ человѣколюбіемъ падшаго сего раба, яко да не погибнетъ до конца дѣло руки Твоя... Господи! Имя Тебѣ—Любовь: не отвергни меня, заблуждающагося человѣка. Имя Тебѣ—Сила: подкрѣпи меня, изнемогающаго и падающаго. Имя Тебѣ—Свѣтъ: просвѣти

душу мою, омраченную житейскими страстями. Имя Тебѣ—Миръ: умири мятущуюся душу мою. Имя Тебѣ — Милость: не переставай миловать меня.

Съ каждымъ словомъ молитвы слезы умиленія, раскаянія и радости душили бѣднаго пьяницу все болѣе и болѣе, пока онъ наконецъ не зарыдалъ. Съ нимъ сдѣлался истерическій припадокъ. Когда онъ пришелъ въ себя, о. Іоанна уже не было. Комната была пуста, только членъ попечительства Х—въ оставался около него по просьбѣ батюшки, которому необходимо было ѣхать.

— Батюшка сказалъ, чтобы вы на дняхъ пришли на исповѣдь и причастились св. Таинъ у него. Если у васъ нѣтъ денегъ, батюшка оставилъ вамъ 10 рублей,—сказалъ г. Х—въ.

Эти десять рублей были для Б-ва очень дороги, потому что и онъ и семья нѣсколько дней уже голодали. Жена откуда-то добыла 50 к. ему на дорогу въ Кронштадтъ, а сама, вѣрно, осталась съ дѣтьми безъ гроша. Счастливый, радостный вернулся Б—въ домой. Давно не видала его семья такимъ. Сейчасъ же они перебрались въ свѣтлую комнату, купили пищи, сапожишки дѣтямъ. На новосельѣ всѣ вмѣстѣ помолились. Раньше у нихъ не было принято читать молитвъ, въ послѣднее время не было даже иконы. Дѣти не знали «Отче нашъ». Теперь рѣшили молиться всѣ вмѣстѣ каждое утро и вечеръ. Тихо, мирно и счастливо прошелъ этотъ день. На слѣдующее утро Б—въ пошелъ на Никольскую площадь и нанялся поденщикомъ катать дрова. Это были первыя деньги (1 р. 10 к.), которыя онъ *заработалъ* своимъ трудомъ. До сихъ поръ онъ только проживалъ, тратилъ и моталъ. Онъ даже не наживалъ, не хотѣлъ сдѣлать какой-нибудь оборотъ, располагая значительными средствами, а уже заработать, правду сказать, и не сумѣлъ бы: вѣдь онъ ровно ничего не зналъ, не умѣлъ и ничему не учился. Теперь онъ воистину *заработалъ*, протаскавъ нагруженные тачки съ 7 час. утра до 9 вечера. И странно! Онъ не ощущалъ никакой тяжести, не чувствовалъ утомленія и рвался работать,

точно хотѣлъ наверстать этимъ потерянное, прожитое, миновавшее, заглушить совѣсть. Физическая простая работа была для него еще тѣмъ пріятнѣе, что онъ могъ мысленно сосредоточиваться на своихъ новыхъ впечатлѣніяхъ и переноситься далеко-далеко въ небесную лазурь, гдѣ его взору представлялся престолъ Всевышняго, царство мира и добра. Ахъ, какъ хорошо жить душою, какъ можно больше тамъ, тамъ! Какими пустыми, ничтожными кажутся всѣ наши «злобы», когда перенесешь мысль съ неба на землю! Тамъ вѣчность, слава, миръ, служеніе престолу Творца, а здѣсь—хлѣбъ плохо сегодня выпеченъ, водка разбавлена водою, или рюмка пятаккомъ дороже и т. п. И изъ-за этого люди готовы подымать скандалъ, шумѣть, драться, судиться... А радость духовная? Можетъ ли она сравниться съ радостью земною? Онъ имѣлъ постоянную ложу въ театрѣ, былъ знакомъ со многими «звѣздами» балета и оперетки, пилъ какъ воду лучшія заморскія вина и въ результатѣ—зѣвалъ, страдалъ головными болями, скучалъ и часто жалѣлъ потраченного времени, силъ. Всякое удовольствіе было дорого и желательно, пока нельзя было его получить, а какъ только получалъ, чувствовалъ пустоту, скуку. Развѣ это настоящая радость, наслажденіе? А теперь, когда онъ молился, и когда вся душа его трепетала, всѣ фибры его тѣла нѣмѣли въ тихомъ, нѣжномъ покоѣ, когда сердце переполнялось восторженнымъ порывомъ,—онъ воистину былъ счастливъ, счастливъ такъ, какъ раньше не имѣлъ даже представленія, понятія. И это счастье ни отъ кого не зависѣло, никто не могъ его похитить, оно всегда съ нимъ, при немъ и въ немъ. Бывало, считаешь себя «счастливымъ» въ обществѣ какой-нибудь красавицы,—думалъ онъ. Но эта красавица упорхнетъ, оставитъ пустой бумажникъ, и счастье превращается въ миражъ. Да и какое это «счастье», когда оно несетъ одни страданія, болѣзни и разочарованія. Новое же счастье, которое онъ нашелъ, не только постоянно, прочно, неизмѣнно, но оно и *вѣчно*. Это счастье самую смерть дѣлаетъ радостной...

Три дня Б—въ каталъ дрова... Сильный, здоровый, бодрый, веселый, онъ, казалось, былъ совершенно доволенъ своею судьбою... Семья повеселѣла, была сыта и тоже довольна. Рубля съ гривенникомъ безъ пьянства хватало за глаза на всѣ скромныя нужды... У нихъ получились даже сбереженія, такъ что на четвертый день Б—въ не пошелъ работать, а съ первымъ пароходомъ поѣхалъ въ Кронштадтъ къ о. Іоанну...

— Прежде исправь свою жизнь, а потомъ приступай къ св. Тайнамъ,—звучали у Б—ва слова батюшки...

Но онъ, кажется, исправилъ свою жизнь! Онъ примирился со всѣмъ свѣтомъ, со всѣми друзьями и недругами, съ обстановкой, работой... Примирилъ душу свою съ церковью, блуднымъ сыномъ которой онъ пробылъ 23 года! Но ему предстояла еще не нелегкая задача—*загладить прошлое*, загладить добрыми дѣлами. Какъ я, простой дровокать, хотя и кончившій гимназію, владѣвшій когда-то домами, могу сдѣлать кому-нибудь добро? Какія добрыя дѣла я могу творить? Съ такими мыслями сѣлъ онъ на первый пароходъ и поѣхалъ въ Кронштадтъ...

Отецъ Іоаннъ служилъ раннюю обѣдню въ церкви городской думы въ тотъ день, когда Б—въ съ первымъ пароходомъ пріѣхалъ въ Кронштадтъ. Служба уже началась. Б—въ съ трудомъ пробрался въ храмъ и сталъ въ отдаленіи. Въ церкви была масса причастниковъ. Ихъ не трудно было отличить по праздничному наряду и особо благоговѣйному настроенію. Б—въ опустился на колѣни. Онъ чувствовалъ себя совершенно спокойно, какъ человѣкъ, который долго что-нибудь искалъ и нашелъ, и, послѣ прилива первой радости, успѣлъ освоиться съ мыслью о находкѣ. Его спокойствіе граничило съ состояніемъ полного счастья и довольства. Если бы его спросить въ эту минуту, чего онъ желалъ бы больше всего, онъ отвѣтилъ бы: остаться здѣсь.

Онъ уже не боялся возносить мысли свои къ небу, присутствовать духомъ предъ престоломъ Всевышняго и молиться горячо, сер-

столько сознанія собственнаго достоинства, какъ сейчасъ. Конечно, это достоинство всецѣло относилось къ духовному общенію съ Спасителемъ, но тѣмъ не менѣе косвенно оно вліяло и на него самого. Это «общеніе» онъ хранилъ и почиталъ, какъ величайшую драгоценность и залогъ своего существованія.

Жена и дѣти его воскресли къ новой жизни, помолодѣли, поздоровѣли. Для дѣтей намѣчены уже были школы, никто не зналъ больше никакой нужды ни въ чемъ...

Вотъ и еще другой подобный примѣръ.

Былъ въ Петербургѣ довольно крупный серебряникъ. Онъ былъ человѣкъ семейный и на 32 году жизни, когда у него было четверо дѣтей, жена и старуха мать, началъ пить запоемъ. Въ это время дѣла его шли блестяще. Онъ имѣлъ капиталъ, много выгодныхъ заказчиковъ. Въ мастерской у него работало до 25 подмастерьевъ, такъ что производство его можно было назвать почти фабричнымъ.

Петръ Ермолаевичъ человѣкъ былъ тихій, хорошій семьянинъ и хотя съ слабымъ характеромъ, но добрый и отчасти даже набожный. Пить онъ началъ въ компаніи пріятелей, пріучаясь съ ними постепенно просиживать цѣлые вечера въ трактирахъ.

По мѣрѣ того, какъ онъ дѣлался постояннымъ гостемъ трактира, увеличивалась его компанія собутыльниковъ. Онъ пріучался все больше выпивать, все меньше занимался въ мастерской своимъ дѣломъ, скучалъ въ своей семьѣ, дома бывалъ золъ и раздражителенъ, пересталъ слѣдить за заказами и т. д. Благодаря этому его фирма потеряла репутацію аккуратной, исполнительнои и добросовѣстной мастерской. Число заказчиковъ начало быстро уменьшаться. Отказались отъ службы лучшіе подмастерья, словомъ, все пошло къ упадку. Все это еще больше повліяло на П. Е., и вотъ онъ началъ уже пить запоемъ. Домой является безчувственно пьянымъ, опохмѣлялся съ утра полштофомъ и уходилъ въ трактиръ, гдѣ просиживалъ теперь сплошь цѣлые дни. Мало по малу дошло и до

закрытія мастерской. П. Е. пропивалъ вещи свои и чужія, билъ безъ причины жену и дѣтей, кралъ въ семьѣ даже необходимые предметы, продавалъ ихъ для выпивки. Съ трактира ему пришлось перейти на кабакъ, потому что въ послѣднемъ водка наполовину дешевле.

Въ 2^{1/2} года отъ достатка и приволья Петра Ермолаевича осталось одно воспоминаніе!.. Женѣ удалось какъ-то съ дѣтьми уѣхать на родину въ деревню, а П. Е. слѣбался настоящимъ «золоторотцемъ» въ рублищѣ, ночуя сплошь и рядомъ подъ заборомъ или, въ лучшемъ случаѣ, въ ночлежномъ пріютѣ. Въ берлогахъ и отвратительныхъ трущобахъ П. Е. встрѣчалъ такихъ же, какъ и онъ, голодныхъ, оборванныхъ забулдыгъ, которые жили когда-то также не хуже его: въ достаткѣ, привольѣ, счастьѣ, почти богатствѣ...

Лѣтъ 5 считался П. Е. горькимъ пьяницею, пропивая всякій грошъ, который ему удавалось достать. Онъ пробовалъ служить, но послѣ первой же полочки жалованья исчезалъ. Его снова встрѣчали съ подбитыми глазами, опухшимъ лицомъ, съ трясущимися руками и ногами. Нѣсколько разъ попадалъ онъ въ нищенскій комитетъ, въ больницы, и разъ даже его заподозрили въ кражѣ, хотя до преступленія онъ все-таки не доходилъ. Казалось, П. Е. все потерялъ. Изъ прежнихъ собутыльниковъ и знакомыхъ никто его не узнавалъ, а внѣшній его видъ какъ бы говорилъ, что ему не остается ничего другого, какъ просить у Бога прекращенія своей страдальческой жизни.

Еще въ хорошія времена своей жизни П. Е. слышалъ объ отцѣ Іоаннѣ Кронштадтскомъ. Въ одну изъ минутъ невольнаго (за отсутствіемъ «пяточка») отрезвленія, онъ вспомнилъ о Кронштадтскомъ пастырѣ.

— И у меня точно упало что-то внутри, — рассказываетъ Петръ Ермолаевичъ, — такъ стало весело, радостно на душѣ. За все время моего пьянства у меня не было болѣе пріятнаго душевнаго ощу-

щенія... Я упалъ на колѣни, пробовалъ молиться—не могъ; слова молитвы не шли на память... Я рѣшилъ сейчасъ же идти пѣшкомъ въ Ораніенбаумъ, оттуда какъ нибудь пробраться въ Кронштадтъ.

Сказано, сдѣлано. П. Е. направился къ Балтійскому вокзалу. Было лѣто. Начинало смеркаться, и Петръ Ермолаевичъ въ ночь тронулся по шпаламъ въ путь... Онъ шелъ бодро. На душѣ было легко, какъ не бывало съ начала трактирнаго сидѣнья. Всѣ мысли, всѣ надежды этого получеловѣка, почти потерявшаго «образъ и подобіе», сосредоточивались на отцѣ Іоаннѣ, котораго онъ никогда еще не видалъ и о которомъ никогда прежде не думалъ... Вотъ онъ уже въ Ораніенбаумѣ. Не имѣя у себя ни гроша денегъ, П. Е. хотѣлъ было вернуться обратно. Но какой-то внутренній голосъ заставилъ его смѣшаться съ толпой и бѣжать на пристань...

— Отецъ Іоаннъ, отецъ Іоаннъ,—слышалъ онъ кругомъ.

Большого труда стоило П. Е. протискаться въ толпѣ такъ, чтобы взглянуть на своего «избавителя», отъ котораго теперь зависѣла вся его будущность.

Петръ Ермолаевичъ такъ сроднился теперь съ мыслью о своемъ возрожденіи черезъ о. Іоанна, что потерять эту надежду для него значило бы потерять все...

Вотъ онъ увидѣлъ приближавшагося пастыря, котораго, казалось, толпа несла на своихъ плечахъ... Онъ увидѣлъ это ясное, съ выраженіемъ великой любви лицо священника, и весь задрожалъ отъ волненія, объятый какимъ-то благоговѣйнымъ трепетомъ... Отецъ Іоаннъ въ это время поровнялся съ нимъ... Не помня себя отъ избытка чувствъ, охватившихъ его точно морскимъ приливомъ, и не будучи въ состояніи произнести ни слова, П. Е. упалъ на землю подъ ноги о. Іоанна. Рыданія сдавили грудь несчастнаго пьяницы, въ глазахъ его потемнѣло.

— Батюшка,—простоналъ П. Е., съ трудомъ догоняя удалявшагося о. Іоанна.

Отецъ Іоаннъ остановился и повернулся къ бѣжавшему мелкими шагами оборванцу. Они встрѣтились лицомъ къ лицу... П. Е. почувствовалъ на себѣ взгляды «батюшки». Онъ не могъ выдержать приливъ чувствъ и упалъ въ ноги, крѣпко ухватившись за рясу о Іоанна.

— Встань, голубчикъ, ласково, но твердо, почти повелительно сказалъ пастырь, пойдемъ на пароходъ.

П. Е. вскочилъ, какъ бы отъ дѣйствія электрическаго тока, и, не смѣя поднять глазъ на священника, пошелъ сзади. На пути попадались встрѣчные, подходившіе подъ благословеніе. П. Е. казалось, что они какъ-то враждебно на него смотрятъ, точно онъ провинился передъ ними.

Вотъ и пароходъ. Отецъ Іоаннъ, не оборачиваясь, прошелъ по трапу на пароходъ. П. Е.—за нимъ. Скоро по отходѣ парохода съ пристани, матросъ обратился къ нему со словами.

— Пожалуйста въ рубку, васъ батюшка просить.

Батюшка сидѣлъ въ каютѣ, когда П. Е. вошелъ, едва передвигая ноги и низко опустивъ голову.

— Здравствуй, подойди ближе,—сказалъ отецъ Іоаннъ своимъ мягкимъ голосомъ,—какъ зовутъ тебя?

— Петромъ,—прошепталъ я, не смѣя двинуться съ мѣста.

— Ну, подойди, Петръ, сядь вотъ тутъ со мной.

Отецъ Іоаннъ указалъ мнѣ мѣсто рядомъ съ собой, и я машинально исполнилъ его приказаніе, не смотря на то, что сидѣть рядомъ съ батюшкой считалъ чуть-ли не святотатствомъ.

— Расскажи же мнѣ свое прошлое. Какъ дошелъ ты до этихъ лохмотьевъ? Пилъ, вѣрно?

— Пилъ, батюшка,—рыдая повторилъ я.

— Ничего, ты успокойся. Помни, что любящимъ Бога все во благо... Если ты потерялъ все, но помнишь и любишь Бога, ты еще ничего не потерялъ. Мало хорошаго дойти до этого рубища черезъ кабакъ; но кто знаетъ, какими путями ведетъ насъ Господь

къ Себѣ. Можетъ быть, иначе ты никогда и не вспомнилъ бы о Богѣ, о славѣ Его, для которой мы должны жить. Всякое дыханіе хвалить Господа, травка—и та Его хвалить, а ты человѣкъ, отецъ семьи, быть можетъ, хозяинъ многихъ рабочихъ, ты самъ забылъ Бога и другимъ мѣшалъ Его славить...

Чѣмъ больше говорилъ батюшка, тѣмъ легче становилось на душѣ П. Е. Сердце его билось съ такою силой, точно хотѣло разорваться. Все существо было переполнено какимъ-то радостнымъ трепетомъ.

— Для человѣка страшно духовное рубище, а не тлѣнное. Въ лохмотьяхъ можно быть глубоко счастливымъ и уготовить себѣ жизнь вѣчную, а въ нищетѣ духа никакія сокровища земныя не дадутъ человѣку ни счастья, ни спасенія...

Разговоръ продолжался въ томъ же направленіи. П. Е. становился съ каждымъ словомъ воодушевленнѣе. Рыданія стихли, въ голосѣ слышалась твердость, даже нѣкоторая увѣренность. Превращеніе изъ робкаго, приниженнаго, забитаго оборванца въ человѣка съ твердой волею, рѣшимостью и почти восторженностью совершилось такъ быстро, что П. Е. не доставало только костюма, чтобы сдѣлаться совершенно неузнаваемымъ. Объ этомъ превращеніи П. Е. до сихъ поръ вспоминаетъ, какъ о величайшей минутѣ въ своей жизни. Онъ выросъ въ собственныхъ глазахъ. Онъ почувствовалъ въ себѣ то человѣческое достоинство, которое онъ обязанъ охранять пуще всего въ жизни, и въ душѣ своей ощущалъ наплывъ небывалой еще радости. Когда пароходъ присталъ къ пристани, П. Е. не прятался уже въ темноту и не опускалъ низко голову. Напротивъ, онъ весь выпрямился, слегка откинувъ назадъ головы, и каждое движеніе сопровождалось такою увѣренностью, точно его кто сейчасъ произвелъ въ коммерціи совѣтника или наградилъ большимъ орденомъ...

Ты найди себѣ ночлегъ гдѣ-нибудь, а завтра приходи къ ранней обѣднѣ, въ соборъ. Мы помолимся съ тобою, потомъ ты

исповѣдуйся, причастись св. Таинъ и поѣзжай обратно въ Петербургъ.

Отецъ Іоаннъ протянулъ руку П. Е., и онъ почувствовалъ присутствіе бумажекъ.

Возьми, это тебѣ пригодится. Тебѣ надо одѣться и привести себя въ порядокъ.

П. Е. хотѣлъ что-то сказать, протестовать, но на пароходъ хлынула уже толпа. Отецъ Іоаннъ въ одну минуту оказался окруженнымъ, и П. Е. не могъ болѣе до него пробраться.

Петръ Ермолаевичъ нашелъ въ рукѣ 94 руб. Такой суммы онъ не имѣлъ уже нѣсколько лѣтъ, но деньги нисколько не радовали его, и онъ совершенно равнодушно сунулъ ихъ въ карманъ своей дырявой куртки. Гдѣ-то на башенныхъ часахъ пробило два. Въ Кронштадтѣ все было закрыто и тихо, улипы пустыни. Начинало свѣтать... П. Е. пошелъ бродить, отыскивая Андреевскій соборъ. Ходить пришлось долго, пока на загоравшемся горизонтѣ не обрисовался высокій куполъ и колокольня бѣлаго собора. Обширная площадь, красивая желѣзная рѣшетка, безукоризненная чистота и мощный видъ огромнаго, совсѣмъ новаго, точно сейчасъ только выстроеннаго собора произвели на П. Е. отрадное впечатлѣніе.

Онъ поднялся по ступенямъ на паперть, сталъ на колѣни и принялся молиться... Долго простоялъ такъ оборванецъ въ такомъ положеніи, но никакъ не могъ сосредоточить свои мысли на Богѣ, не могъ забыть все окружающее и отдаться молитвѣ.

Съ первымъ ударомъ колокола потянулись къ собору вереницей богомольцы. По всѣмъ улицамъ, примыкающимъ къ собору, шла цѣлыми партіями самая разнообразная публика. Женщины съ лѣтми, купцы, чиновники, офицеры, старики и молодые. П. Е. диву дался: точно въ Свѣтлое Христово Воскресенье народъ спѣшилъ къ заутрени.

Когда кончилось богослуженіе, народъ не «повалилъ изъ церкви», какъ всегда бываетъ при «шапочномъ разборѣ». Напротивъ,

всѣ остались на своихъ мѣстахъ и только ближе столпились около амвона. Каждый *ждалъ*... Кто благословенія, кто исповѣди, кто имѣлъ просьбу къ батюшкѣ, словомъ, у всѣхъ было какое-нибудь «дѣло».

— Пойдемъ, я тебя исповѣдую, а завтра за ранней обѣдней ты приобщишься св. Таинъ, сказалъ о Іоаннъ Петру Ермолаевичу. Они пошли въ сторону къ аналою.

Исповѣдь сопровождалась продолжительнымъ наставленіемъ пастыря, послѣ чего онъ всталъ на колѣни рядомъ съ серебряникомъ и помолился. Благословивъ затѣмъ исповѣдника, батюшка сказалъ.

— Иди съ миромъ и старайся не грѣшить. Не допускай прежде всего мыслей грѣховныхъ: послѣ мыслей придутъ дѣла худыя, тогда труднѣе бороться. Если почувствуешь тяжесть борьбы и увидишь, что тебѣ не справиться самому со зломъ, бѣги къ духовному отцу своему и проси его приобщить тебя св. Таинъ. Это великое и все-сильное оружіе въ борьбѣ съ пьянствомъ. Не стыдись передъ священникомъ назвать свой грѣхъ настоящимъ именемъ и не скрывай его въ душѣ своей. Иначе нельзя получить прощенія и силы въ борьбѣ. Православная церковь никому изъ сыновъ своихъ не отказываетъ въ св. Таинствахъ, а литургія совершается у насъ ежедневно. Ступай...

Впослѣдствіи Петръ Ермолаевичъ много и охотно рассказывалъ о «сильномъ душевномъ потрясеніи своемъ» послѣ исповѣди.

На другой день онъ причастился Св. Таинъ, предварительно перемѣнивъ свой внѣшній видъ. Въ Кронштадтѣ же онъ купилъ себѣ бѣлье, платье и вернулся въ Петербургъ вполне приличнымъ господиномъ. Прежде всего онъ нанялъ небольшую квартиру, купилъ верстакъ и оставшіеся 13 руб. послалъ женѣ, прося ее сейчасъ же ѣхать къ нему вмѣстѣ съ дѣтьми.

— Я, по милости Божіей и молитвамъ о. Іоанна Кронштадскаго, сдѣлался опять человѣкомъ,—писалъ онъ женѣ. Возвращайся ко мнѣ, забудь и прости прошлое. Я твердо увѣренъ, что святая

православная церковь не будетъ имѣть больше основанія считать меня заблудшимъ, погибшимъ сыномъ. Съ помощью Божіей, я надѣюсь вести трудовую жизнь христіанина.

Онъ писалъ правду. На второй день по возвращеніи въ Петербургъ, онъ безъ труда получилъ работу для одного магазина. За аккуратное и безукоризненное выполненіе, при умѣренныхъ цѣнахъ, скоро завалили его работой, такъ что онъ въ первый же мѣсяцъ нанялъ себѣ подмастерьевъ, а черезъ годъ имѣлъ уже опять собственную мастерскую. Жена тотчасъ исполнила требованіе своего мужа и не раскаявалась въ этомъ. Поведеніе Петра Ермолаевича не только не давало ей повода быть чѣмъ нибудь имъ недоволенной, но, напротивъ, большей заботливости и предупредительности нельзя было и желать. Каждое воскресенье и праздникъ семья ходила въ церковь, каждый вечеръ посвящался чтенію св. писанія и молитвѣ. Подроставшія дѣти опредѣлены были въ учебныя заведенія. Ни одинъ бѣднякъ не получилъ у П. Е. отказа въ помощи. Предметомъ особаго его попеченія была мѣстная приходская церковь. Онъ золотилъ ризы и церковную утварь, ремонтировалъ паникадила, покупалъ иконы, словомъ, дѣлалъ все зависящее отъ него для украшенія и благолѣпія храма.

Церковь дала мнѣ все; пожалѣю-ли я чего нибудь для нея, говорилъ часто онъ.

Года черезъ два Петръ Ермолаевичъ открылъ уже свой магазинъ, а недавно купилъ каменный домъ. Онъ ясно видѣлъ, что каждая его жертва на церковь, каждая помощь бѣднымъ возвращается сторицею, въ видѣ хорошихъ заказовъ, выгодныхъ работъ, и поэтому не скупился на добрыя дѣла. Чѣмъ больше онъ раздавалъ, тѣмъ больше пріобрѣталъ, оправдывая слово св. писанія—рука дающаго не оскудѣетъ.

Передъ о. Іоанномъ проходятъ тысячи такихъ погибшихъ, онъ постоянно выслушиваетъ ихъ исповѣди о тѣхъ ужасныхъ драмахъ

изъ жизни, которыя произошли благодаря только пьянству. И о. Іоаннъ поэтому всегда бичуетъ пьянство рѣзкими словами.

Братія, говорить онъ, пьянство, діавольская сѣть, діавольская отравѣ: ибо пьянство губить души человѣческія, а вмѣстѣ съ душами и тѣла. Что такое питейные дома? Западни діавола. Въ домахъ ставятъ какую нибудь посуду съ мухоморною водою для изведенія мухъ; мухи напьются ея, опьянѣютъ и потомъ издыхаютъ. Подобны этому и питейные дома. Вино, не въ мѣру принятое, человѣкоубійственная вещь; а человѣкъ жаденъ; это его природная немощь, наслѣдованная отъ первыхъ людей. Винопродавцы, простите мнѣ,—не человѣкоубійцы ли вы? Какъ такъ? Очень просто. Человѣкъ, особенно простой, необразованный, да и всякъ слабъ, грѣшенъ: его легко втравить во всякій порокъ. А содержатели питейныхъ домовъ втравляютъ бѣдный народъ въ пьянство. Но, горе человѣку тому, говорить Спаситель, имже соблазнъ приходитъ; ибо Сынъ человѣческій Сынъ Божій приде взыскати и спасти погибшаго ¹⁾. Горе строящимъ и умножающимъ питейные дома. Люди гибнуть и тѣлесно, и душевно, какъ мухи отъ мухоморной жидкости, отъ умноженія питейныхъ домовъ и винной продажи, а содержатели этихъ домовъ виновны въ ихъ гибели. А кто эти погибающіе?—Дѣти Отца небеснаго; дѣти Господа Животворящаго, породившаго ихъ въ купели крещенія. Имѣяй уши слышати да слышитъ!

Если содержатели питейныхъ домовъ и тѣ, кои попускаютъ имъ строить во множествѣ ихъ, хотятъ заслужить помилованіе на страшномъ судѣ Господа: да очистятъ немедленно питейные дома отъ вина, и пусть обратятъ ихъ въ жилые дома или для другихъ настоящихъ надобностей; время перестать играть виномъ и губить души и тѣла бѣднаго народа. А вы, людіе Господни, немедленно перестаньте пьянствовать и разорять себя и свои семейства, чтобы

¹⁾ Мѣ. ХУІІІ, 7, 11.

не погубить свои души и тѣла. Именемъ Господнимъ умоляю васъ—бросьте пьянство, и особенно по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Дни Господни надо святить воздержаніемъ, молитвою и добродѣтелию, а не осквернять пьянствомъ, буйствомъ, сквернословіемъ и другими непотребными дѣлами. Не растлѣвайте же себя пьянствомъ: помните, что ваши тѣла—нерукотворенные храмы Святаго Духа; но еще кто Божій храмъ растлѣть, растлѣть сего Богъ ¹⁾, т. е. и здѣсь подвергнетъ болѣзнямъ и при кончинѣ самому смрачному тлѣнію, а въ будущемъ вѣкѣ—вѣчному тлѣнію въ вѣчномъ огнѣ. Не упивайтесь виномъ, въ немъ же есть блудъ: но паче исполняйтесь духомъ, глаголюще себѣ во псалмѣхъ и пѣніяхъ и пѣсняхъ духовныхъ, поюще и воспѣвающе въ сердцахъ вашихъ Господеви ²⁾. Аминь.

¹⁾ 1 Кор. 3, 6, 17.

²⁾ Ефес. 5, 18, 19.

Кронштадтскій свѣтильникъ.

„Чего изыждете въ пустыню видѣти?“

Матѳ. XI, 7.

«Покайтесь!» раздался когда-то на зарѣ христіанства голосъ проповѣдника въ бесплодной пустынѣ Іордана. «Покайтесь, ибо приблизилось царствіе Божіе» (Матѳ. III,—2). Такъ началъ свою проповѣдь великій проповѣдникъ, «денница Солнца»—Предтеча Христовъ, Іоаннъ. И многовѣковая тишина безлюдной пустыни, которая оглашалась лишь ревомъ звѣрей, нарушилась. Голосъ пророка пронесся по градамъ и весямъ, и народъ, блуждающій во тьмѣ, не имущій пастыря, толпами устремился къ Іоанну въ пустыню. Гордые фарисеи, богачи саддукеи, презираемый мытарь, воины и другіе устремляются въ пустыню, исповѣдуютъ грѣхи свои и крестятся въ Іорданѣ.

Какъ многое тутъ пробудилось!
Всѣ тайны раскрылись сердецъ:
То мытарь блѣднѣлъ и молился,
То въ латахъ смирялся боецъ.
И слезы текли по ланитамъ,
И вздохи кипѣли въ устахъ;
И всѣ торопились омыться
Въ купельныхъ Іорданскихъ волнахъ.

О. Іоаннъ Сергіевъ.

Пламенная, жгучая, какъ зной пустыни, грозная рѣчь проповѣдника, необыкновенный его видъ и одежда, смуглое запаленное солнцемъ его лицо, пронизательные глаза поражали народъ. «Что намъ дѣлать?» вопрошали дивнаго пророка... Не онъ ли Христосъ? вопрошали иные... Многое благовѣствовалъ Предтеча народу, поучая его (Луки III гл. 10, 15, 18).

Исполнились пророческія слова Исаи: «радуйся пустыня жаждающая, да веселится пустыня и да цвѣтеть яко кринь. И процвѣтеть и возвеселится пустыня Іорданова... яко проторжеся вода въ пустыни и дебрь въ земли жаждущей» (Ис. XXXV гл. 1, 2, 6).

И въ настоящее время просятся на уста приведенныя слова Исаи пророка.

И нынѣ въ 30 верстахъ отъ славнаго Петрограда, въ прежде безвѣстномъ и какъ бы пустынномъ Кронштадтѣ «проторжеся вода»,—слышится голосъ проповѣдника покаянія и пастыря Христова о. Іоанна. «Кайтесь, кайтесь» и теперь какъ бы я слышу его рѣзкій, громкій голосъ въ Андреевскомъ соборѣ передъ 5.000 толпой, призывающій народъ къ покаянію. «Кайтесь, царствіе Христово и Христосъ съ нами. Онъ присутствуетъ невидимо съ вѣрующими и видимо въ Пречистыхъ и Животворящихъ Тайнахъ... Идите къ Нему вси трудящіеся и обремененніи»...

Этотъ звонкій, ободряющій, какъ свѣжій вѣтерокъ моря, голосъ не грозный, а любящій, страждущій за братію, голосъ пастыря зоветъ и собираетъ къ нему народъ.

Кто близко знаетъ о. Іоанна, тому хорошо извѣстны слѣдующія картины.

Сѣрый октябрьскій день.

Сѣрое небо, съ утра задернутое сплошь облаками, сѣрый цвѣтъ воды залива, которую бороздитъ и пѣнитъ своими колесами кронштадтскій пароходъ.

Пароходъ переполненъ пассажирами. Это—паломники ѣдущіе въ Кронштадтъ къ от. Іоанну Кронштадтскому.

Вотъ смуглое лицо терскаго казака, вотъ типичный бѣлорусъ съ вялыми нерѣшительными движеніями, вотъ умное выразительное лицо жителя средней полосы Россіи, рядомъ съ нимъ типичный сибирякъ и т. д.

Разговоры среди паломниковъ сосредоточиваются либо на личности о. Іоанна или-же передаются подробности путешествія къ нему.

— На восьмой десятокъ мнѣ, — рассказываетъ окружающимъ маленькая старушка съ темнымъ сморщеннымъ лицомъ. — Седьмой разъ Господь приводитъ къ кронштадтскому батюшкѣ побывать. Ужъ трудно нынче было къ нему идти, года-то мои старые, — а ничего дошла.

— Неужто, бабушка, пѣшкомъ все?

— Больше пѣшкомъ. Отъ самой Перми иду. Случалось, что и подвезутъ по пути меня, старуху, добрые люди, а больше пѣшкомъ. Не люблю я чугуновъ этихъ нынѣшнихъ, да и денегъ-то нѣтъ, чтобы на нихъ ѣздить. Вотъ пѣшкомъ и идешь.

— И ничего, въ дорогѣ-то не страшно?

— Какъ ничего, милый человѣкъ. Всего боишься: и звѣрята, и злого человѣка. Да слава Богу, сохранилъ Господь. Вотъ теперь къ самымъ именинамъ батюшки какъ разъ въ Кронштадтъ попаду...

— . . . Выдали это меня замужъ, — слышится молодой женскій голосъ изъ другой группы паломниковъ, — молодую-молодешеньку, глупая я была, ничего въ жизни не понимала. И мужъ-то у меня тихій да ласковый, любилъ онъ меня во-какъ. А противень онъ мнѣ казался. «Сбѣгу, думаю, либо еще хуже, убью его, а то сама на себя руки наложу. Что ни день настанетъ, только объ этомъ и думаю просто мѣста не нахожу себѣ, сохну вся, а думы эти худыя съ ума нейдутъ. Не мило мнѣ кажется жить на бѣломъ свѣтѣ. Вотъ и надоумили меня съѣздить къ кронштадтскому батюшкѣ. Не хотѣла я сначала ѣхать. Что, думаю, никакого толку не будетъ.

Однако уговорили — поѣхала. Три дня въ Кронштадтѣ жила, все никакъ не могла добраться до батюшки, наконецъ добралась. Страшно мнѣ стало, какъ увидала его, просто глазъ не смѣю поднять и внутри дрожь какая-то. А онъ стоитъ передо мной, лицо ласковое такое, глаза добрые, добрые, «Ну, говорить, рассказывать, что у тебя». Разказала я ему все, все, что у меня на душѣ, не знаю просто, какъ и смѣлости хватило. Утѣшалъ онъ меня. Долго это со мною говорилъ. Онъ говорилъ, а слова его, словно мнѣ въ душу впадаютъ, и чувствую я, что мнѣ все легче и легче дѣлается... Вернулась я домой совсѣмъ другая, словно переродилась, и пошло у насъ съ тѣхъ поръ съ мужемъ миръ да согласье. И теперь мы каждый годъ къ о. Іоанну ѣздимъ. Мужъ въ прошломъ мѣсяцѣ былъ, а теперь вотъ я ѣду.

Въ сторонѣ отъ другихъ, прислонившись къ борту, стоитъ высокій худощавый юноша. Его блѣдное лицо окаймлено темною, только что пробивающейся растительностію, задумчивые глаза устремлены вдаль къ еле видѣющемуся въ туманѣ берегу залива. Брызги волнъ, всплескивающихъ у носа парохода, летятъ ему въ лицо, но юноша не обращаетъ на это вниманія, мысли его, повидимому, далеко отъ всего окружающаго и въ задумчивыхъ глазахъ порою блеститъ какой то загадочный огонекъ.

Онъ тоже ѣдетъ къ о. Іоанну, влекомый какимъ то особеннымъ желаніемъ.

Спутники богомольцы пытались было заговорить съ нимъ, но или отдѣлывался молчаніемъ, или же отвѣчалъ нехотя односложными словами.

Вѣтеръ усилился, пароходъ начало слегка покачивать, всплески волнъ долетали на палубу и обдавали расположившихся на ней пассажировъ, кое-гдѣ слышались женскія взвигиванія... Часть публики поспѣшила уйти въ нижнюю каюту, но кучка богомольцевъ въ носовой части не расходится, окруживъ какого то странника въ полу-монашескомъ одѣяніи, рассказывающаго о своихъ странствованіяхъ.

— Въ Кіевѣ нынче у святыхъ угодниковъ побываль, въ Соловки Господь сподобилъ, на Валаамѣ былъ, сейчасъ отъ Саровскаго угодника Серафима возвращаюсь. Вотъ теперь въ Кронштадтъ ѣду. Хожу, пока ноги носятъ, да Господь грѣхамъ терпитъ.

Но перейдемъ въ каюту для избранныхъ кого тутъ нѣтъ.

Двѣ монахини... Группа купцовъ разговаривавшихъ о какомъ то случаѣ во время служенія о. Іоанна на Сѣнной.

Профессоръ химіи горнаго института, крупный ученый, извѣстный даже заграницей. «На челѣ его усталость»—усталость не физическая, а духовная та, какая родится отъ сомнѣній въ прежнихъ основахъ жизни—усталость переломила.

Группа студентовъ академій.

Нѣсколько видимо великосвѣтскихъ дамъ. Англійскій говоръ. Недалеко отъ нихъ купцы.

Недалеко отъ этой дамы сидѣлъ извѣстный богатый купецъ. И онъ ѣхалъ къ о. Іоанну. Богатство сдѣлало его маленькимъ князькомъ. Предъ нимъ преклонялись сотни людей, восхваляли его въ рѣчахъ, газетахъ, исполняли каждое его малѣйшее желаніе. Его сила и вліяніе, кажется, не знали границъ. Онъ былъ всюду принятъ. Не было ни одного удовольствія, которое было бы ему недоступно. Онъ не знаетъ конца своимъ владѣніямъ. Все испыталъ въ своей жизни. Это—новый Соломонъ, Соломонъ конца 19 вѣка. И къ чему же пришелъ онъ своимъ опытомъ?

— Много денегъ у меня, говорилъ онъ, много лѣсовъ, земли, луговъ и всякихъ владѣній, ни на что мнѣ не хочется теперь смотрѣть. Тяжело мнѣ... Днемъ и ночью гложетъ меня какая то тоска. Я не знаю, что сейчасъ предпринять и куда дѣваться. Я заблудился и не знаю для себя никакого выхода. Заблудился среди бѣлаго дня... Да, среди бѣлаго дня, повторилъ онъ. И это говорить не сумашедшій, а человекъ, находящійся въ полномъ разумѣ и здоровѣ. Мнѣ сказали, что тамъ помогаютъ многимъ. Вотъ и я ѣду къ нему, не пожелетъ ли онъ и мнѣ?»

Что же влечетъ народъ въ пустынный для вѣрующихъ Кронштадтъ? «Что значить такое многочисленное торжествующее собраніе?» вопрошаетъ самъ о. Іоаннъ въ своемъ поученіи. «Что подвигло сердца и стопы ваши въ этотъ городъ, ничѣмъ особеннымъ не отличающійся отъ другихъ?.. Многимъ, многимъ изъ васъ, какъ простымъ, смиреннымъ богомольцамъ, кажется и на умъ не приходило, что вы шли и двигались по волнамъ въ укрѣпленный, военный городъ. Что вамъ до нашихъ грозныхъ крѣпостей и кораблей съ пушками? Всѣ вы простые, добрые христіане и мирные граждане, и пришли не укрѣпленія посмотреть, а именно въ этотъ храмъ первозванного Апостола — помолиться усердно вмѣстѣ съ нами, да кого-то съ днемъ Ангела поздравить... Знаю, что вы, дорогіе отцы, братія и сестры, ради меня недостойнаго пастыря и сопастыря собрались здѣсь... почтить въ лицѣ моемъ служителя Христова и посильнаго вашего сомолитвенника, совершителя спасительныхъ Тайнъ Христовыхъ и споспѣшника вашему спасенію и христіанскому богоугодному житію»... (Поуч. 1898 г. стр. 60).

Итакъ, народъ идетъ въ Кронштадтъ, чтобы повидать батюшку, принять отъ него благословеніе, укрѣпиться его молитвою въ немогущей и скорбной жизни, спросить совѣта, указаній.

Здѣсь въ нѣкоторомъ смыслѣ болѣе Іордана: тамъ омывались во образъ будущаго крещенія, а здѣсь, омытые слезами покаянія, крещаются Духомъ Святымъ, возрождаются, укрѣпляются въ духовной жизни, соединяются со Христомъ въ Пречистыхъ Тайнахъ.

Смиренный видъ о. Іоанна, открытое его мирное лицо, ласковые, голубые глаза, сильное слово, задѣвающее струны сердечныя и вызывающее слезы сокрушенія,—благодать Божія, дѣйствующая чрезъ него, влекутъ къ нему народъ, умиляютъ и поражаютъ народъ.

На вопросъ: «что намъ дѣлать», получаютъ здѣсь отвѣтъ изъ Слова Божія, изъ опыта подвижника—пастыря, получаютъ въ тани-

ствахъ и его молитвъ благодатную силу для борьбы съ грѣхомъ, видятъ въ немъ живой примѣръ истиннаго христіанскаго пастыря.

Иностранцы и инородцы и тѣ знаютъ о. Іоанна. Въ его лицѣ осуществляется и торжествуетъ истина всей вѣрующей Православной Церкви: «прииди и виждь», можно сказать всякому вопрошающему объ истинѣ, посмотри на служеніе вѣрнаго Христова послѣдователя, сына Православной Церкви, достойнаго пастыря и скажи: откуда эти необычныя явленія силы Божіей «съ небесе, или отъ человѣкъ», и не осуществляется ли въ его необычномъ служеніи истины Евангелія?

Приходилъ какъ-то въ Кронштадтъ какой-то босоногій, убогій странникъ; разговаривая съ другими, вдругъ онъ среди разговора поднялся и поспѣшно, какъ бы на какой зовъ, пошелъ прямо на встрѣчу о. Іоанну. Они встрѣтились, какъ будто лица родныя и давно знакомыя другъ другу, хотя ранѣе и не встрѣчались. Этому страннику о. Іоаннъ сказалъ: *«Господь открылъ мнѣ сердца людей и далъ мнѣ книгу скорби»*.

Да, воистину Господь открываетъ о. Іоанну сердца людей и эти люди послушныя зову пастыря оставляютъ «пажити грѣха» и дѣлаются работниками—въ виноградникѣ Христовомъ. Въ Кронштадтѣ всѣмъ извѣстна исторія одного «возрожденнаго» почитателя о. Іоанна. Фамиліи его называть не будемъ. Имя его—Петръ Ивановичъ.

«Лѣтъ 10 тому назадъ Петръ Ивановичъ занималъ на службѣ видный постъ, носилъ блестящій мундиръ и жилъ, какъ подобаетъ жить особѣ V-го класса, получающей 6.000 руб. годового содержанія. Къ религіи П. И. относился вполне равнодушно: не то чтобы онъ былъ атеистомъ, а просто обходилъ вопросы вѣры молчаніемъ, находя, что и такъ прожить вѣкъ можно, а «умирать буду, подумаю»... Для окружающихъ онъ былъ человѣкъ сухой и почти злой, помощи и добра онъ никому не оказывалъ, а если приходилось покарать—пощады или состраданія—ни-ни!

— «Живымъ въ гробъ уложу,—говорилъ онъ самъ.

«Характеръ» ли такой суровый былъ у П. И. или воспитаніе, служба закалили его, но только человѣкъ—камень былъ, и любовью окружающихъ онъ не пользовался.

«Въ 1882 году у П. И. скоростижно умерла жена—единственное существо, нѣжно имъ любимое. Передъ смертью, когда доктора отказались уже лѣчить больную, П. И. послалъ за о. Іоанномъ.

— «Пусть помолится,—все равно умираетъ, а если выздоровѣетъ—увѣрю!»

«Отецъ Іоаннъ отвѣчалъ посланному:

— «Мнѣ у васъ дѣлать нечего!»

И не поѣхалъ... Больная умерла... П. И. пришелъ въ отчаяніе... Онъ сидѣлъ уже съ револьверомъ въ рукѣ, когда ему точно молнія ударила въ голову.

— «А вѣдь о. Іоаннъ не поѣхалъ: у васъ говорить, мнѣ дѣлать нечего... Отчего не поѣхалъ? Что это за о. Іоаннъ?!.. Къ Вино—ву поѣхалъ, и тамъ ребенокъ умирающій поправился».

Петръ Ивановичъ погрузился въ думы и просидѣлъ болѣе часа неподвижно. Когда онъ очнулся въ его мозгу созрѣлъ ясный и опредѣленный планъ дѣйствій...

На другой же день онъ отправился къ о. Іоанну и просилъ исповѣди. Здѣсь вылилась такъ сказать вся наболѣвшая душа его.

— «Со смертью жены,—разсказывалъ послѣ Петръ Ивановичъ,—предо мною открылась какая-то пропасть, бездна, мрачная пустота... Я почувствовалъ холодъ смерти и безсиліе всѣхъ нашихъ знаній, которыми человѣчество гордится, суетность всѣхъ заботъ, хлопотъ... Если человѣкъ со всей наукой такъ безсиленъ и ничтоженъ передъ природой, если все существованіе, вся цѣль жизни только ограничивается смертнымъ часомъ, только для того мы живемъ, чтобы при первой случайности обратиться въ гніющій прахъ,—то стоитъ-ли жить!? Чего ради мы живемъ?... Нѣтъ, этого не можетъ быть! Тайна и отрицаніе не синонимы. Если мы не

знаемъ природы, даже зародышныхъ клѣточекъ и не можемъ уяснить себѣ своего существованія, какъ выражается профессоръ Тархановъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что все таинственное духовное невидимое не существуетъ».

«Отецъ Іоаннъ не далъ П. И. отпущенія грѣховъ и ограничился только молитвою.

Въ первый разъ въ жизни П. И. испыталъ какое-то непонятное чувство, неизвѣстное ему раньше, но хорошее благотворное чувство. Съ первыхъ словъ молитвы онъ забылъ все земное, что раньше исключительно занимало его мысли; передъ его духовными глазами раскрылся новый прекрасный міръ... И странно, въ этомъ мірѣ онъ не чужой и ему тамъ есть мѣсто!

— Хотѣлось бы мнѣ остаться тамъ навсегда, никогда не разлучаться съ этимъ міромъ, но молитва была кончена, и батюшка пригласилъ меня помолиться... Почти съ ужасомъ спросилъ я: неужели мнѣ нельзя больше никогда придти еще? Но батюшка кротко такъ смотрѣлъ на меня и ласково произнесъ: «можешь каждый день приходить»...

Петръ Ивановичъ дѣйствительно сталъ ходить каждый день и, случалось ловилъ батюшку съ утра до вечера, чтобы помолиться вмѣстѣ нѣсколько минутъ. Черезъ недѣлю или полторы онъ получилъ святое причащеніе. Первымъ результатомъ его «новой» жизни было совершенно другое отношеніе ко всѣмъ людямъ, начиная съ прислуги, солдатъ и др. простолюдиновъ. У него было страстное желаніе помочь, услужить *каждому*, вызывать удовольствіе на лицѣ, улыбку, доставить всякому что нибудь пріятное.

— «Такъ бы вотъ всѣхъ обнялъ и расцѣловалъ всѣхъ безъ исключенія и изыятія»...

Суровый характеръ П. И. преобразился до такой степени, что онъ потерялъ всякую способность сердиться; напротивъ, какую-бы непріятность ему ни причинили, онъ жалѣлъ только провинившагося и старался всѣми силами убѣдить его, что такъ

поступать не слѣдовало. Когда ему приходилось слышать о враждующихъ или о комъ-нибудь обиженномъ, онъ страшно волновался и принималъ всѣ мѣры, чтобы какъ-нибудь ослабить не-приятныя послѣдствія. Само собою разумѣется, что все свободное время онъ проводилъ въ чтеніи библіи и молитвѣ.

Въ домашней жизни П. И. также многое измѣнилось. Онъ бросилъ курить, совершенно пересталъ пить, упростилъ столъ до минимума, удалилъ всѣ предметы роскоши, и выйдя въ отставку, посвятилъ себя всецѣло воспитанію дѣтей: сына и двухъ дочерей.

Главнымъ врагомъ П. И. за его «перерожденіе» сдѣлался его родной братъ, называвшій его «юродивымъ».

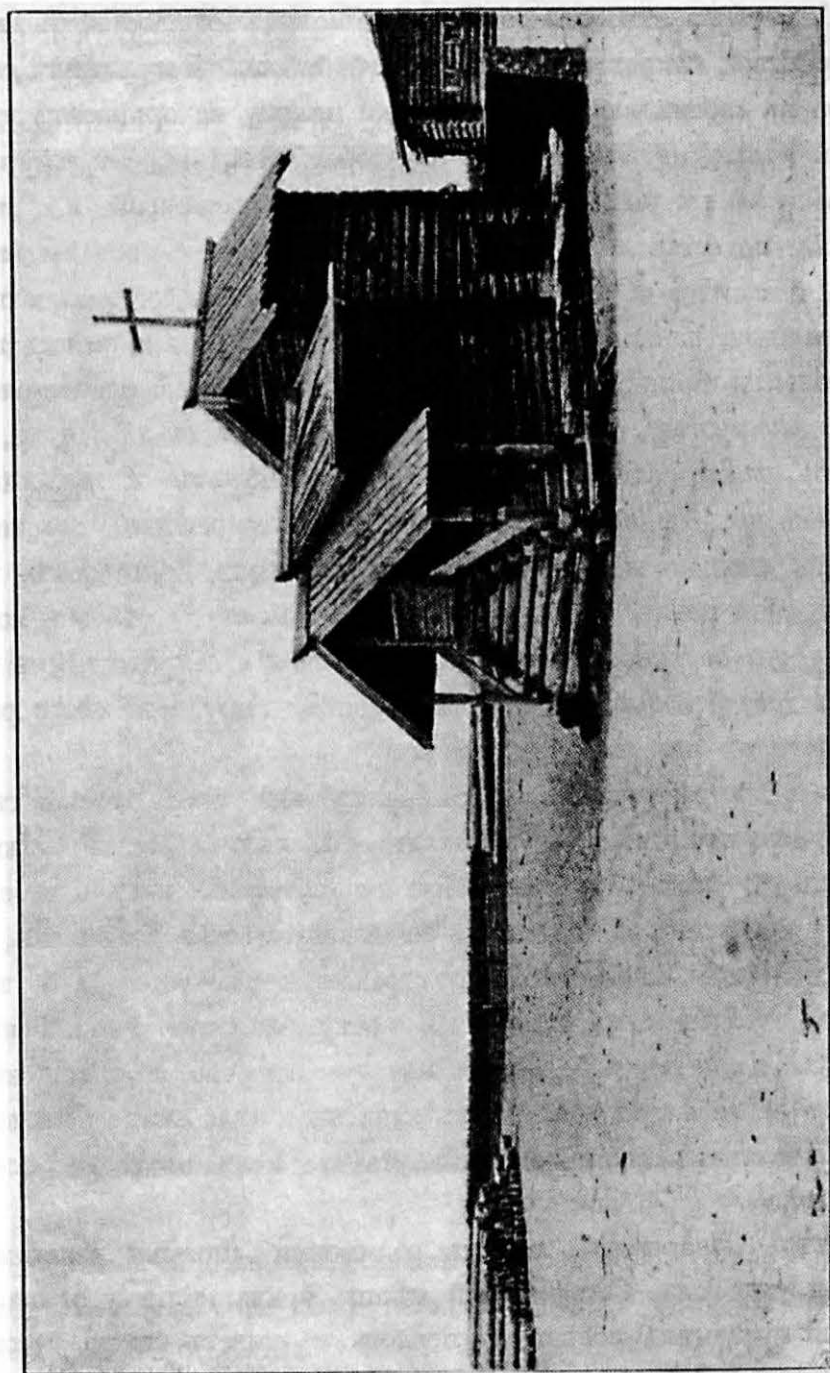
— «Похоронилъ жену и бросился въ ханжество. Это показывать только твое малодушіе или, еще хуже, слабоуміе... Ты малость рехнулся», говорилъ П. И. его братъ.

— «Скажи кому же я причинилъ вредъ своимъ «юродствомъ»? Я совершенно счастливъ: дѣти, полагаю, не проиграютъ отъ того, что я больше посвящаю имъ времени и вниманія... Окружающимъ, ты самъ знаешь, я многимъ принесъ существенную пользу, а не вредъ»...

— «Да ты вѣдь сдѣлался нетерпимъ въ приличномъ обществѣ; ты потерялъ карьеру, ведешь такой образъ жизни, что у тебя никто не бываетъ»...

— «Постой. Я потерялъ карьеру—это вѣрно, но скажи по совѣсти—потеряла ли служба отъ того, что я вышелъ въ отставку? Вѣдь, нѣтъ? Ты самъ это хорошо знаешь. Служба была мнѣ нужна, а не я службѣ! Затѣмъ относительно того, что нашимъ знакомымъ нельзя у меня пьянствовать или повинтить, то согласишься, не обязанъ-же я ради такой глупости отказываться отъ своихъ взглядовъ, убѣжденій и ломать собственную жизнь. И безъ меня всѣ наши пріятели найдутъ гдѣ напиться»...

— «Да съ чего же ты себя то изводишь?»

Исаа, въ которой родился о. Іованнѣ.

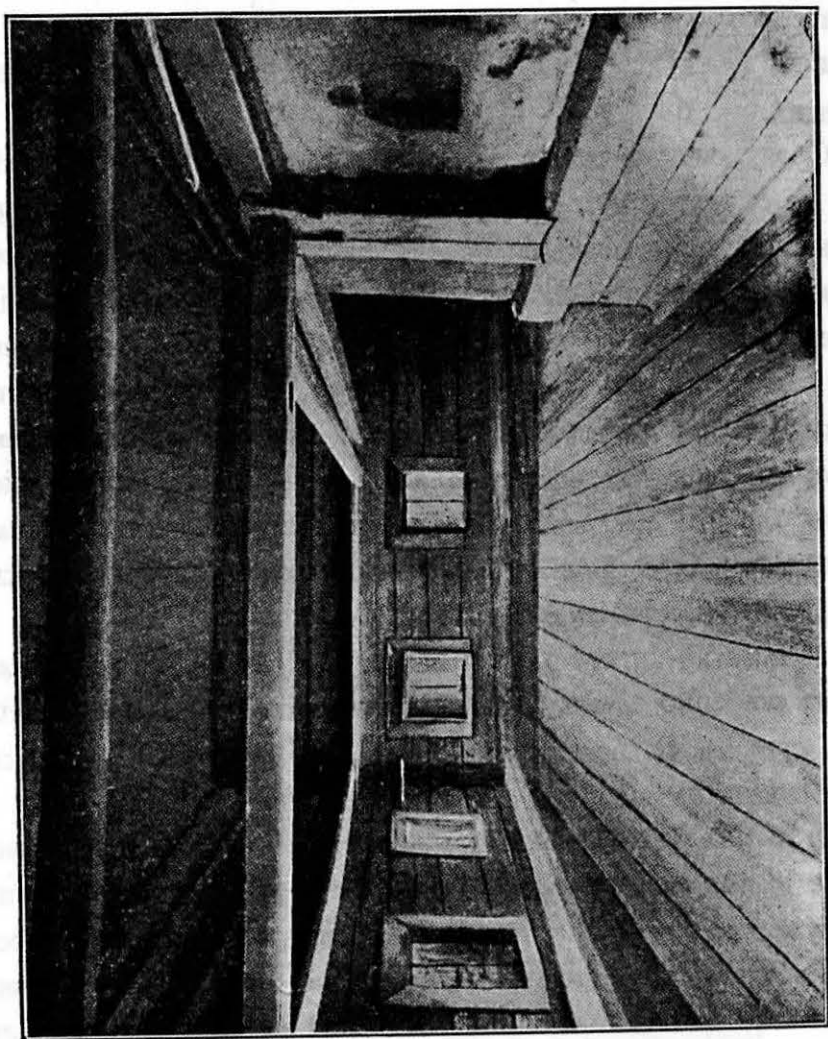
— «Клянусь тебѣ памятью моей жены, что я никогда не былъ такъ счастливъ, какъ теперь. Ничто не можетъ мнѣ доставить такого удовольствія, какъ глава прочитанной библіи... Я счастливъ совершенно въ своемъ «юродствѣ», и оно никому не приноситъ вреда, скорѣе пользу; почему же мнѣ не «юродствовать»?.. Ты говоришь, что застрѣлился бы, если бы потерялъ свое положеніе, а я легко могу *все* потерять, потому, что то, безъ чего я не могъ бы теперь жить, т. е. вѣра и молитва, у меня никто не въ состояніи отнять. Ты, значить, зависишь отъ тысячъ случайностей, а я ни отъ кого. Ты долженъ бояться всего; болѣзни, паденія курса, нерасположенія своего «общества», смерти близкихъ людей и т. д., и т. д., а я ничего, потому что мое «юродство» замѣняетъ и поглощаетъ для меня все. Ты не можешь жить безъ теперешняго положенія, значить, сколько же людей и случаевъ могутъ приговорить тебя къ смертной казни?! Ты дрожишь при мысли о гробовой доскѣ, потому что не увѣренъ въ послѣдующемъ, а я съ радостнымъ трепетомъ жду этого момента, хотя и жизнь даетъ мнѣ много радостей. Кто же изъ насъ счастливѣе?»

— «Эти разсужденія напоминаютъ мнѣ бредъ больныхъ въ домѣ умалишенныхъ. Ты замѣчалъ, что идіоты всегда смѣются? Вѣроятно, у нихъ такое же радостное настроеніе, какъ и твое»...

— «Софизмъ и парадоксъ—не доказательства. Ты знаешь, что умалишенные и идіоты страшно страдаютъ *физически*, а я такъ здоровъ, что ты самъ завидуешь моему здоровью. Умалишенные теряютъ разсудокъ и не могутъ мыслить логично, а я еще вчера сдѣлалъ за тебя три докладныхъ записки, и вѣдь никто не нашелъ ихъ бредомъ умалишеннаго. Зачѣмъ ты меня напрасно оскорбляешь?»...

Петръ Ивановичъ живетъ со своими «новыми взглядами» седьмой уже годъ. Онъ каждый мѣсяцъ причащается у о. Іоанна, каждый праздникъ посѣщаетъ церковь и живетъ тихую, счастливою жизнью. Всѣ тѣ, которые считаютъ его за «юродиваго», не

брезгають обращаться къ нему за помощью и пользуются, какъ его занятіями, опытностью, такъ и деньгами. Отказа нѣтъ никому: у П. И. нѣтъ удовольствія выше, какъ помочь *врагу* своему.

Внутренній видъ небы, гдѣ родился о. Іоаннъ.

«И это не единственный случай. Крестьянинъ-писатель В. И. Савихинъ передавалъ другому писателю о тѣхъ чудесахъ, которыя творилъ о. Іоаннъ надъ *душами* приходящихъ къ нему. Трудно передать словами (говорилъ онъ) ту перемѣну, которая происхо-

дѣть въ деревенскихъ жителяхъ, побывавшихъ у о. Іоанна. Тамъ, гдѣ прежде стоялъ гвалтъ отъ брани и ссоръ, онъ замѣнялся дружественными, торжественными отношеніями: женщины сходятся вмѣстѣ, вспоминаютъ высокія настроенія, пережитыя имъ въ Кронштадтѣ, читаютъ или слушаютъ книжки, данныя имъ, собираютъ между собой яйца, полотна и деньги, чтобы раздать бѣднымъ.

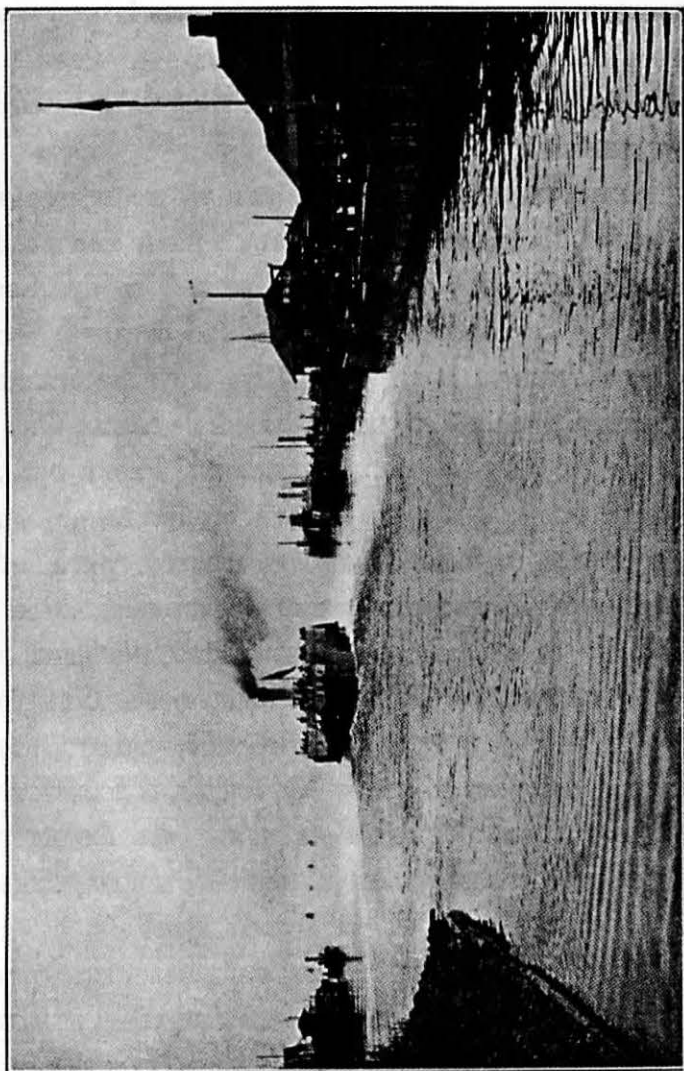
Обаятельное и благотворное вліяніе добраго пастыря замѣтно и не на одномъ простомъ народѣ... Десятки интеллигентныхъ лицъ измѣнились подъ вліяніемъ слова о. Іоанна. Сотни развитыхъ, образованныхъ людей передаютъ съ восторгомъ о своихъ впечатлѣніяхъ, о своихъ бесѣдахъ съ о. Сергіевымъ. «Труждающіеся и обремененные» идутъ къ этому духовному свѣточу, къ этому представителю правды небесной на землѣ, — идутъ къ нему со своимъ горемъ и нуждой, со своей неумолкаемой злобой и съ безумнымъ сомнѣніемъ. И рѣчь добраго пастыря, полная христіанской любви, утѣшаетъ печальныхъ, даетъ силы для борьбы, окрыляетъ терпѣніемъ, смягчаетъ злобу, несетъ покой мятущейся душѣ».

О. Іоаннъ—ангелъ хранитель земли Русской. Онъ ей нуженъ, нуженъ особенно теперь, нуженъ своей молитвой, своимъ пастырскимъ трудомъ, но больше всего тѣмъ, что онъ есть. Онъ вноситъ новую жизнь въ міръ уже тѣмъ, что живетъ.

О. Іоаннъ тѣмъ силенъ, что живетъ со Христомъ и во Христѣ.

О. Іоаннъ можетъ сказать вмѣстѣ съ ап. Павломъ, что теперь «не я уже живу, но живетъ во мнѣ Христосъ». «Живетъ Христосъ», не какъ отвлеченное начало, не какъ сумма извѣстныхъ правилъ, не какъ простое, историческое воспоминаніе, а какъ живая личность, какъ Богочеловѣкъ (Іоанн. XIV, 21, 23, Апок. III, 20 и друг...). О. Іоаннъ какъ бы утратилъ свое индивидуальное бытіе, свою душу. Его душа какъ бы погрузилась въ духъ Христа и перестала существовать отдѣльно. Его жизнь стала съ этого времени не его жизнью, а жизнью во Христѣ, какъ онъ и самъ ее называетъ. На все онъ

стать смотрѣть иначе. Весь міръ видимыхъ и невидимыхъ явленій для него распался на два міра: міръ Христа и міръ антихриста, міръ добра и зла. Въ его жизни не стало ни одной минуты, когда

О. Іоаннъ подѣлаваетъ на пароходѣ къ Кронштаду.

бы можно было служить кому либо другому, кромѣ Христа. Вся его жизнь проходитъ предъ лицомъ Бога. Каждое свое желаніе, каждую мысль, каждое свое движеніе, о. Іоаннъ старается освѣ-

титъ небеснымъ свѣтомъ. Все для Бога и въ Богѣ, ничего безъ Бога и не для Бога.

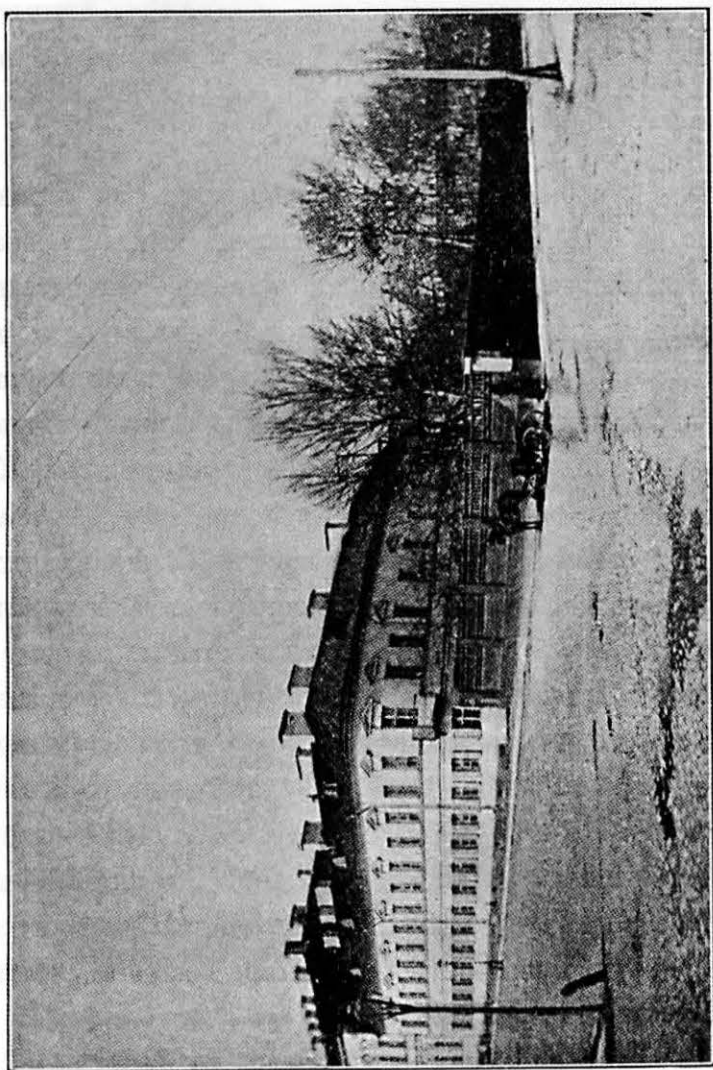
«Ходи, всегда, говорить о. Іоаннъ, въ живомъ сознаніи и чувствѣ присутствія Божія и Богоматери и какъ бы въ виду всего Неба, всѣхъ святыхъ ангеловъ, святыхъ человѣковъ, которые съ неба взираютъ на насъ, на всѣ входы и исходы наши, на всѣ помышленія, намѣренія, предпріятія наши и суть свидѣтели нашей жизни неподкупные».

Для о. Іоанна царство Божіе не гдѣ то въ недозримой дали отъ него, а здѣсь на землѣ. «Спаситель съ нами невидимо и всегда готовъ спасать насъ быстро, по вѣрѣ нашей и призванію нами святаго чуднаго и спасительнаго имени. Ибо сказано: «всякъ, иже призоветъ имя Господне, спасется». И въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ «развѣ нѣтъ у насъ Спасителя? развѣ не ближе Онъ къ намъ, чѣмъ грѣхъ, развѣ Онъ не благопослушливъ? Развѣ онъ дремлетъ, спитъ? Развѣ не бодрствуетъ надъ нами безпрестанно, милуя насъ, заступая, просвѣщая, избавляя насъ отъ всякаго грѣха, отъ всякой скорби, гнѣва, нужды, тѣсноты и злого обстоянія, когда мы прибѣгаемъ къ Нему съ вѣрою? Но мы маловѣрны, невѣрны, не умѣемъ призывать Его усердно, съ вѣрою, съ покаяніемъ. Отъ того мы и бѣдствуемъ, бѣдствуемъ часто и погибаемъ ужасно, какъ мухи, какъ черви, какъ свиньи въ водѣ». О. Іоаннъ говоритъ и большее: «Господь такъ постоянно близокъ къ намъ, что ближе окружающаго насъ кругомъ воздуха, ближе нашей одежды, ближе, наконецъ самого нашего тѣла. Онъ въ нашей душѣ».

Отсюда и нуженъ міру о. Іоаннъ, какъ человѣкъ, отражающій хотя и слабо, по человѣчески Невечерній Свѣтъ—Господа Іисуса.

Одинъ иностранецъ писатель описывая наружность о. Іоанна восторгается его выразительными, сѣверно-русскими глазами. Они ясно говорятъ каждому, что, не смотря на поразительную внѣшнюю скромность, въ лицѣ о. Іоанна мы имѣемъ дѣло не съ заурядною натурой, что его глаза, по выраженію Спинозы «смотрятъ на лю-

дей и на вещи не для того, чтобы осмѣять, не для того, чтобы оплакивать, не за тѣмъ, что бы презирать, но затѣмъ, чтобы понять». Этотъ писатель только не умѣлъ выразить, что увидѣлъ въ

Домики, гдѣ живетъ о. Іоаннъ.

дѣйствительности: это глаза человѣка, который только-что всматривался въ Ликъ Христовъ и унесъ въ своихъ глазахъ воспоминаніе о томъ, что открыла ему молитва и богослуженіе.

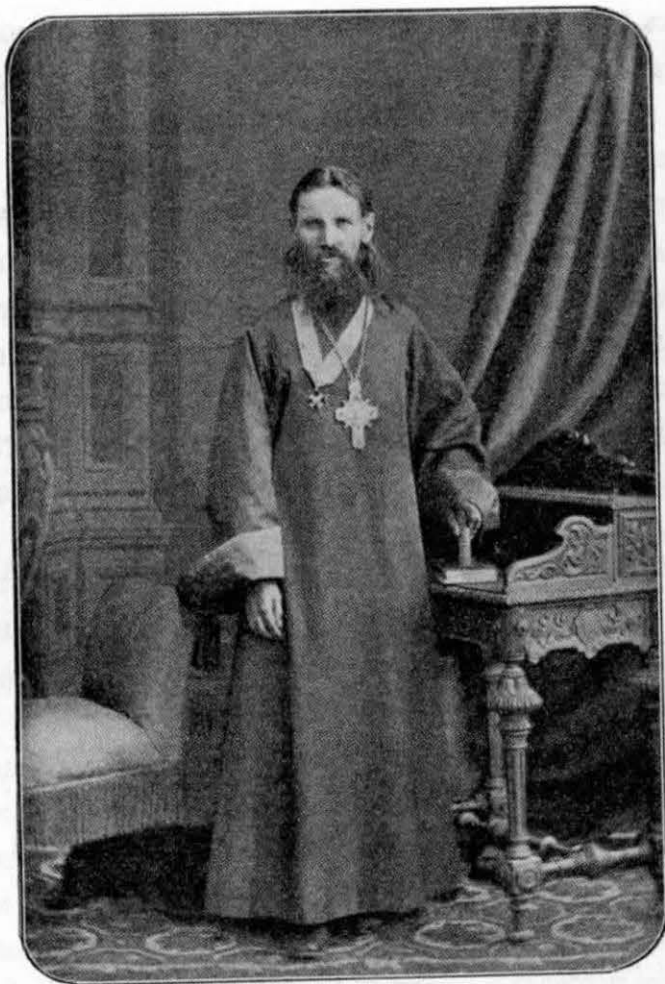
Слово и воля о. Іоанна сильны именно потому, что заимствованы отъ Христа.

Онъ живетъ воздухомъ Евангелія, Божьей благодатью.

Разсказывая о больныхъ, о несчастныхъ людей, передавая событія христіанской исторіи, о Іоаннъ переноситъ слушателей къ тѣмъ временамъ и событіямъ и заставляетъ испытывать впечатлѣніе непосредственной близости этихъ событій. Еще съ большею силою дѣйствуютъ на зрителя проявляемыя о. Іоанномъ чувства благоговѣнія и порывы любви къ человѣчеству. Въ этомъ случаѣ его вліяніе на людей велико и благотворно. Ему невольно поддаются даже холодные люди. Являясь живымъ, увлекательнымъ и обаятельнымъ примѣромъ необыкновенной человѣчности и возвышенныхъ чувствъ, о. Іоаннъ тѣмъ самымъ сталъ величайшей нравственной цѣнностью для общества. Значеніе этой цѣнности мы яснѣе можемъ представить себѣ, если вспомнимъ слова Карлейля, что благоговѣнію необходимо учиться и что онъ Карлейль, обучившись въ дѣтствѣ этому высокому чувству, счастливъ, что можетъ всякій разъ предъ величіемъ нравственныхъ идеаловъ испытывать это чувство съ новой силой. Въ душѣ о. Іоанна, на ряду съ другими чувствами, никогда не меркнетъ чувство благоговѣнія, оно у него такъ живо, такъ напряженно, что въ его присутствіи діаметръ нравственной жизни людей сразу повышается. Все въ этомъ человѣкѣ носитъ особенный отпечатокъ. Всѣ проявленія чувства у него отличаются необыкновенной глубиной и полнотой,—превосходящей обыкновенные предѣлы. Его проникательность и тонкость, съ которыми онъ распознаетъ психическое состояніе человѣка, совершенно исключительны.

Да, вся жизнь о. Іоанна—есть жизнь во Христѣ, на знамени его можно начертать слова Псалмопѣвца, кои были написаны о. Іоанномъ въ письмѣ къ одному пастырю: «что ми есть на небеси и отъ Тебе что восхотѣвъ на земли? Исчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего и часть моя, Боже во вѣкъ (Пс. 72, 25, 26);

вся ко благоугожденію Твоему и мудрствующе и дѣюще». Все для меня Господь. Онъ моя вѣра, мое упованіе, моя любовь, моя крѣпость, моя сила, мой міръ, моя радость, мое богатство, моя пища,

О. Іоаннъ въ ранніе годы жизни.

мое одѣяніе, моя жизнь,—словомъ все мое. Такъ, человѣче, все для тебя Господь, и ты будь всѣмъ для Господа» (т. 4 стр. 307).

Нѣтъ у о. Іоанна своей личной жизни;—она всецѣло отдана на служеніе Богу и народу.

Любовь его до готовности положенія души за други своя проявляется во всемъ его служеніи. Сколько на самомъ дѣлѣ надо самоотверженной любви къ братіи, чтобы о нихъ непрестанно вопіять—молиться Богу, посвятить имъ свою жизнь до самозабвенія, болѣть ихъ болѣзнями, нести ихъ немощи, однимъ словомъ сколько надо рѣшимости и подвига, чтобы нести на себѣ подобное великое служеніе?! «Ахъ, какими трудами, потомъ и слезами достигается приближеніе сердца нашего къ Богу», говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ (4 т. 22). Боже мой, какъ трудно надлежащимъ образомъ исповѣдывать! Сколько отъ врага препятствій! Какъ тяжело согрѣшаешь предъ Богомъ, исповѣдуя не надлежащимъ образомъ... О спасеніи другихъ молись такъ, какъ о своемъ собственномъ» (5 т. стр. 154; т. 4, 45). Не жалѣй себя для сердечной молитвы даже тогда, когда ты весь день провелъ въ трудахъ:—она дѣло Божіе. Выше Бога плоти своей не ставь, и пренебреги для Него покоемъ тѣлеснымъ» (4 т. 21 стр.).

Пастырь, по взгляду о. Іоанна,—ангелъ земной, другъ человечества, органъ Утѣшителя Духа, носитель любви евангельской, печальникъ о всемъ мірѣ, уста всѣхъ, утѣшитель печальныхъ и скорбящихъ, заступникъ гонимыхъ, врачъ духовный и тѣлесный, отецъ, молитвенникъ. Но чтобы быть врачомъ нужно самому быть свободнымъ отъ страстей (врачу, исцѣлился самъ Лук. 4, 23), чтобы быть печальникомъ и носителемъ любви евангельской, нужно ее возгрѣть въ себѣ: добра, свѣта и любви столько вносится въ жизнь, сколько мы ихъ имѣемъ въ себѣ,—только чистый и обильный источникъ можетъ источать и напаять обильно чистою водою. У о. Іоанна слова тождественны съ дѣломъ: онъ учитъ и говоритъ и молится съ собственнаго опыта. И легко ли, спрашивается, осуществлять ему въ своей жизни высокое Христоподрожательное званіе?—легко ли нести многотрудный «до крови» и самоотверженный до самозабвенія подвигъ добраго Пастыря?

Любовь одухотворяетъ вообще всю дѣятельность о. Іоанна.

Эта любовь отражается и въ его внѣшнемъ видѣ, въ его свѣтлыхъ глазахъ, на его лицѣ и во всемъ обращеніи. Когда весь человѣкъ, говоритъ І. Лѣствичникъ, какъ бы срастворенъ Божіею любовію,

тогда и наружность его въ тѣлѣ, какъ-бы въ зеркалѣ какомъ, показываетъ свѣтлость души. Такъ прославленъ боговидецъ онѣй Моисей (сл. 30). Поэтъ такими чертами рисуеъ одного избранника:

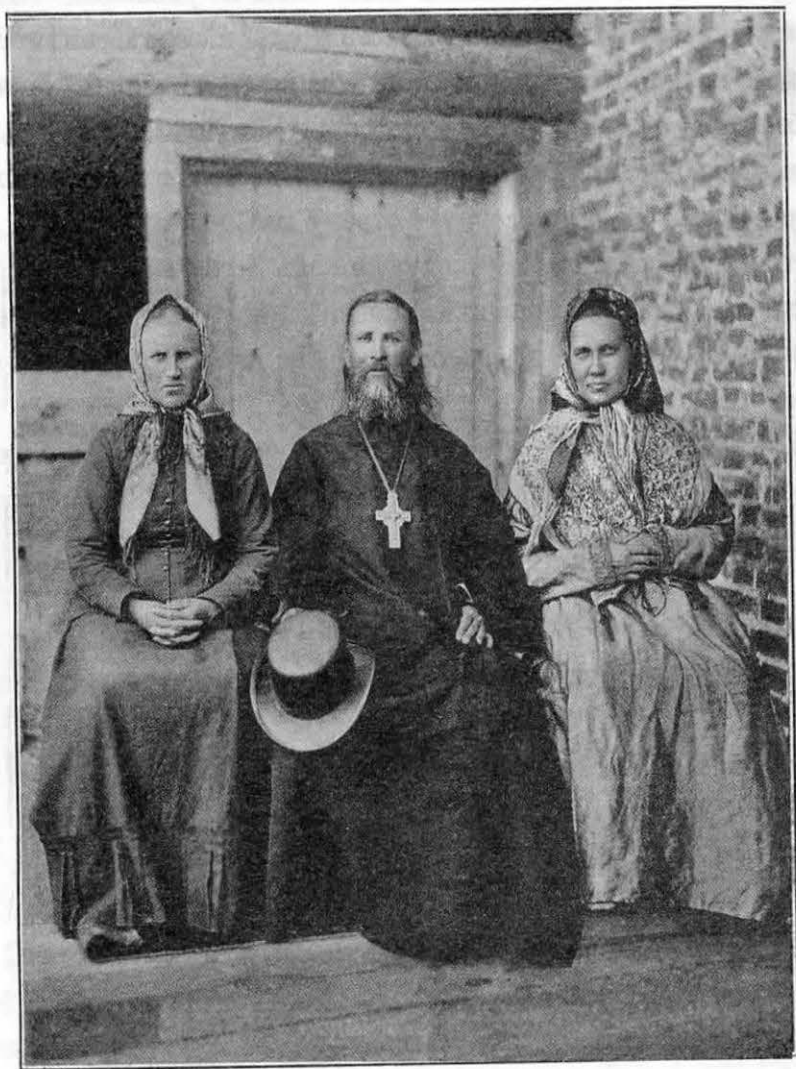
И вотъ въ толпѣ, шумящей праздно,
Подходить мужъ благообразный;
Его чудесныя черты,
Осанка, поступь и движенья,
Во блескѣ юной красоты,
Полны огня и вдохновенья;
Его величественный видъ
Неотразимой дышетъ властью;
Къ земнымъ утѣхамъ нѣтъ участья,
И взоръ въ грядущее глядитъ.
То мужъ на смертныхъ непохожій,
Печать избранника на немъ,
Онъ свѣтель, какъ архангелъ Божій...

«Добродѣтельный невольно привлекаетъ на себя взоры всѣхъ. Отчего? Оттого, что благоуханіе невольно заставляетъ остановиться на себѣ вниманіе и подышать имъ. Посмотрите на самую наружность добродѣтельнаго, на его лицо. Что это за лицо? Это ангельскій ликъ. Кротость и смиреніе разлиты по нему и плѣняютъ невольно всѣхъ своею красотою. Обратите вниманіе на рѣчь его; отъ нея еще больше благоуханія; тутъ вы какъ бы лицомъ къ лицу съ его душою—и таете отъ его сладкой бесѣды. Эти слова о. Іоанна (4 т. стр. 32) приложимы къ нему самому.

Въ любви и самоотверженномъ, истинно—пастырскомъ подвигѣ о. Іоанна находится объясненіе всего его великаго, властнаго и славнаго служенія.—«Съ терновника не собираютъ винограда и съ репейника смоквь». (Матѣ. 8 гл. 16).

Силу и утѣшеніе въ своемъ трудномъ пастырскомъ служеніи о. Іоаннъ находитъ въ самомъ своемъ служеніи: въ благодати Божіей, въ немъ и чрезъ него дѣйствующей. Какъ книжный свитокъ, на которомъ было вписано: рыданіе и жалость и горе, съѣденный, по повелѣнію Божію, пророкомъ, оказался въ устахъ его, какъ медъ,

сладокъ (Іез. гл. 2 и 3), такъ и для о. Іоанна «книга скорби» служить источникомъ утѣшенія и радости.

О. Іоаннъ и его родныя сестры.

Награды нѣтъ для добрыхъ дѣлъ—
Любовь и скорбь одно и то—же,
Но этой скорбью кто скорбѣлъ,
Тому всѣхъ благъ она дороже...

Посылая апостоловъ своихъ на проповѣдь, на трудное служеніе, гдѣ ожидаютъ ихъ гоненія и бѣдствія, Христосъ Спаситель указалъ имъ на два источника ихъ силы и утѣшенія. Утѣшеніе они должны имѣть прежде всего въ Немъ Самомъ; имѣя Его въ памяти и представляя Его крестъ, ученики могутъ легко переносить бѣдствія «блажени есть, аще творите я» (Іоан. XIV, 17). Самое исполненіе заповѣдей Христовыхъ, соотвѣтствіе ихъ духовной сторонѣ человѣка даетъ сердечную отраду ихъ исполнителю.

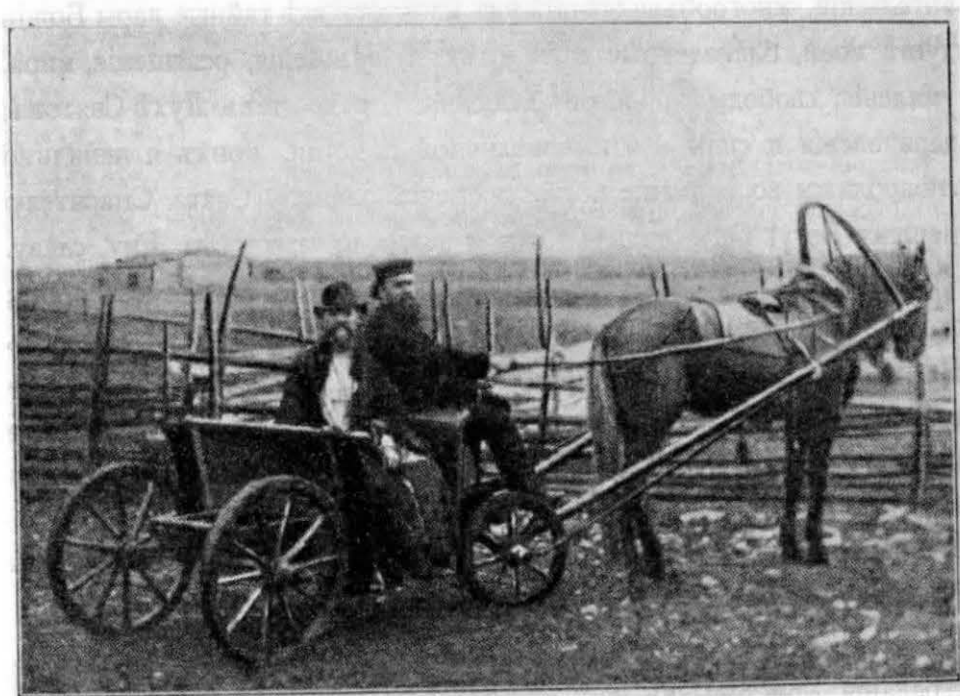
Второй родъ утѣшенія для учениковъ Христовыхъ, какъ плодъ отъ ихъ трудовъ, заключается, указанъ въ усердіи, любви и услугахъ тѣхъ самыхъ лицъ, съ коими ученики входятъ въ соприкосновеніе.

«Пріемляй вась, т. е. того, кого я пошлю, говоритъ Христосъ, Меня пріемлетъ, а пріемляй Мене, пріемлетъ Пославшаго Мя. (Матѣ, 10, 40).

И что можетъ сравняться съ радостію принятія Христа и Его Отца? И развѣ мало это утѣшеніе для учениковъ Христа, когда ихъ принимаютъ, какъ посланниковъ Христовыхъ, и оказываютъ имъ услуги какъ Христу? И Св. Апостоль Павелъ, упоминая о своемъ такомъ утѣшеніи, говоритъ, что его приняли какъ Ангела и готовы были ему отдать свои глаза (Галат. гл. 4-я 14, 15).

Этихъ обоого рода утѣшеній не лишень и о. Іоаннъ. Объ утѣшеніи Господнемъ при подвигѣ о. Іоаннъ говоритъ, напр. слѣдующее: «иго Мое благо и бремя Мое легко есть (Матѣ. XI, 30). Сколько сладостно работать Господу искреннимъ сердцемъ! Какой миръ, какая сладость, легкость, просторъ на душѣ при сердечной молитвѣ, чтеніи слова Божія, дѣланіи добрыхъ дѣлъ!—Сколько духовной нетлѣнной сладости, покоя и блаженства находится въ исполненіи воли Божіей, благой, святой, премудрой, нетлѣнной, вѣчной, блаженной! Столь много, что изъ за этого блаженства любомудрые хрістіане и хрістіанки претерпѣвали съ радостію всякія мученія, изнуренія плоти, денноночныя молитвенныя стоянія, всякія

насмѣшки, огорченія и озлобленія, и гоненія отъ людей и отъ бѣсовъ, и всякія иныя злостраданія и не обманулись въ своей надеждѣ—получили вѣчныя блага и вѣчное блаженство» (Христ. философ. стр. 206, 188). Не трудно бываетъ, говорить одинъ писатель, самое многотрудное шествіе чрезъ пустыню жизни въ обѣтованную страну небесную, когда и горькія воды Мерры ула-

О. Іоаннъ въ Сурѣ.

ждены погруженіемъ цѣлебнаго древа Креста (Письма о должн. свящ. сана стр. 219).

Стоя у источника благодати, черпая изъ этого кладезя живую воду для другихъ, о. Іоаннъ и самъ обильно пьетъ ее. «Не думайте, говоритъ онъ, что вѣра наша не животворна для насъ пастырей, что мы лицемѣрно служимъ Богу. Нѣтъ: мы первые больше всѣхъ пользуемся милостями Божіими и знаемъ по опыту, что для насъ

Господь съ его таинствами, что Его Матерь Пречистая и Его Святые... мы часто, часто испытывали на себѣ ихъ животворность, небесные дары мира и радости о Духѣ Святомъ... Говоримъ это искренно, съ сознаниемъ всей истины и силъ своихъ» (т. 4 стр. 8, 9)

Въ этомъ неизсякаемомъ источникѣ благодати онъ и почерпаетъ для себя силу. «Я исполненъ немощей, и знаю мои немощи, но сила Божія въ немощи совершается (2 Кор. 12, 9). Какой ангельскій, многообъемлющій умъ изочтетъ всѣ тайные дары Божіи душѣ моей, благодатные дары милости, очищенія, освященія, мира, умиленія, свободы и простора душевнаго, радости въ Духѣ Святомъ, дерзновенія и силы и многообразной помощи, коихъ я невидимо сподоблялся во всѣ дни моего священствованія». Слава Спасителю нашему Богу! Онъ видитъ, что я неложно возсылаю Ему славу. Только Имъ и о имени Его я славенъ, а безъ Него—безчестенъ; только Имъ силенъ, а безъ Него немощенъ; съ Нимъ святъ, безъ Него исполненъ грѣховъ; съ Нимъ дерзаю, безъ Него малодушествую; съ Нимъ кротокъ и смиренъ, безъ Него раздражителенъ и не благъ. Возвеличите же Господа со мною и вознесемъ имя Его вкупѣ».—(Псал. 33, 4: Том. 3-й стр. 358).

Безъ благодати Божіей и немислимъ такой великій многотрудный молитвенный пастырскій подвигъ, какъ подвигъ о. Іоанна.

По мѣрѣ того, говоритъ Апостолъ, какъ избыточествуютъ страданія Христовы въ насъ, умножается Христомъ утѣшеніе наше (2 Кор. 1, 5). По мѣрѣ трудовъ Господь улаживаетъ горькую чашу пастыря. Господь не оставляетъ трудящихся для Него и долго предстоящихъ Ему, въ нюже мѣру они мѣрятъ, возмѣриваетъ и Онъ, и, соотвѣтственно обилію истинныхъ словъ ихъ молитвы, посылаетъ въ душу ихъ обиліе духовнаго свѣта, теплоты духовной, мира и радости» (т. 4 стр. 168). Чѣмъ болѣе о. Іоаннъ трудится и изнуряетъ себя, тѣмъ болѣе у него появляется силы и крѣпости.

О. Іоаннъ получаетъ увѣреніе въ силѣ своей молитвы. «Мнѣ, призванному Господомъ на широкое молитвенное служеніе людямъ,

говорить о. Іоаннъ, приходилось быть личнымъ свидѣтелемъ множества чудесныхъ исцѣленій вѣрующихъ отъ самыхъ разнообразныхъ болѣзней, скорого или даже мгновеннаго исцѣленія хромыхъ, слѣпыхъ, глухихъ, одержимыхъ разными долговременными недугами. Свидѣтельствуюсь въ томъ Богомъ, не лгу. (Поуч. 1898 г. 95

О. Іоаннъ въ ранніе годы жизни.

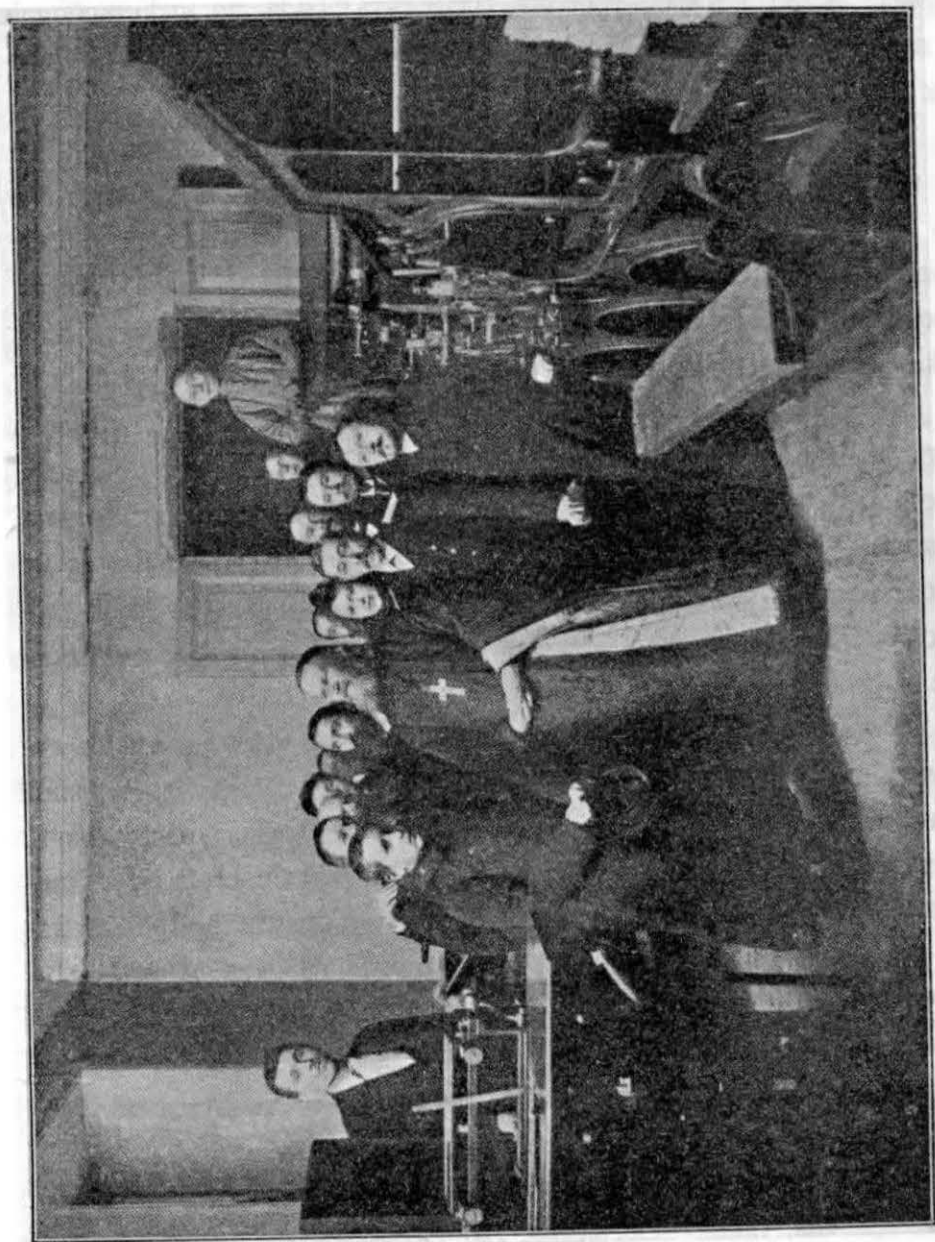
стр.). Сколько разъ я не молился съ вѣрою, Богъ всегда слушалъ меня и исполнялъ молитвы мои» (5 т. стр. 321).

«Священнику, даетъ онъ совѣтъ, нужно самому испытать и силу вѣры, и сладость молитвы, и оставленіе грѣховъ и то, когда она бываетъ безуспѣшна, и скорби душевныя, когда они постигаютъ, и утѣшенія благодатныя, чтобы въ молитвѣ къ Богу о вѣрующихъ говорить такъ: даруй имъ такое же благо, какъ даруешь

Ты его всегда мнѣ, недостойному, чтобы обо всемъ просить съ собственного опыта... Познанъ буди, молить онъ самъ, и прочими людьми Твоими тако, яко-же мнѣ явился еси, Человѣколюбче, да вѣдаютъ Тебя, Отца всѣхъ»... (4 т. 76, 234 стр.).

Обильное утѣшеніе получаетъ о. Іоаннъ отъ принимающихъ его, отъ самага многочисленнаго народа, который несетъ къ нему свою скорбь, доставляетъ ему и утѣшеніе. Его пастырская любовь и молитва, обнимающая всѣхъ, тѣсно соединяють, роднятъ его со всѣми. «Какая чудная, говоритъ онъ, объединяющая сила молитвы церковной за всѣхъ, сродняющая всѣ души! Вотъ я, благодатію Божіею, молюсь во время литургіи особенно сердечно за всѣхъ, за весь освященный соборъ братіи, за Царя, Царицу и весь царствующій домъ, за Палату, все воинство и всѣ сословія—и Господь всѣхъ приблизилъ ко мнѣ духомъ, всѣхъ сроднилъ со мною—взрослыхъ и дѣтей, все сословіе учащагося юношества. Всѣ ко мнѣ (исключая невѣрующихъ) душевно расположены, любятъ, чтутъ меня, ничтожнаго грѣшнаго человѣка (Хр. фил. 126 стр.). Боже мой, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, какъ любовь и искреннее сочувствіе къ намъ ближняго улаживаютъ наше сердце! Кто опишетъ это блаженство сердца, проникнутаго чувствомъ любви ко мнѣ другихъ и моей любви къ другимъ? Это неописанно... О, какую сладость сокрылъ Ты, Владыко, Любовь наша безпредѣльная, въ духовной, согрѣтой любовію, бесѣдѣ духовнаго отца съ своими духовными чадами, какое блаженство! И какъ мнѣ не подвизаться на землѣ всѣми силами за такое блаженство?»—(5 т. 145 и 146 стр.).

Любовь народная является отвѣтомъ и наградою за его жизненный подвигъ. Вотъ какъ онъ самъ говоритъ о народной любви къ нему.—«Вездѣ прославило меня Имя Твое, Господи: и у трона царей, и у всѣхъ важныхъ и сильныхъ міра сего, и у богатыхъ и небогатыхъ, образованныхъ и простыхъ людей; всюду принесло оно и приносить непрестанно отраду, миръ, избавленіе, спасеніе, здра-

О. Іоаннъ въ типографіи.

віе, утѣшеніе, облегченіе, побѣду надъ кознями вражіими. Сколь чудно Имя Твое, Господи! Какъ чудно, державно, властно, сильно влечетъ всѣхъ ко мнѣ, убогому, благодать Твоя, во мнѣ живущая и пребывающая чрезъ частое причащеніе Св. Тайнъ Твоихъ, пречистаго Тѣла и Крови Твоея!..»

«Господи! благодарю Тебя за чудеса Св. Тайнъ, совершающіеся во мнѣ и въ народѣ Русскомъ ежедневно: Ты влечешь меня и его къ Тебѣ чудною, всемогущею, непобѣдимою силою, вся Россія православная влечется къ Тебѣ! Влеки, влеки, влеки Слове Божій, Творче нашъ, Избавителю нашъ, Спасителю нашъ, влеки къ себѣ всѣхъ и вся» (Правда о Бог. мір. и чел. стр. 80).

«Благодареніе Богу!—я самъ вижу плоды своихъ пастырскихъ трудовъ. Въ Андреевскомъ соборѣ, а онъ большой, народу бываетъ тысячъ до пяти, и все это множество слушаетъ меня, какъ одинъ человѣкъ, никакого шума, толкотни, глаза всѣхъ устремлены на меня. Когда я выхожу изъ храма, меня съ любовію окружаетъ народъ, всѣ съ сіяющими лицами, у всѣхъ видно благодатно-радостное настроеніе.

Все это плоды моей молитвы и проповѣди. Извините меня, досточтимые пастыри, что я говорю такъ о себѣ. Боже, сохрани меня, чтобы я говорилъ это для самохваленія. Боже, упаси! Нѣтъ, не я все это дѣлаю, а благодать Божія, почивающая на мнѣ—священникъ... О, братіе, намъ много дано отъ Господа Бога благодати, и если мы сохранимъ этотъ даръ Божій, то мы непобѣдимы...» (Рѣчь Нижегород. паст.) Что народъ любитъ своего пастыря, это истина у всѣхъ на виду. Въ предсмертныя минуты Царь-Миротворецъ Александръ III, 20 октября 1894 года, счелъ нужнымъ сказать о. Іоанну: «Васъ любитъ народъ».

И смиренный пастырь, сознавая всю важность минуты, кротко отвѣтилъ: «да, Ваше Величество, Вашъ народъ любитъ меня».

«Онъ знаетъ, кто Вы и что Вы», добавилъ Государь.

Эта любовь влечетъ неудержимо тысячную толпу въ Крон-

штадтъ. Дни—19 октября—день Ангела о. Іоанна, юбилей его священнослуженія—двадцатипятилѣтній, тридцатипятилѣтній, сорокалѣтній, сорокапятилѣтній, отправляются съ рѣдкою поразительною

торжественностью. Можно сказать, эти дни—торжество всей православной Руси. Любовь не знает границъ и ничего не жалѣтъ для любимаго человѣка:—и можно ли исчислить всѣ проявленія глубокой любви народа къ о. Іоанну? Любовь сдѣлала его какъ

бы мученикомъ, ему приходится скрываться и бѣгать отъ народа. Иногда эта любовь къ нему обнаруживается страстно, болѣзненно: извѣстно, что раза два кусали пальцы о. Іоанну съ намѣреніемъ откусить совершенно на память или какъ святыню; разрывали части его одежды и тому подобн. Къ нему сносятся постоянно различные вещественные дары, дѣлаютъ крупныя пожертвованія, чрезъ его руки, можно сказать, проходятъ миллионы рублей. По любви къ нему готовы за нимъ слѣдовать всюду. Одно воспоминаніе имени о. Іоанна у людей, не видавшихъ его, вызываетъ отрадныя слезы умиленія. А сколько святой радости, восторга, счастливыхъ слезъ въ его присутствіи?! «Солнышко ты наше красное, отецъ ты нашъ родненькій, батюшка—голубчикъ, батюшка дорогой, золотой» и др. подобныя сердечно-нѣжныя восклицанія слышатся въ народной толпѣ по адресу любимаго пастыря. По любви къ нему, истинному пастырю, какъ живому носителю святости и правды, по его зову, какъ говорили мы, измѣняютъ многіе свою жизнь къ лучшему; повидавъ его, многіе дали обѣтъ исправиться и исправили свою грѣховную жизнь. «Больше сія не имамъ радости, говоритъ Апостоль Іоаннъ Богословъ, да слышу моя чада во истинѣ ходяща» (3-е п. ст. 4-й). (Омскія Епар. Вѣд. 1904 г.).

Славное имя отца Іоанна
Для скорбныхъ сіяетъ лучемъ упованія...
О, пастырь нашъ добрый, въ скорбяхъ утѣшитель!
Для родины милой будь Ангель Хранитель
На долгіе годы! И насъ вдохнови
Съ грѣхомъ и соблазномъ на трудную битву.
Творя предъ престоломъ святую молитву,
Великій подвижникъ Христовой любви!

Не смотря на свои 70 лѣтъ, о. Іоаннъ выглядит человѣкомъ, имѣющимъ не болѣе 50 лѣтъ. Онъ постоянно добръ, свѣжъ. не-
утомимъ. Онъ подкрѣпляетъ свои силы сномъ при возможномъ
притокѣ свѣжаго воздуха, при открытыхъ въ смежной комнатѣ

окнахъ,—даже зимой. Крайнее напряженіе силъ, котораго требуетъ его миссія, не только не оказываетъ вреднаго вліянія на его здоровье, но повидимому только укрѣпляетъ и закаляетъ его на новые подвиги.

Нѣтъ сомнѣнія, что о. Іоаннъ обладаетъ особенной способностью читать въ душахъ и даже прозрѣвать въ области иной жизни.

Одна моя добрая знакомая, въ присутствіи о. Іоанна задумалась о загробной участи своей матери и потомъ спросила о Іоанна. Какъ онъ думаетъ объ этомъ, о. Іоаннъ не отвѣтилъ. Онъ повидимому молился. Такъ прошло нѣсколько минутъ... «Она помилована»,—вдругъ неожиданно для вопрошавшей, сказалъ о Іоаннъ. Та даже не поняла сразу о комъ онъ говоритъ, такъ рѣшила, что батюшка не слышалъ вопроса. Полагаю, что объ этомъ онъ не могъ сказать безъ удостовѣренія, говорила вопрошавшая. Конечно такъ.

Были и еще случаи въ томъ же родѣ, которые мнѣ не позволено опубликовать. Но конечно при такихъ условіяхъ онъ долженъ оздоравливать людей и міръ. Въ этомъ стремленіи и ищетъ народъ видѣть этого исключительнаго, истиннаго человѣка, видѣть и научиться.

Не толпа ищетъ его, говорить проф. Сикорскій, но люди, всякаго образованія и всѣхъ возрастовъ. Вы увидите и образованнаго человѣка и чернорабочаго, учителя, профессора и студента, вы увидите взрослыхъ и дѣтей, господъ и ихъ прислугу, скромныхъ труженицъ и падшихъ женщинъ; увидите больныхъ, испорченныхъ и преступныхъ людей. Вы встрѣтите здѣсь различныя религіи, различныя національности. Всѣхъ приводитъ къ о. Іоанну одно и тоже чувство. Оно заставляетъ людей, пріѣхавшихъ въ каретахъ, выйти изъ экипажа и стать рядомъ съ обыкновеннымъ, сѣрымъ человѣкомъ; оно поднимаетъ падшую женщину изъ грязи и дѣлаетъ ее человѣкомъ. Въ присутствіи о. Іоанна у самого дурного, одичалаго человѣка пробуждается совѣсть и у всѣхъ испорченныхъ людей освѣщаются и оживляются лучшія идеальныя стороны ихъ характера. Онъ спасаетъ тѣмъ, что зоветъ къ другому міру своимъ обликомъ.

Его труды записаны не въ книгахъ, не на полотнѣ, но въ милліонахъ сердецъ; записаны и запечатаны такъ прочно, какъ не всегда запечатлѣвается въ нашемъ умѣ то, что мы видимъ, слышимъ, читаемъ.

Онъ словомъ, дѣломъ, примѣромъ, а болѣе всего своею личностью, воспитываетъ общество. Онъ преподаетъ науку жизни. Повидимому такой науки нѣтъ. Конечно нѣтъ! Умѣнье жить это не наука, но философія. Древніе греческіе мыслители были правы утверждая, что прожить жизнь есть великое искусство и что только мудрецъ сумѣетъ правильно осуществить эту задачу.

И о. Іоаннъ умѣетъ. И это больше всякаго другаго его дѣланія.

„Не въ нихъ его великое значеніе.

Онъ тѣмъ великъ, что къ намъ приблизилъ небеса,

Въ дни сомнѣнья, лжи и святотатства,

Когда безумный міръ купается въ крови,

Онъ проповѣдуетъ разноплеменнымъ братство,

И рѣчь его полна Евангельской любви.

Не склонный къ преніямъ тщеславнымъ и ненужнымъ,

Идетъ онъ—ученикъ Распятаго Христа—

Ко всѣмъ надломленнымъ, скорбящимъ и недужнымъ

Ко всѣмъ слабѣющимъ подъ тяжестью Креста,

И проникая въ глубь пытливымъ окомъ

Скорбитъ съ печальными, спѣшитъ больнымъ помочь

И свѣтитъ, какъ маякъ, въ глухую эту ночь!

Живая вода.

(Чему учить русский народъ о. Іоаннъ).

„Живая вода Духа Святаго да наполнить мое сердце и да потекутъ рѣки воды живы отъ сердца моего во славу Божию и во спасеніе людей Божіихъ“ (т. II 1). Человѣкъ, говоритъ о. Іоаннъ, въ словѣ своемъ не умираетъ; онъ безсмертенъ въ немъ, и по смерти будетъ говорить. Я умру, но и по смерти буду говорить. Сколько между людьми этого безсмертнаго слова, которое оставили по себѣ давно умершіе и которое живетъ иногда въ устахъ народа (т. 1, 3).

I.

Всѣ сочиненія отца Іоанна заключаются въ 5 томахъ полного собранія его сочиненій и въ отдѣльныхъ годичныхъ (за послѣдніе годы) его бесѣдъ. Кромѣ того его дневники изданы въ рядѣ сборниковъ подъ различными названіями, которыя не повторяютъ книги «Моя жизнь во Христѣ», а содержатъ кое что новое.

Всѣ его сочиненія (если исключить ученыя изслѣдованія «О Крестѣ противъ старообрядцевъ» и «Житіе Св. Евфиміи») дѣлятся на двѣ группы: проповѣди и дневники или религіозныя размышленія.

Проповѣди о. Іоанна въ печати не производятъ такого впечатлѣнія какъ въ устной рѣчи.

Въ перкви его слово сильно, онъ подчиняетъ волю, ведетъ ее къ Богу.

«Мы имѣли возможность лично слышать произнесенныя од-

нажды о. Іоанномъ наставленія, говоритъ прот. Т. Буткевичъ. Что это была за чудная проповѣдь! Подъ открытымъ небомъ, окруженный большою толпою слушателей, напрягавшихъ все свое вниманіе, чтобы не проронить ни одного слова, о. Іоаннъ говорилъ о вѣрѣ, какъ необходимомъ условіи для полученія того, о чемъ мы просимъ Бога въ своихъ молитвахъ. Безъ риторическихъ прикрасъ, безъ ораторскихъ приемовъ, безъ всякаго стремленія къ произведенію эффекта, проповѣдь о. Іоанна отличалась апостольскою простотою и *помазанностію*; но какое могучее, какое сильное впечатлѣніе произвела она тогда на слушателей!.. По истинѣ, онъ говорилъ, «какъ власть имѣющій»; его сердце и его вѣра дѣлали излишнею и ненужною всякую проповѣдническую теорію...

Мы уже писали о Евангельской простотѣ и красотѣ живого слова о. Іоанна. Доказательность и убѣдительность его проповѣдей огромна, но она дана не столько въ аргументаціи, сколько въ вѣрѣ оратора.

Это не значитъ, впрочемъ, что въ печати — проповѣдь о. Іоанна не сильна и не дѣйствительна. Нѣтъ, вышедшая изъ сердца полного вѣры, горящаго любовію, она не можетъ не быть и здѣсь побуждающей: дѣло только въ степени.

Сжатость, кратость, точность, основательность, простота, задушевность, и современность—вотъ характеристическія черты проповѣдничества о. Іоанна. *Вѣра и жизнь по вѣрѣ*—вотъ идея, которая проникаетъ всѣ его слова и поученія. Языкъ его проповѣдей простъ, народенъ и въ то же время отличается точностію и картинностію. Самое возвышенное содержаніе проповѣди не удерживаетъ о. Іоанна отъ практическаго вывода и необходимаго для жизни наставленія. Раскрывъ отношенія Лицъ пресв. Троицы, проповѣдникъ, напр., безъ всякаго искусственнаго скачка заканчиваетъ свою проповѣдь обращеніемъ къ людямъ: «Дѣти пусть чаще вспоминаютъ о Сынѣ Божіемъ, Который не знаетъ другой воли, кромѣ воли Отца; пусть и они научатся во всемъ повиноваться

родителямъ» и т. д. (стр. 16). Мысль о твореніи земныхъ растеній возбуждаетъ у проповѣдника, а вмѣстѣ съ нимъ и у его слушателей неподдѣльное чувство благороднаго восхищенія красотою окружающей насъ природы. Проповѣдникъ исполняется вдохновеніемъ истиннаго поэта!

Любовь чистая, христіанская, дышетъ повсюду въ проповѣдяхъ о. Іоанна. Невольно чувствуется, что не желаніе проповѣднической славы, а благо слушателей, ихъ спасеніе, ихъ нравственное преуспѣяніе заставляютъ говорить проповѣдника. Съ распростертыми объятіями онъ идетъ навстрѣчу «грѣшнику-брату», «грѣшнику-другу» (любимыя выраженія о. Іоанна). Съ истинною сердечностію и глубокимъ психологическимъ анализомъ раскрываетъ о. Іоаннъ свойства христіанскихъ добродѣтелей; но съ особенною любовію, доходящею до высокаго и истинно благороднаго увлеченія, говоритъ онъ о человѣческой нуждѣ, о горѣ, о страданіяхъ, о христіанской благотворительности и дѣлахъ христіанскаго милосердія. Видно, что этотъ предметъ и эта добродѣтель особенно близки сердцу проповѣдника.

Но проповѣди о. Іоанна всетаки блѣдное и бѣдное слово сравнительно съ дневникомъ его вдохновеннымъ и благоухающимъ.

«Мнѣ не спится, пишетъ Щегловъ, къ счастью я вспоминаю что со мной нѣсколько № «Паломника» съ дневникомъ о. Іоанна, захваченныя мною на случай досуга... Я всталъ, зажегъ свѣчу и, отыскавъ *Паломникъ*, углубился въ чтеніе...

О, это удивительный дневникъ, дневникъ о. Іоанна! Только, убѣждаю васъ, остерегитесь просматривать его съ тѣмъ неряшливымъ и празднымъ любопытствомъ, съ которымъ обыкновенно пробѣгаете вы газету или послѣднюю книжку журнала, иначе, пожалуй, онъ можетъ вамъ показаться безпорядочнымъ наборомъ словъ, складомъ прописныхъ сентенцій и цвѣтистыхъ фразъ... Къ произведеніямъ духовно-тонкимъ, рожденнымъ изъ глубочайшихъ тайни-

ковъ человѣческаго сердца, должно приступать съ душой открытой и настроеніемъ чуткимъ, дабы между авторомъ и читателемъ сразу образовался неуловимый сочувственный токъ, безъ чего иногда самыя возвышенныя и пламенныя страницы обидно блекнутъ и опопливаются. Вдобавокъ языкъ «Дневника», оригинальный и образный, исполненъ зачастую тѣхъ полутемныхъ намековъ, которые всякій вѣрующій схватываетъ съ жадностью на лету, и которые для невѣрующаго всегда останутся однѣми ненужными загадками.

Что же такое дневникъ о. Іоанна?—Это нескончаемый рядъ отрывковъ, большихъ и малыхъ, часто всего въ нѣсколько строкъ, очевидно записанныхъ наскоро и разновременно и отражающихъ, какъ въ зеркалѣ рѣки, солнце и тѣни души Іоанновой. Иногда это цѣлыя импровизованныя молитвы, иногда это священные громы негодованія на людскую нечисть; въ одномъ мѣстѣ вы нападаете на вдохновенный слѣдъ религіознаго экстаза, въ другомъ вы прямо слышите вопль измученнаго и скорбящаго сердца. Въ общемъ, эти бѣглыя, нервныя, мѣстами недоговоренныя или растянутыя строки, сверкающія тамъ и здѣсь, какъ драгоценными перлами, проникновенными мыслями, блестками поэзіи и духовными озареніями, производятъ на васъ впечатлѣніе огромное и неотразимое.

Когда читаешь дневникъ о Іоанна, то чувствуешь, что писавшій его много пережилъ въ борьбѣ съ собою, съ ветхимъ человекомъ и теперь сталъ сильнымъ, потому что ясно видитъ впереди себя Кормчаго—Христа и идетъ за нимъ.

Это запись благодатныхъ мыслей и чувствъ, рождавшихся въ немъ, вслѣдствіе того благодатнаго озаренія души, котораго онъ по его собственнымъ словамъ удостоился *«отъ всепросвѣщающаго Духа Божія въ минуты глубокаго къ себѣ вниманія и самоистытанія, особенно во время молитвы»*.

Это подлинная школа духовной жизни. Это потому, что авторъ объ явленіяхъ духовной жизни говоритъ не только какъ человѣкъ, которому «черезъ образованіе науками» Господь открылъ

все богатство вѣры и природы и разума человѣческаго, обильно открылъ истину свою и правду свою, но и болѣе того,—какъ человѣкъ, имѣвшій богатый духовный опытъ,—тонувшій, но не погибшій вѣрою и помощью Христа.

Живую вѣру, свѣтлыя надежды и отрадные утѣшенія поселяютъ краткія, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко назидательныя истины дневника въ душѣ великаго грѣшника—христіанина».

Строки дневника—огненные строки.

Ихъ силѣ нельзя противиться, даже если не хочешь отдаться ихъ обаянію.

Это книга необыкновенная.

Оно конечно и не можетъ иначе быть, тайна обаянія дана въ тайнѣ происхожденія.

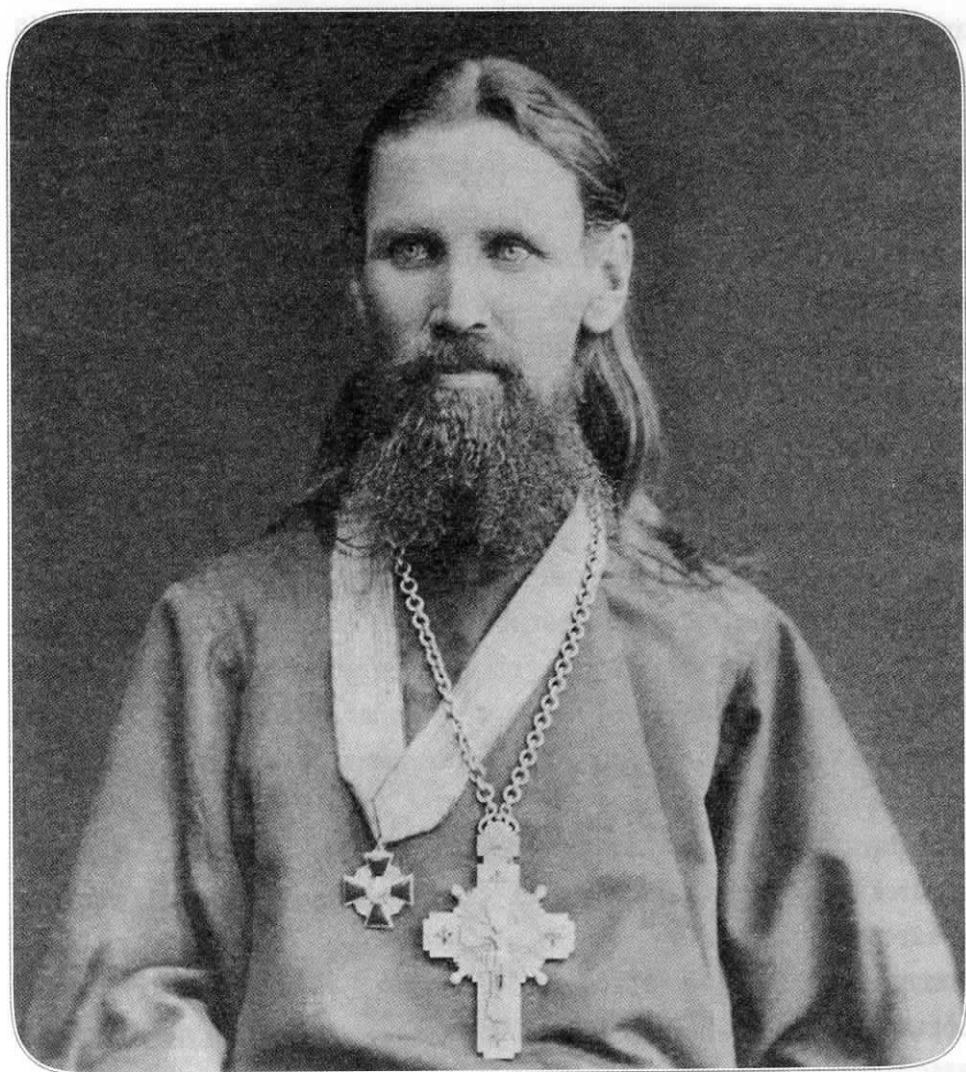
Откуда родился дневникъ?

Самъ о. Іоаннъ въ своей автобіографіи о написаніи дневника говоритъ такъ: «Съ первыхъ же дней своего высокаго служенія, я поставилъ себѣ за правило: сколь возможно искреннѣе относиться къ своему дѣлу пастырства и священнослуженія, строго слѣдить за собою, за своею внутреннею жизнію. Съ этой цѣлью я прежде всего принялся за чтеніе священнаго писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, извлекая изъ него назидательное для себя, какъ для человѣка, священника и члена общества. Потомъ я сталъ вести дневникъ, въ которомъ записывалъ свою борьбу съ помыслами и страстями, свои покаянныя чувства, свои тайныя молитвы ко Господу и свои благодарныя чувства за избавленія отъ искушеній, скорбей и напастей».

Это слѣдовательно «святая святыхъ» его души, а мы видѣли, что это за душа и слѣдовательно легко поймемъ какъ должны дѣйствовать на душу минуты пребыванія въ этомъ «святая святыхъ».

Какое содержаніе дневника?

Мы сначала хотѣли дать только нѣсколько выдержекъ изъ

О. Іоаннъ Сергіевъ.

этой книги. Но по нѣкоторомъ размысленіи, мы рѣшили, что будетъ лучше дать читателю и по дневнику и бесѣдамъ короткій обзоръ, чему учить о. Іоаннъ, его словами, но въ нѣкоторой системѣ.

И когда я начинаю присматриваться и вдумываться въ жизнь людей, то мнѣ всегда приходитъ на мысль слѣдующій евангельскій рассказъ:

«Въ одинъ день Іисусъ вошелъ съ учениками своими въ лодку и сказалъ: переправимся на ту сторону озера; и отправились. Во время плаванія Онъ заснулъ. На озерѣ поднялся буйный вѣтеръ; находящихся въ лодкѣ заливало волнами, и они были въ опасности. Подошедши къ Іисусу, они разбудили Его и сказали: Наставникъ! Наставникъ! погибаемъ. Но Онъ, вставъ, запретилъ вѣтру и волненію воды; и перестали и сдѣлалась тишина. Тогда Онъ сказалъ имъ: гдѣ вѣра ваша? Они же въ страхъ и удивленіи говорили другъ другу: кто же это, что и вѣтрамъ повелѣваетъ и водѣ, и повинуются Ему?».

Жизнь человѣчества многимъ напоминаетъ намъ это плаваніе на лодкѣ во время бури. Присмотримся поближе къ самимъ себѣ; обратимся безпристрастно къ своей дѣятельности. Что представляемъ мы изъ себя, какъ не ту же слабую, боязливую, готовую придти въ отчаяніе группу людей, которая находилась съ Іисусомъ въ лодкѣ?

Волны житейскаго моря, волны страстей неумолимо распоряжаются судьбой людей, готовясь какъ бы окончательно поглотить и затереть ихъ въ пучинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что руководитъ большинствомъ изъ насъ въ жизни? Не страсти ли въ самыхъ разнообразныхъ своихъ проявленіяхъ?! Однимъ заправляетъ честолюбіе и властолюбіе, другимъ—тщеславіе, третьимъ—корыстолюбіе, четвертымъ—зависть, пятымъ похоть плоти, и такъ далѣе безъ конца. Всѣ несутся куда то, сломя голову, не думая, не разсуждая о томъ, чѣмъ кончатся всѣ эти мірскія заботы и волненія. И вотъ каждый день, каждый часъ, каждую минуту, каждую секунду вихрь пороч-

О. Іоаннъ Сергіевъ.

ныхъ страстей выбрасываетъ предъ взоры людей десятки, сотни, тысячи человѣческихъ жертвъ. Каждая изъ этихъ жертвъ стихійнаго міра стонетъ по-своему. Но въ стонѣ всѣхъ есть одна и общая нота. Это—душевное смятеніе, страхъ и ужасъ предъ жизнью, сознание безсилія спасти себя.

И среди этой мятущейся, ужасающей и проклинаящей жизнь и все человѣчество толпы, раздается, черезъ посредство церкви, величественный, спокойный и кроткій голосъ Господа: «Что вы такъ боязливы, маловѣрные! Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою Васъ!».

Это же самое сравненіе всегда приходитъ мнѣ въ голову когда я читаю дневники о. Іоанна.

Его голосъ въ этихъ дневникахъ и бесѣдахъ, кажется мнѣ такимъ же голосомъ среди бури, успокаивающимъ, возбуждающимъ, зовущимъ къ мужеству и вѣрѣ.

О. Іоаннъ любитъ рисовать міръ, какъ опасное море грѣха и соблазновъ.

Здѣшняя суетная, волнуемая дьявольскими кознями, житейскими страстями и напастями жизнь—море. Всѣ мы испытываемъ въ разной степени бурю бѣдъ и напастей въ жизни, какъ пловцы въ морѣ... Насъ потопляютъ искушенія и грѣхи. Каждый день—падаемъ въ глубину грѣха и тонемъ.

Силою бури грѣховной еле держится нашъ жизненный челнъ. Куда идти, гдѣ спасеніе?

И какъ не трудно потонуть въ этомъ морѣ безъ поддержки божественной, а люди еще болѣе умножили для себя эту опасность не серьезнымъ и ложнымъ пониманіемъ жизни. Они считаютъ истинными маяками ложные огни, держатъ путь по явно опасному пути.

«Міръ—море волнующееся. Въ этомъ мірѣ все течетъ, все мѣняется. Настоящій міръ—какъ бы какой громадный калейдоскопъ, вращающійся съ поразительной быстротою. Человѣку не на чемъ

сосредоточить свое вниманіе навсегда. Тутъ веселіе, музыка,—здѣсь заупокойныя молитвы, пѣніе, плачь о умершимъ; здѣсь богатство, роскошь, великолѣпіе,—тутъ голая бѣдность, недостатокъ во всемъ, въ приличной и достаточно согрѣвающей одеждѣ, тѣснота, отвратительная грязь, сырость. Здѣсь цвѣтущее здоровье, избытокъ силъ,—тутъ болѣзни, дряхлость, изнеможеніе; здѣсь все не прочно, какъ волны. Все на часы, дни, многое—годы».

Казалось бы на этой пестрой смѣнѣ картинъ не стоитъ долго останавливаться даже зрителю. Человѣкъ однако не только смотреть на эту текучую смѣну явленій, какъ на что-то подлинное, истинное, но въ этомъ текучемъ онъ даже полагаетъ сущность жизни.

Забавляясь калейдоскопомъ, человѣкъ понялъ жизнь, какъ дѣтскую игру.

«Жизнь наша—дѣтская, неизвинительная игра; мы забавляемся пищею и питіемъ, лакомясь вмѣсто того, чтобы употреблять ее только вмѣсто необходимаго питанія тѣла и поддержанія тѣлесной жизни; мы забавляемся одеждами вмѣсто того, чтобы прилично ими прикрывать свое тѣло для предохраненія его отъ вреднаго дѣйствія стихій: мы забавляемся серебромъ и золотомъ, любуясь ими въ сокровищницахъ или употребляя его на предметы роскоши и удовольствій вмѣсто того, чтобы употреблять его на нужды, а избытки раздѣлять нуждающимся; мы забавляемся своими жилищами и многоразличною въ нихъ утварью, богато и изысканно украшая ихъ, вмѣсто того, чтобы имѣть прочный и приличный кровъ, защищающій насъ отъ вреднаго дѣйствія стихій, и необходимыя и приличныя для домашняго употребленія вещи: мы забавляемся своими душевными дарованіями, умомъ, воображеніемъ, словомъ, употребляя ихъ только на служеніе земному и тлѣнному, вмѣсто того, чтобы прежде и болѣе всего употреблять ихъ на служеніе Богу, на познаніе Его, Премудраго Творца всякой твари, на молитву, моленія, прошенія, благодареніе, славословіе и на оказаніе взаимной любви и почтенія и только отчасти на служеніе міру сему, имѣю-

щему нѣкогда совершенно прейти; мы забавляемся своими познаніями о мірской суетѣ и губимъ на пріобрѣтеніе ихъ драгоцѣннѣйшее время, данное для приготовленія къ вѣчности; мы нерѣдко забавляемся своею должностію, своими обязанностями, легкомысленно, нерадиво, несправедно, исполняя ихъ и употребляя ихъ для своихъ земныхъ корыстныхъ видовъ; мы забавляемся хорошими лицами человѣческими или прекраснымъ и слабымъ поломъ и употребляемъ ихъ часто для игры страстей своихъ; мы забавляемся временемъ, которымъ надо пользоваться для искупленія имъ вѣчности, а не употребляя его на игры и разныя удовольствія; мы забавляемся наконецъ сами собой, дѣлая изъ себя какіе то кумиры, предъ которыми сами преклоняемся и для которыхъ ищемъ поклоненія другихъ».

Жить такъ, значить во время бури хвататься вмѣсто чего-нибудь устойчиваго за гребень самыхъ волнъ, конечно погибнешь.

Нужно искать прочной точки опоры, яркаго маяка и твердой пристани, «слѣдуетъ, пишетъ о. Іоаннъ, постоянно помнить, какъ превратенъ этотъ свѣтъ, которымъ человѣкъ увлекается и какъ гибельна погоня за тѣнью жизни, вмѣсто подлинной жизни».

«Человѣкъ есть вѣнецъ творенія и царь земли, созданный по образу и подобию Божію, съ разумною и безсмертною душею. Его послѣдняя цѣль не здѣсь, ибо на землѣ все тлѣнно и временно и человѣкъ здѣсь только временный пришелецъ, странникъ и временный ратникъ и воинъ: онъ долженъ крестомъ и терпѣніемъ очищать себѣ путь къ небу, для котораго онъ сотворенъ».

Жизнь человѣка въ Богѣ.

«Человѣкъ, говорятъ, точно свѣчка: горитъ, горитъ и погаснетъ. Хорошо это сравненіе. А мнѣ при этомъ сравненіи вотъ что приходитъ въ голову: смотря на безчисленное множество зажженныхъ свѣчей въ храмѣ предъ иконами или въ рукахъ предстоящихъ и молящихся, я представляю огненную, постоянно существующую стихію, распространенную вездѣ на земномъ шарѣ, и въ воздухѣ и

на землѣ и по мѣстамъ отъ дѣйствія извѣстныхъ причинъ, видимую, но большею частью невидимую: эта стихія есть источница тѣхъ видимыхъ огоньковъ, которые зажжены въ церкви или гдѣ бы то ни было. Беру въ сравненіе людей. Что люди, какъ не отдѣльные огоньки? (только назовемъ эти огоньки духовными). Всѣ эти огоньки горятъ, одни сильнѣе и ярче, другіе—слабѣе и тусклѣе. Какъ у огней гдѣ бы то ни было находящихся, есть постоянный неизсякаемый источникъ огня, разлитый въ природѣ, такъ у людей, какъ отдѣльныхъ огней или духовныхъ свѣточей—свѣтильниковъ, есть единый, вѣчный, безпредѣльный духовный Огонь или Свѣтъ,—начало всѣхъ недѣлимыхъ, на землѣ видимыхъ или погасшихъ для этой жизни, огоньковъ. Самъ Господь Спаситель сравнивалъ Предтечу Своего и Апостоловъ со свѣтильниками, горящими и свѣтящими. Какъ обыкновенный огонь стремится вверхъ, такъ и духовный огонь—душа тоже стремится къ Богу—горѣ».

Безъ Бога душа не можетъ жить ни минуты.

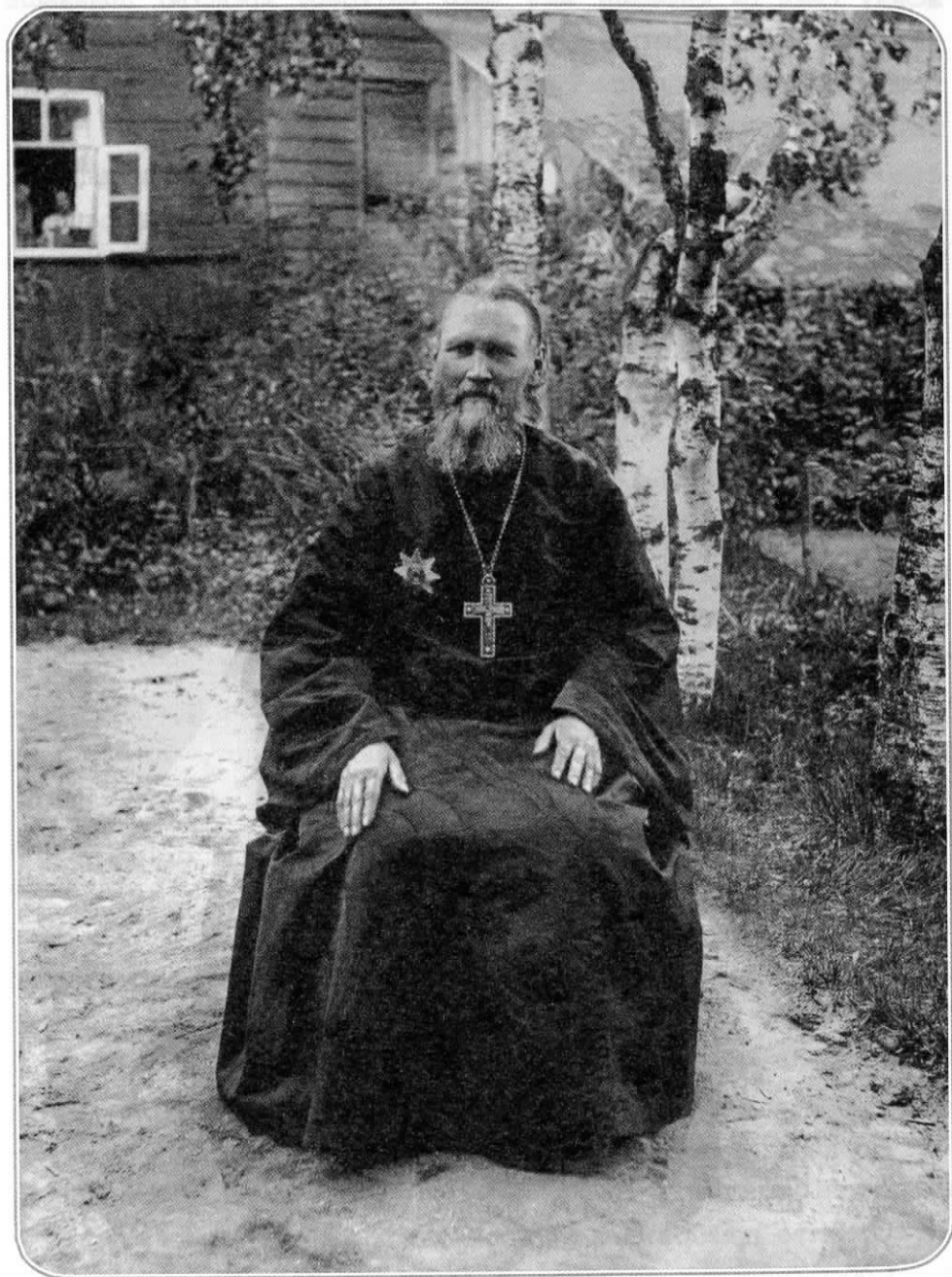
«Богъ не есть для человѣка постороннее и, такъ сказать, внѣшнее. Онъ—Первообразъ человѣческой души, есть то, чѣмъ душа живетъ, дышетъ. Богъ,—говорить о. Іоаннъ,—мое бытіе, мое дыханіе, мой свѣтъ, моя сила, моя вода, мое питаніе. Онъ носитъ меня, какъ мать носитъ на рукахъ младенца, больше: нося меня, душу и тѣло мое, онъ во мнѣ пребываетъ и растворяется, такъ сказать, со мною. Тѣло наше живетъ тѣми стихіями, изъ которыхъ само составляется, постоянно впитываетъ въ себя воздухъ, воду, органическія тѣла; душа живетъ Божественнымъ духомъ, отъ Котораго она имѣетъ свое начало и постоянно впитываетъ въ себя для поддержанія своей жизни, жизнь Тріипостаснаго Бога». «Ни одна душа не существуетъ безъ Бога, безъ Сына Его, безъ Духа Его».

Лишенное воздуха, питья и пищи тѣло умираетъ. Точно также умираетъ душа, какъ только порываетъ свою связь съ Тріипостаснымъ Богомъ. Но смерть души отличается отъ смерти тѣла.

Умершес тѣло разлагается, сгнивается. Душа такъ умереть не можетъ; ея смерть имѣеть другіе признаки. Человѣкъ, у котораго душа замерла, приходитъ въ состояніе окаменѣнія, одеревяненія, нечувствительности ко всему истинному, доброму и святому: «Весь,—говорить о. Іоаннъ,—бываешь какъ камень, какъ колода, безъ вѣры, безъ способности молиться, безъ надежды на милосердіе Божіе, безъ любви. На душѣ бываетъ такое окамененное нечувствіе, что грѣховъ своихъ не видишь, не чувствуешь; ни смерти, ни Судіи, ни страшнаго суда не боишься; все духовное бываетъ, какъ говорится, трень-трава».

Если человѣкъ потерялъ Бога, вѣру, онъ потерялъ и душу.

«Ты отвергнулъ все духовное, священное и небесное? Такъ ты плоть, земля, въ тебѣ нѣтъ души, тебѣ не знать неба, адъ твой вѣчный удѣлъ. Гдѣ душа твоя, скажи мнѣ? Всякая душа отъ Бога и знаетъ Его и стремится къ Нему, а для твоей души нѣтъ Бога, она не знаетъ Его; легче же повѣрить, что нѣтъ твоей души, чѣмъ Бога, Творца всего существующаго. О, я вижу какъ жалко въ тебѣ то, что ты называешь своею душою. Въ невѣдомой дали отъ отца духовъ и всякой плоти, она томится бѣдная, въ области плоти, мрака и гибели неотразимою тоскою по какой то потерѣ, по чѣмъ то родномъ; какую то пустоту и мракъ чувствуетъ она въ себѣ, какимъ безотраднымъ находитъ она свое положеніе! Быть духомъ, имѣть духовныя потребности и стремленія и не находить имъ удовлетворенія—какое мученіе ея души! Видѣть какъ другіе прибѣгаютъ въ храмы Божіи съ усердными молитвами къ Богу, какъ получаютъ оттуда дары небесной благодати и въ то же время чувствовать въ себѣ борьбу гордаго разума, непокоряющагося святой истинѣ—съ природными стремленіями своей души:—какъ это убійственно для души. Воротись домой, блудный сынъ; куда ты зашелъ? Зачѣмъ ты расточаешь имѣніе Отца Небеснаго вдали отъ Него, живя блудно? Твой умъ—не твой: онъ—даръ Божій; зачѣмъ ты употребляешь во зло? Тебя Богъ одарилъ имъ съ

О. Іоаннъ Сергіевъ.

тѣмъ, чтобы ты познавалъ Его и старался уподоблять Ему, а между тѣмъ ты дѣлаешь изъ него пагубное средство подальше уйти отъ Него, забыть и не знать Его. Воротись къ Отцу твоему, несчастный; далеко зашелъ ты; въ этой дали нѣтъ ничего, кромѣ вѣчной смерти».

«Видя повсюду въ мірѣ, во всѣхъ тваряхъ великихъ и малыхъ, красоту неподражаемую, привлекающую и веселящую сердца наши, возведи свой мысленный душевный взоръ къ первообразной, несозданной Красотѣ, къ первому несозданному личному Уму, къ первой Добротѣ и красотѣ, къ ипостасной Премудрости, Благости безконечной, все создавшей по единой благодати—неподвигнутой къ творенію никакою необходимостью, никакою нуждою: ибо она сама въ себѣ вседовольна и всеблаженна; и не прельщайся красотой видимыхъ тварей, какъ тлѣнныхъ и преходящихъ, но прикрѣпляйся сердцемъ къ верховной, вѣчной личной Благости, къ Богу, Который можетъ совершенно наполнить и облаженствовать твою душу, какъ край и конецъ всѣхъ нашихъ желаній».

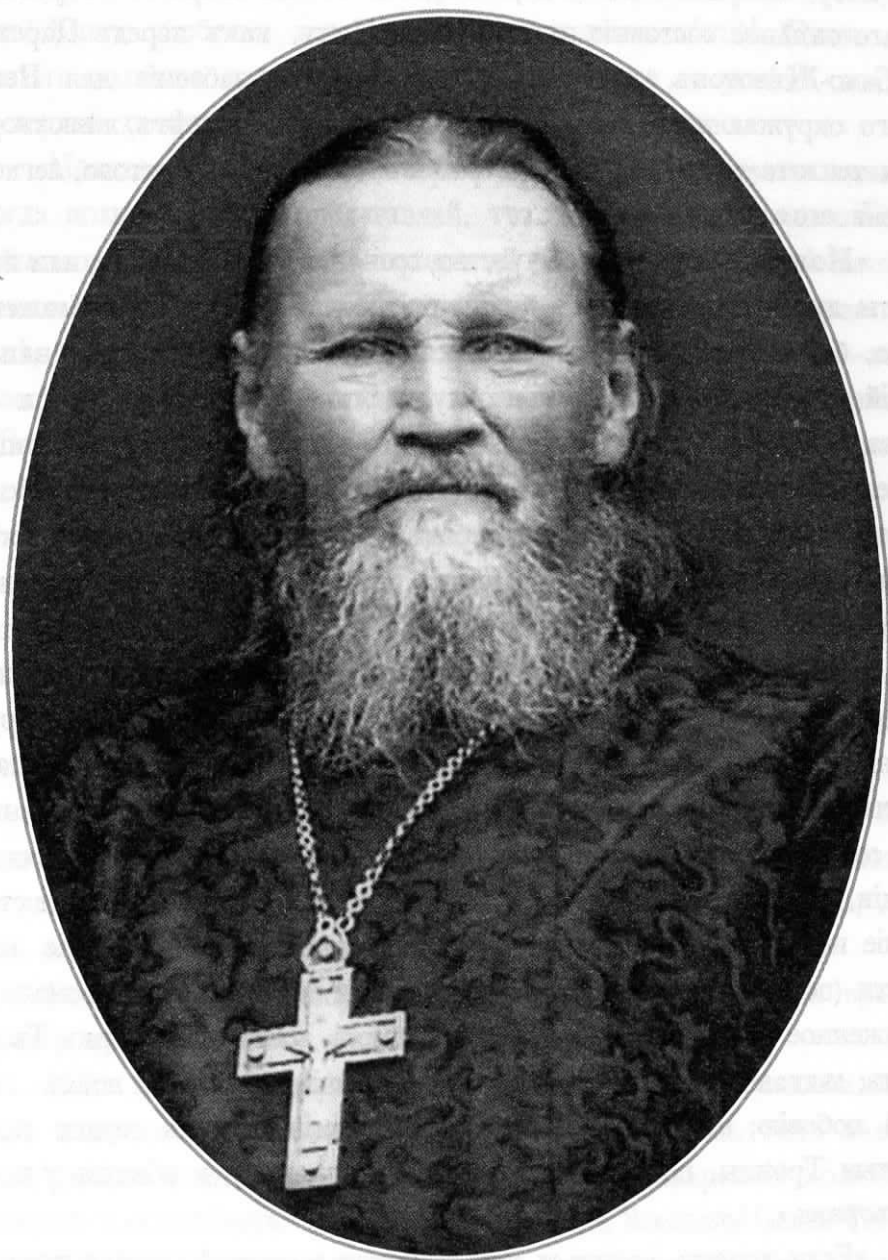
Но что такое жизнь въ Богѣ? Это вѣра! Богъ усвоется вѣрою. Вѣра даетъ человѣку утѣшеніе, счастье. «Вѣра,—говоритъ о. Іоаннъ, величайшее благо земной жизни: она соединяетъ человека съ Богомъ и въ немъ дѣлаетъ его сильнымъ и побѣдоноснымъ». Она радуется, живить душу; дѣлаетъ душу выше чувственности, выше тѣлеснаго, мрачнаго естества; уноситъ его въ міръ горній, духовный». «Тутъ то ей,—замѣчаетъ Кронштадтскій протоіерей, бываетъ хорошо, тутъ то ея истинная жизнь, ея успокоеніе и радость».

II.

Но вѣра даромъ не дается; она пріобрѣтается трудомъ, у лѣнивыхъ и безпечныхъ христіанъ вѣры нѣтъ.

Средство пріобрѣтенія вѣры молитва.

Собственно весь дневникъ о. Іоанна и говоритъ о молитвѣ. Здѣсь о. Іоаннъ въ своей сферѣ, здѣсь онъ вдохновенъ.

О. Іоаннъ Сергіевъ.

Что такое молитва?—«Молитва есть возношеніе ума и сердца къ Богу, созерцаніе Бога, дерзновенная бесѣда твари съ Творцомъ, благоговѣйное состояніе души передъ Нимъ, какъ передъ Царемъ и Само-Животомъ, дающимъ всѣмъ животъ; забвеніе для Него всего окружающаго насъ, пища души, воздухъ и свѣтъ, животворная теплота ея, очищеніе отъ грѣховъ, благое иго Христово, легкое бремя его».

«Молитва—постоянное чувство, сознаніе своей немощи или нищеты духовной, освященіе души, предвкушеніе будущаго блаженства, блаженство ангельское, небесный дождь, освѣжающій, напоющій и оплодотворяющій землю души, сила и крѣпость души и тѣла, освѣженіе и очищеніе мысленнаго воздуха, просвѣщеніе лица, веселіе духа, златая связь, соединяющая тварь съ Творцемъ, бодрость и мужество во всѣхъ скорбяхъ и искушеніяхъ жизни, свѣтильникъ жизни, успѣхъ въ дѣлахъ, равноангельное достоинство, утвержденіе вѣры, надежды и любви».

«Молитва сообщество съ Ангелами и святыми, отъ вѣка Богу угодившими. Молитва—исправленіе жизни, мать сердечнаго сокрушенія и слезъ; сильное побужденіе къ дѣламъ милосердія, безопасность жизни, уничтоженіе страха смертнаго, пренебреженіе земными сокровищами, желаніе небесныхъ благъ, ожиданіе всемірнаго Судіи, общаго воскресенія и жизни будущаго вѣка; усиленное стараніе избавиться отъ вѣчныхъ мученій; непрестанное исканіе милости (помилованія) у Владыки; хожденіе предъ очами Божіими, блаженное исчезаніе предъ всесоздавшимъ, всеисполняющимъ Творцемъ; живая вода души; молитва—вмѣщеніе въ сердце всѣхъ людей любовію; низведеніе неба въ душу, вмѣщеніе въ сердце пресвятыя Троицы, по сказанному: придемъ къ нему и обитель у него сотворимъ».

«Если хочешь молиться животворною молитвой утверди прежде всего сердце твое въ Господѣ, вознеси рогъ свой въ Бозѣ своемъ. Господь такъ близокъ къ каждому, особенно къ святоживущему

христіанину, что сердце его и тѣло его есть храмъ Духа Святаго. Не вѣсте ли, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ св. Духа суть? Какое удобство для молитвы на всякомъ мѣстѣ! Близъ ти глаголь молитвы, или Богъ, Которому молишься во устѣхъ своихъ, въ сердцѣ твоємъ».

«Молитва вода живая, которою душа утоляетъ свою жажду. Когда молишься, тогда представляй, что какъ бы единъ только Богъ и былъ предъ тобою, Богъ—троичный въ лицахъ, и кромѣ Него—ничего иного. Представь себѣ, что Богъ въ мірѣ, какъ душа въ тѣлѣ, хотя и безконечно выше его и не ограничивается имъ;—твое тѣло мало, и все его проникаетъ малая душа твоя: міръ же великъ, а Богъ безконечно великъ, и по своему творенію Богъ все наполняетъ,—вездѣ сый и все исполняй».

«Хотя Богъ видитъ наши нужды, но молитва нужна для очищенія и просвѣщенія нашей души. Хорошо стоять на солнцѣ; и тепло и свѣтло, — такъ и на молитвахъ предъ Богомъ — нашимъ духовнымъ солнцемъ, и согрѣваемся и просвѣщаемся».

«Надо омываться отъ грязи, а молитва есть омовеніе отъ духовной грязи, т. е. отъ грѣховъ, особенно слезная».

«Всѣ молитвы предполагаютъ великую бѣдность и нищету нашего падшаго естества; онѣ предполагаютъ также, что Господь, приснотекущій источникъ всякаго совершенства, всякаго блага, что Онъ есть наше Сокровище неисощимое».

«Надо и самымъ дѣломъ имѣть на молитвѣ и во всякое время нищету духа. Блаженни нищии духомъ».

«Какъ каждое слово молитвы: помилуй мя Боже, Владыка слышать и исполняетъ, только бы отъ сердца говорили; такъ и всѣ слова другихъ молитвъ, даже наши собственные, искреннія молитвы слышать и исполняетъ. О, благопослушливый, Владыко! Слава Тебѣ! Просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, толщите и отверзится вамъ. Всякъ бо просій приѣмлетъ... Только въ простотѣ сердца, безъ сомнѣнія молитесь. На молитвѣ будь какъ дитя лепечущее, сливаясь

въ одинъ духъ съ духомъ произносимой молитвы. Считаю себя за ничто, молитвы принимай какъ великій даръ Божій. Отъ своего разума плотскаго совѣмъ откажись, и не внимай ему, ибо плотскій разумъ кичить, сомнѣвается, мечтаетъ, хулитъ».

Для чего нужна продолжительная молитва?

«Для того, чтобы продолжительностью усердной молитвы разогрѣть наши хладныя, въ продолжительной суетѣ закаленные сердца. Ибо страшно думать, тѣмъ болѣе требовать, чтобы заматорѣвшее въ суетѣ житейской сердце могло вскорѣ проникнуться теплою вѣры и любви къ Богу во время молитвы. Нѣтъ, для этого нуженъ трудъ и трудъ, время и время. Царствіе небесное силою берется, и употребляющіе усиліе восхищаютъ его. Не скоро царствіе Божіе приходитъ въ сердце, когда отъ него такъ усердно люди бѣгаютъ. Самъ Господь изъявляетъ волю Свою, что бы мы молились не кратко, когда представляетъ въ примѣръ вдову, падолзѣ ходившую къ судѣ и утруждавшую его просьбами своими. Господь то Отецъ нашъ небесный знаетъ прежде прошенія нашего, чего мы требуемъ, въ чемъ нуждаемся, да мы то не знаемъ Его, какъ бы слѣдовало, суетѣ-то мірской мы очень преданы, а не Отцу небесному; вотъ Онъ по премудрости и милосердію Своему и обращаетъ нужды наши въ предлогъ къ обращенію насъ къ Нему, т. е. требуетъ отъ насъ продолжительной молитвы не для себя, а для насъ».

«Говорятъ: нѣтъ охоты—такъ не молись: лукаво мудрствованіе плотское; не стань только молиться, такъ и совѣмъ отстанешь отъ молитвы; плоть того и хочетъ, царствіе небесное нудится; безъ самопринужденія къ добру не спасемся».

«Учитесь молиться, принуждайте себя молиться; сначала будетъ трудно, а потомъ, чѣмъ болѣе будете принуждать себя, тѣмъ легче будетъ; но сначала нужно всегда принуждать себя».

«Сердце наше ежедневно умираетъ духовною смертію. Теплая слезная молитва есть оживленіе его, начинающее дыханіе его. Если

не молиться ежедневно съ теплою духовною, то легко скоро умереть духовно».

«Нѣкто во время молитвы, когда онъ дѣлался вяло, разслабленъ духомъ и тѣломъ и ему хотѣлось дремать, возбуждалъ себя слѣдующимъ внутреннимъ вопросомъ: съ кѣмъ ты бесѣдуешь душа моя? и живо представляя послѣ этого предъ собою Господа, начиналъ молиться съ великимъ умиленіемъ и со слезами: притупленное вниманіе его изощрялось, умъ и сердце просвѣтлялись и онъ весь оживотворялся. Вотъ что значить живо представлять предъ собою Господа Бога и ходить въ присутствіи Его! Если, говорилъ онъ дальше, душа моя, ты не смѣешь вяло и небрежно разглагольствовать съ людьми, высшими тебя, что бы не оскорбить ихъ, то какъ ты смѣешь вяло и небрежно разглагольствовать съ Господомъ?»

«Во время молитвы бываютъ иногда минуты убійственнаго мрака и стѣсненія сердечнаго, происходяція отъ невѣрія сердца. Не малодушествуй въ эти минуты, но вспомни, что если поблекъ свѣтъ Божественный въ тебѣ, то онъ сіяетъ всегда во всемъ блескѣ и величіи въ Богѣ, въ церкви Божіей небесной и земной и въ мірѣ вещественномъ, въ которомъ видимы Его присносушная сила и Божество. Не думай, что изнемогла истина: она никогда не изнеможетъ, потому что истина—самъ Богъ и все существующее въ Немъ имѣетъ свое основаніе и причину,—изнемогаетъ въ истинѣ только твое слабое, грѣшное, темное сердце, которое не всегда можетъ переносить напряженіе свѣта ея и не всегда способно вмѣстить чистоту ея,—только тогда, когда оно очищается или очищено отъ грѣха, какъ первой причины духовнаго мрака. Доказательство тому всего ближе взять отъ тебя самого. Когда свѣтъ вѣры или истины Божіей живетъ въ твоёмъ сердцѣ, тогда оно покойно, твердо, сильно, живо; а когда онъ пресѣчется, тогда оно безпокойно, слабо, какъ трость вѣтромъ колеблемая, безжизненно. Не обращай вниманія на этотъ сатанинскій мракъ. Прогоняй его отъ сердца знаменіемъ животворящаго креста».

«Когда ты одинъ молишься и унываетъ духъ твой и станеть скучать и тяготиться одиночествомъ, помяни тогда, какъ и всегда что на тебя свѣтлѣйшими паче солнца очами взираетъ Тріипостасный Богъ, всѣ святые ангелы, ангель твой хранитель, и святые Божіи человѣки, истинно, ибо всѣ они едино въ Богѣ и гдѣ Богъ, тамъ и они. Куда солнце, туда и всѣ лучи его обращены. Разумѣй, что говорится. Молись всегда горящимъ сердцемъ, а для этого никогда не объѣдайся и не упивайся. Помни, съ кѣмъ бесѣдуешь. Люди забываютъ пречасто, съ кѣмъ они бесѣдуютъ на молитвѣ, кто свидѣтели ихъ молитвы. Они забываютъ, что бесѣдѣ ихъ съ Богомъ Всевидящимъ внимаютъ всѣ силы небесныя и св. Божіи человѣки».

«Во время молитвы иногда чувствуешь какое-то отрѣяніе отъ Бога и отчаяніе; не надо увлекаться этимъ чувствомъ,—оно отъ діавола, а надобно говорить въ сердцѣ: не отчаяваюсь въ своемъ спасеніи, окаянный, на твое же безмѣрное благоутробіе дерзая прихожду и зываю: аще есть ми спасенія упованіе, аще побѣждаетъ чело-вѣколюбіе Твое множество беззаконій моихъ, буди ми Спаситель».

«Молясь съ людьми, мы иногда должны пробить молитвою своею, какъ бы твердѣющую стѣну, души человѣческія, окаменѣвшія житейскими пристрастіями, пройти мракъ египетскій, мракъ страстей и пристрастій. Вотъ отчего иногда бываетъ тяжело молиться. Чѣмъ чаще съ простыми людьми молишься, тѣмъ легче. Тяжело—тогда то и молись, принудь себя. Можно ли молиться съ поспѣшностью, не вредя своей молитвѣ? Можно тѣмъ, которые научились внутренней молитвѣ чистымъ сердцемъ. Въ молитвѣ надобно, чтобы сердце искренно желало того, чего просить; чувствовало истину того, о чемъ говорить,—а чистое сердце имѣетъ это какъ бы въ природѣ своей. Потому оно можетъ молиться и съ поспѣшностью и въ то же время богоугодно, такъ какъ поспѣшность не вредитъ истинѣ (искренности) молитвы. Но не стяжавшимъ сердечной молитвы, надо молиться неспѣшно, ожидая соотвѣтствующаго отголоска въ сердцѣ

каждаго слова молитвы. А это не всегда скоро дается человѣку, не привыкшему къ молитвенному созерпанію. Поэтому рѣдкое произношеніе словъ молитвы для такихъ людей должно быть положено за непремѣнное правило. Ожидай, пока каждое слово отдается въ сердцѣ свойственнымъ ему отголоскомъ».

Нечего и говорить, что въ данномъ случаѣ о. Іоаннъ нисколько не проповѣдуетъ безусловно насильственного принужденія себя къ молитвѣ: принужденіе должно имѣть мѣру и быть разумнымъ. «Принужденная молитва, по мнѣнію о. Іоанна, только развиваетъ ханжество, дѣлаетъ человѣка вялымъ ко всему, даже къ исполненію обязанностей своихъ, такъ и рабомъ формъ, обрядности, потому что это ведетъ къ фарисейству, къ лицемерному приношенію къ Богу заведеннаго правила». Будучи самъ человѣкомъ горячаго духа и высокаго религіознаго вдохновенія, о. Іоаннъ желаетъ видѣть въ каждомъ христіанинѣ только такое благочестіе, которое является выраженіемъ внутренняго состоянія своей вѣры, и болѣе всего цѣнить въ христіанинѣ религіозное творчество въ мѣру одушевленія каждого вѣроу Христоваго. Молитва христіанская, по мысли о. Іоанна, есть свидѣтельство присутствія религіозной жизни въ христіанинѣ и показатель степени ея совершенства. Отсюда о. Іоаннъ находитъ необходимымъ требовать отъ христіанина благоразумной «увѣренности во всѣхъ религіозныхъ дѣлахъ», «соотвѣтственно своимъ силамъ, обстоятельствамъ времени, мѣста, трудамъ предшествовавшимъ», предупреждая, что въ противномъ случаѣ молитва «уже будетъ не добродѣтель». «Хорошо послушаніе во всемъ материцеркви, но съ благоразуміемъ и если возможно, могій вмѣстити продолжительную молитву, да вмѣститъ. Но не вси вмѣщаютъ словесе сего; если же продолжительная молитва несовмѣстима съ горячностью духа, лучше сотворить краткую, но горячую молитву». Съ той силой убѣжденности, какую можетъ дать только ежедневный глубокий опытъ, о. Іоаннъ устанавливаетъ, какъ «правило» при молитвѣ, что «лучше сказать пять словъ отъ сердца, нежели тмы

словъ языкомъ». Но эти пять словъ должны быть сказаны «охотно, съ энергіей», каждое должно «отдаваться въ сердцѣ свойственнымъ ему отголоскомъ», такъ чтобы согрѣтая «какимъ-нибудь живымъ представленіемъ», напр., своей духовной бѣдности или великихъ ежеминутныхъ благодѣяній Божіихъ, молитва наша была «вся духъ, вся разумъ».

«Молитвою часто называютъ то, что вовсе не есть молитва;—сходилъ въ церковь, постоялъ, посмотрѣлъ на иконы или на людей на ихъ лица или наряды, — говоритъ: помолился Богу, постоялъ дома предъ иконою, покивалъ головою, проговорилъ заученныя слова безъ пониманія и сочувствія, говоритъ: помолился Богу, хотя мыслями и сердцемъ вовсе не молился, а былъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, съ другими людьми и вещами, а вовсе не съ Богомъ».

«Молитва принужденная дѣлаетъ неспособнымъ ни къ какому занятію, требующему размысленія *къ исполненію обязанностей* своихъ. Это должно убѣдить всѣхъ такимъ образомъ молящихся, исправить свою молитву. Молиться должно охотно, съ энергіей, отъ сердца. Ни отъ скорби, ни отъ нужды молись Богу,—доброхотна бо дателя любить Богъ».

«Мѣру достоинства своей молитвы будемъ измѣрять человѣческою мѣрой, качествомъ отношеній нашихъ къ людямъ. Каковы мы бываемъ съ людьми? Иногда мы холодно безъ участія сердца, по должности или изъ приличія высказываемъ имъ свои просьбы, похвалы, благодарность, или дѣлаемъ для нихъ что либо, а иногда съ теплотою, съ участіемъ сердца, съ любовію, или иногда притворно, иногда искренно. Такъ же неодинаковы мы бываемъ и съ Богомъ. А не такъ надо. Надо всегда отъ всего сердца высказывать Богу и славословіе, и благодареніе, и прошеніе; надо всегда дѣлать отъ всего сердца всякое дѣло передъ Нимъ; всѣмъ сердцемъ всегда любить Его и надѣяться на Него».

«Какъ въ жизни часто бываетъ, что человѣкъ иное имѣетъ на сердцѣ, а иное на устахъ въ одно и то же время,—такъ и въ мо-

литвѣ предъ лицемъ Самого Бога, видящаго тайныя сердца, чело-
вѣкъ нерѣдко представляется двуличнымъ: иное говорить, а иное
имѣть въ мысляхъ и на сердцѣ; если же,—что чаще бываетъ,—
хотя и понимаетъ молитву, и мыслить объ ней, но не сочувствуетъ
сердцемъ тому, что говорить, будучи мертвъ, и бросаетъ такимъ
образомъ слова на воздухъ, обманывая себя самого и думая, что
такою молитвой можно угодить Богу. Странная грѣховная двой-
ственность! Это горькій плодъ и свидѣтельство нашего грѣхопаде-
нія, сердцу нашему какъ то обычно лгать въ молитвѣ и въ обра-
щеніи съ людьми. Это столпъ лжи. Христіанину надо употреблять
всѣ мѣры, чтобы вырвать изъ сердца съ корнемъ всякую ложь и
насадить въ немъ чистую истину. Надобно начинать съ молитвы,
какъ съ такого дѣла, въ которомъ прежде всего необходима истина
сердца, по слову Господа: духомъ и истиною достойтъ кланяться.
Глаголи истину въ сердцѣ своемъ».

Должно быть равновѣсіе внутренней и наружной стороны
молитвы.

«Наружная молитва нерѣдко исполняется на счетъ внутренней,
а внутренняя на счетъ наружной, т. е. если я молюсь устами или
читаю, то многія слова не ложатся на сердце, я двоюсь лицемѣрно;
устами выговариваю одно, а на сердцѣ—другое; уста говорятъ
истину, а сердечное расположеніе не согласуется съ словами мо-
литвы. А если я молюсь внутренно, сердцемъ, то, не обращая вни-
манія на выговариваніе словъ, я сосредоточиваю его на содержаніи,
на силѣ ихъ, приучая сердце постепенно къ истинѣ, и вхожу въ
то самое расположеніе духа, въ какомъ написаны молитвенныя
слова, а такимъ образомъ приучаюсь мало по малу молиться ду-
хомъ и истиною по словамъ вѣчной истины: иже кланяться Богу
духомъ и истиною достойтъ кланяться».

«Когда человѣкъ молится наружно вслухъ, тогда ему можно не
всегда услѣдить за всѣми движеніями сердечными, которыя слишкомъ
быстры, такъ что ему по необходимости нужно заняться выгово-

ромъ, внѣшнюю формою слова. Такимъ образомъ у многихъ причетниковъ, бѣгло читающихъ, образуется совершенно ложная молитва: устами они какъ будто молятся, по всему зришь ихъ аки благочестивыхъ, а сердце спитъ и не знаетъ, что уста говорятъ. Это происходитъ отъ того, что они торопятся, и не размышляютъ сердцемъ о томъ, что говорятъ».

Но почему Богъ иногда не слышитъ молитвъ? Потому что въ нихъ нѣтъ вѣры.

Мы сказали, что безъ молитвы невозможна вѣра, но и молитва сильная богоугодная не возможна безъ вѣры, въ смыслъ твердой надежды, увѣренности въ помощи Божіей и силъ Божіей.

«Живая видящая вѣра въ Господа главное; въ молитвѣ представь его живо предъ собою и въ себѣ самомъ,—и тогда еже хо- щещи, и проси о Христѣ Иисусѣ въ Духѣ Св. и будетъ тебѣ. Проси просто, ничтоже сумняся,—и тогда Богъ твой будетъ все для тебя, во мгновение свершающій великія и чудныя дѣла, подобно тому, какъ крестное знаменіе совершаетъ великія силы. Проси не для себя одного, но и для всѣхъ вѣрныхъ, для всего тѣла церкви благъ духовныхъ и вещественныхъ, не отдѣляя себя отъ прочихъ вѣрующихъ, но, находясь въ духовномъ единеніи съ ними, какъ членъ единого великаго тѣла церкви Христовой,—и любящій всѣхъ, какъ чадъ своихъ во Христѣ, Отецъ небесный исполнить тебя великимъ миромъ и дерзновеніемъ».

«Посему прежде молитвы приготовь себя къ несомнѣнной, крѣпкой вѣрѣ и прими заблаговременно средства противъ сомнѣнія и невѣрія, худо, если во время самой твоей молитвы, сердце твое изнеможетъ въ вѣрѣ и не устоитъ въ ней, тогда не думай, чтобы ты получилъ то, о чемъ просилъ Бога сумняся, потому, что ты оскорбилъ Бога, а ругателю Богъ не даетъ даровъ своихъ! Вся, сказалъ Господь, елика аще воспросите въ молитвѣ вѣрующе, примете, и значить, если воспросите невѣрующе или съ сомнѣніемъ не примете».

О. Іоаннъ Сергіевъ.

Въ молитвѣ дышетъ надежда, и молитва безъ надежды—грѣховная молитва.

«Молящіеся! еда мало есть вамъ трудъ даяти человѣкомъ и како даете Господеву трудъ. Мало еще развѣ для васъ видѣть безсиліе въ человѣкахъ, какъ вы хотите видѣть безсиліе въ самомъ Богѣ, тайно помышляете, что Богъ не исполнитъ вашего прошенія? Пусть для людей многое трудно, весьма многое невозможно,—но какъ вы считаете что-либо труднымъ для Бога? Есть развѣ для Него что либо трудное и невозможное? Все для него возможно и легко. Вся возможна суть у Бога. Итакъ, молясь, будьте увѣрены твердо, что для Господа все легко, что Онъ можетъ все въ мгновеніе сдѣлать. Вашей собственной немощи что либо сдѣлать, въ чемъ либо помочь себѣ или ближнему, не приписывайте Богу. Для васъ какъ для слабыхъ ничтожныхъ тварей, почти все трудно: вы это сами на себѣ и на другихъ испытывали тысячу разъ; но развѣ мало вамъ еще даяти (приписывать) трудъ человѣкомъ, что вы даете еще и Господеву трудъ,—Господу, Который все создалъ мыслию и словомъ. Для него, помните, ничто не трудно: все смѣло просите, все надѣйтесь получить. Все, елика еще воспросите въ молитвѣ, вѣрующе, пріимите».

«Молясь нужно вѣровать въ силу словъ молитвы, чтобы не отдѣлять самыхъ словъ отъ самаго дѣла, выражаемаго ими; нужно вѣровать, что за словомъ, какъ тѣнь за тѣломъ, слѣдуетъ и дѣло, такъ какъ у Господа слово и дѣло нераздѣльны: ибо той рече и быша: той повелѣ и создашася. И ты такъ же вѣруй, что ты сказалъ на молитвѣ, о чемъ попросилъ, то и будеть».

«Молитва есть дыханіе души, молитва есть духовная пища и питье».

«На молитвѣ необходимо обдуманное, крайнее смиреніе. Надо помнить кто говорить и что говорить, особенно это нужно во время чтенія молитвы Господней: Отче нашъ. Смиреніе разрушасть всѣ козни вражіи. Ахъ! Какъ много въ насъ тайной гордости.

Это—говоримъ—я знаю, въ этомъ не нуждаюсь; это не для меня; это лишнее; въ этомъ я не грѣшенъ. Сколько своего мудрованія!»

«Молитва золотая связь человѣка-христіанина, странника и пришельца на землю съ міромъ духовнымъ, коего онъ членъ, и паче всего съ Богомъ—Источникомъ жизни; отъ Бога вышла душа, къ Богу и да грядетъ чрезъ молитву. Отъ молитвы великая польза для молящагося: она успокоеваетъ душу и тѣло; она успокоеваетъ душу не только самого молящагося, но и часто души представшихся праотцѣ, отецъ и братіи нашихъ. Видите какъ важна молитва!»

III.

Если молитва вообще—есть свѣтъ, откровеніе, спасеніе, то молитва богослужебная въ храмѣ безконечно плодотворнѣе, безконечно благодатнѣе.

«Поистинѣ храмъ есть земное небо, ибо гдѣ престолъ Божій, гдѣ страшныя Тайны совершаются, гдѣ ангелы служатъ съ человѣками, гдѣ непрестанное славословіе Вседержителя, тамъ истинно небо и небо небесе. Итакъ да входимъ въ храмъ Божій, наипаче во Святое Святыхъ, со страхомъ Божиимъ, съ чистымъ сердцемъ, отложивъ страсти и все житейское попеченіе, и да стоимъ въ немъ съ вѣрою, благоговѣніемъ, разумно внимательно, съ любовію и міромъ въ сердцѣ, да исходимъ обновленными, какъ бы небесными да живемъ во святынѣ, свойственной небу, не связуясь житейскими похотями и страстями».

«Въ церкви мы вытрезвляемся отъ мірскаго обаянія и опьяненія страстей и похотей житейскихъ, просвѣтляемся, освящаемся, очищаемся душами своими, къ Богу приближаемся, съ Богомъ соединяемся. Какъ долженъ быть достопочтенъ и достоинъ любви храмъ Божій, какъ любили его святые Божіи человѣки. Въ храмѣ Божиѣмъ добрыя, простыя вѣрующія души,—какъ въ домѣ Отца Небеснаго такъ имъ свободно тутъ и легко, легко. Здѣсь предвку-

шають истинные христіане будущее царствіе, уготованное имъ отъ сложенія мира, будущую свободу отъ всякаго грѣха и смерти, будущій покой и блаженство. Когда же предвкушаютъ? Искренно обращаясь душою къ Богу, усердно молясь Богу, принимая рѣшительное намѣреніе посвятить Богу жизнь свою, и внѣ храма совершая самымъ дѣломъ дѣла добродѣтели. Какъ прекрасна, глубоко продумана, воспитательна и сама обстановка православнаго храма! что въ сравненіи съ нимъ всѣ молитвенные дома, какіе гдѣ либо существуютъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ святомъ, высокомъ обществѣ видитъ себя христіанинъ въ храмѣ, окруженный ликами святыхъ ангеловъ и угодниковъ. Взираю на иконы въ храмѣ: на Твою икону, Господи, на икону пречистой матери Твоей, св. ангеловъ, архангеловъ, на лики святыхъ, украшенные золотомъ и серебромъ и думаю самъ себѣ: какъ Ты почтилъ и украсилъ наше естество. Твоимъ свѣтомъ сіяютъ святые Твои, Твоею благодатію они святые, побѣдивъ грѣховность и отмывъ грѣховныя скверны плоти и духа, Твоею славою они славны, Твоимъ нетлѣніемъ они нетлѣнны».

«Въ храмѣ мы научася вѣрности, мужеству, терпѣнію, кротости, незлобію, смиренію, нестяжательности, воздержанію, чистотѣ, цѣломудрію, самоотверженію, безропотному перенесенію своихъ скорбей, любви не только къ ближнимъ, но и къ врагамъ своимъ, научася и другимъ много различнымъ добродѣтелямъ. А молитва пѣснопѣнія, эти гимны—лучшая христіанская поэзія. Голосъ церковныхъ чтеній, пѣсней, молитвъ и моленій,—это голосъ душъ нашихъ, излившійся отъ сознанія и чувства нашихъ духовныхъ нуждъ и потребностей. Это голосъ всего человѣчества, сознающаго и чувствующаго свою бѣдность, свою окаянность, свою грѣховность, свою нужду въ Спасителѣ, нужду въ благодареніи и славословіи за безчисленные благодѣянія и безконечныя совершенства Божіи. Чудны эти молитвы и пѣсни: онѣ дыханіе Духа Святаго. Бѣда вся только въ томъ, что онѣ часто достигаютъ только до нашего

слуха не проникая во внутреннее святилище наше. Если бы мы были болѣе внимательны въ храмѣ, какими бы чудными намъ казались и всѣ наши пѣснопѣнія, постоянно, сколько бы разъ мы ни слушали ихъ. Говорю—постоянно. Кто слушаетъ внимательно церковныя пѣснопѣнія, тотъ каждый разъ будетъ находить въ нихъ все новый и новый смыслъ. Не только въ цѣломъ пѣснопѣніи онъ будетъ открывать новыя глубокія мысли, но и въ каждомъ отдѣльномъ выраженіи ихъ. Я испыталъ это не одинъ разъ. Нѣкоторые изъ нашихъ прогрессистовъ почитаютъ Церковь врагомъ для себя. Но если кто любвеобильнѣе, благожелательнѣе и мудрѣе въ своей любви къ людямъ, то это Церковь. Все, что есть сообразнѣйшаго въ нашей природѣ и благопотребнѣйшаго для нея,—все это заключается въ Церкви, какъ сокровищницѣ, подобно тому, какъ въ Евангеліи заключены глаголы Живота. Церковь есть истинная мать всего человѣчества, право вѣрующаго во Христа, самый вѣрный другъ христіанъ. Она сочувствуетъ и отвѣчаетъ всѣмъ существеннымъ потребностямъ души и тѣла христіанина дѣятельнымъ пособіемъ или подаваніемъ помощи силою Господа».

«Богослуженіе всегда бодритъ и живить меня,—признается о. Іоаннъ:—оно даетъ мнѣ силы переносить все, что я ни встрѣчаю на своемъ жизненномъ пути. Благодарю всеблагу, всесвятую, премудрую мать мою—Церковь Божію, спасительно руководствующую меня въ семъ временномъ житіи и воспитывающую меня для гражданства небеснаго: благодарю ее за всѣ чины молитвъ, богослуженія, таинствъ, обрядовъ. Благодарю ее за посты, столь для меня благотѣльные въ духовномъ и тѣлесномъ отношеніи. Черезъ нихъ я здравъ духомъ и тѣломъ, покоенъ, бодръ, легокъ. Безъ поста мнѣ было бы крайне тяжело, какъ это испытано не во время поста. Благодарю непорочную мать мою, Церковь Божію, восхищающую меня небеснымъ своимъ служеніемъ, восторгающую горѣ, къ небеси духъ мой, просвѣщающую умъ мой небесною истиною, указываю-

щую мнѣ путь живота вѣчнаго, избавляющую отъ насилія и безчестія страстей, дѣлающую жизнь мою блаженною. Велика твоя любовь, Господи. Ты всего себя истощилъ ради любви ко мнѣ. Взираю на крестъ и дивлюсь Твоей любви ко мнѣ и къ міру, потому что крестъ есть наглядный отпечатокъ Твоей любви къ намъ. «Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя». Твои животворящія Тайны, Господи, также служатъ всегдашнимъ громкимъ доказательствомъ Твоей къ намъ, грѣшнымъ, любви, ибо это божественное Тѣло Твое было за меня, за всѣхъ насъ ломимо; эта кровь за меня, за всѣхъ насъ изливалась. Господи! славлю чудеса св. Тайнъ Твоихъ надъ вѣрными твоими, которымъ я преподавалъ оныя. Славлю исцѣленія безчисленныя, которымъ я былъ свидѣтелемъ.

Славлю дѣйствіе ихъ во мнѣ всеспасительное. Славлю Твое милосердіе ко мнѣ, въ нихъ и черезъ нихъ мнѣ являемое силу Твою животворную, въ нихъ дѣйствующую. Господи! за великую любовь Твою ко мнѣ, какъ не любить Тебя отъ всего сердца моего, ближняго, какъ самого себя, любить не только любящихъ меня, но и враговъ моихъ? О, если бы все это постигали, какъ мало было бы у насъ отщепенцовъ, какъ всѣ мы любили бы и чтили бы св. храмъ Божій, какъ мало бы говорили о прелести жизни людей, оставившихъ лоно Христовой Церкви. Если бы сектанты и невѣрующіе поняли высоту и красоту христіанскаго идеала и нашего богослуженія, то они устремились бы всѣ опять въ наши храмы, забывъ свои молитвенные дома и своихъ лжепастырей-руководителей. Господи! даруй, чтобы храмъ Твой всѣмъ приходящимъ въ него съ вѣрою, благоговѣніемъ и страхомъ Божиимъ, сообщалъ просвѣщеніе душъ, очищеніе грѣховъ, освѣщеніе, миръ, здравіе, тишину душевную,—укрѣплялъ вѣру, надежду и любовь, способствовалъ исправленію житія, успѣхамъ во всѣхъ благихъ начинаніяхъ и дѣлахъ, взаимной любви, чистому христіанскому житію, умягченію сердець и прекращенію самолюбія, жестокосердія, любо-

О. Іоаннъ Сергіевъ.

стяжательности, жадности, зависти, злобы, чревоугодія, пьянства, разврата—этихъ пороковъ, столько вредныхъ въ общественной жизни и подрывающихъ основы ея. Даруй сіе, даруй, Господи, всѣмъ любящимъ посѣщать храмъ Твой, да и не любящихъ его расположи любить его и исправлять сердца и дѣла свои: ибо время близко и судъ при дверяхъ для всѣхъ людей, всякаго званія и состоянія, всякаго пола и возраста, и всѣмъ предстоить дѣло безконечно великой важности—дать отвѣтъ на страшномъ Судѣ Христовомъ».

«А въ храмѣ нѣтъ ничего святѣе, выше, величественнѣе, торжественнѣе, животворнѣе литургіи! Храмъ, въ это особенно время, бываетъ земнымъ небомъ, священнослужители изображаютъ Самого Иисуса Христа, Ангеловъ, Херувимовъ, Серафимовъ и апостоловъ. Литургія—постоянно повторяющееся торжество любви Божіей къ роду человѣческому и всесильное ходатайство о спасеніи всего міра и каждаго члена въ отдѣльности. Агнчій—бракъ царскаго сына, на которомъ невѣста Сына Божія—каждая вѣрная душа. Уневѣстителъ—Духъ Святый. Съ какою уготованною, чистою, возвышенною душею нужно всегда присутствовать при литургіи, чтобы не оказаться въ числѣ тѣхъ людей, которые, не имѣя одѣянія брачнаго, а имѣя оскверненную одежду страстей, связаны были по рукамъ и по ногамъ, и выброшены вонъ изъ брачнаго чертога во тьму кромѣшную. Нынѣ, къ несчастію, многіе не считаютъ нужнымъ ходить къ литургіи; иные ходятъ только по одной привычкѣ, и каковыми пришли, таковыми и уходятъ,—безъ возвышенныхъ мыслей, безъ сокрушеннаго сердца, съ нераскаянною душею, безъ рѣшимости къ исправленію. Иные стоятъ неблагоговѣйно, разсѣянно, безъ всякой сосредоточенности, безъ всякой подготовки себя дома посредствомъ размышленія и воздержанія, ибо многіе успѣютъ предъ обѣдней напиться, а иногда наѣсться. Когда Господь сходилъ на Синай, народу еврейскому предъ тѣмъ повелѣно было приготовиться и очиститься; здѣсь не меньше синайскаго схождения

О. Іоаннъ Сергіевъ.

Божія, а больше: тамъ только задняя Божія, а здѣсь самое лице Бога-Законоположника. Когда на Хоривѣ явился Господь Моисею въ купинѣ, ему повелѣно было снять сапоги съ ногъ; а здѣсь больше хоривскаго Богоявленія: тамъ прообразъ, здѣсь Самъ Преобразователь. О, какъ мы пристрастны къ земному! Не хотимъ даже и одинъ часъ посвятить, какъ должно, исключительно Богу! Во время божественной, пренебесной литургіи и тогда мы позволяемъ себѣ мечтать о земномъ и наполняемъ душу образами и желаніями земныхъ вещей, иногда—увы!—даже нечистыми образами; между тѣмъ, какъ должны были бы молиться пламенно, размышлять усердно о великой тайнѣ сей, каяться въ грѣхахъ своихъ, желать и просить очищенія, освященія, просвѣщенія, обновленія и утвержденія въ христіанской жизни, въ исполненіи заповѣдей Христовыхъ, молиться за живыхъ и умершихъ; ибо литургія—жертва умиловительная, благодарственная, хвалебная и просительная. Велика литургія! На ней воспоминается вся жизнь не какого-либо великаго человѣка, а Бога воплотившагося, пострадавшаго и умершаго за насъ, воскресшаго и вознесшагося и паки грядущаго судити міру всему!»

«Литургія есть вечеря, трапеза любви Божіей къ роду человѣческому. Около Агнца Божія всѣ собираются на дискосъ—живые и умершіе, святые и грѣшные. Церковь торжествующая и воинствующая».

«Цѣни же христіанинъ по достоянію величайшее чудо Іисуса Христа, Сына Бога живаго, являемое въ причащеніи съ вѣрою Его божественнымъ Тайнамъ. Какое же чудо? Упокоеніе и оживотвореніе Твоего сердца, умерщвленнаго грѣхомъ, столь явнаго послѣ предшествующаго часто причащенію сердечнаго безпокойства и духовной смерти. Отъ привычки не почитай его никогда за нѣчто обыкновенное и маловажное; такія мысли и расположенія навлекаютъ на тебя гнѣвъ Господень, но ты не будешь послѣ причащенія вкушать мира и жизни. Живѣйшею сердечною благодар-

ностью за дары оживотворенія пріобрѣтай жизнь отъ Господа, и вѣра твоя да возрастаетъ болѣе и болѣе. Боязнь и безпокойство отъ невѣрія происходятъ. Возникновеніе ихъ во время причащенія почитай за вѣрный знакъ, что ты удаляешься невѣріемъ отъ жизни, лежащей въ Чашѣ и не обращай на нихъ вниманія. О, вѣра, вѣра! Ты сама еси чудо для насъ! Ты-то насъ спасаешь, вѣра твоя спасе тя».

«Съ вѣрою несомнѣнною причащаясь животворящихъ Тайнъ, я осязательнымъ образомъ поучаюсь вездѣсущію Христову. Какимъ образомъ? Вотъ какимъ: въ каждой частицѣ тѣла и въ каждой каплѣ крови я принимаю всецѣлаго Христа и, такимъ образомъ, вижу сердечными очами, что Онъ въ одно и тоже время весь во всѣхъ частицахъ и капляхъ, сколько бы ихъ ни было, до безконечности. Такъ же точно Господь весь во всякомъ храмѣ; а какъ храмы православные находятся по всей землѣ, то Господь не только Божествомъ, но и душою и тѣломъ Своимъ присутствуетъ по всей землѣ, вездѣ сообщаясь вѣрующимъ весь нераздѣльно и производя въ нихъ сладостные плоды: очищеніе грѣховъ, освященіе душъ и тѣлесъ христіанскихъ, праведность, миръ и радость о Дусѣ Святѣ, соединяя всѣхъ съ Собою, со Отцемъ и Святымъ Своимъ Духомъ».

«Когда принимаешь животворящія Тайны, вообрази твердо въ видахъ хлѣба и вина Самого Христа; сдѣлай на нихъ мысленное надписаніе: Иисусъ Христосъ, и съ этимъ мысленнымъ надписаніемъ (а чувственное есть препроводи) умственно до глубины сердца, и тамъ мысленно положи животворящаго Гостя. Если такъ, съ такою вѣрою примешь св. Тайны, то увидишь, что произведутъ въ тебѣ онѣ: миръ душевныхъ силъ глубочайшій, легко тебѣ всему будетъ необыкновенно. По мѣрѣ вѣры нашей Господь благодѣтельствуетъ намъ: по мѣрѣ сердечной готовности Тѣло и Кровь оказываются животворящимъ углемъ на сердцѣ вѣрующаго.—Церковь—небо; алтарь—престолъ жизни, съ коего нисходитъ Богъ для питанія и оживленія вѣрующихъ въ св. пречистыхъ Тайнахъ. *Дивна дѣла Твоя Господи!* (Апок. XV, 3) Ты заранѣе приготавлиаешь насъ

къ созерпанію престола и Сѣдящаго на немъ, видѣніемъ земнаго престола въ церкви и созерпаніемъ очами вѣры Возсѣдящаго на немъ».

«Ядый Мою плоть, и пійй Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ, и азъ въ немъ¹⁾». Это осязательно, и опытъ подтверждаетъ это. Преблаженъ, преисполненъ жизни тотъ человѣкъ, который съ вѣрою причащается св. Тайнъ, съ сердечнымъ раскаяніемъ во грѣхахъ.— Эта истина осязательна, ясна еще изъ противнаго. Когда безъ искренняго раскаянія во грѣхахъ и съ сомнѣніемъ приступаешь къ св. Чашѣ, тогда входитъ въ тебя сатана и пребываетъ въ тебѣ, убивая твою душу, и это бываетъ чрезвычайно опутительно».

«Принимая св. Тайны, будьте также несомнѣнно увѣрены, что вы принимаете тѣло и кровь Христову, какъ нимало не сомнѣваетесь, что вы каждую минуту дышите воздухомъ. Говорите про себя: какъ несомнѣнно, что я вдыхаю постоянно воздухъ, такъ несомнѣнно, что я теперь вмѣстѣ съ воздухомъ принимаю въ себя Господа моего Иисуса Христа, дыханіе мое, животъ мой, радованіе мое, спасеніе мое.— Онъ прежде воздуха, во всякое время жизни моей, есть дыханіе мое: прежде слова—слово мое; прежде мысли—мысль моя; прежде всякаго свѣта—свѣтъ мой; прежде всякой пищи—пища моя; прежде всякаго одѣянія—одѣяніе мое; прежде всякаго благоуханія—благоуханіе мое, прежде всякой сладости—сладость моя; прежде отца—Отецъ мой; прежде матери—Мать моя; прежде земли—твердая носящая меня земля, ничѣмъ во вѣки неколебимая. Такъ какъ мы, земные, забываемъ, что во всякое время мы Имъ дышемъ, живемъ, движемся и существуемъ, и ископали себѣ кладенцы сокрушенные, то Онъ открылъ въ Своихъ Тайнахъ—въ Своей крови—источникъ живой воды, текущей въ жизнь вѣчную, и Самъ даетъ Себя въ пищу и питіе намъ, да живи будемъ Имъ²⁾».

«Посѣщающимъ Богослуженіе православной Церкви и изучающимъ науку о Богослуженіи надо помнить, что служеніе здѣсь, на

¹⁾ Иоан. 6, 56.

²⁾ 1 Иоан. 9, 4.

землѣ, есть приготовленіе къ всерадостнѣйшему служенію Богу на небеси; что служа Богу тѣломъ, надо тѣмъ паче служить Богу духомъ и чистымъ сердцемъ; что слушая Богослуженіе, надо учиться служить Богу такъ, какъ служили святые, о житіи и дѣлахъ которыхъ мы слышимъ во время Богослуженія, о ихъ вѣрѣ, надеждѣ и любви; что служить Богу наипаче должно дѣломъ и истиною, а не словами только и языкомъ. Самымъ бытіемъ своимъ мы призваны уже къ служенію Богу: для того мы получили прямой станъ, чтобы взирать непрестанно къ Богу, благодарить и прославлять Его, на то даны разумъ сердце, воля, на то всѣ чувства».

«Нѣкоторые поставляютъ все свое благополучіе и исправность предъ Богомъ въ вычитываніи всѣхъ положенныхъ молитвъ, не обращая вниманія на готовность сердца для Бога, на внутреннее исправленіе свое; напимѣръ, многіе такъ вычитываютъ правило къ причащенію. Между тѣмъ, здѣсь прежде всего надо смотрѣть на исправленіе и готовность сердца къ принятію святыхъ Таинъ; если сердце право стало во утробѣ твоей, по милости Божіей, если оно готово встрѣтить Жениха, то и слава Богу, хотя и не успѣлъ ты вычитать всѣхъ молитвъ. *Царство Божіе не въ словеси, а въ силѣ.* (1 Кор. IV, 20). Хорошо послушаніе во всемъ матери Церкви, но съ благоразуміемъ и, если возможно, *можѣи вмѣстѣ*—продолжительную молитву — *да вмѣстѣ*. Но не вси вмѣщаютъ словесе сего. (Мѣ. 19, 11); если же продолжительная молитва несовмѣстима съ горячностью духа, лучше сотворить краткую, но горячую молитву. Припомни, что одно слово мытаря, отъ горячаго сердца сказанное оправдало его. Богъ смотритъ не на множество словъ, а на расположеніе сердца. Главное дѣло — живая вѣра сердца и теплота раскаянія во грѣхахъ. Кто приходитъ къ св. Чашѣ съ какою-либо страстью на сердцѣ, тотъ Іуда и приходитъ лъстивно лобызать Сына человѣческаго. Чтобы съ вѣрою несомнѣнною причащаться животворящихъ Таинъ и побѣдить всѣ козни врага, всѣ клеветы, представь, что принимаемое тобою изъ чаши есть *Сый*, т. е. единъ

вѣчно Сущій. Когда будешь имѣть такое расположеніе мыслей и сердца, то отъ принятія св. Таинъ ты успокоишься, возвеселишься и оживотворишься, познаешь сердцемъ, что въ тебѣ истинно и существенно пребываетъ Господь, и ты въ Господѣ».

Къ сожалѣнію, многіе и многіе избѣгаютъ посѣщать храмъ Божій въ воскресенье и праздничные дни. Глубоко скорбитъ объ этомъ о. Іоаннъ и съ горечью восклицаетъ.

«Какъ прискорбно видѣть, что врагъ въ праздники Господни беретъ съ христіанъ свой оброкъ, крайне великій оброкъ, и чѣмъ больше праздникъ, тѣмъ больше оброкъ врагу платятъ христіане, ибо что мы видимъ въ праздники? Совершенную праздность, разнузданность плоти, пьянство, распутство, драки, кражи, увеселенія. Боже мой! какое угодіе плоти! Какое усердное служеніе діаволу! Христіане ли эти люди, подумаешь, искупленные честною кровію Сына Божія? Въ христіанскія ли ты времена живешь, не въ языческія ли? Это ли причастники животворящихъ Таинъ? Это ли тѣ люди, которые бывають въ храмѣ Божіемъ и молятся вмѣстѣ съ тобою Господу? Если это они, для чего же они приходили въ храмъ? Видно по одной привычкѣ, а не по влеченію благодарнаго ко Христу Спасителю сердца. Видно, они не молились Богу, не приближались къ Нему сердцемъ своимъ, а только устами своими, приближались къ Нему,—если только хотя устами приближались, и не вошли они въ силу праздника, вообще не понимаютъ они сущности и цѣли праздниковъ христіанскихъ, не участвуютъ въ нихъ такъ, какъ дѣти участвуютъ въ семейномъ праздникѣ своихъ родителей. Худыя дѣти у такой любящей, благой, святой матери—Церкви! Мать Свята,—чада грѣшны; мать духовна,—чада плотяны; мать небесна,—дѣти земны; мать хочетъ даровать чадамъ своимъ блага вѣчныя, духовныя, вмѣсто тлѣнныхъ и временныхъ,—чада отвергають ихъ и избирають себѣ удовольствія земныя, грѣховныя, преходящія. Впрочемъ, между пьяными и преданными разнымъ порокамъ людьми въ праздники больше встрѣчаешь такихъ людей, которые не были въ церкви

(и вовсе не знают праздника, потому что никогда объ немъ не размышляли). Для таковыхъ существуетъ одинъ только праздникъ—праздникъ плоти. Господи! когда мы будемъ святить, какъ подобаетъ святынь, праздники Твои? Когда мы утѣшимъ святую мать свою—Церковь, повиновеніемъ ея уставамъ? Когда мы напоимся духомъ ея? Когда же начнемъ любить и почитать св. Церковь и ея богослуженіе и уставы? Когда начнемъ вести себя за богослуженіемъ, какъ должно?».

«Предъ старцами мы всегда держимъ себя съ великимъ почтеніемъ, уважая ихъ сѣдины и мудрость—плодъ вѣковой опытности, и каждое слово ихъ высоко цѣнимъ и прилагаемъ къ жизни, такъ особенно должны почитать Церковь, благоговѣть предъ ея святостію, древностію, непоколебимою твердостію, предъ ея благопроставленіемъ мудростію и духовною опытностію, предъ душеспасительными ея заповѣдями и постановленіями, ея Богослуженіемъ, таинствами и обрядами. Какъ не почитать ее уже за то одно, что она спасла въ нѣдрахъ своихъ несмѣтное число людей, переселивъ ихъ вмѣсто вѣчнаго покоя и радости, и, не забывая ихъ по представленіи, оглашаетъ ихъ донынѣ на землѣ вѣчною хвалою и прославленіемъ ихъ доблестей, какъ вѣрныхъ чадъ своихъ! Гдѣ вы найдете болѣе признательнаго друга, болѣе нѣжную мать? Итакъ, да прилѣпляются христіане сердцами своими всегѣло къ Церкви Христовой, да утверждаютъ въ ней непоколебимо до скончанія временной ихъ жизни, да ревнуютъ всѣ объ исполненіи всѣхъ ея заповѣдей и уставовъ и да обрѣтаютъ въ ней спасеніе вѣчное о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ».

IV.

Молитва и богослуженіе въ храмѣ даютъ силу вѣровать и жить. Въ чемъ же должна состоять сама жизнь? Какъ жить?

Основное правило жизни уже намѣчено выше.

«Что есть время или жизнь каждаго человѣка? Есть приготовленіе къ вѣчности. Господь и Владыка живота нашего ежедневно ожидаетъ нашего добровольнаго обращенія къ Нему, всею мыслью нашею и всѣмъ сердцемъ и совершеннаго отвращенія сердець нашихъ отъ мірской суеты.

«Смотри на часы: они такъ и ходятъ, какъ хотѣлъ часовой мастеръ, или на пароходъ: онъ идетъ туда, куда хочетъ рулевой. Ты долженъ направлять свою жизнь такъ, какъ хочетъ твой Художникъ и Правитель міра и твой; долженъ идти за своимъ кормчимъ, а онъ поддержитъ тебя на водѣ и не дастъ потонуть, ты весь Божій, ты сосудъ Божій, ты рабъ Господа».

«Девизомъ твоей жизни должны быть слѣдующія изреченія Спасителя: «Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго мя». Живи сердцемъ, а не чревомъ, постоянно размышляя сердцемъ, особенно о Богѣ, о душѣ, о душахъ человѣческихъ, о Господѣ Иисусѣ Христѣ, Его дѣлахъ, о крестѣ, о церкви, о таинствахъ, о святыхъ Божіихъ, подвизавшихся на землѣ. А чтобы жить сердцемъ, надо прогнать изъ него діавола и ввести въ него вѣрою и любовію Христа Бога. Смотри на конецъ всего: къ чему ведетъ и приведетъ».

«Многоразличныя блага временной жизни суть образъ, указаніе и залогъ безконечныхъ благъ будущей жизни; сладость ихъ образъ безконечнаго будущаго блаженства, красота ихъ—образъ будущей красоты. Итакъ, не останавливайся, человѣкъ, на временномъ, но востекай къ будущимъ благамъ!»

«Какъ изношенную одежду, сапоги или башмаки, сбрасываемъ съ себя и пренебрегаемъ ими, такъ сбросимъ съ себя и плоть свою, какъ одежду, какъ обувь, и она будетъ въ погребіи; но по разореніи земной храмины тѣла, въ день воскресенія всеобщаго Господь создастъ намъ храмину нерукотворенну, вѣчну на небесѣхъ. Не наша забота о томъ, какъ воздвигнетъ Господь и изъ чего воздвигнетъ нашу плоть по смерти нашей,—какъ не наша забота

была тогда, когда Господь приводилъ насъ изъ небытія въ бытіе, когда устроилъ нашу душу и плоть вначалѣ. Все для насъ Господь: всю печаль на Него возлагаемъ».

Но, конечно, сбросить плоть не легко, распять ее со страстями и похотями трудно: Св. Церковь и указываетъ цѣлую методику воспитанія души въ Богѣ. Первый шагъ на этомъ пути собранность духа.

«Человѣку — христіанину всякаго званія, состоянія обоого пола и самосознательнаго возраста, должно быть почаще дома у себя самого, а не жить только во внѣшнемъ мірѣ, т. е. въ занятіи дѣлами мірскими, науками, искусствами, промыслами, играми, зрѣлищами. У себя дома, т. е. въ душѣ своей, во внутреннемъ мірѣ своемъ, бываетъ тотъ, кто размышляетъ о началѣ и цѣли или концѣ своего бытія, кто молится духомъ и истиною, кто читаетъ слово Божіе, кто борется со своими страстями и грѣховными наклонностями, преуспѣваетъ въ добродѣтели, въ милостыни, кротости, смиреніи, незлобіи, правдѣ и правотѣ».

«Царствіе Божіе внутрь васъ есть».

«Научись, христіанинъ, внутренней правотѣ Божіей, которая положена Творцомъ въ глубинѣ сердца, старайся, чтобы не нарушить эту Божественную правду ни единымъ помысломъ лукавства, сомнѣнія, невѣрія, хулы, ропота, непослушанія; ни единымъ чувствомъ непріязни, ненависти, ни единымъ движеніемъ воли твоей грѣшной».

Эта собранность души создаетъ силу въ борьбѣ съ внѣшними врагами спасенія — искушеніями, злыми мыслями, діаволами.

«Врагъ легко уловляетъ въ свои сѣти всякаго, имѣющаго пристрастіе къ плотскимъ наслажденіямъ, или къ корысти и сребролюбію; одно мгновенное услажденіе плотскою похотію, или мгновенное пристрастіе къ деньгамъ, или алчность къ нимъ и жалѣніе для бѣднаго — или другое искушеніе и человѣкъ въ плѣну у врага,

и отъ Бога отсталъ и врагомъ Богу сталъ. «Въ мірѣ похоть плоти и, похоть очей и гордость житейская».

Самонаблюдение, вниманіе къ своему внутреннему міру и даетъ силу «противостоять противу силы вражія».

«Всякій грѣхъ льститъ, язвитъ, смущаетъ, тѣснитъ, омрачаетъ, насилуетъ мою душу. Требуется непрестанное къ себѣ вниманіе, къ своимъ помысламъ, чувствамъ, вожделѣніямъ; требуется непрестанная борьба всего внутренняго человѣка: молитва ко Господу съ покаяніемъ отъ всего сердца, познаніе прелести и гибельности грѣха, ненависть къ нему, сознаніе нелѣпости и безумія его; и когда это будетъ, тогда душа побѣдитъ грѣхъ. Вниманіе къ своей душѣ побѣдоносно, потому что помогаетъ усмотрѣть грѣхъ въ зародышѣ и разбить «младенцы о камень».

«Возьмите врата князя вапа и внидетъ Царь славы. Какія врата, коими входитъ Царь славы, и какіе князи господствуютъ въ этихъ вратахъ и не допускаютъ Царя славы войти ими? Это врата нашего сердца, коимъ владѣютъ различныя страсти наши: самолюбіе, саможалѣніе, плотоугодіе, чревоугодіе, пьянство, блудъ, лѣность, гордость, честолюбіе, зависть, сребролюбіе, жестокосердіе, скупость, тщеславіе, злопамятство, злоба, ненависть, уныніе, отчаяніе, невѣріе, непослушаніе. Вотъ эти и безчисленныя страсти порабощаютъ душу человѣческую и препятствуютъ Господу Богу войти въ нее и обитать въ ней».

Нужно поставить стражу у Св. Воротъ. Жизнь христіанина въ Евангеліи уподобляется воинской стражѣ первой, второй и третьей, и этимъ внушается постоянное бодрствованіе христіанина надъ своими помыслами, чувствами, движеніями воли, бодрствованіе относительно враговъ безплотныхъ, непрестанно нападающихъ на насъ и ищущихъ поглотить насъ до конца. Св. угодники день и ночь бывали на стражѣ духовной—непрестанно молились постились, трудились, ведя созерпательную и дѣятельную жизнь. Вся жизнь наша должна быть по истинѣ стражей: кратка она, задачу

О. Іоаннъ Сергіевъ.

приходится рѣшать великую и сложную, а враговъ, нападающихъ злобно, коварно и сильно—крайне много. Будемъ мудры, яко змїя и цѣли, какъ голуби.

«Заглядывай внимательнѣе, глубже въ свой внутренній, душевный или духовный міръ, полный величайшаго умственного и нравственного интереса и не увлекайся внѣшнимъ, вещественнымъ, преходящимъ и исчезающимъ міромъ—небомъ и землею,—ибо небо и земля прейдутъ, по непреложному слову Творца, а слова Его закона не прейдутъ во вѣки безконечные. Въ томъ внутреннемъ мірѣ предстоитъ тебѣ много дѣла и усилій по причинѣ извращенія нами духовнаго порядка или законовъ творческихъ, и душевнаго, и физическаго растлѣнія; ибо сказано: «Царствіе Божіе внутри васъ есть». «Царствіе небесное усиленіемъ пріобрѣтается и усиленные искатели пріобрѣтаютъ его.» Припомни неплодную смоковницу; припомни виноградъ и виноградаря; припомни раба должнаго господину своему тѣмъ талантовъ. Помыслы и вожделѣнія грѣховныя быстры, какъ молнія палящая, или внезапный сильный вѣтеръ, колеблющій душу, какъ тростникъ; или какъ бурный потокъ, потопляющій душу, какъ хамину, основанную на пескѣ; или какъ грязная, вонючая волна, обдающая душу зловоніемъ и смрадомъ. Да бережется христіанинъ всякаго грѣха вольнаго или невольнаго, и да утвердитъ свои душевныя стопы на камнѣ вѣры—Христосъ Богъ; да молится непрестанно и да приноситъ всегда Богу покаяніе тайное или явное, и да гнушается грѣха во всѣхъ его безчисленныхъ проявленіяхъ, да презираетъ сладострастіе плоти, какъ смертельный ядъ, да ни во что ставитъ золото и серебро, и все драгоценное блестящее; да презираетъ славу человѣческую, эту славицу преходящую и вредную подтачивающую, какъ червь, душу; да ищетъ нетлѣнныхъ благъ, и да тщится всегда имѣть въ сердцѣ Христа, это сокровище жизненное и вседовлѣющее на всю вѣчность. Одинъ помыслъ неправедный есть мерзость Господу. И мгновенное вожделѣніе плотское есть измѣна Господу и мерзость идолослуженія. Это оттого, что душа

есть простое существо, духъ, и въ мгновеніе склоняется или въ сторону правды или въ сторону неправды, дѣлается подобной Богу или діаволу,—потому сказано у апостола: «не уподобляйся злomu, но благому. Всякимъ храненіемъ блюди сердце твое: отъ того бо исходище живота». Береги свое сердце особенно въ томъ смыслѣ, чтобы не допускать до него земныхъ, страстныхъ вожделѣній: ибо и одно мгновенное вожделѣніе оскверняетъ душу и разлучаетъ ее отъ Бога. Старайся непрестанно о томъ, чтобы оно тяготѣло къ небу, а не къ землѣ, къ Богу, а не къ велиару, чтобы оно желало нетлѣнія, любви и добродѣтели, кротости и смиренія, простоты и незлобія, а не земного, хотя сладкаго или блестящаго тлѣна. Намъ—непрестанная опасность отъ земныхъ вожделѣній: человѣкъ грѣшный льнетъ ко всему запрещенному; береги сердце отъ злобы, гнѣва и зависти, сладострастія гордости, киченія и возношенія себя надъ другими. Всякимъ храненіемъ блюди твое сердце, отъ того бо исходища живота». Блюди—цѣла ли въ немъ вѣра, смотри—какія въ немъ жаланія, намѣренія, исканія, домоганія, къ чему оно привязывается, стремится—къ Богу или къ міру, къ небу или землѣ, есть ли въ немъ жажда спасенія, жажда любви Божіей, любовь ко всякой правдѣ и ненависть ко всякой неправдѣ, ко всякому грѣху? Есть ли въ немъ сильное стремленіе угождать Богу и спасти душу во грѣхахъ погибающую? Читай притчи, разумѣвай, слагай ихъ въ сердце твоемъ... исполняй! «Всякимъ храненіемъ блюди твое сердце, отъ того бо исходища живота». Смотри къ кому или къ чему направлены вожделѣнія твоего сердца; къ Богу или къ міру,—къ небу или землѣ, къ нетлѣннымъ ли и вѣчнымъ благамъ, или къ тлѣннымъ и преходящимъ, къ духу или плоти? Смотри—врагъ безплотный, лукавый не спитъ: онъ свое дѣло, дѣло твоей прелести и гибели дѣлаетъ въ тебѣ непрестанно и старается отринуть душу отъ Бога всевозможными прелестями: то блудными, то корыстолюбивыми, то тщеславными, то гордостью или завистью, или чревоугодіемъ и пьянствомъ, то лѣнностью и бездѣйствіемъ, то чтеніемъ пустыхъ книгъ, или только

свѣтскихъ, не допуская тебя до книгъ, учащихъ вѣрѣ и благочестію, и единому на потребу. Врагъ непрестанно старается окрадывать душу самыми разнообразными суетами и прелестями. Бодрствуй и не предавайся дремотѣ грѣховной. Помни, что одинъ Богъ есть предметъ вождельній нашего сердца. «Что ми есть на небеси, и отъ Тебе, что восхотѣхъ на земли? Боже, твердыня сердца моего и часть моя, Боже, во вѣкъ».

«Христіанинъ долженъ имѣть небесное сердце, а не земное: ибо мы всѣ на небо позваны на брачную вечерю Агнца. Горѣ имѣемъ сердца. «Горняя мудрствуйте, а не земная». «Наше отечество на небесѣхъ есть». Прочь страсти земныя!»

Стои на стражѣ.

Возьмите врата князи ваша. А если страсть уже проникнетъ въ души, что дѣлать. Если ворота сердца не достаточно бдительно охранялись и врагъ проникъ въ храмину и крѣпость духа?!

Тогда нужно бороться съ врагомъ въ стѣнахъ города, бороться скорѣе, пока онъ не занялъ всѣхъ его твердынь.

«Тогда нужно объявить войну многострастной плоти своей «распятъ ее со страстями и похотѣми», прекратить всякую грѣховную дружбу съ нею, и держать ее всегда на уздѣ и въ поводу, строго подчиняясь закону Божию. Аще кто хочетъ по Миѣ идти, да отвержется себе и возьметъ крестъ свой и по мнѣ грядетъ». Опытомъ дознано, что каждая страсть, допущенная человѣкомъ въ началѣ и не получившая должнаго, отъ всей души, отпора, начинаетъ пускать глубоко и постепенно свои корни и увеличивается въ степени и силѣ, и повторяясь, опять слабо, нерѣшительно отражаясь сердцемъ и произволеніемъ человѣка, охватываетъ наконецъ всего человѣка: мысли, чувства, вождельнія, волю, память и воображенія, и онъ дѣлается жалкимъ рабомъ діавола—человѣкоубійцы, лукаваго».

«Конечно тля грѣха вообще вошла въ челоуѣчество весьма глубоко, въ самую глубину душъ—и челоуѣкъ нуждается и въ

О. Іоаннъ Сергіевъ.

страшныхъ усилюхъ съ своей стороны къ отчужденію отъ грѣха, самыхъ усердныхъ и постоянныхъ: но всеже грѣхъ въ началѣ слабѣе и уничтожимѣе. Будемъ учиться искусству изъ искусствъ—воевать съ грѣхомъ, съ самымъ лукавымъ и сильнымъ врагомъ нашимъ. Понятно, однако, что и эта борьба немислима одними человѣческими силами. Напередъ говорю: никто не надѣйся на свою силу и разумъ, искусство или мужество, чтобы побѣдить этого врага: нѣтъ онъ сильнѣе всѣхъ насъ. На силу Божию будемъ надѣяться, на силу Христа Спасителя нашего, побѣдившаго за насъ врага нашего діавола и даровавшаго намъ имя Свое, крестъ Свой, благодать и силу Свою для побѣды надъ врагомъ. «Боритесь же непрестанно съ грѣхомъ съ помощью Божіею: Господь помощникъ нашъ и Защитникъ нашъ—ближе къ намъ всегда, чѣмъ грѣхъ, чѣмъ діаволъ, хотя и этотъ всегда близокъ по причинѣ угнѣзденія его въ глубинѣ нашихъ думъ. Но его непременно надобно выгнать изъ внутреннихъ гнѣздъ и бить вора, мошенника, страмника, убійцу нещадно, въ какомъ бы видѣ не появился насильничать въ насъ. Такъ бей нещадно свое самолюбіе, тщеславіе, гордость, алчность, корыстолюбіе, скупость, жестокосердіе, гнѣвливость, раздраженіе, непослушаніе, суетвѣріе, уныніе, ропотъ и прочіе грѣхи—обманъ, всякую кривду, блудные помыслы, похоти... срамныя рѣчи, срамныя виды всякіе... все, все гони грѣшное, нечистое, ненавидь всею ненавистью, бей воровъ, татей всякихъ мысленныхъ нещадно и до конца истребляй, чтобы не утаились гдѣ, не засѣли тайно въ сердцѣ, и будешь ты тогда другъ Самому Богу. «Не къ тому васъ рекохъ рабы, но други еще творите, елика Азъ заповѣдаю вамъ».

Грѣхъ быстръ, какъ молнія, и можетъ заразить душу не бодрствующую въ одно мгновеніе своимъ пагубнымъ ядомъ, но внимающему непрестанно и имѣющему въ сердцѣ страхъ Божій онъ не причинитъ вреда, ибо такого охраняетъ благодать Божія и св. Ангелъ хранитель. Въ комъ есть живая вѣра во Христа, въ комъ

живеть Христось, къ тому лукавый не прикоснется, видя душу огражденную вѣрою и страхомъ Божиимъ.—Во всякомъ случаѣ нужна всегдашняя борьба съ грѣхомъ, вкрадывающимся чрезъ всѣ чувства: зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе и осязаніе; онъ какъ воръ крадется, врывается во всѣ чувства, какъ чрезъ окна и двери. Не щади въ себѣ никогда никакого грѣха и усердно, съ радостію распинай его при всякомъ встрѣтившемся случаѣ, а для этого отвергнись себя, распинай свое самолюбіе, свои капризы, свою обидчивость, свою гордость, злобу, зависть, скупость, лѣнь, уныніе, малодушіе, страхъ, и люби какъ благодѣтелей тѣхъ, которые задѣваютъ, какъ говорится, твое самолюбіе, пробуждаютъ твои страсти ненамѣренно. Въ насъ обыкновенно есть какая-то болѣзненная любовь къ грѣху: ноетъ, болитъ сердце страстью, а всетаки предаются ей въ плѣнъ. Надо ненавидѣть страсть, какъ грѣхъ, какъ порожденіе діавола, какъ смерть, какъ отчужденіе отъ Бога. Если увлекаетъ тебя какая либо страсть къ извѣстному лицу, какъ-то страсть малодушія, страха, гордости,—старайся поговорить съ тѣмъ человѣкомъ отъ души, съ любовію духовною. Если будешь молчать и дремать, врагъ удобно можетъ одолѣть тебя и вселить въ тебя непріязнь или ложный страхъ. Если влечетъ къ кому либо страсть любодѣйная, то или не говори съ тѣмъ лицомъ, или вооружись именемъ Господнимъ, обнося Его непрерывно въ умѣ и сердцѣ, и побѣдишь страсть, съ достоинствомъ выдержавъ себя. Вообще ни на минуту не терпи въ себѣ закваски страстей, но всѣми силами изгоняй ихъ отъ себя.

«Старайся все дѣлать напротивъ того, чего хочетъ врагъ безплотный. Онъ побуждаетъ тебя къ гордости, къ самохвалству и осужденію брата,—ты смирись до земли и пепла и осуждай какъ можно строже себя самого, и брата восхвали въ сердцѣ. Если братъ твой, по дѣйствию врага, обходится гордо и злобно, ты обходись съ нимъ смиренно и съ любовью. Если врагъ побуждаетъ тебя къ скупости, будь щедръ съ добротствомъ. Такъ поступай во всѣхъ подобныхъ случаяхъ и заслужишь великую благодать Божию, и

самъ собственными сердечными очами увидишь ее.—Нѣтъ у тебя внутренней силы поступать такъ,—врагъ силенъ, говоришь ты: проси же въ молитвѣ Всесильнаго на всякое время и на всякій часъ, и Онъ поможетъ тебѣ.

Не давай на молитвѣ побѣждать себя плоти и дѣйствующему чрезъ нее врагу;—*не улысти языкомъ своимъ, но глаголи истину въ сердце твоемъ* ¹⁾; такъ мысли и чувствуй самъ, какъ говоришь въ молитвѣ, а не такъ, чтобы на языкѣ былъ медъ, а на сердцѣ—ледъ; побѣдить разъ врага, послѣ ужъ тебѣ надо будетъ отставить себя, свою свободу отъ него, какъ завоеванный врагомъ клочекъ земли, а отъ Господа отступитъ сердце твое. Ничѣмъ не пренебрегай въ духовной жизни, ничего не считай малымъ, нестоющимъ большаго вниманія: чрезъ малые грѣхи діаволъ ведетъ къ великимъ. Главное дѣло: старайся быть истиннымъ всегда въ сердцѣ своемъ. Когда труднѣе бороться съ плотью, тогда-то и покажи свою твердость, тогда-то не слабѣй въ борьбѣ, какъ добрый воинъ Христовъ.

Не бойся борьбы и не бѣгай ея: гдѣ нѣтъ борьбы, тамъ нѣтъ и добродѣтели, гдѣ нѣтъ искушенія вѣрности и любви, тамъ неизвѣстно, есть ли вѣрность и любовь ко Господу. Вѣра, упованіе и любовь наши познаются въ противностяхъ, т. е. въ трудныхъ тяжкихъ обстоятельствахъ внѣшнихъ или внутреннихъ: въ болѣзняхъ, въ скорбяхъ, въ лишеніяхъ.

Христіанины! вѣдь Начальникъ твоей вѣры Христосъ былъ распятъ и тебѣ оставилъ крестъ. Какъ же ты живешь въ роскоши, въ просторѣ, въ нѣгѣ, въ праздности? Онъ перетерпѣлъ безчестіе и тебѣ заповѣдалъ, о имени его, не чуждаться безчестія, а ты ищешь чести. Взирай чаще на Распятаго и поучайся своимъ обязанностямъ. *Иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми.*

Нога моя ста на правотѣ, говоритъ царь и пророкъ Давидъ, т. е. душа моя утвердилась на пути правомъ, на добродѣтели, на

¹⁾ Пс. 14. 3.

страхъ Божиємъ, возненавидѣвъ всякій путь неправды. Отчего бы и мнѣ не утвердиться на этомъ Божиємъ пути, не уклониться совершенно отъ зла и не творить только благо? Отчего бы не утвердиться на твердой точкѣ стоянія, какъ этого достигли прежде насъ жившіе и подвизавшіеся святые? Развѣ у нихъ и у насъ не та же природа? Развѣ они жили безъ искушеній, безъ скорбей и болѣзней? Развѣ не нападали на нихъ грѣхъ, развѣ не боролись они съ различными страстями плоти и духа? Боролись и побѣждали. Причина грѣха вѣдь въ насъ самихъ, въ плоти нашей многострастной, въ нашемъ самолюбіи, честолюбіи, гордости, властолюбіи, нетерпѣніи, лѣности, корыстолюбіи, жестокосердіи, упрямствѣ, самомнѣніи, вольномыслии, двуличности, лицемеріи, лживости, недоброжелательствѣ и злорадствѣ, въ сомнѣніи и невѣріи истинѣ, въ лакомствѣ и чревоугодіи, въ уныніи, малодушіи, отчаяніи и прочихъ безчисленныхъ страстяхъ. Боритесь съ собою со своими грѣховными привычками, наклонностями, страстями,—побѣждайте,—по паденіи снова возставайте и опять побѣждайте, памятуя слова пророка: аще и возложите враги — мои грѣхи и страсти мои,—и паки побѣждени будете, яко съ нами Богъ».

V.

Борьба съ собой и побѣда надъ собой должна привести человека—къ любовному единенію съ братьями, его людьми.

«Кто любитъ Бога, любитъ и брата своего».

Въ наше время вошло въ обычай называть человека звѣремъ. Обычай этотъ настолько укоренился, что одинъ знаменитый французскій писатель-беллетристъ написалъ даже романъ о «человѣкѣ звѣрѣ».

Какимъ образомъ развился и утвердился въ обществѣ и литературѣ столь мрачный взглядъ на человека. Почти нельзя сомнѣваться въ томъ, что этотъ взглядъ созданъ исключительно подъ

вліяніємъ нової еволюціонно-ницішеанської філософії. Вирвавъ изъ сердца своїхъ послѣдователей все идеальное, возвышенное ученіе о жизни, какъ о борьбѣ звѣрей лишило ихъ способности видѣть въ людяхъ истинно-человѣческія черты. Человѣкъ обратился для нихъ въ животнаго, дѣйствующаго исключительно подѣ давленіємъ чувственныхъ движеній и возбужденій. Подѣ вліяніємъ взгляда на человѣка, какъ на высшее животное, сложилась своеобразная жизнь, основанная исключительно на принципі борьбы за существованіе. Что это за жизнь, мы теперь видимъ своими глазами. Она вся пропитана эгоизмомъ, безучастіємъ къ ближнему. Объясняя истинное отношеніе людей другъ къ другу, въ своемъ дневникѣ отецъ Іоаннъ съ особенной настойчивостію убѣждаетъ своего читателя держаться чисто-христіанскаго воззрѣнія на человѣка. «Человѣка, говорить онъ, мы часто ставимъ ниже любимой нами вещи или любимаго животнаго». Такое отношеніе къ человѣку глубоко возмущаетъ Кронштадтскаго пастыря. Въ глазахъ его, какъ истиннаго христіанина, «человѣкъ чудное, прекрасное, величественное твореніе Божіе, особенно человѣкъ святой, это—звѣзда Божія, это—цвѣтъ роскошный, весь прекрасный, чистый, неблаженный; это—жемчугъ многоцѣнный; это—камень драгоцѣнный, которому нѣтъ цѣны; это—прекрасное плодovitое дерево рая Божія». «Смотри, неоднократно напоминаетъ отецъ Іоаннъ вѣрующему, въ сотворенномъ изъ земли заключено Божіе дыханіе, личное самостоятельное—образъ Самого Бога. Сколько премудрости, красоты въ устройствѣ тѣлесной skinii человѣка, сколько премудрости любви,—словомъ богоподобія показываетъ въ жизни самъ человѣкъ, это властелинъ земли!»

«Люби всякаго человѣка, несмотря на его грѣхопаденія,—наставляетъ отецъ Іоаннъ. Грѣхи грѣхами, а основа въ человѣкѣ одна—образъ Божій». Уважай въ немъ, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, величественный, безцѣнный образъ Божій и долготерпи погрѣшностямъ и заблужденіямъ человѣка падшаго».

Отсюда самая первая обязанность человѣка въ отношеніи къ другимъ есть любовь. Истинная христіанская любовь всегда проявляется въ самоотреченіи и самопожертвованіи. «Любовь христіанская, разсуждаетъ Кронштадтскій пастырь, лучше предпочитаетъ терпѣть всѣ внѣшнія неудобства жизни, тѣсноту, отсутствіе чистаго воздуха, убытки, нежели изъ-за внѣшнихъ этихъ и подобныхъ неудобствъ допускать нетерпѣніе, огорченіе, раздраженіе, озлобленіе, ропотъ на стѣсняющихъ насъ по нуждѣ, или по капризу характера, или по желанію пожить на чужой счетъ, на чужое спокойствіе. Любовь все терпитъ, все переноситъ съ ущербомъ для себя, для своей матеріальной и тѣлесной жизни».

Любовь христіанина къ ближнему должна проявляться въ благотворительности, какъ духовной, такъ и вещественной.

Матеріальную пользу нуждающимся должны оказывать всѣ безъ исключенія болѣе или менѣе достаточные люди. «Всѣ должны запастись елеемъ милостыни и добрыхъ дѣлъ, да не туне явятся предъ Судіею въ день страшнаго испытанія, да не наги явятся на ономъ всемірномъ позорищѣ». Часто мы жалѣемъ пожертвовать самымъ малымъ изъ нашихъ стяжаній въ пользу того или другого бѣдняка. Бросивъ злополучному несчастливцу нѣсколько грошей, мы считаемъ по отношенію къ нему свой долгъ совершенно исполненнымъ. Иногда мы благотворимъ, болѣе услаждая и веселя себя. «Ты полною мѣрою вкушаешь блага земныя, подаешь нуждающимся, но себя ласкаешь больше, значить дѣлаешь безъ малѣйшаго самоотверженія. Не велики дѣла твоихъ благотвореній. А то что еще есть? Какія благотворенія мнимыя? Съ благотворительною цѣлью дѣлають увеселенія, т. е. прежде всего хотятъ намѣренно послужить плоти своей грѣховной, діаволу, а потомъ уже ближнему и Богу. Да это, господа, вовсе не благотвореніе! Одно только имя благотворенія носить. Мы должны поступать въ данномъ случаѣ совершенно иначе. Богъ Сына Своего Единороднаго не пощадилъ для человѣка,—чего же послѣ этого мы пожалѣемъ для ближняго: пищи-ли, питья-ли,

одѣжды-ли для сего одѣянія, денегъ-ли на его различныя нужды?» «Каждый день просить у тебя милостыни, и давай каждый день охотно, безъ озлобленія, грубости и ропота: ты не свое, а Божіе даешь Божіимъ чадамъ крестоноснымъ, едва имѣющимъ, гдѣ главу поклонить, ты приставникъ Божія достоянія, ты слуга всеневный меньшей братіи Христовой, исполняй же дѣло свое съ кротостью и смиреніемъ, не скупай имъ. Просто безъ большихъ трудовъ приходятъ тебѣ деньги, просто не думая много, и раздавай ихъ. Щедро вознаграждаются труды твои,—будь щедръ къ другимъ самъ. Не по заслугамъ вознаграждаются,—не по заслугамъ и другимъ давай, а ради ихъ нужды».

«Какое безконечное ничтожество представляетъ пища и питье съ одной стороны и какое безконечное величіе представляетъ изъ себя питаемый ими человѣкъ,—съ другой! Не величайшее ли безуміе, не безбожіе ли жалѣть для человѣка, для этого образа Божія, для этого причастника божественнаго естества, для котораго Богъ будетъ все—жалѣть пищи, питья, одѣжды, жилища и чего бы то ни было земнаго! Прахъ да будетъ прахомъ,—бессмертный образъ бессмертнаго Бога да будетъ всегда превознесенъ и предпочтенъ надъ всѣмъ земнымъ, тлѣннымъ, скорогибнущимъ! Поэтому да не щадимъ ничего для нашего ближняго! О, какая великая честь питать, одѣвать, упокоять образъ Божій. Боже Преславіи и Прещедрый, исполни благодати и щедролюбія сердца наши!» Не смотри со скорбію или негодованіемъ на бѣдняковъ, что они преслѣдуютъ тебя. «Нищіе ежедневно преслѣдуютъ тебя, это значить—милость Божія непрестанно преслѣдуетъ тебя. Кто же будетъ убѣгать отъ милости Божіей?»

Вотъ общій завѣтъ о. Іоанна о томъ, какъ мы должны относиться къ своимъ ближнимъ. *«Христіанинъ, помни постоянно, что мы все члены Христовы, все равны предъ Богомъ: царь и воинъ, богатый и бѣдный, вельможа и простолюдинъ. Надо всегда сознавать себя и людей, какъ одно цѣлое во Христѣ Іисусѣ».*

«Но милостыня твоя, да будетъ отъ сердца чистаго, ничтожна милостыня того человѣка, говорить о. Іоаннъ въ своемъ дневникѣ, который подастъ ее не dobroхотно, потому что милостыня вещественная не его, а Божій даръ, ему же принадлежитъ только расположеніе сердечное. Поэтому многія милостыни окажутся почти суетными, оттого, что они были подаваемы не dobroхотно, съ сожалѣніемъ, съ неуваженіемъ къ лицу ближняго. Какъ и гостепріимцы окажутся суетными, вслѣдствіе лицемѣрнаго, тщеславнаго обращенія съ своими гостями. Съ сердечнымъ расположеніемъ да приносимъ жертвы свои на алтарь любви къ ближнему: dobroхотно бо даятеля любитъ Богъ. Господь Іисусъ Христосъ себя не пощадилъ для нашего спасенія: прахали земного пожалѣю я для ближнихъ? Пищи-ли, сластей-ли, питья-ли, одежды-ли, жилища-ли? себя-ли наконецъ, своего-ли спокойствія, силъ-ли своихъ, способностей-ли своихъ? Внимай, блюди крѣпко: всякаго человѣка прежде всего уважай отъ глубины души, и будь любовенъ къ нему—этому живому образу Божьему. Безъ этого нѣтъ и милостыни. Мы ничего не должны жалѣть для ближняго.»

Всѣ благотворители должны помнить, что всѣ жертвы и милостыни нищимъ не замѣняютъ любви къ ближнему, если нѣтъ ея въ сердцѣ; потому при подаваніи милостыни всегда нужно заботиться о томъ, чтобы она подаваема была съ любовью, отъ искренняго сердца, охотно, а не съ досадою и огорченіемъ на нихъ. «Самое слово милостыня показываетъ, что она должна быть дѣломъ и жертвою сердца, и подаваема съ умиленіемъ, или сожалѣніемъ о бѣдственномъ состояніи нищаго и съ умиленіемъ или сокрушеніемъ о своихъ дѣлахъ». «Тотъ подаетъ истинно милостыню, кто подаетъ отъ сердца и любящимъ сердцемъ. Тотъ истинно милостивый, кто бесѣдуетъ со всякимъ сердечно, а не умомъ или устами, кто отдастъ всякому искреннее, сердечное почтеніе, кто проповѣдуетъ слово Божіе и служить отъ истиннаго сердца, не лицемѣрно,—словомъ, кто объемлетъ всѣхъ и носить всѣхъ любовью въ сердцѣ своемъ,

презирая все вещественное, что становится препятствіемъ въ любви между имъ и ближнимъ,—тотъ истинно милостивъ».

А больше всего завѣщаетъ о. Іоаннъ—бѣгай злобы на ближнихъ. «На ближняго на собрата озлобляешься и говоришь: онъ такой и такой скряга, злой, гордый, или онъ сдѣлалъ то и то и проч. Что тебѣ до того? Богу онъ согрѣшаетъ, не тебѣ; Богъ его судья, не ты; Богу онъ отвѣтитъ за себя, не ты. Ты себя знай, сколь грѣшенъ ты самъ, какое бревно у тебя самого въ глазу; какъ тяжело съ своими грѣхами справляться и взять надъ ними верхъ; какъ ты самъ болишь ими, какъ чревородящая,—какъ они осѣтили тебя, какъ ты хочешь себѣ снисхожденія другихъ въ немощахъ. А братъ такой же, какъ ты человѣкъ, имѣй къ нему снисхожденіе какъ къ грѣшному человѣку, во всемъ тебѣ подобному, столь же немощному, какъ и ты; люби его какъ себя, слыша глаголяща Господа: сія заповѣдь вамъ, да любите другъ друга, и какъ за себя молишься, чтобы Господь помогъ искоренить твои страсти лютыя и неудобоищѣлимыя, такъ молись и за брата, чтобы Господь освободилъ его лести и тли страстей отъ омраченія и тѣсноты ихъ».

Пусть даже ближній обижаетъ тебя—прости ему.

«На озлобляющихъ на насъ или завидующимъ намъ, гордящихся предъ нами, не должно взаимно озлобляться, сердиться, гордиться, какъ это обычно нашей растлѣнной природѣ, но жалѣть ихъ, какъ одержимыхъ адскимъ пламенемъ и смертію духовною, молиться о нихъ въ глубинѣ сердца, да разженетъ Господь мракъ души ихъ и просвѣтитъ сердца ихъ свѣтомъ Своей благодати. Мы бываемъ омрачены своими страстями и не видимъ нелѣпости, безобразія ихъ и своихъ поступковъ, но когда Господь просвѣтитъ насъ свѣтомъ Своей благодати, тогда мы какъ отъ сна пробуждаемся, видимъ ясно безобразіе, безуміе своихъ помысловъ, чувствъ, словъ, поступковъ; сердце наше до того времени загрубѣвшее, размягчается, злоба проходитъ и на мѣсто ея является благость, ласковость, снисходительность. Потому, по слову Спаса

Протоіерей Іоаннъ Сергіевъ.

нашего, надо любить и враговъ, *благословлять проклинающихъ и добро творить ненавидящимъ насъ*, ибо и они братія наши слѣпотствующіе, заблуждающіеся, но будь тихъ, кротокъ, ласковъ почитителенъ и любящъ къ тѣмъ самымъ, которые недостойно ведутъ себя предъ тобою. Если ты самъ смутишься и будешь говорить съ волненіемъ, грубо, презрительно и, значить, безъ всякой любви, тогда ты самъ побѣжденъ и тебѣ въ правѣ сказать обидѣвши: «врачу, испѣлися самъ». Ненависть къ врагамъ неразумна. Ты ненавидишь врага? спрашиваетъ отецъ Іоаннъ. Ты глупъ. Почему? Потому что, когда врагъ тебя гонитъ, ты еще самъ себя внутренно гонишь, ибо скажи не гоненіе ли, не самое ли жестокое гоненіе мучить себя ненавистью къ врагу? Люби врага—и ты будешь премудръ. О если бы ты зналъ, какое торжество, какое блаженство любить врага и дѣлать ему добро!»

«Если человѣкомъ владѣть злоба такъ, что онъ не въ состояніи справиться съ собой, то въ этомъ случаѣ ему слѣдуетъ вознестись своею мыслью къ Богу и Его Единородному Сыну».

«Братъ! поучаетъ Кронштадтскій пастырь, ты чувствуешь въ сердцѣ убійственное зло на ближняго, тебя мучать злыя думы объ обидахъ, причиненныхъ отъ него тебѣ, — вотъ тебѣ средство избавиться отъ внутренней тѣсноты: представь множество своихъ грѣховъ, неисчислимыхъ по множеству, и живо вообрази, какъ на тебѣ терпитъ ихъ Владыка живота твоего, какъ Онъ ежедневно и безъ числа отпускаетъ тебѣ, если ты искренно молишь Его о томъ, согрѣшенія твои,—ты между тѣмъ не хочешь простить ближнему нѣсколькихъ вспышекъ страсти, возбужденныхъ въ немъ діаволомъ. Вздохни, если можешь, поплачь о своемъ безуміи, осуди только непремѣнно себя, никакъ не ближняго,—и вотъ отъ Владыки готово тебѣ помилованіе: тѣснота внутренняя, какъ дымъ, исчезнетъ, мысли прояснятся, сердце успокоится и ты будешь опять ходить въ пространствѣ сердца».

Современное человѣчество часто весьма руководится ветхоза-

вѣтными взглядами, устанавливая взаимныя отношенія людей другъ къ другу. Вѣтхозавѣтная заповѣдь «око за око» въ практической жизни является и теперь нерѣдко заповѣдью многихъ,

Еще чаще теперь проповѣдуютъ половинчатую благодѣтель, вмѣсто того, чтобы отдать бѣднымъ все, два рубля и вмѣсто всецѣлой любви ко Христу, скорѣе обѣдня. Вѣдь не такъ должно быть. О. Іоаннъ не признаетъ такой добродѣтели. О. Іоаннъ настойчиво проповѣдуетъ міру высочайшее ученіе Христа, не смягчая его никакими уступками и извиненіями. Все Христу и за Христа. Устами великаго Тайнозрителя Кронштадтскій пастырь говоритъ, что христіанинъ не долженъ быть «ни холоденъ, ни горячъ», но «холоденъ или горячъ» (Апок. 3,15).

Въ частности о. Іоаннъ для распознаванія себя и своихъ отношеній къ ближнему дать слѣдующій весьма мудрый совѣтъ.

«Хотите узнать себя,—каковы вы нравственно, каково ваше сердце: угодно или противно Богу, чистое или поросшее терніемъ и бурьяномъ, жизненно или мертво,—наблюдайте за собою, съ какимъ духомъ вы встрѣчаетесь съ вашими сослуживцами, особенно вамъ подручными или вамъ подчиненными,—или съ протягивающей къ вамъ постоянно руку своей ництой, или съ лицами, просящими вашего заступленія, ходатайства, вашей службы, тресбы духовной, различной помощи: съ кротостью ли и любовію, съ готовностію ли и усердіемъ, съ сочувствіемъ или совершенно равнодушно и холодно, или даже съ гнѣвомъ и презорствомъ? И вы сейчасъ узнаете свое сердечное состояніе: угодно ли оно Богу или противно, христіанинъ вы или низкій самолюбивецъ, эгоистъ, поклонникъ своего я—своего чрева, корысти, самости, и чего вы достойны: награды или ада, тмы кромѣшной и тартара, гдѣ вѣчный скрежетъ зубовъ?..»

Перейдемъ теперь къ его совѣтамъ, касающимся семьи и семейной жизни.

Семья—по взгляду о. Іоанна—«маленькая церковь». Здѣсь воспитывается чада великой перкви. Поэтому семья должна и жить по закону «общества Христова».

Семья—храмъ Божій и должна быть свята, какъ храмъ.

«Брачный союзъ мужа и жены, внушаетъ о. Іоаннъ, изображаетъ святѣйшій союзъ Іисуса Христа съ Церковію, т. е. съ вѣрующими въ Него: какъ мужъ есть глава жены, такъ Христосъ есть глава Церкви; какъ женихъ и невѣста въ бракѣ вѣнчаются въ плоть едину, такъ и Христосъ и Церковь Его также едино тѣло, ибо истинно вѣрующіе въ Него суть члены Его отъ плоти Его и отъ костей Его. Поэтому: сожитіе супруговъ должно быть чисто и свято, какъ святъ союзъ Господа съ Церковію; должно быть разумно, любовно и мирно и неразрывно. Сожитіе должно быть чисто и свято: ибо Самъ Господь, въ началѣ создавшій человѣка, мужескій полъ и женскій, сочетаетъ мужа и жену въ едину плоть для взаимной помощи въ тѣлесныхъ и духовныхъ нуждахъ и ради умноженія рода человѣческаго. Цѣль высокая и святая; отнынѣ вы дѣлаетесь одушевленными орудіями божественной благодати и всемогущества, ибо чрезъ мужа и жену всеблагій Творецъ призываетъ къ бытію и жизни разумныя созданія, будущихъ Его чадъ и наслѣдниковъ царствія Божія; и вы, если и васъ Господь благословитъ ими, должны будите и воспитать ихъ въ правилахъ православной вѣры и жизни христіанской, служа для нихъ прежде всего примѣромъ вѣры, благочестія и страха Божія: и другъ для друга вы должны быть примѣромъ кротости и незлобія, воздержанія, благодушія, честности и трудолюбія, покорности Божіей волѣ, терпѣнія и упованія; помогайте другъ другу, берегите другъ друга, снисходите одинъ другому, покрывая немощи другъ друга любовью. Бываютъ и несчастныя супружества: иногда мужъ и жена сходятся какъ будто только на грѣхъ и бѣду того и другого. Отъ чего они не-

счастливы? Большею частию отъ несходства характеровъ, отъ взаимной неуступчивости, отъ строптивости, самоуправства и взыскательности мужа или отъ его дерзкаго нрава; отъ невѣрности мужа или жены, отъ невоздержанности или страсти къ игрѣ мужа, отъ пристрастія жены къ нарядамъ, отъ ея своенравія, злости, сварливости, упрямства, отъ неумѣнія переносить недостатки въ жизненныхъ потребностяхъ. Чтобы избѣжать такого грѣховнаго сожитія и такихъ супружескихъ бѣдъ, мужъ и жена должны всегда имѣть вѣру и страхъ Божій въ сердцѣхъ: благоразуміе, терпѣніе, упованіе; трудитесь и молитесь; исполняйте усердно ежегодно христіанскій долгъ исповѣди и пріобщенія Св. Христовыхъ Таинъ. Въ этихъ таинствахъ вы найдете, кромѣ благодати очищенія грѣховъ и освященія душъ и тѣлесъ вашихъ, — благодать твердаго единодушія, освященіе въ самыхъ чреслахъ и во утробѣ будущаго поколѣнія, обновленіе духовныхъ и тѣлесныхъ силъ, помощь, утѣшеніе и ободреніе въ трудахъ, житейскихъ обстоятельствахъ, исполненіе болѣзней. Сожитіе мужа и жены должно быть разумно: ибо св. апостоль Петръ говоритъ: вы, мужья, обращайтесь благоразумно съ женами, какъ съ немощнѣйшимъ сосудомъ, оказывая имъ честь какъ сонаслѣдующимъ благодатной жизни, дабы не было вамъ препятствія въ молитвахъ. И супруги должны разумѣть всегда, для чего Господь соединилъ васъ узами брака, вѣнчалъ въ плоть едину; именно они должны непрестанно совокупными силами достигать царствія Божія. Каждый день они должны считать великимъ даромъ милости Божіей, даннымъ намъ для нашего обращенія къ Богу, для исправленія, для утвержденія и усовершенствованія въ добрѣ, для спасенія души. Искупующе время, яко дніе лукавы суть. Сожитіе ихъ должно быть любовное и мирное. И можетъ ли быть иначе? Никтоже бо когда свою плоть возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю якоже и Господь Церковь. Супруги одна плоть. Мужъ долженъ любить свою жену, какъ свое тѣло: ибо любящій свою жену любить себя самого. Если они будутъ жить во взаимной любви, они низведутъ на себя и по-

томство свое Божію благодать, и Богъ вселится въ васъ, увѣнчасть всѣ начинанія и дѣла ваши благословеннымъ успѣхомъ, ибо гдѣ любовь, тамъ Богъ, а гдѣ Богъ, тамъ все доброе. Съ любовью водворится въ домъ ихъ миръ и спокойствіе: ибо любовь долго терпитъ и все покрываетъ и не допускаетъ человѣка раздражаться, сердиться, быть своенравнымъ, обижать словомъ или дѣломъ. Сожитіе мужа и жены должно быть неразрывно—до гроба: любовь христіанская любитъ до конца, а не на время,—она тверда и постоянна. Будутъ искушенія для ихъ любви со стороны слабостей того или другого изъ васъ, или отъ несходства характеровъ, привычекъ, или со стороны людей, со стороны исконнаго врага,—преодолювайте мужественно эти искушенія: они да будутъ мудры яко змѣя, и цѣли яко голубіе».

Домъ святой церкви, называемой семья, долженъ быть малымъ храмомъ, малою церковію и по своему строю. Слово Божіе должно непрерывно раздаваться здѣсь. Современные христіане живутъ не такъ. Чтеніе св. книгъ у многихъ считается теперь признакомъ отсталости. «Гдѣ теперь чтеніе въ домахъ богодухновенной Псалтири? Гдѣ чтеніе богодухновенныхъ псалмовъ, которые были любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ, не простыхъ только, но бояръ и самыхъ князей? Нѣтъ сего это плохо очень плохо и печально. По этому то нѣтъ во многихъ вѣры и упованія христіанскаго и любви къ Богу и ближнему, а ссть безвѣріе, отчаяніе, ненависть. Нѣтъ пламенной молитвы, нѣтъ чистоты нравовъ, нѣтъ духа сокрушенія о грѣхахъ и умиленія, нѣтъ правды, мира и радости въ Духъ Святомъ. Нѣтъ въ семьѣ церкви. Домашнія бесѣды въ настоящее время не освящаются святыми разговорами. «Какъ много теряютъ люди въ домашней бесѣдѣ для оживленія ся, черезъ то, что не говорятъ о Богѣ! Какъ одушевлялся, плодился и разнообразился бы ихъ разговоръ. У вѣрующихъ тогда потекли бы рѣки отъ чрева ихъ спасительныхъ словъ. Сколько такіе разговоры доставили бы назиданія, успокоительности, истинной сладости. Между тѣмъ теперь, не говоря

о Богѣ въ домашнихъ кружкахъ, а говоря о суетѣ мірской, скоро истощаются въ разговорѣ, скучаютъ и потомъ убиваютъ драгоценное время въ глупыхъ играхъ или танцахъ».

Такая жизнь мѣшаетъ главному дѣлу семьи, воспитанію дѣтей вносить разложеніе въ семью съ этой стороны; самое важное, въ дѣлѣ воспитанія, чтобы ребенокъ выросталъ не въ атмосферѣ пустой болтовни, а въ атмосферѣ проникнутой духомъ вѣры въ Бога и любви къ Нему, чтобы онъ видѣлъ съ самаго начала, что вся жизнь его семьи и ся отношеніе къ міру и людямъ зиждутся на этихъ началахъ. Они единственно надежные устои жизни, и отсутствіемъ ихъ скорѣе всего и объясняются столь частые случаи совращенія молодыхъ людей съ истиннаго пути. Въ программу правильного воспитанія входятъ и бесѣды съ дѣтьми на религіозныя темы. Начиная съ 2—3 лѣтъ можно вести съ дѣтьми и обстоятельныя бесѣды о Богѣ-Творцѣ, котораго мы должны любить и чтить, исполняя Его волю и стараясь ничего не дѣлать дурного. Пусть у ребенка какъ можно раньше сложится представленіе, что у родителей его есть Отецъ на небѣ, что они, въ свою очередь, дѣти Великаго, Добраго, Всемогущаго Отца Небеснаго. Затѣмъ нужно рассказывать ребенку объ Иисусѣ Христѣ, Сынѣ Божьемъ, Спасителѣ, людей, пересказывать отрывки изъ священной исторіи Новаго и Ветхаго Завѣта, выбирая событія, болѣе доступныя пониманію ребенка, говорящія его сердцу и рисующія величіе и доброту Бога. Разказы изъ жизни святыхъ также могутъ живо заинтересовать даже маленькихъ дѣтей и способствовать развитію въ нихъ религіознаго духа. Но важнѣе всего, если ребенокъ постоянно видитъ предъ своими глазами молящуюся мать, присутствуетъ при богослуженіи и т. д. «Нигдѣ такъ хорошо, такъ благодатно и успѣшно дѣти не могутъ научиться искреннему благочестію, искренней любви, хвалѣ и благодаренію Богу и любви къ ближнимъ, какъ въ храмѣ, гдѣ Духъ Святой, истинный Воспитатель, особенно почиваетъ и чрезъ все поучаетъ ихъ; чрезъ взоръ, чрезъ слухъ, чрезъ уста—

въ причащеніи Св. Тайнъ и прямо и непосредственно дѣйствуетъ на чистую впечатлительную душу ихъ.

Привыкши съ самой ранней юности къ дому Божію, къ дому святыхъ, молитвы и хвалы Божіей и оглашаясь часто словословіемъ Божіимъ, они мало по малу сами напоятся Духомъ святости и благочестія, получаютъ отвращеніе къ грѣху и соблазнамъ міра, ихъ душа закалится—выразимся просто—укрѣпится въ святомъ расположеніи, и вотъ изъ дитяти выйдетъ и добрый христіанинъ или христіанка, и семьянинъ, и честный гражданинъ. Взглядъ, что дѣтямъ въ дѣлѣ религіи и въ занятіяхъ нужно предоставлять полнѣйшую свободу и что понуждать ихъ учиться и молиться не слѣдуетъ, глубоко возмущаетъ о. Іоанна. «Какое діавольское мнѣніе!» восклицаетъ онъ. «Если не понуждать, то что же послѣ этого выйдетъ изъ людей? Ну, что выйдетъ изъ тебя, глашатай новомышленныхъ правилъ, если ты не будешь принуждать себя ни къ чему доброму, а будешь жить такъ, какъ располагаетъ тебя жить твое порочное сердце, твой гордый, близорукій и слѣпой разумъ, твоя грѣшная плоть? Скажи, что изъ тебя выйдетъ? Развѣ ты не принуждаешь себя ни къ чему? не говорю прямо къ доброму, а хотя должному и полезному? Какъ можно обойтись безъ принужденія себя?»

«А какъ не принуждать, особенно мальчиковъ, къ ученію, къ молитвамъ? Что изъ нихъ выйдетъ? Не лѣнивцы ли? Не научатся ли они всякому злу?».

Особенно нужно, по мнѣнію Кронштадтскаго пастыря, обращать вниманіе на воспитаніе дѣтскаго сердца, которое онъ считаетъ первымъ двигателемъ въ нашей жизни и во всѣхъ почти нашихъ познаніяхъ. «Зрѣніе сердцемъ извѣстныхъ истинъ, говоритъ о. Іоаннъ, предшествуетъ умственному познанію. Сердце видитъ разомъ, нераздѣльно, мгновенно, потому этотъ единичный актъ зрѣнія сердечнаго передается уму и въ умѣ разлагается на части, являются отдѣлы: предъидущее, послѣдующее; зрѣніе сердца

Протоіерей Іоаннъ Сергіевъ.

въ умѣ получаетъ анализъ свой. Идея принадлежить сердцу, а не уму, внутреннему человѣку, а не внѣшнему». Поэтому то о. Іоаннъ называетъ разумъ «слугою сердца, которое есть наша жизнь, наша сущность, сосредоточеніе силы Божіей бываетъ преимущественно въ сердцѣ. За то изъ сердца исходятъ и всѣ дурныя помышленія».

Вотъ почему родители и воспитатели всемѣрно должны оберегать дѣтское сердце. «Родители и воспитатели! пишетъ о. Іоаннъ не оставляйте дѣтей безъ вниманія относительно искорененія изъ сердца ихъ плевелъ грѣховъ, скверныхъ, лукавыхъ и хульныхъ помышлений, грѣховныхъ привычекъ, наклонностей и страстей; врагъ и плоть грѣшная не щадятъ и дѣтей, сѣмена всѣхъ грѣховъ есть и въ дѣтяхъ!»

«Родители и воспитатели! остерегайте дѣтей своихъ со всею заботливостью отъ капризовъ предъ вами, иначе дѣти скоро забудутъ цѣну вашей любви, заразятъ свое сердце злобою... Капризъ—зародышъ сердечной порчи, ржа сердца, моль любви, сѣмя злобы, мерзость Господу».

Если грѣховныя сѣмена, таящіяся въ душахъ дѣтей во время не искоренены или по крайней мѣрѣ не обезсилены, тогда человеку трудно будетъ проходить жизнь, эту великую опытную науку. «Кто въ школѣ матерней или въ училищѣ, пишетъ Кронштадтскій протоіерей, не навѣкъ вѣрѣ и страху Божію и житію благочестивому, особенно будетъ тяжело учиться въ школѣ жизни. Тотъ, хотя бы онъ въ школѣ наукъ былъ уменъ, многосвѣдущъ, былъ въ большомъ почетѣ за свои способности, въ школѣ жизни оказывается невѣждою,—мало того: иногда ни къ чему непотребнымъ, ни къ семейной жизни, по причинѣ своего необузданнаго сердца, ни къ общественной дѣятельности. Онъ бѣдствуетъ и нерѣдко терпитъ крушеніе въ жизни, какъ нагруженное множествомъ *товара судно въ морѣ пущенное во время бури безъ снастей и парусовъ*».

Если мы обратимся къ дѣйствительности — пишетъ онъ, то увидимъ, что вся современная система воспитанія направлена къ

тому, чтобы дѣлать дѣтей подобными судну безъ руля, безъ снастей и парусовъ. Не говоря уже о домашнемъ воспитаніи, которое во многихъ семействахъ ведется на почвѣ рационализма и скептицизма, даже въ учебныхъ заведеніяхъ развитіе въ дѣтяхъ сердечнаго религіознаго чувства отодвинуто на задній планъ... Многому, пишеть о. Іоаннъ, научены ученики учебныхъ заведеній, но не знаютъ часто единого на потребу—Бога и себя самихъ, своихъ грѣховъ, своей немощи духовной, своего ничтожества безъ Бога и предъ Богомъ.

Овладевшій современнымъ человѣкомъ духъ какой то дѣвольской гордости, самоиѣнія, самохвальства, въ значительной мѣрѣ подготавливается и развивается современнымъ воспитаніемъ.

Такъ какъ всѣ науки, которыми теперь стараются напичкать учениковъ и ученицъ, не въ состояніи замѣнить «единого на потребу», не въ состояніи воспитать души и сердца, то и выходитъ что у юношей нашихъ въ головѣ много, а въ сердцѣ мало, а часто—увы! нѣтъ ничего. *«Но еще въмъ вся тайны и весь разумъ, любви же не имамъ, никакая польза ми есть».*

«И въ нынѣшнее время и въ прошедшее только тѣ люди успѣшно совершали свое умственное и нравственное воспитаніе, которые ввѣрились Богу, жили по его заповѣдямъ, которые нынѣ живутъ по Евангелію и ученію Церкви, подчиняясь ея руководству. Вотъ вамъ полезное замѣчаніе, современные педагоги!»

Не наука, а вѣра христіанская, сердечная, неотдѣлимая отъ любви, вѣра обладаетъ этимъ созиданіемъ душъ. Только она двигаетъ горами, только съ ней нѣтъ ничего невозможнаго для человѣка; только къ ней поэтому можно обратиться съ похвалой. «О, вѣра, вѣра! ты сама еси чудо для насъ!» *Созидай, возроди,—обнови нашу семью—этотъ святой храмъ, святой притеворъ церкви.*

VII.

Въ своихъ дневникахъ о. Іоаннъ даетъ также отвѣтъ и на тотъ вопросъ, который постоянно гнѣздится въ нашемъ сердцѣ, именно, какъ прожить день по Божьему.

День истиннаго христіанина долженъ начинаться и оканчиваться молитвою. Всюду и во всемъ христіанинъ долженъ искать уроковъ и назиданій.

«Чтобы провести день весь совершенно, свято, мирно и безгрѣшно,—для этого единственное средство—самая искренняя, горячая молитва утромъ по возстаніи отъ сна. Она ведетъ въ сердце Христа со Отцемъ и Духомъ Святымъ и такимъ образомъ дастъ силу и крѣпость душѣ противъ прираженій зла; только хранить сердце свое надобно».

«Во всемъ и на всякое время угождай Богу и думай о спасеніи души своей отъ грѣховъ и діавола и усвоенія ея Богу. Всталъ съ постели, перекрестись и скажи: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа» и еще: Господи, *сподоби въ день сей безъ грѣха сохранитися намъ и научи мя творити волю Твою* ¹⁾; моешься дома или въ банѣ, говори: *окропи мя воспомъ, Господи, и очисти, омыеши мя, паче снѣга убѣлюся* ²⁾; надѣваешь бѣлье, думай о чистотѣ сердца и проси у Господа чистаго сердца: *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже*, обнову спилъ и надѣваешь ее, думай объ обновленіи духа и говори: *духъ правъ, Господи, обнови во утробѣ моей* ³⁾, отлагаешь ветхую одежду съ пренебреженіемъ ея, думай объ отложеніи съ большимъ пренебреженіемъ ветхаго человѣка, грѣховнаго, страстнаго, плотскаго; вкушаешь хлѣбъ, сладости, думай объ истинномъ хлѣбѣ, дающемъ вѣчную жизнь душамъ — о Тѣлѣ и Крови Христовой и алкай этого хлѣба, т. е. желай чаще его причащаться: пьешь воду или чай, или медъ, сладости, или другое питье, думай объ истинномъ питъѣ, утоляющемъ души, палимыхъ страстями,—о пречистой и животворящей крови Спасителя; отдыхаешь днемъ, думай о вѣчномъ покоѣ, уготованномъ подвижавшимся здѣсь въ борьбѣ съ грѣхомъ, съ духами злобы поднебес-

¹⁾ Изъ „Слава въ вышнихъ Богу“, на утрени.

²⁾ Пс. 50, 9.

³⁾ Пс. 50, 12.

ными, съ неправдами человѣческими или невѣжествомъ и грубостію человѣческою; спать ли ложишься ночью, думай о снѣ смертномъ, который рано или поздно непремѣнно придетъ для всѣхъ насъ, и той темной, вѣчной ужасной ночи, въ которую будутъ повержены всѣ грѣшники нераскаянные; встрѣчаешь день, думай о невечернемъ, вѣчномъ, пресвѣтломъ—паче нынѣшняго солнечнаго дня—днѣ царствія небснаго, въ который будутъ радоваться всѣ угодившіе Богу, или отъ всего сердца покаявшіеся Богу въ этомъ временномъ животѣ; идешь ли куда, думай о правости духовнаго хожденія предъ лицемъ Божиимъ и говори: *стопы моя направи по словеси Твоему, и да не обладаетъ мною всякое беззаконіе* ¹⁾; дѣлаешь ли что, старайся это дѣло дѣлать съ мыслію о Богѣ Творцѣ, все содѣлавшемъ безконечною премудростію, благостію Своею, всемогуществомъ Своимъ и тебя создавшемъ по образу и подобію Своему; деньги ли, сокровище ли какое получаешь или имѣешь, думай, что сокровище наше неистощимое, отъ коего всѣ сокровища души и тѣла, источникъ приснотекущій всякаго блага—есть Богъ, вседушевно Его благодари и не заключай своихъ сокровищъ у себя, да не заключишь входа въ свое сердце безцѣнному и живому Сокровищу—Богу, но удѣляй изъ своего состоянія требующимъ, нуждающимся, нищимъ братіямъ своимъ, которые для того оставлены въ этой жизни, чтобы ты могъ доказать на нихъ свою любовь, благодарность къ Богу и удостоиться за то награды отъ Бога въ вѣчности; видишь ли бѣлый серебрянный блескъ, т. е. серебро, не прельщайся имъ, но помышляй, что должна быть бѣла и блистать добродѣтелями Христовыми душа твоя; видишь ли золотой блескъ, или золото, не прельщайся имъ, но помни, что душа твоя должна быть какъ золото огнемъ очищенное и—что тебя самого Господь хочетъ просвѣтить, какъ солнце, въ вѣчномъ, свѣтломъ царствіи Отца Своего, что ты узришь не заходимое Солнце правды—Бога

¹⁾ Пс. 118, 133.

въ трехъ Впостасяхъ, Пресвятую Владычицу Богородицу и вся небесныя силы и святыхъ челоуѣковъ, неизрѣченнымъ свѣтомъ исполненныхъ и сіяющихъ свѣтолітіемъ».

Молитвой долженъ начинать христіанинъ и всякое свое занятіе.

«Ни при какомъ дѣлѣ, домашнемъ и служебномъ, не забывайте, что сила ваша, свѣтъ вашъ, успѣхъ вашъ есть Христосъ и крестъ Его; поэтому не примѣните взывать къ Господу предъ начатіемъ дѣла: Иисусе, помоги мнѣ! Иисусе, просвѣти меня! Такимъ образомъ будетъ поддерживаться и возгрѣваться въ сердцѣ вашемъ живая вѣра и надежда ваша на Христа».

Среди житейской суеты о. Іоаннъ совѣтуетъ особенно избѣгать пустыхъ разговоровъ и поэтому рекомендуетъ пріобрѣтать знакомыхъ изъ среды людей серьезныхъ, отъ которыхъ бы можно научиться доброму и хорошему.

«Пустыя рѣчи, или, какъ говорятъ, переливанье изъ пустаго въ порожнее съ гостями уносятъ изъ сердца живую вѣру, страхъ Божій и любовь къ Богу; гости—язва для благочестиваго сердца. Я разумѣю именно такихъ гостей, которые могутъ только переливать или пересыпать изъ пустаго въ порожнее. Но иное дѣло гости солидные, религіозные».

О. Іоаннъ не врагъ добрыхъ развлеченій. Онъ и въ нихъ совѣтуетъ искать и выбирать такія, которыя могутъ настроить насъ на серьезный тонъ. «Не обольщайся мелодическими звуками инструмента или голоса, а по впечатлѣнію ихъ на душу или по словамъ узнай, каковъ духъ ихъ; если звуки навѣвають на душу твою чувства тихія, цѣломудренныя, святія,—слушай и питай ими душу твою; если же черезъ нихъ вливаются въ душу твою страсти,—оставь слушать, брось и тѣло и духъ музыки».

Не гонить о. Іоаннъ и свѣтскаго образованія. Онъ врагъ только того, что дѣлаетъ насъ легкомысленными, что губитъ чистоту души.

«Если читаешь свѣтскіе журналы и газеты, извлекая изъ нихъ

полезное для себя, какъ для гражданина и христіанина, и семьянина, то наипаче и наичаще читай Евангеліе и писанія св. отцевъ ибо грѣшно христіанину, читая свѣтскія сочиненія, не читать богодухновенныхъ писаній. Ты слѣдишь за событіями во внѣшнемъ мірѣ,—не упускай же изъ виду и твоего внутренняго міра, твоей души: она ближе къ тебѣ и дороже тебѣ. Читать только газеты и журналы значитъ жить только одною стороною души, а не всей душой, или жить только по плоти, а не по духу».

Итакъ, заключаетъ о. Іоаннъ, «веди себя дома также кротко и смиренно, какъ ведешь себя въ гостяхъ, въ кругѣ благородныхъ и степенныхъ людей, ибо ты дѣйствительно гость на землѣ. Веди себя дома такъ, какъ вель себя Алексѣй человѣкъ Божій въ домѣ своихъ родителей; веди себя, какъ послѣдній слуга, какъ нищій, которому изъ милости подають остатки со стола».

VIII.

Мы намѣтили кратко путь спасенія по о. Іоанну, но у него есть одно «заключеніе» — которымъ онъ любитъ заканчивать всегда свою проповѣдь, именно о. Іоаннъ усиленно настаиваетъ, что спасеніе и жизнь въ Богѣ создается церковью, вѣрою въ церковь, какъ союзъ живыхъ и мертвыхъ и ея помощь. Не одними только личными усиліями вмѣстѣ съ помощью Христовой подавленной души обращающагося—спасается человѣкъ. Нѣтъ, это будетъ протестантство, противорѣчащее самой сущности. Христово ученіе о церкви и спасеніе, черезъ единеніе въ церкви; спасаетъ церковь, единеніе всѣхъ христіанъ между собою и съ сонмами святыхъ въ обиталищахъ на небесахъ.

Безъ церкви, т. е. вѣры въ это единство, нѣтъ и спасенія.

«Христіанинъ, утѣси, како подобаетъ въ дому Божіи жити, яже есть Церковь Бога жива, столъ и утвержденіе истины. Какой великій чудный, святой домъ—Св. Церковь! Онъ состоитъ изъ

всѣхъ святыхъ ангеловъ и вѣрныхъ человѣковъ,—изъ всѣхъ святыхъ и христіанъ православныхъ, живущихъ на землѣ и скончавшихся въ вѣрѣ и благочестіи. Какой славный домъ, какой твердый, несокрушимый, вѣчный! Это, по Духу Святому, есть столпъ и утвержденіе истины, несокрушимый адовыми вратами.

Церковь есть чудное, премудрое, несокрушимое зданіе небеснаго Архитектора Иисуса Христа, ипостасной премудрости Отчей, премудро и всемогуще создавшей міръ и всю небесную и земную іерархію.

Члены церкви небесной—патріархи, пророки, апостолы, мученики, преподобные, безсребренники, Христа ради юродивые и всѣ святые—суть живые члены, имѣющіе живую, тѣсную связь съ церковью земною—со всѣми іерархами, всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣми мірскими людьми православными. Они помогаютъ намъ своимъ предстательствомъ предъ Богомъ, своими молитвами, своею многообразною помощію, своими чудесами и часто своими личными явленіями. Чувствуешь ли ты, человѣкъ, *эту живую связь съ небомъ*? Чувствуешь ли ты эту живую непрерывную связь церкви земной съ небесной, особенно во время богослуженія?

Святые—это богатые друзья наши—и только при ихъ помощи можемъ жить и спастись мы бѣдные.

Какъ въ мірскомъ быту есть бѣдные и богатые, такъ и въ духовномъ мірѣ, въ духовномъ порядкѣ есть бѣдные и богатые. Бѣдные просятъ у богатыхъ и достаточныхъ и безъ нихъ могутъ жить, такъ и въ духовномъ порядкѣ бѣдные должны прибѣгать къ пособію духовно-богатыхъ. Мы духовно-бѣдные, нищіе, а святые духовно-богатые, или въ этой жизни еще сіяющіе вѣрою и благочестіемъ. Къ нимъ-то мы, бѣдняки, должны прибѣгать. Ихъ молитвъ просить надо, чтобы они помогли намъ сдѣлаться простыми, яко младенцы, чтобы они научили насъ духовной мудрости, какъ побѣждать грѣхи, какъ возлюбить Бога и ближняго. Итакъ помолитесь обо мнѣ, св. Божіи человѣки: пророцы, апостолы, святители,

мученицы, преподобніи, праведніи и всѣ святіи, да буду подобенъ вамъ!

Какая тѣсная связь Церкви небесной и земной, какая любовь у Церкви! Смотрите: она непрестанно воспоминаетъ, призываетъ въ молитвахъ и прославляетъ за подвиги на землѣ, ради Бога подъятые—Церковь небесную; молится непрестанно за Церковь земную и ходатайствуетъ за умершихъ въ надеждѣ воскресенія, жизни вѣчныя и общенія съ Богомъ и со святыми. Необъятная любовь величественная, божественная любовь! Будемъ входить въ духъ этой любви матерней—Церкви нашей православной и будемъ проникаться духомъ этой любви. Будемъ считать всѣхъ ближнихъ членами своими, себя и ихъ членами одного тѣла Церкви и дѣятельно любить ихъ, какъ себя, — тогда мы сами будемъ живыми членами Церкви небесной, и она будетъ дѣятельною и скоропослушною нашею помощницею и молитвенницею о душахъ нашихъ.

Мы должны имѣть самую живую, духовную связь съ небожителями, всѣми святыми, апостолами, пророками, мучениками, святыми, преподобными и праведными, — ибо они члены единого тѣла—Церкви Христовой, къ коей принадлежимъ и мы грѣшные и которой живая Глава есть Самъ Господь Иисусъ Христосъ. Вотъ почему мы призываемъ ихъ въ молитвахъ, бесѣдуемъ съ ними, благодаримъ ихъ, славимъ ихъ. Всѣмъ христіанамъ неотложно нужно быть въ связи съ ними, если они желаютъ христіанскаго преуспѣянія: ибо святые—друзья, руководители наши ко спасенію, молитвенники наши и ходатаи.

Что значитъ ежедневное призываніе святыхъ — въ каждый день различныхъ—въ продолженіе всего года и всей жизни? Значитъ то, что святые Божіи, какъ братія наши, только совершенные, живы и недалеко отъ насъ, слышатъ насъ и всегда готовы помогать намъ, по благодати Божіей. Мы живемъ съ ними вмѣстѣ—въ одномъ дому Отца небеснаго,—только на разныхъ половинахъ: мы на земной, они на небесной, и для насъ и для нихъ есть сред-

ства проникать другъ къ другу; для насъ молитва вѣры и любви, для нихъ — духовная ихъ природа, всегда готовая къ дѣятельной помощи, по любви, которою проникнуты ихъ души.

Ты недоумѣваешь, какъ внимають намъ съ небесъ святые когда мы молимся имъ. А какъ лучи солнечные съ небесъ преклоняются къ намъ и всюду—по всей землѣ свѣтятъ? Святые—тоже въ духовномъ мірѣ, что лучи солнечные въ мірѣ вещественномъ. Богъ—вѣчное, животворящее Солнце, а святые—лучи умнаго Солнца. Какъ очи Господни постоянно призирають на землю и на земнородныхъ, такъ и очи святыхъ не могутъ не обращаться туда, куда обращенъ промыслительный взоръ Господа твари и гдѣ ихъ сокровище (тѣла ихъ, дѣла ихъ, мѣста священныя, липа имъ преданныя).

Идѣже бо есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше ¹⁾. Ты знаешь, какъ сердце видитъ быстро, далеко и ясно (особенно предметы міра духовнаго); замѣть это во всѣхъ познаніяхъ, особенно въ духовныхъ, гдѣ весьма многое усвоится только вѣрою (видѣніемъ сердца). Сердце—око существа человѣческаго; чѣмъ оно чище, тѣмъ быстрѣе, дальше и яснѣе видитъ. Но у святыхъ Божіихъ это око душевное еще при жизни доведено до возможной для человека чистоты, а по смерти ихъ, когда они соединились съ Богомъ,—оно благодатію Бога стало еще свѣтлѣе и обширнѣе въ предѣлахъ своего зрѣнія. Потому-то святые видятъ весьма ясно, широко и далеко; видятъ наши духовныя нужды; видятъ и слышатъ всѣхъ призывающихъ ихъ отъ всего сердца, т. е. тѣхъ, которыхъ умныя очи прямо устремлены къ нимъ и не омрачаются, не затмѣваются во время устремленія сомнѣніемъ и маловѣріемъ, когда очи сердца молящихся совпадаютъ, такъ сказать, съ очами призываемыхъ. Здѣсь таинственное зрѣніе! Опытный понимаетъ, что говорится. Поэтому, какъ легко имѣть сообщеніе съ святыми! Надобно только очистить зрѣніе сердца, устремить его твердо къ извѣстному свя-

¹⁾ Мѡ. 6, 21.

С.Т.ПРѢВІМОНЪ

КРОНИСТАДСКІЧЪ

тому, просить о нужномъ—и будетъ. А что Господь въ отношеніи зрѣнія? Онъ—весь зрѣніе, весь—свѣтъ, весь—знаніе. Онъ наполняетъ всегда небо и землю и на всякомъ мѣстѣ все зрить. *На всякомъ мѣстѣ очи Господни смотряють злая же и благія* ¹⁾).

Лютеране говорятъ: «къ чему намъ просить молитвъ святыхъ за себя? мы просимъ Самаго Бога», и сами себя опровергаютъ: ибо зачѣмъ они просятъ пастора молиться за себя? Молились бы безъ пастора, если всякій имѣетъ одинаковый доступъ къ Богу и нѣтъ нужды въ священникахъ молитвенникахъ за насъ. — Какая слѣпота!—Говорятъ: молясь святымъ, мы идолопоклонствуемъ. Неправда. Ни одного святаго мы не почитаемъ за Бога, ни одному святому не молимся какъ Богу, а только просимъ молитвъ его за себя; есть ли тутъ хоть тѣнь идолопоклонства?—Какъ просимъ живыхъ священнослужителей и молитвенниковъ за насъ предъ Богомъ, чтобъ они помолились о насъ, такъ просимъ и небесныхъ молитвенниковъ, по любви своей къ Богу имѣющихъ великое дерзновеніе предъ Нимъ; притомъ весьма многіе изъ нихъ и здѣсь, на землѣ, были молитвенниками и ходатаями предъ Богомъ за міръ; тамъ—на небесахъ эта дѣятельность ихъ только продолжается, имѣетъ большіе размѣры и особенно сильна, ибо не воспящается тяжелою и косною плотію.—Всѣ святые, хотя кончили земное поприще, но они живы: *нѣсть Богъ мертвыхъ, но живыхъ: вси бо Тому живи суть* ²⁾).

Какъ чрезъ электрическій телеграфъ мы быстро сообщаемся съ отдаленными отъ насъ лицами, такъ чрезъ живую вѣру, какъ чрезъ какой-либо телеграфъ, мы быстро сообщаемся съ Богомъ, съ Ангелами и святыми. Какъ вполнѣ мы полагаемся на быстроту электрическаго тока и его доходчивость, такъ совершенно должны полагаться на быстроту и доходчивость молитвы вѣры.—

¹⁾ Притч. 15. 3.

²⁾ Притч. 15. 3.

Пусти по телеграфу вѣры прошеніе свое къ Богу или святымъ и немедленно получишь отвѣтъ. Просты отвѣтныя показанія телеграфа, но опытные читаютъ ихъ; просты и дѣйствія на сердце Бога духовъ и всякой плоти и святыхъ, но опытный понимаетъ ихъ.

Богъ и святые также слышатъ насъ на молитвѣ, какъ слышатъ другъ друга люди, разговаривающіе между собою, или какъ слышатъ проповѣдника люди, предстоящіе въ храмѣ, или воины голосъ вождя,—слышатъ даже несравненно лучше и совершеннѣе; потому что мы слышимъ слова другого, но не знаемъ, что у него на сердцѣ и въ мысляхъ, и случается такъ, что иной одно говоритъ, а совершенно другое имѣетъ на сердцѣ. Богъ же и святые не такъ: видятъ, что у насъ въ мысляхъ и на сердцѣ,—Богъ Самъ Своимъ всевѣдѣніемъ, а святые благодатію Святаго Духа, въ которомъ они вѣчно пребываютъ. Они видятъ, соотвѣтствуютъ ли слова наши сердцу, и если вполне соотвѣтствуютъ сердцу, а сердце, въ свою очередь, вѣрующее, сокрушенное и смиренное, горитъ любовію и усердіемъ (*яко мы усердно къ тебѣ приближаемъ*) и желаніемъ получить просимое, то они любезно преклоняются на нашу молитву и подаютъ желаемое. Богъ и святые хотятъ, чтобы мы на молитвѣ представляли ихъ живыми, присущими себѣ, чтобы мы зрѣли ихъ сердечными очами. Живъ Богъ; *нѣсть Богъ мертвыхъ, но живыхъ: вси бо Тому живи суть* ¹⁾).

И только съ помощью святыхъ и церкви мы и можемъ подойти къ Сионстѣй горѣ и храму Бога небеснаго. А съ ними подойдемъ...

Жизнь въ Богѣ на землѣ даетъ человѣку побѣду и соединеніе съ Богомъ въ будущемъ.

Иди за Христомъ, и Онъ проведетъ по волнамъ житейскаго моря къ свѣтлой райской пристани.

За борьбой вѣнечъ; узкимъ путемъ къ славѣ.

Будущая слава праведныхъ и муки грѣшныхъ, по мнѣнію отца

¹⁾ Лук. 20, 38.

Іоанна, не только несомнѣнный, но и психологически необходимый фактъ.

Страдаютъ тѣ, у кого въ душѣ уже здѣсь данъ адъ—живетъ мука; наслаждаются тѣ, у кого въ этой жизни въ душѣ—Богъ и счастье богообщенія. Адъ—мука отъ неспособности любить и степенью этого святого или грѣховнаго настроенія объясняется различіе степени мученій и прославленій.

Это доказывается и настоящимъ состояніемъ души у различныхъ людей или у одного и того же человѣка въ различное время при различныхъ положеніяхъ. Чѣмъ проще, добрѣе, общительнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ блаженнѣе внутренно; чѣмъ лукавѣе, злѣе, самолюбивѣе, тѣмъ несчастнѣе; чѣмъ сильнѣе въ немъ вѣра и любовь, тѣмъ блаженнѣе; чѣмъ слабѣе, тѣмъ хуже; такъ что мало-вѣры, безвѣры, човѣконенавистники — самые несчастные люди. Поэтому разумѣвай и о будущихъ мученіяхъ.

Радости рая безпредѣльны, безконечна сладость зрящихъ Твоего лица доброту неизреченную. Сладости земныя всѣ переходящи и сами по себѣ и по превратности жизни човѣческой. А сладость небснаго блаженства не будетъ имѣть конца,—безконечна.

Все настоящее есть только одна тѣнь будущаго: свѣтъ—тѣнь будущаго, неизреченнаго свѣта; сладости земныя—слабая тѣнь будущихъ, неизреченныхъ, безконечныхъ сладостей; огонь—слабая тѣнь огня геенскаго, который будетъ опалять грѣшниковъ во вѣки вѣковъ; чистая радость земная—тѣнь будущихъ, неизреченныхъ радостей; чертоги царскіе преукрашенные,—ничтожная тѣнь пресвѣтлыхъ райскихъ обителей, уготованныхъ любящимъ Бога и исполняющимъ заповѣди Его; славныя одѣянія мужей дочерей човѣческихъ не могутъ итти въ сравненіе съ тою одеждою славы, въ которую облекутся избранные, ибо они облекутся во Христа и просвѣтятся, яко солнце во царствіи Отца ихъ, по неложному обѣщанію Спасителя.

Теперь мы ищемъ прочнаго блаженства и не находимъ; удовольствія, нами избрѣтаемыя не прочны, лживы, суетны, кратко-

временны; но если достойно своего званія христіанинъ поведеть себя, то получить въ наслѣдіе такое блаженство, которое истинно и прочно, потому что вѣчно и удовлетворить вполнѣ потребностямъ нашей души.

Какое благо будетъ съ Тобою избраннымъ твоимъ на небеси, Господи! Какъ всѣ прелести земныя томительны для сердца! Какъ пагубно для сердца и мгновенное пристрастіе къ чему-либо земному? А въ тебѣ какой миръ, какая свобода, какое пространство, какой свѣтъ, какая радость!

Возлюбленные братія!—призываетъ о. Іоаннъ—ради этой будущей славы—ради подлинной жизни возстанемъ мы всѣ—духовные мертвецы. *Остави мертвыхъ погребсти своя мертвецы*, сказалъ Господь одному ученику своему, который просилъ у Него позволенія прежде сходить и похоронить отца своего и потомъ слѣдовать за Спасителемъ, т. е. оставь мертвыхъ по душѣ людей, хотя живыхъ съ виду. *Имя имаша яко живѣ, а мертвы еси*, еще говоритъ Господь въ откровеніи одному, повидимому, благочестивому человѣку.

Нужно воскреснуть. «Се стою и толку», Господь зоветъ, Господь стучитъ въ наше сердце своею благодатію черезъ слово Божіе, проповѣдуемое въ церкви, черезъ добрый совѣтъ близкихъ къ намъ, черезъ мысль благую, Имъ посылаемую въ нашу омраченную грѣхами душу.

Отзовется и воскреснетъ, чтобы войти въ славѣ воскресенія, Господи! видя во градѣ Наинѣ вдовицу, зѣльнѣ плачущую, яко же тогда, умилившись, сына ея на погребеніе несомъ воскресилъ еси; сие и о мнѣ умилился, Человѣколюбче, и грѣхами умерщвленную мою душу воскреси.

Боже мой! какъ любовь и искреннее сочувствіе къ намъ ближняго улаживаютъ наше сердце! Кто опишетъ наше блаженство сердца, проникнутаго чувствомъ любви ко мнѣ другихъ и моей любви къ другимъ? Это неописанно! Если здѣсь, на землѣ, взаимная любовь такъ улаживаетъ насъ, то какою сладостію любви будемъ

мы преисполнены на небесахъ, въ сожительствѣ съ Богомъ, съ Богоматерью, съ небесными Силами, съ святыми Божіими человеками? Кто можетъ вообразить и описать это блаженство, и чѣмъ временнымъ, земнымъ мы не должны пожертвовать для полученія такого неизреченнаго блаженства небесной любви? Боже, имя Тебѣ—Любовь! научи Ты меня истинной любви, какъ смерть крѣпкой. Вотъ я преизобильно вкусилъ сладости ея отъ общенія въ духѣ вѣры, яже въ Тя, съ вѣрными рабами и рабынями Твоими и преизобильно умиротворень и оживотворень ею. Утверди, Боже, сіе, еже содѣлалъ еси во мнѣ! О! если бы это такъ было во вся дни! Даруй мнѣ чаще имѣть общеніе вѣры и любви съ вѣрными рабами Твоими, съ храмами Твоими, съ церковію Твоею, съ членами Твоими! Дай войти въ славу Твоего будущаго царствія».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Дѣтскіе и юношескіе годы о. Іоанна Кронштадтскаго	7
Первые шаги пастырства о. Іоанна	35
Законоучительство о. Іоанна	81
О. Іоаннъ теперь.	97
О. Іоаннъ внѣ Кронштадта	161
О. Іоаннъ среди дѣтей	168
Путешествія о. Іоанна.	177
Путешествіе о. Іоанна на родину и обратно	220
О. Іоаннъ, отецъ бѣдняковъ, сирыхъ и убогихъ	272
О. Іоаннъ—другъ трезвости	289
Кронштадтскій свѣтильникъ	314
Живая вода	350

